

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Мэри Элизабет Брэддон Тайна фамильных бриллиантов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Автор «Тайны фамильных бриллиантов» обращается к критикам, по примеру одного знаменитого романиста, с просьбой не рассказывать содержания его романа. «Тайна фамильных бриллиантов» не имеет никаких притязаний быть более чем сказкой, и потому открытие развязки только ослабит интерес читателей этого романа, написанного единственно для их удовольствия.

О романах эффектной школы и их влиянии на современную литературу столько уже сказано, что, наверное, полезно напомнить читателям знаменитые слова Даниеля Дефо: «В этой книге автор строго придерживался следующих оснований: нет ни одного преступного действия, представленного в этой книге, которое рано или поздно не получило бы своего возмездия; нет ни одного действующего лица, которое не заплатило бы дорого за свои преступления или не раскаялось бы в них; нет ничего дурного, что не было бы осуждено, ничего хорошего, что не было бы похвалено».

Автору настоящего романа остается только сказать, что он придерживался этих же самых основ, и потому просит, чтобы его судили согласно с ними.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Контора «Дунбар, Дунбар и Балдерби»

Ост-Индский банкирский дом «Дунбар, Дунбар и Балдерби» был одним из самых богатых торговых домов в Лондоне, столь богатым, что напрасны были бы все усилия описывать его богатство. Судя по слухам, его капитал был баснословный. Контора находилась в узком, грязном переулке, выходявшем на улицу Св. Вильяма и, конечно, не представляла ничего замечательного; но кладовые под конторой, простиравшиеся далеко под сводами церкви Св. Гундольфа, были, по преданию, наполнены бочками золотых монет, золотыми слитками, сложенными в ряды, как дрова, и огромным количеством железных шкафов с банковыми билетами, акциями, семейными бриллиантами и тысячами безделушек, из которых каждая стоила более годового жалованья бедного работника.

Фирма «Дунбар» была основана вскоре после поселения англичан в Индии. Она считалась одной из самых старых в Сити, и имена Дунбар и Дунбар с тех пор неизменно красовались на воротах и дверях конторы, несмотря на то, что время и смерть скосили многих представителей этой фирмы.

Последними хозяевами были два брата, Гюг и Персиваль Дунбары. Младший из них, Персиваль, недавно умер, восьмидесяти лет отроду, оставив сына своего, Генри Дунбара, единственным наследником громадного состояния.

Это состояние заключалось в великолепном поместье в Варвикшире, в другом, не менее великолепном, в Йоркшире, в барском доме на Портландской площади и в долге по

банкирским делам. Доля эта была львиная — она составляла три четверти, которые прежде принадлежали обоим братьям, но после смерти Персиваля перешли в руки Генри; последняя четверть принадлежала младшему товарищу, мистеру Балдерби, уже пожилому человеку с большим семейством и красивым домом в Клапом-Коммоне.

Вечером 5 августа 1850 года три человека сидели в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби» в переулке Св. Гундольфа: это были мистер Балдерби, кассир Клемент Остин и приказчик, старик лет шестидесяти пяти, преданный и усердный слуга фирмы с самого его детства.

Приказчика звали Самсон Вильмот. Он действительно был стар, но казался еще старше на вид. Серые волосы его ниспадали длинными прядями на воротник зеленого пальто, которое он никогда не снимал, хотя лето было в самом разгаре и все жаловались на духоту. Лицо его было покрыто морщинами и глаза очень плохо видели. Он был очень слаб, руки у него постоянно тряслись. С ним было уже два удара, и он знал, что третьего ему не пережить.

Он, однако, не боялся смерти, ибо его жизнь была невеселая: вечно занятый, вечно за работой, он не знал ни семейного счастья, ни общественных развлечений. Самсон Вильмот был человек недурной, честный, совестливый, работающий, аккуратный. Жил в очень скромной квартире, недалеко от конторы, и каждое воскресенье ходил два раза в церковь Св. Гундольфа.

Трое описанных нами лиц собрались в комнате за конторой для обсуждения важного вопроса — встречи нового хозяина, Генри Дунбара.

Этот Генри Дунбар не был в Англии тридцать пять лет, и никто из служащих в конторе, кроме Самсона Вильмота, его не видывал.

Он уехал в Калькутту тридцать пять лет тому назад и с тех пор служил в индийском агентстве банкирского дома — прежде как простой приказчик, а потом как глава и распорядитель. Он был послан в Индию отцом для искупления ужасного проступка, омрачившего его юность.

Генри Дунбар или, лучше сказать, человек, который помогал ему, сделал фальшивые векселя на имя одного из своих товарищей офицеров, на три тысячи фунтов. Эти векселя были признаны и уплачены богатыми банкирами. Персиваль Дунбар с радостью отдал три тысячи фунтов, чтобы спасти честь своего сына. То, что было бы названо преступлением, если б виновный был бедняк, сочли проступком. Блестящий молодой корнет проиграл большое пари и, не имея денег, предпочел подделать подпись своего приятеля, чем не заплатить долга. Какое же это преступление? Это проступок, и более ничего.

Его помощник, подделавший подпись, был младшим братом Самсона Вильмота. За несколько месяцев до этого он поступил на службу в контору в качестве комиссионера. Ему было всего девятнадцать лет, и потому он легко попал под влияние блестящего корнета.

Маклер, дисконтировавший вексель, тотчас открыл его подложность, но он знал, что деньги верны.

Вексель был дан лордом Адольфусом Ванлормом Генри Дунбару, и маклер знал, что хотя подпись первого была фальшивая, зато подпись последнего была истинная и господа Дунбар и Дунбар не захотят видеть своего наследника в уголовном суде.

Дело обошлось без всякого шума и скандала. Деньги по векселю были уплачены, но блестящий корнет был обязан выйти в отставку и начать жизнь сызнова в качестве младшего приказчика в калькуттской конторе дома Дунбар. Это был страшный удар гордому, надменному молодому человеку.

Мистер Балдерби, Клемент Остин и Самсон Вильмот, сидя в задней комнате банка, вспоминали эту старую историю.

— Я никогда не видел Генри Дунбара, — сказал Балдерби. — Как вы знаете, Вильмот, я пришел на работу в фирму через десять лет после его отъезда в Индию. Но я слышал эту историю, еще будучи простым приказчиком, от своих товарищей.

— Я не думаю, чтоб вы знали всю правду об этом деле, — отвечал Вильмот, судорожно

сжимая в руках табакерку и платок. — Я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме меня, знал всю правду; а я помню эту историю, словно она случилась вчера, нет, даже лучше, чем я помню то, что случилось несколько дней тому назад.

— Так расскажите нам эту историю, Самсон, — сказал Балдерби. — Генри Дунбар возвращается в Англию, и потому нам не мешает знать всю правду о его прошлой жизни. Мы тогда узнаем лучше, что за человек наш новый начальник.

— Конечно, конечно, — отвечал старый приказчик. — Ну-с, ровно тридцать пять лет прошло, с тех пор как все это случилось. Я помню этот год очень хорошо, не столько по семейному несчастью, сколько потому, что это был год Ватерлоо и коммерческого кризиса. Итак, это было в 1815 году; наша фирма имела огромные дела на бирже, а мистер Генри Дунбар был очень красивым молодым человеком с аристократическими манерами, очень гордый и высокомерный с чужими, но любезный и предупредительный с теми, кто ему нравился. Он был очень горячего, вспыльчивого нрава и чрезвычайно расточителен. Впрочем, это не удивительно — он был единственным сыном Персиваля Дунбара и наследником его громадного состояния Дунбар, потому что Гюг был не женат и слишком стар, чтобы жениться.

— И он, верно, начал свою жизнь с того, что бросал на ветер все деньги, которые получал? — спросил Балдерби.

— Да, сэр. Отец давал ему очень много, но этого все же никогда не доставало молодому человеку, и он постоянно имел игорные и другие долги. Драгунский полк, в котором служил Генри, стоял в Найтбридже, и молодой человек часто являлся к нам в контору, раза два-три в неделю, конечно, минут на пять, не более; я уверен, что он всякий раз приходил получать или просить денег. Во время этих посещений он увидел здесь моего брата, который также был красивым мальчиком и настоящим джентльменом, не хуже самого корнета, ибо бедный Джозеф был любимцем моей матери и получил воспитание гораздо выше своего состояния. Мистер Генри обращал большое внимание на Джозефа и постоянно с ним разговаривал, дожидаясь, пока его позовут к отцу или к дяде. Наконец, в один прекрасный день, он предложил моему брату оставить контору и поселиться у него в качестве наперстника, чтобы писать его письма и исполнять поручения. «Я не буду с вами обходиться, Джозеф, как со слугою, — сказал Генри Дунбар, — но сделаю из вас товарища и всюду буду брать с собой. Уверю, у меня вам будет гораздо приятнее и веселее, чем в этой мрачной, душной конторе». Джозеф принял это предложение, несмотря на все увещания матери и мои советы. Он отправился жить к корнету в январе того года, когда фальшивые векселя были представлены в нашу контору.

— И когда они были представлены?

— Не ранее августа, сэр. Как впоследствии оказалось, мистер Генри проиграл на дербийских скачках пари в пять или шесть тысяч фунтов. Он выпросил у отца, сколько мог, денег, но все же оставался должен тысячи две-три. Что было ему делать? Не помня себя от отчаяния, он отправляется к Джозефу и объявляет, что ему необходимо любым образом добыть эти деньги и удовлетворить требования кредиторов, которые не дают ему прохода; он же все заплатит через месяц, ибо к тому времени непременно получит деньги от отца. Он предложил, чтобы мой брат, умевший очень ловко подражать различным почеркам, сделал фальшивый вексель на имя лорда Ванлорма. «Я выкуплю этот вексель до истечения его срока, Джо, — сказал он, — тут нет ничего худого: это только маленькая хитрость, чтобы поправить дело в настоящую минуту». Ну, милостивые государи, глупый мальчик очень был привязан к своему барину и согласился на это гадкое дело.

— Уверены ли вы, что ваш брат в первый раз тогда сделал подложный документ? — спросил Балдерби.

— Да, мистер Балдерби. Не забывайте, что он был еще совершенным мальчишкой и, вероятно, думал, что поступает очень благородно, оказывая услугу своему великодушному барину. Я часто видывал, как он шутя подражал подписи наших хозяев и других лиц, но все это была шутка, и я твердо убежден, что бедный Джозеф не сделал в жизни ничего

бесчестного до подделки векселя. Да и к тому же, когда ему было успеть, ему всего тогда было восемнадцать лет.

— Как молод! Как молод! — с сожалением произнес Балдерби.

— Э, сэр, слишком молод, чтобы загубить навек свою жизнь. Этот один проступок, это одно дурное дело погубило его навсегда. Хотя его и не преследовали за это в судебном порядке, но ему не дали никакого аттестата, и он более уже никогда не мог поднять гордо голову как честный человек. Не имея возможности получить хорошего места, он от одного преступления переходил к другому и кончил тем, что попался с двумя товарищами за подделку банковых билетов и был сослан на каторжную работу на всю жизнь. Это случилось через три года после отъезда мистера Генри в Индию.

— Неужели! — воскликнул Балдерби. — Грустная история, очень грустная! Я слышал об этом и прежде, но никогда не знал всей правды. Ваш брат, верно, уже давно умер?

— По всей вероятности, сэр, — отвечал приказчик, отирая красным платком слезы, выступившие на его морщинистых щеках. — Сначала он писал время от времени, жалуясь на свою судьбу; но вот уже двадцать пять лет, как я не получал от него ни одной строчки. Нет сомнения, он умер. Бедный Джозеф! Бедный мальчик! Это страшное несчастье свело в могилу и мою бедную мать. Мистер Генри Дунбар жестоко согрешил, соблазнив на преступное дело бедного мальчика. Этот грех причинил много горя и несчастья, за которые, быть может, когда-нибудь, рано или поздно, ему воздастся по заслугам. Я старик и видел на свете многое, потому знаю, что редко вина остается без возмездия.

Балдерби пожал плечами.

— Я сомневаюсь в справедливости вашего замечания в настоящем случае, Самсон, — сказал он. — Прошло слишком много времени с тех пор, и теперь уже вряд ли ему придется когда-нибудь заплатить за свои грехи.

— Не знаю, сэр, — ответил приказчик. — Не знаю. Но я видывал случаи, когда возмездие приходило поздно, очень поздно, когда виновный уже давно и полностью забывал о своей вине. Дурные семена приносят и плод дурной, мистер Балдерби, — так ведь учит Священное Писание; поверьте мне, от дурных дел непременно будут и дурные последствия.

— Но вернемся к истории о подложном векселе, — сказал мистер Остин, поглядывая на часы. Ему, по-видимому, уже надоела болтливость старого приказчика.

— Конечно, конечно, — ответил Самсон Вильмот. — Вот видите, вексель принесли к нам; кассиру с первого же взгляда не понравилась подпись, он отнес вексель к инспектору. Тот посмотрел и сказал: «Заплатите деньги, но не включайте это в счет лорда». Через час после этого инспектор отнес вексель мистеру Персивалю Дунбару и тот тотчас признал подпись лорда Ванлорма подложной. Он послал за мной и молча подал мне вексель. Бедный мистер Персиваль был бледен как полотно. «Самсон, — сказал он наконец, — это дело вашего брата. Помните, я нашел однажды на конторке лист бумаги с подделками подписей. Я спросил, кто это сделал, и ваш брат со смехом признался, что это его работа. Я ему тогда же сказал, что это искусство роковое и может привести Бог знает к чему; вот теперь вышло по моему: он научил моего сына стать вором и мошенником. Мы скупили все векселя с этой подписью, хотя бы пришлось отдать половину моего состояния. Одному небу известно, сколько таких векселей ходит по свету. Жид, дисконтировавший их, хорошо знал, что есть подложные векселя, которые стоят настоящих. Если мой сын придет в контору сегодня, то пришлите его ко мне».

— И молодой человек пришел? — спросил Балдерби.

— Да, сэр. Не прошло и получаса, как дверь отворилась и в контору влетел блестящий корнет. «Пожалуйста к вашему отцу, сэр, — сказал я, — он желает вас видеть по какому-то очень важному делу». Молодой человек страшно побледнел, но тотчас оправившись, гордо поднял голову и последовал за мной в кабинет Персиваля Дунбара. «Останьтесь, Самсон, — сказал мистер Гюг, сидевший по другую сторону письменного стола, против своего брата. — Вы сможете быть свидетелем того, что произойдет между нами. Я хочу, чтобы кто-нибудь, на кого мы можем надеяться, знал всю правду об этом деле; а я думаю, мы можем надеяться

на вас». — «Да, милостивые государи, — отвечал я. — Вы можете на меня надеяться». — «Что это значит? — спросил мистер Генри, стараясь показаться удивленным, но его дрожащие губы явно говорили о его смущении. — Что случилось?» Мистер Гюг подал ему подложный вексель. «Вот что случилось», — сказал он. Молодой человек пробормотал сквозь зубы, что он ничего не знает и не ведаёт о векселе, но дядя остановил его. «Не усугубляйте, милостивый государь, своего преступления отпирательством. Сколько их выпущено?» — прибавил он. «Сколько?» — повторил мистер Генри, едва слышным голосом. — «Да, сколько, на какую сумму?» — «На три тысячи фунтов, — отвечал корнет, опустив голову. — Я хотел их скупить, прежде чем выйдет срок, дядя, — прибавил он. — Уверю вас, я хотел их скупить. Мне следовало выиграть большую сумму на ливерпульском летнем собрании, и я на нее рассчитывал, но, право, мне дьявольски не везет в этом году. Я никогда не думал, что эти векселя будут представлены». — «Генри Дунбар, — произнес торжественно мистер Гюг, — девять человек из десяти, сделавшие то, что вы сделали, думают всегда так, как вы думали. Они всегда тешат себя надеждой избежать последствий своих преступлений. Они действуют под гнетом несчастных обстоятельств, вовсе не намереваясь сделать зло или обворовать кого бы то ни было. Но это первый шаг по дороге, ведущей в ссылку, и самое скверное, что может случиться с человеком, это — иметь успех в своем первом преступлении. К счастью для вас, преступление раскрыто. Зачем вы это сделали?» Молодой человек стал было оправдывать свой поступок долгом чести, которая ему, безусловно, повелевала заплатить проигрыш; но тут мистер Гюг спросил его, кто делал фальшивую подпись: он или кто-то другой. Корнет с минуту колебался, но потом выдал имя своего помощника. Это было жестоко и подло с его стороны. Он соблазнил брата на преступление и по всей справедливости должен был теперь не выдавать его имени или хотя бы заступиться за него. Мистер Гюг сразу послал за бедным Джозефом. Он явился через час и его прямо провели в кабинет, где мы все его ждали. Он был бледен, как и его барин, но не дрожал и в глазах его виднелась твердая решимость. Мистер Гюг Дунбар объявил ему, что знает о его преступлении. «Отпретесь ли вы от него, Джозеф Вильмот?» — спросил он. «Нет, — отвечал мой брат, с презрением смотря на корнета. — Если мой барин меня выдал, то мне незачем отпираться. Но мы с ним, конечно, за это разочтемся». — «Я не буду преследовать судом моего племянника, сказал мистер Гюг, — следовательно, я не буду преследовать и вас. Но я убежден, что вы виной всему этому, вы посоветовали молодому человеку это преступное средство выхода из затруднительного положения, поэтому я вам объявляю, не ждите от меня аттестата. Я уважаю вашего брата Самсона и оставлю его в конторе, несмотря на ваше преступление, но надеюсь вас никогда более не видеть в этом доме. Можете идти, но будьте осторожны: вторая попытка подражать чужой подписи может не пройти для вас даром».

Бедный Джозеф взял шляпу и молча пошел к дверям.

«Милостивые государи, — воскликнул я, — жальтесь над ним. Ведь он еще ребенок и сделал это из любви к своему барину».

Мистер Гюг покачал головой. «Я не имею к нему ни малейшей жалости, — отвечал он грозно, — его барин без него никогда бы, верно, не решился на такое дело».

Джозеф ничего не отвечал, но, взявшись за ручку двери, обернулся и посмотрел на мистера Генри.

«Вы не имеете ничего сказать в мое оправдание, сэр? — сказал он спокойно. — Я вас очень любил и не хотел бы с вами расстаться врагами; неужели вы не скажете словечка за меня?»

Мистер Генри ничего не отвечал. Он сидел с поникшей головой, как бы не смея поднять глаз на дядю.

«Нет! — отвечал мистер Гюг. — Он не имеет ничего сказать в вашу пользу. Ступайте, вы должны еще радоваться, что так легко отделались».

Тогда Джозеф обернулся к банкиру и, указывая на мистера Генри, произнес с блестящими от злобы глазами и пылающим лицом:

«Пускай он радуется, что так легко отделался; пускай он почтет за счастье, если в первый раз, когда мы встретимся, он останется живым».

Сказав эти роковые слова, он вышел из комнаты прежде, чем ему могли ответить.

«Что же касается вас, — начал Гюг Дунбар, обращаясь к племяннику, — то вы были баловнем судьбы и не умели пользоваться счастьем, ниспосланным на вас провидением. Вы начали жизнь с верхушки общественной лестницы, но не сумели оценить этого, и теперь начнете сызнова, но уже с последней, низшей ступени. Вы подадите в отставку и поедете в Калькутту с первым кораблем. Сегодня 23 августа, а в Корабельном листке стоит, что «Ореноко» выходит из Саутгэмптона 10 сентября. Вам ровно две недели для сборов и приготовления». — «Выйти в отставку! — воскликнул корнет. — Отправиться в Индию! Вы, конечно, говорите несерьезно. Вы шутите, дядя Гюг. Отец, вы никогда не принудите меня к такому унижению».

Персиваль Дунбар все время молчал, закрыв лицо руками.

Он и теперь не отвечал сыну.

«Ваш отец дал мне полное право поступать в этом деле по моему усмотрению, — сказал мистер Гюг. — Я никогда не женюсь, Генри, и ты — мой единственный племянник и наследник. Но я никогда не оставлю своего состояния бесчестному человеку, и тебе предстоит доказать, что ты достоин быть моим наследником. Ты начнешь жизнь сначала. Ты играл роль франта, аристократа, и твоя жизнь привела тебя к жестокому положению, в котором ты теперь находишься. Ты должен навсегда покончить с прошлым. Впрочем, ты совершенно волен выбирать. Или выходи в отставку и поступай младшим приказчиком в нашу калькуттскую контору, или оставайся здесь и отложи всякую надежду наследовать мое состояние или состояние твоего отца».

Молодой человек молчал несколько минут, и потом мрачно промолвил:

«Я поеду. Вы жестоко со мной поступаете, но я все же поеду».

— И он поехал? — спросил Балдерби.

— Да, сэ, — отвечал приказчик, видимо, тронутый своим рассказом. — Он подал в отставку, и поехал в Индию на «Ориноко». Он ни с кем не простился, и я твердо уверен, что никогда в жизни не простил своему отцу и дяде. В Индии, как вам известно, сэ, он сделал карьеру и мало-помалу занял место управляющего нашим индийским агентством. В 1831 году он женился. Его единственная дочь, которая еще ребенком была привезена в Англию, воспитывалась у дедушки, мистера Персиваля Дунбара.

— Да, — заметил Балдерби. — Я видел мисс Лору Дунбар у мистера Персиваля, который просто боготворил ее. Правда, она прелестная девушка. Но теперь поговорим о деле, добрый Самсон. Я думаю, вы — единственный человек во всей конторе, который видел нашего нового хозяина, Генри Дунбара.

— Да, сэ.

— Он должен приехать через неделю в Саутгэмптон, и, конечно, мы должны послать кого-нибудь встретить его. После тридцатипятилетнего отсутствия в Англии ему все будет чуждо, ново, и потому необходимо послать человека, который бы сумел ему все устроить. Эти англо-индийцы ужасно ленивый народ, да и к тому же он будет уставшим от продолжительного морского путешествия. Так как вы его знаете, Самсон, и отличный комиссионер, и неутомимы, как молодой человек, то я желал бы вас послать. Не возражаете?

— Нет, сэ, — отвечал приказчик. — Я не очень люблю мистера Генри, ибо считаю его главным виновником гибели моего бедного брата, но я готов исполнить ваше желание. Это служебная обязанность, а я готов исполнить все, чего требует моя служба. Я, сэ, не что иное, как машина, конечно, немного поистертая, но пока она не совсем распалась, вы можете ее использовать по своему усмотрению. Я всегда готов исполнять свои обязанности.

— Я в этом уверен, Самсон.

— Когда прикажете выезжать, сэ?

— Полагаю, лучше всего завтра. Вы можете уехать из Лондона четырехчасовым поездом, так что успеете закончить свои дела в конторе и наверняка уже будете в

Саутгэмптоне часам к семи — восьми вечера. Я вам предоставляю распорядиться всем как знаете. Мисс Лора Дунбар приедет в город встретить отца. Бедная, она с нетерпением ждет встречи, хотя не видела отца с двухлетнего возраста. Какое странное действие имеют эти долгие разлуки. Лора встретит отца на улице и не узнает его, а любовь ее к нему не изменилась за все эти долгие годы.

Подойдя к конторке, Балдерби вынул бумажник с шестью пятифунтовыми купюрами и подал его Самсону.

— Вам нужно будет много денег, — сказал он. — Хотя, конечно, мистер Дунбар прилично снабжен ими. Вы скажете ему, что здесь все готово к его приему. Я, право, ожидаю с нетерпением приезда нового хозяина. Я ломаю себе голову, на кого он может быть похож. Ведь странно, что нет ни одного портрета Генри Дунбара. Был, говорят, один портрет, нарисованный до его отъезда из Англии, но отцу его не нравился недостаток сходства, и художник — я забыл его имя — взял портрет назад, обещая поправить, но через год уехал в Италию и увез с собой портрет Генри Дунбара вместе с другими неоконченными работами. Так он и пропал; все попытки Персиваля Дунбара отыскать художника были напрасны; я часто слышал, как мистер Персиваль сожалел, что у него нет портрета сына. Говорят, он в молодости был красавец, не правда ли, Самсон?

— Да, сэр, красивый молодой человек, высокого роста, с великолепными голубыми глазами.

— Вы видели мисс Дунбар? Она похожа на отца?

— Нет, сэр. Ее черты совершенно другие, и выражение лица гораздо добрее и приятнее.

— Неужели? Ну, Самсон, не будем вас задерживать. Вы понимаете, что вам предстоит делать?

— Абсолютно, сэр.

— Так прощайте. Ах да, вы непременно остановитесь в Саутгэмптоне в лучшем отеле, например, в «Дельфине», и будете дожидаться парохода. Мистер Дунбар едет на «Электре». Еще раз прощайте, желаю вам успеха.

Старый приказчик поклонился и вышел из комнаты.

— Ну, Остин, — обратился Балдерби к кассиру, — мы также должны подготовиться к приезду нового хозяина. Он должен знать, что нам известна история его преступления, чтобы не задирали носа перед нами.

— Не знаю, мистер Балдерби, — отвечал кассир, — но, я полагаю, напротив, что Генри Дунбар будет нас ненавидеть, потому что мы знаем его тайну, и именно по этой причине будет с нами обходиться как можно надменнее и свысока. Вот увидите, как он задерет нос.

II

Отец Маргариты

Вандсворт — невеселый городок. Мирной стариной дышат его узкие, мрачные улицы, несмотря на то, что часто по ним несутся блестящие экипажи по дороге в Вимблдон или Ричмондский парк.

Высокие крыши, старомодные трубы, решетчатые окошки — все это остатки старины глубокой, и путешественник, посетивший впервые этот городок, мог бы подумать, что он находится в ста милях от шумного, многолюдного Лондона. В самом же деле Вандсворт расположен так близко к Лондону, что там как бы дышишь дымом и копотью столичной атмосферы, как бы слышишь шум, гам столичных улиц.

В сторону от главной улицы городка идут вниз, к берегу реки, узенькие переулки. В одном из них, довольно красиво расположившись, тянется целый ряд отдельных домиков, окруженных садами. Густой ракитник и дикий смоквник предохраняют их от пыли, стоящей столбом на дороге в жаркую погоду.

В одном из этих домиков жила молодая девушка со своим отцом. Она давала уроки музыки и пения по очень дешевой цене; одевалась всегда очень бедно, носила старомодные

шляпки, и, несмотря на все это, соседи ее уважали и удивлялись ей. Все обитательницы этих домиков, называвшихся Годольфинскими коттеджами, в один голос говорили, что она настоящая леди по образованию и рождению. Быть может, добрые, простые люди, восхищавшиеся Маргаритой Вентворт, были бы более правы, если бы считали молодую девушку настоящей леди не по рождению или образованию, а по природе. Это прелестное создание не нужно было учить грации или приличиям: она была ими одарена в высшей степени.

У нее не было матери. Она даже ее не помнила, ибо та умерла семнадцать лет тому назад, оставив бедную Маргариту, которой едва минул год, на попечение своего мужа, Джемса Вентворта.

Но Джемс Вентворт, известный негодяй, отвергнутый средой всех честных людей, живший на средства, добываемые неизвестно каким путем, совершенно запустил воспитание своей дочери и вовсе не заботился о ней. А она с каждым годом все более походила на свою покойную мать. В восемнадцать лет она стала совершенной красавицей с темно-каштановыми волосами и такими же темно-кариими глазами. И все же Джемс Вентворт любил свою дочь, но только по-своему. Временами он просиживал дома вдвоем с Маргаритой по целым неделям, погруженный в какое-то мрачное раздумье. Но при этом наступали для него минуты, когда он бежал из дому и скрывался неизвестно где по неделям, даже месяцам, а бедная Маргарита терзалась от горя и неизвестности о судьбе отца. Иногда он приносил ей деньги, иногда же питался на ее трудовые гроши.

Но как дурно он с ней ни обходился, он искренно любил ее и гордился ею. Она же по женскому инстинкту любила его горячо, преданно и считала благороднейшим и самым блестящим из людей.

Она не считала горем работать, ходить пешком в даль, давать скучные уроки и за свой тяжелый труд получать лишь самую скромную плату, ибо ее наемщики не совестились торговаться с такой бедной девушкой, так жалко бросавшейся на всякую плату. Единственным ее горем было то, что отец, которого она считала достойным быть членом высшего общества, был нищим, отверженным всеми.

Она часто говорила ему, сидя рядом с ним и обвив его шею руками, об этом с сожалением и любовью. Были минуты, когда старый, заостренный негодяй плакал навзрыд о загубленной им жизни, о преступлениях, омрачивших его молодость.

— Да, ты права, Мэгги, — говаривал он, — ты права, я рожден для лучшей судьбы. Изменя должен был выйти совершенно другой человек и, вероятно, вышел бы, если бы не один... низкий подлец; он предал меня, он своей изменой опорочил мое имя и оставил одного в мире бороться против всего света. Ты не знаешь, Мэгги, что значит эта борьба со светом, с обществом. Человек, начавший жизнь с честным именем и большими надеждами на успех, вдруг видит себя отверженным безжалостным обществом. За один роковой проступок он опозорен, выброшен из среды общества. Без имени, без друзей, без аттестата он должен начинать жизнь сызнова, и все от него отворачиваются, все указывают на него пальцем. Он — отверженный. Те самые люди, которые прежде смотрели на него с приветливой улыбкой, теперь с презрением поворачиваются к нему спиной. Те самые, которые его прежде хвалили, теперь громче всех его осуждают. Изгнанный отовсюду, где прежде его принимали с распростертыми объятиями, несчастный скрывается среди совершенно чуждых ему людей, старается уничтожить все связи с прошедшим, меняет свое имя. Сначала ему иногда и везет, ему дают занятие, ему доверяют и он работает как честный человек, ибо он в душе всегда оставался честным. Но это продолжается недолго; он не может убежать, скрыться от своего страшного прошлого. Нет! В тот день, в тот час, в ту минуту, когда он всего более гордится своим новым именем и уважением, которое он сумел себе заработать, вдруг становится ему поперек дороги какой-нибудь старый знакомый, прежде бывший его другом, теперь ставший неумолимым врагом. И в одну секунду исчезают все надежды, столь долго лелеемые. Все его добрые, хорошие дела признаются иезуитством. Он никогда не сможет сделать ничего хорошего, ибо раз сделал дурное. Вот как судит свет.

— Но не так говорит Евангелие, — нежно шепчет Маргарита. — Помнишь, отец, что Спаситель сказал преступной женщине: «Иди и не грехи более».

— А знаешь, что свет сказал бы в этом случае, дитя мое? — отвечал с горечью Джемс Вентворт. — Свет бы сказал: «Ступай, отверженное создание, и снова грехи. Тебе никогда не позволят вести честную жизнь или жить с честными людьми. Раскайся в своей вине, и мы будем смеяться с презрением над этим раскаянием, служащим лишь ловушкой для честных людей. Плачь, и мы отвернемся от тебя с негодованием. Работай, трудись, старайся снова составить себе честное имя, и, когда ты достигнешь почти вершушки этой крутой горы, мы общими силами столкнем тебя вниз, назад, в мрачную пропасть». Вот что говорит свет преступнику, дитя мое. Я не очень хорошо знаю Евангелие, я никогда не читал его с тех пор, как вышел из детства. Я помню, как, бывало, в тихие воскресные вечера я читывал вслух матери Священное Писание. Я словно вижу перед собою нашу старую комнату, мою мать, с любовью следящую за моим чтением. Но теперь я мало знаю Евангелие, и, когда ты стараешься читать мне святые слова, я чувствую, будто какой-то дьявол раскрывает мне всю внутренность и затыкает мне уши, не давая слушать. Да, я не знаю Евангелия, но знаю свет. Законы общества неумолимы, Мэгги; нет прощения человеку, которого однажды уличили в преступлении. Но человек может совершать какие угодно преступления, благо бы он только делился с ближними и, главное, не попадался бы.

16 августа 1850 года, в день, когда Самсон Вильмот должен был выехать в Саутгэмптон, Джемс Вентворт провел все утро в комнате своей дочери. Молодая девушка работала, а отец сидел у окна, покуривая свою длинную глиняную трубку и глядя на прелестное лицо Маргариты.

Комната была чистая и опрятная, хотя меблирована очень бедно; вся мебель была старинная, на тонких ножках, как обыкновенно в съемных квартирах. Однако эта бедная комната отличалась простотой и опрятностью, которые гораздо приятнее для глаза, чем самая дорогая мебель. На стенах висели акварельные рисунки и дешевые гравюры; на столе стояли цветы, а сквозь кисейные занавески на окнах виднелись зеленые ветви дикого смоковника.

Джемс Вентворт был когда-то очень хорош собою. Это было заметно и теперь. Он мог бы быть доселе еще красивым мужчиной, если бы глаза его не блестели какой-то мрачной решимостью, а губы не уродовала презрительная улыбка.

Ему было пятьдесят три года отроду, и он был совершенно сед, хотя это его вовсе не старило. Его прямая фигура, гордая, почти надменная осанка и решительная походка принадлежали человеку в самом цвете лет. В темной каштановой бороде его и бакенбардах пробивались только кое-где седые волосы. Форма его головы и лица, орлиный нос, высокий лоб, массивный подбородок ясно говорили о больших умственных способностях. Его длинные, мускулистые руки и ноги обнаруживали физическую силу. Даже голос его и манера говорить свидетельствовали о необыкновенной силе воли, граничившей почти с упрямством.

При взгляде на этого человека тотчас приходила в голову мысль, что его опасно оскорбить. Действительно, все в нем говорило, что это человек решительный и мстительный, что его нелегко отвлечь от однажды поставленной цели, даже если бы случай к ее осуществлению долго не представлялся.

Сидя теперь у окна и пристально глядя на дочь, он был погружен в мрачные думы. Однако сидевшее перед ним прелестное создание не могло не тешить самый причудливый глаз. Лицо молодой девушки, склоненное над работой, дышало красотой. Все черты ее были нежны и рельефны; карие глазки светились удивительным блеском, смягчаемым какой-то прелестной томностью; великолепные каштановые волосы окаймляли низенький, но широкий лоб. Высокая, тоненькая, грациозная фигурка молодой девушки придавала непостижимую прелесть ее старенькому ситцевому платью и полотняному воротничку, которые никогда бы не надела порядочная горничная. Хорошенькая, маленькая ножка с очень высоким подъемом виднелась из-под ее платья.

В выражении лица Маргариты Вентворт было что-то похожее на отца. Но это сходство было очень небольшое, молодая девушка наследовала свою красоту от матери. Она наследовала и ее характер; но к нежной, женственной натуре примешивались решимость, сила характера и ум ее отца. Словом, это была прелестная женщина, приятная, любезная, но способная долго питать чувство мести за глубокое оскорбление.

— Мэгги, — сказал Джеймс Вентворт, бросая в сторону трубку и устремив свой взгляд на дочь, — я часто смотрю на тебя с удивлением. Ты, кажется, довольна своей судьбой и почти счастлива, хотя многие женщины на твоем месте давно бы сошли с ума. Разве у тебя нет никаких амбиций?

— О, много, — отвечала молодая девушка, подымая глаза от работы и грустно смотря на отца, — только мои амбиции все сосредоточиваются на вас.

— Поздно, дитя мое, — сказал он, — поздно, время ушло и случай ушел. Ты знаешь, я старался, трудился, работал, и все мои усилия были тщетны, несмотря на то, что я хорошо работал, быть может, лучше других людей. Ты добрая, благородная женщина, Маргарита, ты оставалась мне преданной и в счастье, и в горе; правда, счастья было мало в сравнении с горем, но ты, бедное дитя, все перенесла, все вытерпела. Ты в моих глазах — самая верная женщина, какая только была на земле; в одном лишь ты не походишь на женщину.

— В чем это, отец?

— Ты не выказала ни малейшего любопытства. Ты видела, как меня толкали и предавали позору везде, где бы я ни поселялся; ты видела, что я принимался то за одно дело, то за другое, и ни в чем не преуспевал. Ты видела меня и приказчиком в конторе, и актером, и писателем, и простым работником, поденщиком, и, за что бы я ни принимался, всегда конец был один — неудача, позор. Ты все это видела, страдала, мучилась, но ни разу не спросила, почему так случалось. Ты никогда не старалась открыть тайны моей жизни.

При этих словах слезы потекли по щекам молодой девушки.

— Я не старалась открыть вашей тайны, — сказала она нежно, — потому что я знала, что это тайна грустная. Много ночей я не спала и все думала, что могло наложить такое страшное проклятие на вас и на все ваши начинания. Но зачем мне было спрашивать о том, что вам горько вспоминать? Я слышала много жестоких вещей о вас; но те, кто это говорил, никогда не осмеливались повторить при мне свои слова.

Глаза ее блеснули злобой, но через секунду она бросилась перед отцом на колени.

— Отец, — воскликнула она, — я не прошу, чтобы вы были со мной откровенны, если вам это горько и больно. Мне нужна только ваша любовь. Но поверьте, батюшка, и никогда не забывайте, что доверите ли вы мне свою тайну или нет, ничто на свете не в состоянии оттолкнуть меня от вас.

С этими словами она положила в руку отца свою маленькую ручку, и он так ее стиснул, что ее бледное лицо покрылось румянцем от боли.

— Уверена ли ты в этом, Мэгги? — спросил он, наклоняя голову, чтобы еще пристальнее взглянуть ей в глаза.

— Да, совершенно уверена.

— Ничто не в состоянии оттолкнуть тебя от меня?

— Ничто, на всей земле.

— А если я недостоин твоей любви?

— Я этого не понимаю, отец. Любовь не всегда соразмерна достоинству того, кого любишь. Если б было иначе, то где же разница между любовью и справедливостью?

Джеймс Вентворт злобно усмехнулся.

— Быть может, между ними, в сущности, и мало разницы, — сказал он, — они обе слепы. Ну, Мэгги, — прибавил он серьезно, — ты благородная, гордая девушка, и я верю, что ты меня любишь. Хотя ты никогда не спрашивала меня о тайне моей жизни, но, верно, ты угадывала ее очень близко, не правда ли?

Он бросил пронизательный взгляд на дочь, но та опустила голову и ничего не отвечала.

— Ты догадываешься, в чем состоит эта тайна, Мэгги? Не бойся, отвечай, дитя мое.

— Я боюсь, что мои догадки верны, отец, — промолвила она почти шепотом.

— Ну говори, какие догадки.

— Я боюсь, что вам потому ничего не удается и все восстают против вас, что вы однажды, давно, очень давно, когда вы были молоды и не понимали, что делали, сделали дурное дело. И теперь, когда вы раскаялись и давно хотите начать новую, лучшую жизнь, свет не хочет забыть и простить вашей старой ошибки. Я права, отец?

— Да, Маргарита. Ты почти верно догадалась, дитя мое, только пропустила один факт: преступление я совершил ради другого человека. Меня соблазнил на него другой. Мне оно не принесло никакой пользы, да я на пользу и не рассчитывал. Но когда все было открыто, позор упал на меня одного, пострадал я один. Человек, для которого я решился на преступление, человек, который сделал из меня орудие, отвернулся от меня и отказался замолвить слово в мое оправдание, хотя он был вне всякой опасности и знал, что одно его слово может меня спасти. Это жестоко, не правда ли, Мэгги?

— Жестоко! — воскликнула молодая девушка, — жестоко, подло, низко!

— С того дня, Маргарита, я был пропащий человек. Проклятие света тяготело надо мной. Свет не позволял мне жить честно, а я слишком был привязан к жизни, чтобы искать спасения в смерти. Я начал жить бесчестно, вести дикую, дьявольски смелую жизнь, среди людей, нашедших во мне очень полезное орудие для своих целей. Они высосали из меня все, что могли, а потом бросили в минуту опасности. Меня поймали, отдали под суд за подлог, признали виновным и сослали на всю жизнь на каторжные работы. Не бледней, дитя мое, не дрожи! Ты, верно, слышала об этом прежде, хоть намеками. Лучше рассказать тебе всю правду. Меня сослали, Мэгги, на всю жизнь, и целых тринадцать лет я работал с каторжниками на Норфолькском острове, куда тогда всего более ссылали нашего брата. Мое поведение обратило на себя внимание охранников, они отозвались обо мне хорошо губернатору; он призвал меня к себе и, дав хороший аттестат, отпустил на заработки. Я поступил приказчиком в контору, и все шло хорошо; но тут меня стала душить тоска по родине, по свободе; я не знал покоя ни днем, ни ночью, словно я был в горячке. Наконец, мне удалось бежать, все равно как, Мэгги, это слишком долго рассказывать. И вот я воротился в Англию свободным человеком, то есть я думал, что я свободный человек, но свет думал иначе. Я был каторжный, ссыльный и мне никогда более не позволят высоко поднять голову среди честных людей. Я не мог этого вынести, дитя мое. Быть может, человек лучше меня продолжал бы упорно работать и кончил бы тем, что поборол предрассудок общества. Но я не мог этого сделать. Я упал под гнетом моего положения и опускался все ниже и ниже. Причиной всего позора, обрушившегося на меня, всего горя, какое я претерпел, всех преступлений, какие я совершил, я считаю одного человека, только его одного.

Маргарита встала и, едва переводя дыхание, шепотом произнесла:

— Отец, назовите мне его имя. Назовите мне его имя.

— Зачем тебе знать его имя, Маргарита?

— Не все ли вам равно? Скажите, только скажите. — И она топнула ногой от ярости. — Назовите мне его имя, — повторила она с нетерпением.

— Его зовут Генри Дунбар, — отвечал Джемс Вентворт. — Он сын богатого банкира, который умер в прошлом марте. Его дядя умер лет десять тому назад, и потому он наследует все состояние и отца, и дяди. Свет обошелся с ним как со своим баловнем. Он ничем не заплатил за свое преступление, погубившее меня навсегда. Он, вероятно, теперь вернется из Индии, и свет будет у его ног. Он, наверное, стоит миллион фунтов, проклятый! Если б мои желания могли исполниться, то каждая гиней его громадного состояния превратилась бы в скорпиона, который впился бы в его тело и не дал бы ему и минуты покоя.

— Генри Дунбар, — шептала про себя Маргарита. — Генри Дунбар. Я не забуду этого имени.

III

Встреча на железной дороге

Стрелка на стенных часах показывала без пяти минут десять, когда Джемс Вентворт подошел к столу и взял свою шляпу.

— Вы уходите, батюшка? — спросила девушка.

— Да, Мэгги, я поеду в Лондон. Мне нехорошо долго оставаться без движения. Дурные мысли лезут в голову, тем более когда сидишь сложа руки. Чего ты испугалась, Мэгги? Я ничего не сделаю дурного, а только осмотрюсь: авось набежит каким-нибудь образом копейка.

— Лучше, чтобы вы не ездили, батюшка, — сказала нежно Маргарита.

— Конечно, дитя мое. Но я тебе говорю, что не могу сегодня сидеть спокойно. Я много говорил о прошедшем, а это всегда расстраивает меня. Я тебе обещаю, что из этой поездки ничего дурного не выйдет. Я схожу в какой-нибудь кабачок, выпью стаканчик грогу и почитаю газеты. Вот и все; кажется, тут ничего нет дурного, Мэгги?

Маргарита улыбнулась и поправила истрепанный бархатный воротник на его стареньком сюртуке.

— Нет, милый батюшка, — отвечала она, — я всегда рада, когда вы немного развлечетесь. Вы ведь скоро вернетесь?

— Что ты называешь «скоро»?

— К десяти часам. Я закончу свою работу к тому времени и постараюсь приготовить что-нибудь вкусненькое к ужину.

— Хорошо. Даю слово воротиться к десяти часам.

Он протянул руку дочери, та поцеловала его в обе щеки, и он, взяв палку, вышел из комнаты. Маргарита долго следила из окошка, как он шел по узкому переулку, пробираясь между детьми, игравшими в пыли.

— Господи, сжался над ним и избавь его от лукавого! — произнесла она вслух.

По дороге на станцию Джемс Вентворт пересчитал свои деньги — оказалось, всего несколько пенсов, которых хватало ровно на проезд в Лондон и обратно и на стакан грога.

Через полчаса он был уже в Лондоне. Но так как делать ему было нечего, то и не торопился уйти со станции. Он ненавидел тишину и уединение, а тут было вдоволь народу, беготни, гама, шума; и все это зрелище даром. Поэтому Вентворт остался на станции и начал ходить взад и вперед, разглядывая толпу и раздумывая, где бы ему провести остальной вечер. Он прислонился к деревянной тумбе у входа и стал смотреть, как подъезжают экипажи, как выходят пассажиры и выгружают вещи. Его внимание остановилось на низеньком старике, очень хилом и дряхлом на вид, но удивительно деятельном и проворном.

Старик живо выскочил из кэба и бросил свой кожаный мешок стоявшему поблизости носильщику.

Это был Самсон Вильмот, старый приказчик в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби».

Джемс Вентворт пошел за ним.

«Неужели это он? — думал Джемс. — А похож, очень похож. Но ведь столько лет прошло... трудно теперь узнать. Однако удивительно похож. Не надо его терять из виду».

Самсон Вильмот приехал на станцию за десять минут до отхода поезда, и, оставив свой мешок у носильщика, отправился в кассу брать билет.

Джемс Вентворт тотчас подошел и взглянул на мешок. На нем красовался билетик с надписью:

«Мистер Самсон Вильмот в Саутгэмптон».

Джемс Вентворт протяжно свистнул.

— Я так и думал, — промолвил он почти вслух, — я был в этом уверен.

Отыскав глазами старика среди стоявших у кассы, он подошел к нему сзади и хлопнул его по плечу.

Самсон Вильмот обернулся и посмотрел ему прямо в лицо. Но взгляд этот ясно говорил, что он его не узнал.

— Вам что-то нужно, сэр? — сказал он, подозрительно посматривая на изношенное

платье Вентворта.

— Да, мистер Вильмот, мне нужно вам сказать два слова. Когда вы получите билет, потрудитесь пойти со мной в зал.

Старик вытаращил от удивления глаза. Тон незнакомца походил на приказание.

— Я вас не знаю, сэр, — промолвил Самсон. — Я никогда вас не видел, и если вы только не посланный из конторы, то, конечно, ошиблись. Вам, верно, нужен кто-нибудь другой. Я вас не знаю.

— Я не чужой вам и не посланный из конторы, — отвечал Вентворт. — Вы взяли билет? Пойдемте теперь.

Они пошли в зал, стеклянные двери которого выходили в кассу. Зал был совершенно пуст, ибо оставалось всего пять минут до отхода поезда и все пассажиры уже были в вагонах.

Джемс Вентворт снял шляпу и отбросил назад свои седые волосы, в беспорядке спадавшие на лоб.

— Надень очки, Самсон Вильмот, посмотри на меня хорошенько, и тогда скажи, знаешь ли ты меня.

Старик молча повиновался, но дрожащая рука его едва надела очки. Несколько минут он пристально рассматривал незнакомца, наконец побледнел и тяжело перевел дух.

— Смотри, смотри, — продолжал Джемс Вентворт, — и откажись от меня, если смеешь. Впрочем, такому приличному молодцу, как ты, не к роже признавать меня.

— Джозеф! Джозеф! — промолвил Самсон едва слышно. — Неужели это ты? Да! Это мой несчастный брат! Я думал, что ты умер давно.

— И, верно, был очень рад, — с горечью заметил Джозеф.

— Нет, Джозеф... нет! — воскликнул Самсон Вильмот. — Небо свидетель, что я не желал твоей смерти. Я всегда сожалел о тебе и извинял все твои преступления.

— Странно, — отвечал Джозеф, — странно. Если бы ты любил меня, то неужели остался бы в конторе Дунбара? Если б в тебе была искра привязанности ко мне, то ты бы никогда не согласился есть их хлеб.

Самсон грустно покачал головой.

— Не упрекай меня, Джозеф, — сказал он, — если б я не остался в конторе, твоя мать умерла бы с голоду.

Отверженный ничего не ответил, но тяжело вздохнул. Раздался третий звонок.

— Мне надо ехать! — воскликнул Самсон. — Дай мне свой адрес, Джозеф, и я тебе напишу.

— Конечно, как бы не так, — отвечал его брат иронически, — нет, шутишь. Я нашел своего богатого брата и уж не отстану от него. Куда ты едешь?

— В Саутгэмптон!

— Зачем?

— Встречать Генри Дунбара.

Джозеф Вильмот побледнел. Перемена его в лице была так неожиданна и ужасна, что старик отскочил, словно увидев призрак.

— Ты едешь встречать его? — сказал Джозеф роковым шепотом. — Так он в Англии?

— Нет. Но его ожидают. Джозеф, отчего ты так странно смотришь на меня?

— Отчего? — воскликнул он. — Разве ты совсем стал машиной, говорящим автоматом, безгласным орудием в руках тех, кому ты служишь, что всякое человеческое чувство в тебе исчезло? Ты не можешь теперь понять, что я чувствую! Но вот звонок... Я еду с тобой.

Поезд уже трогался, когда братья выбежали на платформу.

— Нет... нет, — воскликнул Самсон, когда Джозеф бросился за ним в вагон. — Нет... нет, Джозеф... не езд со мною... не езд.

— Я поеду.

— Но у тебя нет билета.

— Ничего, я... то есть ты купишь мне билет на первой станции. У меня нет ни гроша.

Они уселись в вагон второго класса, и сборщик билетов, перебегая из одного вагона в

другой, слишком торопился, чтобы рассмотреть билет, который ему сунул Джозеф Вильмот; это был обратный билет в Вандсворт. Еще несколько секунд беготни, криков, хлопанья дверцами, и поезд тронулся.

Старый приказчик посмотрел со страхом на своего брата. Смертная бледность его лица исчезла, но из-под грозно насупленных бровей глаза его дико сверкали.

— Джозеф, Джозеф! — сказал Самсон. — Одному небу известно, как я рад тебя видеть после тридцатилетней разлуки, и даю тебе слово сделать для тебя все, что могу, что позволят мои скудные средства. Я это сделаю если не из любви к тебе, то в память твоей матери. Но поверь, я тебя все еще люблю, Джозеф, очень люблю. Но я не хочу, чтобы ты ехал со мной. Какую пользу может принести тебе это путешествие?

— Какое тебе до этого дело? Я хочу с тобой поговорить. Вот и все. Хорош братец — увидел меня в первый раз после тридцати лет и старается поскорее от меня отделаться. Я хочу поговорить с тобой, Самсон, и хочу увидеть его. Я знаю, как свет обошелся со мной, что он из меня сделал; я хочу посмотреть, как обошелся, что сделал этот справедливый, милосердный свет с человеком, соблазвившим и предавшим меня, с Генри Дунбаром.

Самсон задрожал как осенний лист. Он был очень слаб после второго удара, поразившего его совершенно неожиданно, когда он однажды сидел за работой у своей конторки. Он едва перенес неожиданную встречу с несчастным братом, которого считал давно умершим. Но это не все — им овладел необъяснимый ужас при мысли о свидании Джозефа Вильмота с Генри Дунбаром. Он помнил роковые слова своего брата, сказанные им тридцать пять лет назад: «Пускай он почтет себя счастливым, если, когда мы однажды встретимся, он останется в живых».

Самсон день и ночь молил милосердного Бога, чтобы эта встреча никогда не состоялась. Тридцать пять лет прошло с тех пор, и неужели они теперь встретятся? Он пристально посмотрел на брата и промолвил шепотом:

— Джозеф, я не хочу, чтобы ты ехал в Саутгэмптон и встретился с мистером Дунбаром. Он обошелся с тобой жестоко и несправедливо, никто этого не знает лучше меня. Но ведь это было так давно, Джозеф, ужасно давно. Злые чувства вымирают в человеке с годами, не правда ли? Время исцеляет все раны, и мы научаемся прощать других в надежде, что и нас простят, не так ли, Джозеф?

— Ты, может быть, так чувствуешь, — злобно отвечал отверженный. — Я — нет.

Он больше ничего не сказал и, скрестив руки на груди, высунулся из окна вагона. Но он не видел прелестной картины, развертывавшейся перед ним; не видел богатых нив, веселых ручьев и живописных домиков, мелькавших за деревьями. Он смотрел на все это и ничего не видел, словно перед его глазами был белый лист бумаги. Самсон Вильмот сидел напротив него, и с нервным беспокойством следил за грозным выражением его лица.

На первой станции он взял билет для брата, который продолжал по-прежнему молчать.

Прошел час, а Джозеф все молчал. Он не любил брата. Свет сделал его жестоким. Его преступления, слишком тяжело обрушившись на его голову, ожесточили несчастного. Он считал человека, некогда горячо им любимого, единственной причиной своего позора и несчастья, и по нему судил о всем человечестве. Он не верил, не мог верить никому, имея постоянно в голове страшный пример неблагодарности и коварства Генри Дунбара.

Вагон был пуст, кроме двух братьев в нем никого не было.

Самсон долго пристально следил за выражением лица Джозефа, потом тяжело вздохнул, покрыл голову платком, и прислонился к спинке кресла. Но он не спал. Его терзали беспокойство, опасение, ужас. Вдруг он почувствовал, что в ушах у него загудело, глаза подернуло туманной дымкой. Он пытался раза два заговорить, но язык не поворачивался, уста отказывались передать слова, родившиеся в его голове. Наконец, и голова заходила кругом, свист паровой машины отдавался в ней все громче и громче, спутывая все его мысли и оглушая его совершенно.

Поезд подходил уже к Базинстоку, когда Джозеф Вильмот вдруг очнулся от своих мрачных дум.

Случилось что-то страшное, роковое. Отверженный вскочил в ужасе, бледный как полотно.

IV Удар паралича

Старик-конторщик упал безжизненной массой на пол вагона.

Этого третьего удара паралича следовало ожидать уже давно, и непредвиденная встреча на ватерлооском дебаркадере приблизила роковую минуту.

Джозеф Вильмот опустился на колени возле брата. Он был преступник, отверженный обществом, закоснелый в злодействе, и видывал смерть в самых страшных, возмутительных образах; она более не страшила, не возмущала его. Закаленный в преступлениях, Джозеф был равнодушен к страданиям ближнего. Любовь к дочери была единственным признаком человеческого чувства, уцелевшим в груди этого человека.

Однако Джозеф Вильмот сделал все, что мог, для несчастного старика: развязал ему галстук, расстегнул жилет и стал прислушиваться, бьется ли у него сердце. Оно билось, но очень слабо, едва внятно, будто душа пыталась высвободиться на волю из своего тленного покрова.

— Пожалуй, ему лучше бы кончиться, — проговорил Джозеф сквозь зубы. — Тогда бы мы встретились с Генри Дунбаром с глазу на глаз.

Поезд пришел в Базинсток; Джозеф высунулся из окошка и громко кликнул кондуктора.

Тот быстро подбежал к дверцам, слыша по голосу, что зовут его недаром.

— С братом моим случился удар, крикнул Джозеф. — Помогите мне вынести его из вагона и пошлите, пожалуйста, за доктором.

Безжизненное тело вынесли на платформу и положили на диван в пассажирском зале, а саутгэмптонский поезд уехал без наших путешественников.

Минут через десять явился доктор; он задумчиво покачал головой при виде больного.

— Дело плохо, — сказал он, — постараемся помочь, если возможно. Был ли кто с бедным стариком?

— Да, сударь, — ответил смотритель, указывая на Джозефа, — вот они с ним ехали.

Доктор подозрительно покосился на Джозефа Вильмота. И действительно, было отчего: он выглядел преступным бродягой с головы до ног, отчаянным злодеем, отвергнутым обществом и ненавидевшим за то всех и каждого.

— Вы... родственник этому джентльмену? — недоверчиво спросил доктор.

— Да, я брат его.

— Я бы советовал перевезти его в ближайший отель. Я пришлю сиделку за ним ухаживать. Не можете ли вы сказать, в первый ли это раз с ним удар или нет?

— Не сумею сказать, — отвечал Джозеф.

— Странно, вы говорите, что вы брат этого джентльмена, а не можете ответить на такой важный вопрос.

— Действительно, странно, — ответил Джозеф Вильмот небрежно, почти презрительно. — Много вещей постраннее этого бывало на свете. Мы уже несколько лет не встречались с братом, а сегодня неожиданно наткнулись друг на друга.

Несчастливого, все еще не пришедшего в чувство, перенесли в гостиницу, недалеко от станции. Номер в ней был просторным, но удобным. Больного положили в спальню, окна которой выходили на пыльную дорогу.

Доктор приложил все усилия, все известные науке средства, чтобы вернуть жизнь парализованному мозгу, но напрасно. Душа уже отделялась от тела, которое лежало неподвижной, бесчувственной массой на жесткой постели. Джозеф Вильмот сидел молча в ногах брата и следил за ним с мрачным выражением лица.

Вскоре явилась сиделка и уселась в голове больного. Но делать ей было нечего.

— Есть ли какая-нибудь надежда? — спросил Джозеф уходившего доктора, с нетерпением ожидая ответа.

— Боюсь, надежды мало, даже нет ее вовсе.

— А скоро будет конец?

— Очень скоро, думаю. Вряд ли он протянет сутки.

Доктор ожидал от брата умирающего выражения горести или, по крайней мере, удивления, но напрасно: Джозеф Вильмот не обнаружил никакого волнения; поспешно простившись, врач вышел из комнаты.

Начинало смеркаться, и в сумерках лицо Джозефа Вильмота казалось еще мрачнее, еще суровее, чем в вагоне поезда во время беседы с братом.

Спальня, где лежал умирающий, сообщалась с передней, где брошены были мешок и чемодан Самсона Вильмота.

Джозеф обыскал все карманы в платье, снятом с умиравшего брата.

В жилете нашел он немного серебра и ключи, в боковом кармане старомодного сюртука — записку и бумажник в сильно поношенном кожаном переплете. Джозеф вынес эти вещи в соседнюю комнату, притворив за собой дверь, потом позвонил и потребовал свечей.

Девушка принесла свечи и осведомилась, обедал ли он?

— Да, часов пять тому назад, — отвечал Джозеф. — Теперь дайте мне только водки.

Девушка принесла графинчик водки и рюмку, поставила на стол и молча вышла. Джозеф Вильмот запер за ней дверь.

— Терпеть не могу, когда за мной подсматривают, — пробормотал он про себя, — а этот деревенский народ такой любопытный.

Он уселся, выпил рюмку водки и придвинул одну из свечей.

Деньги, ключи и бумажник Джозеф успел уже положить к себе в карман. Прежде всего он вынул и осмотрел бумажник, в котором оказалось два отделения — в одном было пять пятифунтовых банковых бумажек, в другом письмо.

— Так, так! Это приветствие от младшего члена торгового дома своему товарищу и главе фирмы. Я приберегу эту цидулку, пригодится, — прошептал Джозеф, вкладывая письмо на прежнее место, и начал перелистывать записную книжку.

Только самая последняя заметка обратила на себя его внимание. Она состояла из нескольких слов:

«Г. Д. должен прибыть в саутгэмптонские доки 19 текущего месяца или около того на пароходе «Электра». Будет встречен мисс Лорой Д., в Лондоне».

— Что это за Лора Д.? — спросил себя Джозеф, закрывая записную книжку. — Верно, дочь его. Лет десять тому назад я прочел про его свадьбу в газетах. Уж, верно, не дал маху, женился выгодно. Ему везет во всем. Женился на знатной барыне, помнится. Будь он проклят!

Джозеф Вильмот сидел, сложив руки и насупив брови, в мрачном раздумье; зловещая улыбка искажала его суровое лицо, глаза горели зловещим огнем.

Джозеф Вильмот был опасен всегда — когда шумел и когда буянил, но он был в сто раз опаснее, когда задумывал дело в тиши.

Вскоре он очнулся, вынул связку ключей из кармана, открыл чемодан и стал рассматривать вещи.

Немного нашел он там любопытного: пару платья, две чистые рубашки и прочие принадлежности незатейливого туалета старого конторщика. В дорожном мешке оказались пара сапог, щетка, ночная рубашка и полинялый ситцевый халат.

Осмотрев эти вещи, Джозеф Вильмот отворил осторожно дверь в комнату, где лежал умирающий. Там не было никакой перемены. Сиделка по-прежнему сидела в изголовье постели. Она повернула голову, когда Джозеф отворил дверь.

— Что, перемены нет? — спросил он.

— Нет, никакой, сударь.

— Я выйду прогуляться немного и сейчас же вернусь.

Джозеф прикрыл дверь, но не торопился уйти. Он нагнулся над чемоданом и сорвал с него ярлык с именем брата. Ту же предосторожность явил он и относительно мешка. Засунув ярлыки в карман, он стал тихо ходить по комнате в глубоком раздумье.

— «Электра» приходит девятнадцатого или около того, — произнес Джозеф Вильмот тихим, сдержанным голосом. — Значит, день-два, раньше или позже. Если Самсон умрет, назначат следствие, пожалуй, станут освидетельствовать покойника и меня задержат, пока все это кончится, по крайней мере дня на два, на три, а Генри Дунбар успеет между тем из Саутгэмптона проехать в Лондон, и я потеряю единственный случай встретиться с ним с глазу на глаз. Я не упущу такого случая, ни за что не упущу. Чего мне тут торчать и ждать смерти человека, который уже лежит без чувств? Нет! Сама судьба натолкнула меня на Генри Дунбара, и я не намерен упустить такой случай.

Джозеф взял шляпу — истасканную, грязную серую шляпу, вполне подходившую ко всему его облику, и вышел из гостиницы, сказав хозяину, что воротится через час, и направился к станции железной дороги, чтобы разузнать насчет прибытия поездов.

V

Концы в воду

Поезд из Лондона в Саутгэмптон ожидали через час. Приказчик, сказав об этом Джозефу Вильмоту, осведомился о здоровье его брата.

— Ему гораздо лучше, — отвечал Джозеф. — Я еду теперь в Саутгэмптон, чтобы исполнить одно важное дело, по которому он туда ехал. Возвращусь завтра утром.

Он пошел в зал и просидел там до прихода поезда все в одном положении, опустив голову на грудь и погруженный в глубокие думы. Как только открыли кассу, он взял билет до Саутгэмптона и вышел на платформу.

В вагоне второго класса он уселся в темный угол и нахлобучил на глаза шляпу.

Было очень поздно, когда поезд пришел в Саутгэмптон, но Джозеф, казалось, хорошо знал город и направился в маленький трактир на берегу реки, почти совершенно скрытый городской стеной. Он спросил себе номер и, узнав, что «Электра» еще не пришла, потребовал ужин наверх, несмотря на приглашение сойти в общую залу. Он, казалось, избегал всякой встречи или разговора с чужими и снова погрузился в свои мрачные думы.

О чем бы он ни думал, мысли эти так его поглощали, что он не вполне осознавал, что делает.

Несмотря на это, Джемс Вентворт был очень деятелен и встал на другое утро спозаранку. За всю ночь он не спал и часу, а ворочался с боку на бок и все думал, думал.

Расплатившись со служанкой, он вышел на улицу. На башенных часах в ближнем сквере пробило восемь часов.

Джемс направился на главную улицу, в лавку готового платья. Мальчишка, который лениво отворял ставни лавки, презрительно окинул взглядом Джозефа и, зевнув, торжественно объявил:

— Наш хозяин никогда не дает милостыни бродягам.

— Ваш хозяин может делать что хочет, — отвечал Джозеф хладнокровно. — Я заплачу тотчас за все, что мне нужно. Позовите хозяина или постойте, я думаю, вы сами можете это сделать. Мне нужно одеться с ног до головы. Понимаете?

— Пожалуй, и пойму, когда увижу деньги, — зевая, сказал дерзкий мальчишка.

— Ага, ты уже обучен светом, молодец! — с горечью заметил Джозеф Вильмот. — Полагаю, вы можете это понять? — прибавил он, вынимая из бумажника брата пачку банковых билетов.

Мальчишка подозрительно взглянул на Джозефа.

— Я понимаю, что они могут быть фальшивые, — сказал он со значительной улыбкой.

Джозеф Вильмот с яростью бросился на него.

— Я говорю, что они могут быть фальшивыми, — возразил мальчик, отскакивая назад, — не для чего бросаться на меня. Я ничего не сказал обидного.

— Нет, но чтобы ты в другой раз не смел и подумать, — сказал Вильмот. — Позови хозяина.

Мальчик повиновался.

Когда он ушел, Джозеф Вильмот окинул взглядом лавку.

«Дурак, — подумал он, — забыл про выручку. Я бы мог попытаться счастья, если б... — Он остановился и улыбнулся какой-то странной улыбкой, — если б я не ожидал встречи с Генри Дунбаром».

В одном углу лавки стояло большое зеркало. Джозеф Вильмот подошел к нему и молча несколько минут смотрел на себя.

— Бродяга, мошенник, — промычал он, стиснув зубы и грозя кулаком зеркалу, — ты и походишь на это. Отверженный, ты и походишь на отверженного. Но кто заклеил тебя позорным пятном? Кто виновен во всех твоих преступлениях? Чье гнусное предательство сделало тебя таким, каков ты есть? Вот в чем вопрос.

В эту минуту вошел хозяин и бросил пронизательный взгляд на покупателя.

— Послушайте, — обратился к нему Джозеф Вильмот, — меня долго преследовало несчастье, но теперь мне удалось зашибить копейку. Я заработал ее честным образом, слышите, и не намерен терпеть оскорбительных расспросов и намеков такого дурака-мальчишки, как ваш приказчик.

Оскорбленный мальчик старался грозно взглянуть на Джозефа, но все же спрятался за своего хозяина. Хозяин улыбнулся и почтительно поклонился.

— Очень рад услужить вам, сэр, — сказал он, — и надеюсь, вы останетесь довольны. Если мой приказчик нагрубил вам...

— Да, он — дерзкий грубиян, — прервал его Джозеф. — Но я не намерен раздувать из этого историю. Он думает, как все на свете, что если человек бедно одет, то должен быть мошенник. Вот и все. Я его прощаю.

Оскорбленный мальчик, спрятавшись за спиной хозяина, пробормотал сквозь зубы:

— Неужели? Ты мне прощаешь? Вот как! Много вам обязан! Благодарствуйте за такую честь!

— Мне нужно одеться с головы до ног, — продолжал Джозеф. — Пару платья, шляпу, сапоги, зонтик, дорожный мешок, полдюжины рубашек, головную щетку, гребень, бритвы и прочее. Так как вы, несмотря на свою учтивость, можете мне доверять, как и ваш приказчик, то знаете, что я сделаю? Мне нужно побриться, и я отправлюсь теперь к цирюльнику, а вы покуда ознакомьтесь вот с этими господами. — И он подал магазинщику три банковые билета. Тот взглянул на них очень подозрительно.

— Если вы полагаете, что они фальшивые, то пошлите их проверить к какому-нибудь соседу. Но поскорее. Я вернусь через полчаса.

Джозеф Вильмот вышел, оставив магазинщика в сильном недоумении, и отправился, засунув руки в карманы, в цирюльню на берег реки. Тут он велел выбрать себе бороду, подровнять усы, что придало его лицу совершенно аристократический вид, и остричь покороче свои длинные седые волосы.

Он так долго возился со своей прической, так часто ее менял, не находя ее по вкусу, что навряд ли самый нарядный франт выказал бы столько забот о своей красоте.

Когда цирюльник кончил свое дело, Джозеф умыл лицо, поправил волосы на лбу и поглядел на себя в зеркало.

Это не был более бродяга, то есть насколько касалось головы и лица, а очень приличный господин средних лет: почтительной и красивой наружности, не лишенной аристократизма. Даже выражение его лица изменилось: неприятная, вызывающая улыбка обратилась в гордую, презрительную; угрюмо нахмуренные брови ясно говорили об обширном уме.

Была ли эта перемена естественна и зависела только от бритья и стрижки или он

старался придать себе такой вид — известно только ему одному.

Расплатившись с цирюльником, Джозеф Вильмот отправился к докам узнать об «Электре». Ее ждали только на следующий день утром, никак не ранее. Успокоившись насчет этого, он воротился в магазин готового платья.

Выбор и примерка платья заняли очень много времени — Джозеф был очень капризен, и ничто ему не нравилось. Никакой старый холостяк, проводивший всю свою жизнь в заботах о туалете, не мог быть так прихотлив, как этот бродяга, тринадцать лет носивший куртку каторжного и с тех пор не вылезавший из дырявого платья.

Однако он не выказал дурного вкуса, не выбирал ярких цветов или очень эксцентричных покроев. Напротив, выбранное им платье совершенно гармонировало с его прической и бородой. Он был одет просто, прилично и вместе с тем по последней моде. Окончив свой туалет — от высокой черной шляпы до лакированных сапог — и надев лайковые перчатки, он вышел из комнаты, где одевался.

Магазинщик и мальчишка с изумлением отскочили от него.

— Если бы все это стоило вам, сэр, пятьдесят фунтов, а не шестнадцать фунтов двенадцать шиллингов и одиннадцать пенсов, то и тогда ваши деньги не пропали бы. Вы точно герцог какой! — воскликнул с восторгом хозяин.

— Очень рад слышать, — ответил мистер Вильмот, остановившись перед зеркалом и с улыбкой покрутив свои усы.

Взяв сдачу, он положил деньги в бумажник, а золото и серебро небрежно сунул в карман жилета.

Манеры его теперь столь же изменились, сколько и платье. Он вошел в лавку грубым, неотесанным бродягой, а выходил из нее настоящим джентльменом, с гордой осанкой и аристократическими, несколько небрежными манерами.

— Ах да, — сказал он, задержавшись на пороге, — завяжите, пожалуйста, мои старые вещи в узел. Я зайду за ними сегодня вечером.

Сказав это очень хладнокровно, мистер Вильмот вышел из лавки, но хотя он теперь был одет не хуже любого джентльмена в Саутгэмптоне, он свернул в узкий переулок и поспешно пошел за город по берегу реки.

В нескольких милях от Саутгэмптона он остановился в маленькой деревушке и вошел в скромный кабачок, очень редко посещаемый проезжими. Спросив водки и холодной воды у девушки, сидевшей за прилавком, Джозеф Вильмот прошел в столовую — низенькую комнату, украшенную различными объявлениями о продажах с публичного торга всяких вещей. В комнате никого не было. Вильмот уселся у отворенного окна, взял газету и стал читать ее.

Но эта попытка не увенчалась успехом. Во-первых, в газете было очень мало любопытного; во-вторых, Джозеф не мог сосредоточиться, даже если бы тут была собрана вся человеческая премудрость.

Нет, он не мог читать, он мог только думать, и то лишь об одном — о встрече с Генри Дунбаром.

Он вошел в уединенный деревенский кабачок в час и оставался там весь день, попивая водку с водой, хотя очень умеренно. Вместо обеда он спросил себе кусок холодного мяса и хлеба, и все это время думал о Генри Дунбаре. Мысль о нем не покидала его ни на минуту.

В вагоне, в базинсокском кабачке, на станции, в долгую, бесконечную ночь, проведенную без сна, в трактире, на берегу реки, в лавке готового платья — везде и всегда он думал о Генри Дунбаре. С той минуты, как он встретился со своим братом на ватерлооской станции, он не переставал думать о Генри Дунбаре. Ни разу мысль о брате не приходила ему в голову, его совсем не беспокоила его болезнь, явная близость смерти. Он даже не думал о своей дочери, об отчаянии, в которое ее повергнет его долгое отсутствие. Он отложил всякую мысль о прошедшем и сосредоточил всю силу своего ума на одном предмете, совершенно овладевшем им.

Временами находили на него минуты страха и отчаяния. Что, если Генри Дунбар умер

по дороге в Англию? Если «Электра» привезет только чугунный гроб?

Нет, это невозможно. Судьба, мрачная роковая судьба не давала этим двум людям встретиться в течение тридцати пяти лет именно для того, чтобы их теперь неожиданно свести. Казалось, философское замечание старого приказчика было справедливо. Рано или поздно, а день расплаты, день возмездия неизбежен.

В сумерках Джозеф Вильмот вышел из кабака и вернулся в Саутгэмптон прямо в лавку портного. Ее уже запирали, и хозяин заметил с улыбкой:

— Я думал, что вы забыли, сэр, об этом узле. Он давно готов. Не прикажете ли его лучше прислать?

— Нет, благодарю, я возьму сам.

С этим узлом Джозеф Вильмот отправился на мол, выходящий далеко в реку.

По дороге из деревенского кабака в Саутгэмптон он наполнил карманы камнями, и теперь, став на колени на конце мола, связал все эти камни в платок, привязал этот узелок к большому узлу с платьем и бросил в реку.

Все это он сделал очень ловко и проворно, осторожно осматриваясь по сторонам, не идет ли кто. Подождав, пока круги на воде исчезли, он поспешно пошел назад.

«И концы в воду с Джемсом Вентвортом и его платьем», — подумал он.

Ночь Джозеф провел в том же деревенском кабаке, где просидел весь день, и воротился в Саутгэмптон на другое утро, в девять часов.

День был светлый, и простым, невооруженным глазом можно было увидеть «Электру», быстро подходившую к докам.

VI

Дневник Клементы Остина

«Сегодня я заканчиваю первую тетрадь моего дневника, в который я записывал кое-как и без всякого порядка все события моей жизни. Перелистывая его страницы, я невольно удивляюсь, к чему было потрачено столько времени на такой бесполезный труд. Писать дневник — вообще преглупая привычка. К чему записывать события самой обыкновенной, пустой жизни? Для собственного назидания? Едва ли. Я очень редко перечитываю эти незанимательные страницы и не думаю, чтобы моему потомству было интересно знать, что я в среду утром, в десять часов отправился в контору и, не найдя места в дилижансе, должен был нанять извозчика, которому заплатил два шиллинга; что я обедал вдвоем с маменькой и вечером кончил третий том французской революции Карлейля. Да, спрашиваю всех, есть ли какая-нибудь польза в моем дневнике?

Найдет ли будущий знаменитый новозеландец этот дневник посреди развалин Клапама? И назовут ли меня Пеписом девятнадцатого столетия? Но я никак не могу сравниться с этим талантливым, ловким чиновником; или, может быть, настоящее время не походит на тот золотой век, когда пустой гуляка забавлялся подсматриванием под белые юбки миледи Кастльмэн, развивавшиеся по ветру, и записывал все это в свой дневник.

Вообще ведение дневника — чрезвычайно старомодная, глупая привычка, и, я полагаю, сам знаменитый Пепис был дрянной, глупый писака. Впрочем, в настоящую минуту я имею записать нечто поважнее поездок на извозчиках или чтения любимой книги. Наша мирная жизнь внезапно изменилась совершенно неожиданным прибытием в наш дом нового лица.

Это — девочка, едва перешедшая за первый десяток, ей очень далеко еще до шестнадцати лет — возраста, всегда ожидаемого с таким нетерпением молодыми девушками. Мисс Элизабет Лестер, единственная дочь моей сестры Марианны Лестер, приехала к нам из Сиднея, где моя сестра Марианна с мужем живет уже двенадцать лет. Она поселилась у нас первого июля и с того времени вертит всем домом, начиная от маменьки до меня. Она довольно хорошенькая девочка, со светло-золотистыми волосами, заплетенными на затылке в две косы. Она очень добрая девочка, и маменька обожает ее. Что же касается меня, то я постепенно осваиваюсь с мыслью, что я уже старик, что мне стукнуло тридцать

три года и что у меня бойкая племянница, играющая вариации на фортепиано.

Эта музыка приводит меня к другому, новому, явлению в ограниченном круге моих знакомств — к существу, о котором я не говорил ни слова в законченной тетради дневника, но которое в течение шестинедельного промежутка между последней моей отметкой в дневнике и сегодняшним числом сделалось для меня столь же знакомым человеком, как старейшие товарищи моей юности. Я слышу, как в гостиной под моей комнатой раздаются эти звуки, и предо мной возникает образ прелестной, бледной молодой девушки с черными глазами.

Я не сознавал вполне, в каком громадном количестве вещей нуждается всякая женщина, до тех пор пока извозчицья карета не привезла к нам мою племянницу, мисс Элизабет Лестер. Ей нужно было все, что только может вообразить себе человек. Она выросла во время путешествия; все платья ее были слишком коротки, сапожки жали ей ногу, шляпки спадали с головы и висели у нее на шее. Ей ну ясны были зонтики, головные щетки, огромное количество кисеи, кружева, книжки, помада, перчатки, карандаши и сотни других вещей, сами названия которых кажутся дикими для мужского уха. Кроме всего этого ей еще необходимо было найти учительницу музыки.

Девочка показывала большие успехи в музыке, и моя сестра желала, чтобы ей наняли учительницу, но, конечно, за умеренную плату. Сестра Марианна подчеркнула последние слова. Покупка и шитье новых платьев заняли все мысли моей матери, и она возложила на меня обязанность отыскать учительницу музыки.

В газетах я нашел такое множество объявлений от имени разных барышень, предлагающих свои знания в музыке, что богатство выбора озадачило меня. Но я решился просмотреть их всех по порядку и, пользуясь свободными вечерами, обошел их от первой до последней.

Может быть, оттого что я старый холостяк и стал потому несносным и чересчур взыскательным существом, я, сколько ни искал, не мог найти гувернантки по моему вкусу для маленькой Лизи. Одна была слишком стара и сердита; другая — слишком молода и легкомысленна; третья — совершенно безграмотная невежда; четвертая — слишком восторженная энтузиастка, готовая восхищаться моей маленькой племянницей, ни разу не видев ее. Были и такие, которые хотя и приходились мне немного по вкусу, но зато требовали плату, какую мы не могли дать. Несмотря на все мое старание, дело не продвигалось вперед.

Если б выбор наш был более ограничен, мы, вероятно, нашли бы желаемое; но маменька уверила меня, что незачем торопиться, что учительниц бездна, и потому следует хорошенько подумать, прежде чем окончательно выбирать. Таким образом, мисс Лестер оставалась довольно долго без учительницы.

Однажды вечером я вышел, по обыкновению, погулять, но не с целью искать учительницу музыки, которые мне уже страшно опротивели, а просто пошататься по тихим улицам Суррейского предместья, куда еще не проникла ненавистная рука спекулянтов-строителей. Вечер был превосходный, и я, как истинный кокни, веривший, что закат солнца в Лондоне — прекрасное зрелище, отправился полюбоваться им на Вандсвортский луг, где какой-то одинокий осел прерывал своим унылым криком всеобщее безмолвие. Я люблю этот луг: там веет такой тишиной, уединением, словно в степях Центральной Африки.

Я был очень весел, проходя через поляну, хотя, право, не могу отдать себе отчета, почему именно. Вот на обратном пути — дело другое: я знаю, отчего мне тогда было весело и о чем я думал, идя по лугу, освещенному бледным светом луны. Миновав луг, я вошел в маленький городок Вандсворт с его старомодными домами и узенькими улицами, так живо напоминающими знаменитые картины голландской школы. В домах уже кое-где мелькали огни, и я лениво шатался по улице, заглядывая в окна магазинов и лавочек.

О чем размышлял я в этот вечер? И отчего свет не казался мне теперь глупым и пустым?

Проходя мимо какой-то лавки, я нечаянно остановил взгляд на слове «музыка» и на маленькой карточке, висевшей на окошке, прочел, что молодая леди рада была бы уделить несколько часов урокам музыки за очень умеренную плату. Слово «очень» было подчеркнуто; с сожалением посмотрел я на это подчеркнутое слово, как бы умолявшее о работе. Объявление было написано женской рукой; почерк красивый, но отчетливый, решительный, хотя и женский. Прочитав это объявление, мне захотелось с пользой употребить свой вечер и посетить еще одну учительницу. Она, по всей вероятности, не могла удовлетворить моим требованиям, но зато я возвратился бы домой с сознанием, что сделал еще одну попытку найти учительницу для племянницы.

На карточке значился адрес «№ 3 Годолфин-Коттедж». Я обратился к первому встречному с просьбой указать мне дорогу в Годолфин-Коттедж, и мне сказали, что это вторая улица направо. По ней я вышел к площади, по сторонам которой возвышались старинные, отдельные домики, окруженные дикими смоковницами и огороженные деревянными заборами. Я отворил маленькую калитку у третьего домика с краю и вошел в сад — чистенький, маленький садик с зеленым лужком, песчаными дорожками и миниатюрным гротом из камня, раковин и мха. Под густым кленом, на простой зеленой скамье сидела девушка; она читала при слабом свете угасавшего дня и, услышав мои шаги, поспешно встала, покраснев, как окружавшие ее розы.

— Я зашел спросить о даме, дающей уроки музыки, — сказал я. — Я только что видел объявление на большой улице. Мне нужна учительница для моей маленькой племянницы. Но боюсь, что выбрал неудобное время для визита.

Сам не знаю, зачем я в этом случае извинился, потому что никогда не оправдывался перед дамами, которых мне случалось посещать в столь же позднее время. Кажется, я был поражен задумчивой красотой девушки, и вся моя решимость исчезла при виде этих прелестных, томных глаз.

Выражение ее лица удивительно подвижно, так что даже теперь, когда я изучил все ее черты, я не могу похвастаться, что знаю ее лицо, которое поэтому мне кажется всегда новым, как в тот вечер, когда я впервые увидел ее. Описать ли мне эту женщину, с которой я знаком всего четыре недели и которая, кажется, наполняет всю вселенную, когда я думаю о ней? А когда я о ней не думаю? Описать ли мне ее для новозеландца, когда самое красноречивое описание далеко не сможет передать всей ее красоты, и покажется только осквернением, святотатством? Да, я опишу ее; но не для новозеландца, который, пожалуй, будет иметь новые, особенные понятия о женской красоте и потребует, чтобы избранная им женщина имела синий нос или зеленые волосы. Я опишу ее потому, что мне приятно думать о ней и представить ее милый образ хоть словами. Будь я живописец, я поступил бы как Клод Мельнот и везде и всюду рисовал ее портреты. Будь я поэт, я испестрил бы стопы бумаги дикими, бессмысленными стихами о ее красоте. Но я — бедный кассир в конторе Дунбара, потому могу только описать ее на страницах своего дневника.

Итак, она очень бледна. Глаза ее, великолепного золотисто-карего цвета, светятся постоянным блеском, хотя выражение их изменяется с каждым новым впечатлением; в минуту покоя они поражают серьезным, грустным, задумчивым взором, ясно говорящим о тяжелых испытаниях, перенесенных ею в жизни. Волосы ее, такого же великолепного цвета, как глаза, вьются природными кудрями. Что касается других черт ее лица, я должен просить моего новозеландца посмотреть на картины древних итальянских художников, ибо только в произведениях Рафаэля, Тициана и их учеников может он найти эту чудную гармонию, эту чистоту формы и нежную мягкость контура, которые в тот вечер впервые увидел я в чертах Маргариты Вентворт.

Маргарита Вентворт — вот ее имя. Она сказала мне его, когда я объяснил, кто я такой и цель моего прихода. Во все продолжение этого свидания я находился под каким-то очарованием, словно под дурманом от опиума или гашиша. Я только помню, что после десятиминутного разговора я опять отворил калитку и, держа в руках шляпу, медленно вышел из этого маленького рая на пыльную улицу.

Я с торжеством явился к матери и объявил ей, что мне наконец удалось найти учительницу, во всех отношениях удовлетворявшую нашим требованиям, и что она явится на следующее утро в 11 часов, чтобы дать первый урок. Но я как-то сконфузился, когда моя мать начала меня расспрашивать: слышал ли я, как она играет, спросил ли я ее о цене, кто ее рекомендует.

Я должен был сознаться, что ничего подобного не спрашивал. Тогда матушка спросила меня, почему же я решил, что эта дама годится в учительницы музыки. Этот вопрос совершенно смутил меня. Не мог же я сказать, что нанял ее потому только, что у нее прелестные томные глаза и каштановые волосы. В подобной затруднительной дилемме я решился на иезуитскую проделку и прямо объявил, что голова мисс Вентворт была с френологической точки зрения превосходная и что органы слуха и осязания необыкновенно у нее развиты.

Я не знал, куда деться, когда маменька наградила меня поцелуями за мою ложь и сказала, что я ловкий мальчик и тонкий знаток людей, что она готова предпочесть незнакомку, одобренную одним моим инстинктом, всякой другой женщине, рекомендованной самыми верными людьми.

После этого мне оставалось только надеяться, что талант мисс Вентворт оправдает мои предположения. Возвращаясь домой на следующий вечер, мысли мои были заняты одними догадками, насколько мисс Вентворт оправдала мои ожидания. С совершенно беззаботным видом спросил я мою мать, понравилась ли ей мисс Вентворт.

— Понравилась ли? — воскликнула добрая старушка. — Да, она чудно играет, Клемент! Что за блеск, что за экспрессия! В мою молодость одни только артисты так играли на концертах, а нынче девушки восемнадцати и двадцати лет заткнут за пояс профессора. Я уверена, ты будешь в восхищении от нее, Клем (мне кажется, я покраснел, когда маменька сказала это; разве я уже не был в восхищении от нее?), когда ты услышишь ее выразительную, блестящую игру; я уверена, что она страстно любит музыку не потому, чтобы она предавалась смешным сентиментальным возгласам, говоря о ней, но потому, что ее глаза загорались, когда она рассказывала о радости, доставляемой ей игрой. Она вздохнула при этом, и мне показалось, что, вероятно, испытала, бедная, в своей жизни много горя и лишений.

— А условия ее, маменька? — спросил я.

— Ах ты, милый мой скряга, только и думаешь, что о деньгах! — воскликнула маменька.

Господь благослови ее невинное сердце! Я задал этот гнусный вопрос, только чтобы скрыть дикую радость, овладевшую моим сердцем! Что мне за дело, что этой прелестной красавице поручено обучать мою маленькую племянницу музыке? Отчего мое сердце внезапно преисполнилось радостью и я отвернулся, чтобы не встретить честных взглядов моей матери?

— Условия ее даже слишком умеренны, — сказала она. — Одно только неудобно, хотя не для меня, но я опасаясь, чтобы тебе не показалось это стеснительным.

Я поспешно спросил, что именно неудобно. Я боялся, не суждено ли мне, наконец, разочароваться в этом прелестном существе.

— Видишь ли, Клем, — сказала моя мать, слегка запинаясь, — мисс Вентворт занята почти весь день. Ее воспитанницы живут далеко друг от друга; она теряет много времени на передвижение, и потому может давать уроки Лизи или рано утром, или поздно вечером. Я бы предпочла вечером, чтобы присутствовать при этих уроках, но не помешают ли тебе звуки фортепиано?

«Помешают? Разве небесная музыка может мне мешать?» — думал я, и, несмотря на все мои способности ко лжи и лицемерию, обнаружившиеся во мне внезапно со вчерашнего дня, я едва мог вымолвить, что музыка вряд ли беспокоит меня.

— Притом ты редко бываешь дома, Клем, — сказала маменька.

— Да, — отвечал я, — разумеется, я могу уйти, если музыка мне надоест.

На следующий вечер, возвращаясь домой из конторы, я чувствовал себя как школьник, вырвавшийся на свободу в праздник. Гремящий кэб казался мне волшебной колесницей, несущей меня по пурпурным облакам. Улицы, освещенные лучами заходящего солнца, казались волшебными чертогами, и, я думаю, едва бы я удивился, если б увидел на деревьях алмазные фрукты Аладдина. Каким-то непонятным образом прозаическая земля обратилась в заколдованное царство чудес и добрых фей.

Неужели я влюблен? Неужели я не на шутку влюбился в девушку, которую впервые увидел не более сорока восьми часов тому назад? Я, который ухаживал за всеми мисс Балдерби и почти отдал свое сердце Люси Седжвик, сестре доктора; более года находился, с дозволения родителей, в переписке с Кларой Карпентер, которая променяла меня самым бесовестным образом на какого-то пастора, — я, который ругал любовь, эту глупую страсть. (В конторке, на которой я пишу, хранится длинный локон волос мисс Карпентер, завернутый в лист почтовой бумаги, с короткой, колкой надписью Свифта: «Только женские волосы».) Неужели я наконец пойман прелестными, томными глазками и рафаэлевским профилем? Неужели я, невредимо миновавший столько огней, сжег себе крылья при первом дуновении этого нового пламени? Я разом сделался десятью годами моложе, и сердце мое забилося рыцарской любовью к этой прекрасной незнакомке. Я старался вразумить себя, поднимал на смех свою любовь, но, несмотря на все, я увлекался этим новым для меня чудным, одуряющим чувством. Приехав домой, я дал извозчику пять шиллингов. Не обязан ли я был прибавить ему за то, что он провез меня не по простым улицам, а по волшебному царству?

Что я ел в тот день? Смутно помню, что ел вишневый пирог, телятину, жареную рыбу с соусом из анчоусов. Мне казалось, что обед продолжался часов шесть кряду, и все-таки пробило всего семь часов, когда мы удалились в гостиную, а мисс Вентворт должна была приехать только в половине восьмого. Племянница моя горела нетерпением и беспрестанно подбегала к окошку посмотреть, не идет ли ее новая учительница. Она могла бы избавить себя от подобных хлопот, если б обратилась ко мне, ибо, усевшись в кресло с газетой в руках, я видел всю дорогу, по которой должна была пройти мисс Вентворт. Глаза мои часто с газетных столбцов устремлялись на пыльную улицу; вскоре увидел я зонтик, довольно полинявший, и стройную фигуру, спешившую к нашим воротам; затем показалось лицо, которое для меня было прелестнее всех на свете.

С тех пор мисс Вентворт приходила к нам три раза в неделю, и не знаю почему, но даже гаммы вовсе не беспокоили меня. Я читаю книгу или газеты или гуляю по лужку в течение урока. Временами долетает до меня чудный голос Маргариты (я буду называть ее в дневнике Маргаритой — так приятнее, чем мисс Вентворт). К концу урока маменька просыпается от послеобеденного сна и настоятельно приглашает Маргариту выпить чашку чаю. Мы садимся за чайный стол и разговариваем при тусклом свете угасающего дня или мерцании лампы. Мы говорим о книгах, и по какой-то странной игре случая вкус и понятия Маргариты совершенно сходны с моими. Мисс Карпентер ничего не смыслила в литературе: называла Карлейля дураком и только притворялась, что любит Диккенса. Я одолжил Маргарите некоторые из моих книг и нашел завядшую розу в страницах Вильгельма Мейстера, когда она мне возвратила это сочинение. Я вложил розу в конверт и запечатал. Пора, кажется, сжечь волосы мисс Карпентер.

Прошел всего месяц с того вечера, когда я увидел объявление в окошке вандсвортского магазина, но Маргарита и я сделались друзьями. В продолжение целого года переписки мисс Карпентер и моя особа не могли сойтись никоим образом; а с Маргаритой мне даже не нужны слова, которые бы сказали, что я понят. Взгляд, улыбка, движение ее прекрасной головки — все это служит лучшим ответом, чем глупые письма мисс Карпентер. Последняя принадлежала к числу девушек, называемых эффектными, и называла Байрона душкой, а Шелли — ангелом; но, если б вы прочли ей какой-нибудь стих, она не сумела бы сказать, чей он — Байрона или Бен-Джонсона. Совсем другое дело Маргарита — какое чудное имя! Если бы я не опасался, что новозеландец вздумает напечатать этот дневник, я, кажется, покрыл бы

все его страницы этим дорогим именем. Если б новозеландец, как скромный человек, только описал бы мой восторг, я не имел бы ничего против этого, но он в моих возгласах легко может найти пищу для критической статьи о нравах и обычаях английских влюбленных XIX века. Поэтому я постараюсь умерить свой восторг и не очень распространяться о моей милой Маргарите. Но как смею я так ее называть? Ведь может опять явиться какой-нибудь пастор!

По-видимому, мы уже старые друзья с ней, но я ничего не знаю о ее прошлой жизни. Она никогда не говорит о своем семействе. Раза два упомянула о своем отце и хотя с нежностью, но с тяжелым вздохом; мне кажется, что ей горько, тяжело произносить его имя.

Несмотря на всю нашу дружбу, она ни разу не позволила мне проводить ее домой, хотя маменька и предлагала ей мои услуги. Она отговаривается тем, что привыкла ходить и днем и ночью одна. Она, по-видимому, ничего не боится, и, действительно, только дикий зверь решился бы побеспокоить такое чистое, чудное создание».

VII

Спустя тридцать пять лет

На пристани Джозеф Вильмот терпеливо ожидал прихода «Электри». Появление парохода было встречено радостными криками встречающих.

Пассажиры начали сходить на берег около одиннадцати часов. Среди них было много детей с английскими няньками; трое или четверо мужчин с военной осанкой; несколько дам с более или менее загоревшими лицами; три лакея и мужчина аристократического вида, лет около пятидесяти пяти, шегольски одетый, в черной, высокой шляпе и лакированных сапогах. Его одежда очень походила по цвету и покрою на платье, выбранное Джозефом Вильмотом.

Этот мужчина был Генри Дунбар. Высокий, широкоплечий, с седыми волосами и усами, он держал высоко голову, и гордая улыбка играла на его красивом лице.

Джозеф Вильмот неподвижно, как статуя, стоял среди встречающих и рассматривал своего старого предателя.

— Несильно же он изменился, — прошептал Вильмот, — очень мало изменился. Горд, самолюбив и жесток был он прежде — горд, самолюбив и жесток он теперь. Он постарел, пополнел и поседел, но все тот же человек, каким был тридцать пять лет назад. Это видно по его лицу.

Когда англо-индиец оказался на берегу, Вильмот подошел к нему.

— Вы мистер Дунбар? — спросил он, снимая шляпу.

— Да, я мистер Дунбар.

— Я к вам от конторы, с улицы Св. Гундольфа, сэр, — отвечал Джозеф. — Я имею письмо к вам от мистера Балдерби. Я прислан встретить вас и предложить свои услуги.

Генри Дунбар сомнительно взглянул на него.

— Вы не служите в конторе? — спросил он.

— Нет, мистер Дунбар.

— Я так и думал. Вы не похожи на конторщика; но кто же вы такой?

— Сейчас объясню вам, сэр. Я заменяю другого человека, который заболел дорогой. Но теперь нет времени говорить об этом. Я пришел предложить вам свои услуги. Не прикажете ли посмотреть за вашими вещами?

— Да, потрудитесь.

— С вами нет слуги, мистер Дунбар?

— Нет, лакей мой заболел на Мальте, и я его оставил там.

— В самом деле? — воскликнул Вильмот. — Какое несчастье! — при этих словах глаза его дико сверкнули.

— Да, чертовски неприятно. Вещи мои адресованы в лондонский дом. Потрудитесь посмотреть, чтобы их немедленно отправили по назначению. В каюте моей чемодан и мешок, которые поедут со мной.

— Я посмотрю за этим, сэр.

— Благодарю вас. В какой гостинице вы остановились?

— Я еще не заходил ни в какую гостиницу. Я только что приехал. «Электру» ожидали завтра утром.

— Так я отправлюсь в «Дельфин», — сказал мистер Дунбар, — и буду вам очень благодарен, если вы, справившись с вещами, придете ко мне. Я хочу, если возможно, еще сегодня ночью уехать в Лондон.

Генри Дунбар удалился, гордо подняв голову и размахивая тростью. Он принадлежал к тем людям, которые вполне убеждены в своем достоинстве. Преступление, совершенное им в юности, очень мало беспокоило его совесть, и когда он вспоминал об этой старой истории, то она только возбуждала в нем неудовольствие на отца и дядю Гюга за то, что они обошлись с ним так жестоко.

А несчастный, который помог ему, — ловкий, веселый, решительный мальчик, его орудие и сообщник, был совершенно забыт, как будто его никогда и не было на свете. В «Дельфине» мистера Дунбара провели прямо в большую гостиную, застланную брюссельскими коврами, на которых стояли стол и стулья. Он приказал подать бутылку содовой воды, сел в мягкое кресло и принялся читать «Таймс». Но вскоре отложил газету и вынул из кармана жилета часы, к которым был подвешен золотой медальон. Генри Дунбар открыл этот медальон, в котором скрывался портрет хорошенькой девочки с великолепными вьющимися волосами и чудными голубыми глазами.

— Моя бедная, маленькая Лора! — прошептал он. — Будет ли она рада увидеть меня? Она была еще ребенком, когда уехала из Индии, и едва ли меня помнит. Но надеюсь, она обрадуется моему приезду; надеюсь, она меня встретит.

Он спрятал медальон и вынул из бокового кармана письмо. Адрес на нем написан был женским почерком, а конверт окружен черным траурным бордюром. Он прочел про себя следующие строки:

«Если что-нибудь в состоянии утешить меня после потери дедушки, то это мысль, что вы наконец возвратитесь и что я вас опять увижу. Вы никогда не сможете понять, милый папа, сколько горькой грусти причиняла мне жестокая разлука с вами. Мне всегда казалось очень жестоким, что мы, при всем нашем богатстве, разлучены, тогда как дети нищих остаются при их родителях. Деньги кажутся такой ничтожной дрянью, когда они не могут сблизить нас с теми, кого мы любим. А я люблю вас, добрый папа, истинно и от всей души, хотя я не помню вашего лица и не имею даже портрета, который напоминал бы мне о вас».

Письмо было довольно длинное, и Генри Дунбар погружен был еще в чтение, когда в комнату вошел Джозеф Вильмот.

Англо-индиец спрятал письмо в карман и лениво поднял глаза.

— Все ли вы устроили? — спросил он.

— Да, мистер Дунбар, ваши вещи уже отосланы.

Джозеф Вильмот не снимал еще с головы шляпы; он нерешительно прошелся по комнате, как человек, у которого есть что-то на уме, но он никак не может решиться, как ему поступить.

Мистер Дунбар не обращал на него внимания. Он держал в руках газету и ни разу не удостоил взглядом своего собеседника. Он привык, чтобы за ним ухаживали, считал слуг существами низшего разряда, и потому не имел и мысли позаботиться об этом посланнике с улицы Св. Гундольфа.

Джозеф Вильмот вдруг остановился по другую сторону стола, за которым сидел мистер Дунбар и, положив руку на стол, спокойно сказал:

— Вы спрашивали меня, кто я такой, мистер Дунбар.

Банкир равнодушно взглянул на него.

— В самом деле? О да, я помню; и вы сказали, что присланы из конторы. Этого совершенно достаточно.

— Извините меня, мистер Дунбар, но этого недостаточно. Вы ошибаетесь: я не сказал,

что прислан из вашей конторы. Я, напротив, сказал, что пришел вместо другого лица, которому приказано было вас встретить.

— В самом деле? Да это ведь все одно. Вы мне кажетесь очень ловким малым и, конечно, будете для меня столь же полезны, как человек, которого вы заменяете. Очень было любезно со стороны мистера Балдерби прислать встречающего. Очень, очень любезно.

Голова англо-индийца опять опустилась на сафьяновую подушку кресла, и он с полужакрытыми глазами лениво взглянул на Вильмота.

Джозеф Вильмот снял шляпу.

— Мне кажется, вы ни разу не посмотрели на меня хорошенько, мистер Дунбар, — сказал он.

— Я не посмотрел хорошенько на вас! — воскликнул банкир. — Что вы хотите этим сказать?

— Всмотритесь попристальнее в мое лицо, мистер Дунбар, и скажите, не напоминает ли оно вам прошлое?

Генри Дунбар вздрогнул, широко раскрыл глаза и с удивлением посмотрел на лицо стоявшего перед ним человека. Оно было столь же красиво и почти так же аристократично, как его собственное. Природа по странной игре случая положила весьма мало разницы между банкиром, имеющим полмиллиона фунтов, и беглым каторжником, не имеющим и шести пенсов.

— Я вас где-нибудь встречал? — спросил он. — В Индии?

— Нет, мистер Дунбар, не в Индии. Вы это знаете не хуже меня. Перенеситесь в прошлое, в последнее время, проведенное вами в Англии перед отъездом в Индию.

— Ну так что ж?

— Помните, как вы однажды потеряли значительную сумму денег на скачках в Дерби и как в отчаянии схватили пистолет, висевший на стене в вашей комнате, и грозили застрелиться? Помните, как вы обратились за помощью к мальчику, который вам прислуживал и любил вас, как брата, хотя он по положению в свете был гораздо ниже вас? Помните, как вы упрашивали этого мальчика, который имел несчастную способность подделывать чужие подписи, хотя до той минуты он ни разу не употребил во зло свое умение, помните, как вы упрашивали его помочь вам в одной проделке, с помощью которой хотели удовлетворить своих кредиторов, пока не достанете денег у отца? Что, помните вы все это? Да, по вашему лицу я вижу, что вы помните и меня — Джозефа Вильмота.

Он ударил себя кулаком в грудь и устремил взгляд на Генри Дунбара. Его глаза странно блестели: в них видно было какое-то дикое торжество, словно один взгляд на своего врага уже был пищей для его ненасытной жажды мщения.

— Я вас узнал, — медленно произнес Генри Дунбар. Смертная бледность покрыла его лицо и холодный пот выступил на лбу; он поспешно обтер его своим надушенным батистовым платком.

— Вы меня узнали? — повторил Вильмот, и выражение лица его не изменилось.

— Да, и поверьте, я очень сожалею о прошлом. Я уверен, что, по-вашему, я жестоко поступил с вами в тот несчастный день в конторе, но я, право, не мог иначе поступить. Мое собственное положение было столь ужасно и мучительно, что не мог же я подвергать себя еще большей опасности, защищая вас. Впрочем, теперь я сам себе хозяин и могу вознаградить вас. Верьте мне, я вознагражу вас, я заглажу прошлое.

— Вы загладите прошлое! — воскликнул Джозеф Вильмот. — Можете вы сделать меня честным человеком или уважаемым членом общества? Можете вы снять с меня позорное пятно и вернуть мне то положение, которое я мог бы занять в свете, если бы вы меня не погубили? Можете вы снять с меня тридцать пять лет горя и несчастий? Можете вы вернуть мне жизнь моей матери, умершей от горя? Можете вы воскресить мертвых? Можете вы дать мне счастливое прошлое, чистую совесть и надежду на прощение Бога? Нет, вы ничего подобного сделать не можете.

Мистер Генри Дунбар был светским человеком. Он имел барские наклонности, очень

редко выказывал свои чувства, и желал только одного — жить весело и беззаботно. Это был бездушный эгоист; но так как он обладал громадным богатством, то люди мало обращали внимания на такие незначительные недостатки, как эгоизм и бездушие, и громко восхваляли его изящные, аристократические манеры и красивую наружность.

— Милый мой Вильмот, — сказал он, не обращая внимания на тираду своего собеседника. — Все это — сентиментальности. Разумеется, я не могу вернуть вам прошлого. Прошлое принадлежало вам, и вы могли устроить его по своей воле. Если вы пошли по дурной дороге, то не имеете никакого права винить в этом меня. Пожалуйста, не говорите о разбитых сердцах, о погубленной жизни и о подобных вещах. Я пожил довольно на свете и знаю настоящую цену всем этим глупостям; я сожалею, что ввел вас в затруднительное положение и готов сделать все, чтобы вознаградить вас за это старое дело. Я не могу вернуть вам прошлого, но могу дать то, за что большинство людей готово продать прошлое, настоящее и будущее — я могу дать вам денег.

— Сколько? — спросил Джозеф Вильмот, с едва сдерживаемой яростью.

— Гм! — проговорил англо-индеец, задумчиво покручивая свои серые усы. — Посмотрим, что бы, например, удовлетворило вас, мой добрый малый?

— Я предоставляю вам назначить сумму.

— Хорошо. Я полагаю, вы будете совершенно довольны, если я дам вам капитал, на проценты от которого вы могли бы спокойно прожить вашу оставшуюся жизнь. Положим, что эти проценты будут пятьдесят фунтов в год.

— Пятьдесят фунтов в год, — повторил Джозеф Вильмот. Он уже совладал со своей страстью и говорил очень спокойно. — Пятьдесят фунтов в год — один фунт в неделю?

— Да.

— Я принимаю ваше предложение, мистер Дунбар. Один фунт в неделю. С этими деньгами я могу прожить, как живет рабочий народ в своих конурах. У меня есть дочь, прелестная девушка, одних лет с вашей дочерью; она будет пользоваться вместе со мной этим доходом и будет иметь столько же причин, как и я, благословлять вашу щедрость.

— Значит, дело решенное? — произнес, зевая, англо-индеец.

— Конечно. У вас имения в Варвикшире и в Йоркшире, дом на Портландской площади и полмиллиона денег, но, разумеется, все это необходимо вам. А у меня будет благодаря вашей щедрости и в вознаграждение за позор, несчастье, нищету и горе, которые я испытывал в течение тридцати пяти лет, один фунт в неделю до конца моей жизни. Тысячу раз благодарю вас, мистер Дунбар. Я вижу, что вы не изменились. Вы тот же человек, которого я еще мальчиком любил, и я принимаю ваше щедрое предложение.

И он засмеялся громко и вместе с тем дико и странно; но мистер Дунбар не обратил внимания на такую мелочь, как хохот его старого слуги.

— Теперь, когда мы покончили со всеми этими сентиментальностями, — сказал он, — потрудитесь приказать принести мне завтрак.

VIII

Первая станция на родине

Джозеф Вильмот повиновался своему прежнему господину и заказал отличный завтрак, который был сервирован самым великолепным образом. Мистер Дунбар спустился с высоты своего величия до дружеской благосклонности к своему старому слуге и настойчиво потребовал, чтобы он сел с ним рядом за роскошно убранный стол. Англо-индеец воздавал полную справедливость вкусному завтраку, запивая рябчика и салат с морским раком добрыми стаканами замороженного мозельвейна; но Вильмот ел и пил очень мало и с какой-то странной рассеянностью крошил хлеб, присматриваясь к своему собеседнику. Он открывал рот только тогда, когда его прежний господин обращался к нему с вопросом, да и то говорил как-то принужденно, почти машинально, что непременно возбудило бы подозрение во всяком другом человеке, но не в Генри Дунбаре, который был всегда

равнодушен к чувствам своих ближних.

Покончив с завтраком, англо-индеец встал из-за стола и подошел к окну; а Джозеф Вильмот продолжал сидеть за столом, и непочатый стакан вина стоял перед ним. Янтарная влага перестала уже искриться в стакане, и хотя бутылка мозельвейна в полгинеи ценой едва ли бывала обыкновенным напитком каторжника, однако он, казалось, не оценил его достоинства. Он сидел, поникнув головой и опершись рукой на колено, и думал.

Генри Дунбар развлекался картинами многолюдной улицы — быть может, самой широкой, светлой, красивой улицы во всей Англии; но минут через десять он отвернулся от окна и посмотрел на своего старого слугу. Тридцать пять лет тому назад он имел привычку быть на дружеской ноге с этим человеком, делать его поверенным и товарищем своей жизни. Вот и теперь — будто не было этих тридцати пяти лет и Джозеф Вильмот никогда не был обижен им — Дунбар хотел быть прежним и обратился к своему собеседнику с высокомерной благосклонностью, какую монарх обыкновенно выказывает своему первому министру.

— Пей же вино, Вильмот, — прикрикнул он, — не сиди, пожалуйста, в таком глубоком раздумье; можно подумать, что какой-то большой махинатор раздумывает о застое денежных оборотов. Послушай, приятель, я желаю, чтобы мое возвращение на родину приветствовалось ясными, веселыми лицами. Там, вдали от нее, я насмотрелся на темные, угрюмые лица; теперь мне хочется, чтобы все смеялось и радовалось вокруг меня. Посмотрев на тебя, так, право, подумаешь, что ты совершил убийство или замышляешь что-нибудь в этом роде.

Отверженник засмеялся.

— А вы думаете, что у меня много причин радоваться? — спросил он тем же тоном, с которым согласился принять щедрые предложения банкира, — посмотрю вперед — передо мной такая приятная жизнь; оглянусь назад — такие отрадные воспоминания! Сэр, память, как я думаю, — это книга с картинками, которую человеку приходится беспрестанно рассматривать, хочешь не хочешь. Бывают картины страшные, вздрагивает человек, смотря на них; и горьки они ему, хуже смертной казни, но он должен на них смотреть. Как-то читал я историю, то есть моя девочка читала мне ее... бедное дитя! Она старалась примирить меня с тем, что было!.. Так человек, написавший эту историю, теперь уверяет, что для самого несчастного страдальца в мире хорошо повторять молитву: «Господи, сохрани мне добрую память». Но, мистер Дунбар, что доброго в памяти, если надо помнить только преступления?.. Можем ли мы молиться о сохранении таких воспоминаний? Не лучше ли молиться, чтобы уничтожилась память ума и сердца, чтобы у нас совсем не было способности оглядываться на прошлое? Если бы я мог забыть все зло, которое вы мне сделали тридцать пять лет назад, я был бы совсем другим человеком, но я не могу забыть этого. Каждый день и каждый час моей жизни я вспоминаю об этом. Моя память так свежа, как будто тридцати пяти лет не бывало, как будто это случилось только год назад.

Все это было сказано с таким видом, точно Джозеф Вильмот поддавался безотчетному увлечению и говорил только по необходимости высказаться, а совсем не из желания упрекнуть Генри Дунбара. Он даже не взглянул на своего прежнего господина, и, не меняя положения, все так же сидел, поникнув головой и устремив глаза на пол.

Мистер Дунбар опять повернулся к окну и возобновил свои уличные наблюдения; но когда Джозеф Вильмот кончил, Дунбар повернулся к нему с видом нетерпеливой раздражительности.

— Теперь выслушай меня ты, Вильмот, — сказал он. — Если контора, которой ты послан, подослала тебя, чтобы надоедать мне и оскорблять меня на первых порах, как только я ступил на британскую землю, то она выбрала глупый способ приветствовать меня и свидетельствовать почтение своему главе. Она сделала большую ошибку, в которой рано или поздно раскается. Если же ты сам, по собственному желанию, явился сюда с намерением напугать меня или выманить у меня деньжонок, так и ты ошибся. Если ты думаешь одурачить меня своими сентиментальными бреднями, так ты и в этом страшно ошибаешься.

Я дам тебе добрый совет. Если тебе хочется добыть у меня каких-нибудь выгод, так ты должен угождать мне. Я человек богатый и умею награждать тех, кто мне нравится, но я не хочу, чтобы кто-либо в мире надоедал мне или мучил меня, а уж от тебя тем более не снесу этого. Если ты намерен угождать мне, так можешь оставаться; если же не имеешь этого намерения, можешь убираться вон, и чем скорее, тем лучше для тебя, если не желаешь, чтобы я велел тебя вытолкать.

В конце этой речи Джозеф Вильмот в первый раз поднял голову. Он страшно побледнел, вокруг его сжатых губ образовались какие-то странные жесткие линии, а в глазах засверкал огонь.

— Я бедный, несчастный безумец, — сказал он спокойно. — Да, совершенный безумец, когда подумал, что в той старой истории может находиться что-нибудь такое, что способно затронуть ваше сердце, мистер Дунбар. Теперь вы не услышите от меня ни слова оскорбления; поверьте мне, последние годы я вел не совсем трезвую жизнь; у меня была белая горячка, и с тех пор мои нервы очень расстроились; но я не стану более вам надоедать и готов вам всячески угождать.

— В таком случае прикажи подать мне расписание железных дорог; мне хочется посмотреть, в какие часы идут поезда. Я совсем не желаю торчать целый день в Саутгэмптоне.

Джозеф Вильмот позвонил и приказал подать расписание; Генри Дунбар стал рассматривать его.

— Ну вот! — сказал он. — До десяти часов вечера нет скорого поезда, а я не имею желания тащиться с товарным. Чем же мне занять этот промежуток времени?

Он помолчал немного, смотря в раздумье на листочки путеводителя.

— Далеко ли отсюда до Винчестера? — вдруг спросил он.

— Десять миль или около этого, — ответил Джозеф Вильмот.

— Десять миль? Как это хорошо. Слушай, Вильмот, я тебе скажу, что намерен сделать. Неподалеку от Винчестера у меня есть друг, старый товарищ по училищу, у которого отличное поместье в Гэмпшире и дом близ Сен-Кросса. Найми-ка коляску парой, чтобы сейчас же была готова ехать в Винчестер. Мне приятно будет повидаться со старым другом, Майклом Марстоном; мы пообедаем в гостинице «Джордж» и отправимся в Лондон экспресс-поездом, который выходит из Винчестера в четверть одиннадцатого. Поди же найми коляску, только не теряй времени, вот и будешь тогда молодцом.

Через полчаса оба собеседника выехали из Саутгэмптона в коляске, захватив с собой чемодан, несессер, шкатулку банкира и дорожный мешок Джозефа Вильмота. Ровно в три часа коляска отъехала от подъезда отеля «Дельфин», а в четыре без пяти минут Дунбар со своим товарищем вошли в прекрасный отель «Джордж».

Всю дорогу банкир был в самом лучшем расположении духа: курил сигары, любовался природой: роскошными пастбищами, прекрасными рощами, высокими холмами позади древнего серого города, издали казавшегося пурпуровым.

Банкир много разговаривал, показывая самую дружелюбную благосклонность к своему бедному приятелю. Но все же он не так много и не так громко говорил, как Джозеф Вильмот. Казалось, все мрачные воспоминания улетели из памяти этого человека. Его прежняя угрюмость сменилась почти неестественной веселостью. Тонкий наблюдатель тотчас бы заметил, что в его смехе было что-то принужденное, что его шумной веселости недоставало искренности; но Генри Дунбар не был тонким наблюдателем. Жители Калькутты, посещавшие богатого банкира, привыкли восхищаться аристократическим равнодушием его лица, которое почти не выражало никаких эмоций.

Остроумные выходки спутника и его знание света, к несчастью, очень дурной части света, забавляли пресыщенного англо-индийца. Словом, всю дорогу до самого Винчестера путешественники были в самых лучших отношениях между собой. Джозеф Вильмот был как двойник своего патрона; оба были одеты одинаково, оба отличались одинаковой равнодушной небрежностью, так что для постороннего глаза трудно было различить, кто из

них барин, кто слуга.

Один из них заказал обед к восьми часам — лучший обед, какой только можно достать. Весь багаж был принесен в отдельную комнату, и в ожидании обеда путешественники вышли из гостиницы рука об руку.

Они пошли под тенью каменной колоннады, а потом через рыночную площадь прямо к собору. Тут были красивые, старинные площадки, тенистые аллеи, прекрасные сады, и, казалось, в этих священных пределах цветы росли и цвели лучше, чем в других местах. Тут видны были низенькие, старинные дома с окнами и массивными портиками времен Тюдоров, с огромными стрельчатыми крышами, увенчанными желтым окаменелым мхом, высокие ограды, огромные дубовые перекладыны, поддерживающие низкие, темные потолки, массивные трубы, как будто склоняющиеся под тяжестью плюща, обвившегося вокруг них; и над всем этим громадный купол точно осенял своей благодатной святыней этот мирный приют.

За соборной оградой широко, до самых подножий зеленых холмов расстилались богатые луга, тут же извилистой лентой протекала речка, то скрываясь под тенью густолиственных вязов, то вырываясь из мрака и изменяя своей мирной природе, с шумом бежала она по блестящим камешкам, неся свои воды в синий океан.

У соборной ограды наши путешественники остановились, чтобы навести справки о мистере Майкле Марстоне из Фернса, в Сен-Кроссе.

Увы! Славная вещь — отплыть к чуждым берегам и благоденствовать там; но зато как тяжело, вернувшись домой, услышать, что из всех твоих друзей остался только один, чтобы пожать тебе руку, и что навеки пересох тот ручей, который так сладко убаюкивал тебя своим тихим журчанием, когда ты ребенком мечтал, лежа на его берегу!

Больше десяти лет прошло уже с тех пор, как умер мистер Майкл Марстон. Его престарелая вдова все еще жила в Фернсе. Вот все сведения, которых добились путешественники от церковного сторожа, бродившего по площадке. Они разговаривали с ним недолго. Один из них задавал необходимые вопросы; но никто не выражал ни сожаления, ни удивления. Молча и все еще держась рука об руку, направились они к тенистым вязам и обширным лугам по ту сторону собора. Видя, что они уходят, старый сторож спросил слабым голосом:

— Джентльмены, не угодно ли вам осмотреть внутренность собора? В нем много есть достойного замечания.

Но ответа не было — оттого ли, что приезжие не слыхали его вопроса или не сочли нужным ответить.

— Пройдемся до Сен-Кросса для возбуждения аппетита к обеду, — сказал мистер Дунбар.

И они пошли по тропинке в тени высокой ограды; потом, перейдя через луг, скрылись в зеленой мирной роще.

Отрадная тишина царствовала под тенью развесистых деревьев. Извилистой лентой пробегал тихо журчащий ручеек между полевыми цветами и волнистым тростником. Наши приятели лениво шагали по мягкой зеленой траве.

Эта роща была очень уединенным, пустынным местом; только дряхлые инвалиды из богадельни Сен-Кросса заходили сюда погулять, и то не часто. Самые лучшие места на земле именно те, где редко бывают следы человеческих ног.

Вот и этот земной уголок казался еще милее по своему мирному уединению. Только тихий шелест листьев, длинная мелодическая нота одинокой птички и сладкое журчание ручейка прерывали царствующую здесь тишину.

Путешественники вошли в рощу, и темные тени высоких деревьев скрыли их от всего мира. Один из них все говорил, другой молчал и курил сигару.

IX

Генри Дунбар в ожидании обеда

Старый сторож все еще бродил по серой площадке, греясь на солнышке, пробивавшемся сквозь густую листву, когда увидел одного из разговаривавших с ним путешественников, который возвращался из рожи без своего товарища. Он курил сигару и размахивал своею тростью с золотым набалдашником.

— Покажите-ка Мне собор, — сказал он сторожу, — не хотелось бы мне уехать из Винчестера и не увидеть его собора, то есть не взглянуть на него еще раз. Лет сорок тому назад я бывал здесь еще мальчиком; но потом я провел в Индии тридцать пять лет, и там ничего уже не видал, кроме языческих храмов.

— И верно эти языческие храмы очень красивы? — спросил старик, отворяя низенькую дверь, ведущую в боковой флигель собора.

— О да, великолепные, разумеется. Но ведь я не воин и не имел случая прикоснуться к этим великолепиям.

В это время они вступили под мрачные своды церкви, и мистер Дунбар, держа шляпу в руке, смотрел по сторонам.

— Так вы не дошли до Фернса? — спросил сторож.

— Нет, я послал своего старого слугу узнать, дома ли хозяйка. Если она дома, так я переночую в Винчестере и завтра утром отправлюсь к ней с визитом. Ведь ее муж — мой старинный друг. А далеко ли отсюда до Фернса?

— Около двух миль, сэр.

Мистер Дунбар посмотрел на часы.

— Через час мой слуга должен вернуться, — сказал он. — Я приказал ему прийти сюда: я оставил его на полдороги между собором и Сен-Кроссом.

— Неужто тот другой джентльмен — ваш слуга, сэр? — спросил сторож с нескрываемым удивлением.

— Да, тот джентльмен, как вы его называете, — мой старый слуга, то есть он был моим доверенным слугой. Он очень умный и честный человек, и я обхожусь с ним как с товарищем... Покажите мне также, пожалуйста, и часовни.

Видно было, что мистер Дунбар желал положить конец неуместному любопытству старого сторожа.

Беспечной поступью, подняв голову кверху и посматривая по сторонам, проходил мистер Дунбар; но, когда сторож отпирал дверь в одну из часовен, он вдруг зашатался точно пьяный и тяжело опустился на дубовую скамью, стоявшую близ дверей.

Сторож обернулся и увидел, что он вытирает пот, выступивший у него на лбу, своим шелковым, надушенным платком.

— Не беспокойтесь, — сказал он со смехом, смотря на испуганное лицо сторожа, — жизнь в Индии изнежила меня, я не могу переносить никакой усталости. Прогулка пешком в такое знойное утро мне не под силу; а может, и лишний стакан вина, который я хватил в Саутгэмптоне, произвел свое действие.

Сторож тоже рассмеялся, и каким-то неприятным отголоском прозвучал их смех в этом торжественном убежище молитвы.

Прошел час, а мистер Дунбар все рассматривал собор. Его занимала каждая мелочь, и ему хотелось знать значение всего, что он видел. Он заглядывал во все уголки, переходил от одного монумента к другому. Все, что попадалось на глаза мистеру Дунбару, возбуждало его любопытство, и он задавал словоохотливому сторожу вопрос за вопросом; он старался разобрать полуистертые надписи на давно забытых могилах, провозглашавших хвалы покойникам; восхищался великолепием священных остатков старины с восторженностью школьника или антиквария.

Старый сторож подумал, что никогда еще обязанность показывать любопытным свой любимый собор не доставляла ему столько удовольствия, как теперь; этот прекрасный джентльмен, только что возвратившийся из Индии, готов был восхищаться всякой безделицей на своей родной земле. Старику стало еще приятнее, когда мистер Дунбар дал

ему полсоверена в награду за его труды.

— Благодарю вас, сэр, искренно благодарю вас, — сказал старик, низко кланяясь. — Редко случается мне получать столько денег за труды. Я показывал собор одному герцогу, но герцог не наградил меня с такой щедростью, как ваша милость, сэр.

Мистер Дунбар улыбнулся.

— Очень может быть, что герцог не так богат, как я, несмотря на все его герцогство.

— Как можно, сэр, разумеется, нет, — отвечал старик, с восхищением смотря на банкира и вздыхая жалобно, — а ведь хорошо быть богатым, сэр; должно быть, очень хорошо! А вот у кого дюжина внучат да жена больная, с постели не встает, уж куда как жизнь тяжела покажется!

Может быть, сторож питал слабые надежды еще на полсоверена от этого богатого джентльмена. Но мистер Дунбар уселся на скамье у низенькой двери собора и вынул часы.

Сторож тоже взглянул на них; это был хронометр, стоивший сто гиней — образцовое произведение Бенсона; на нижней дощечке был вырезан герб Дунбаров, на массивной золотой цепочке висел медальон, тот самый медальон, в котором был миниатюрный портрет Лоры Дунбар.

— Семь часов! — воскликнул банкир. — Моему слуге пора бы вернуться.

— Точно так, сэр, — сказал сторож, готовый соглашаться на все, что угодно, мистеру Дунбару, — если он отправился только в Фернс, сэр, то ему пора бы вернуться; это действительно так.

— Пока он придет, я выкурю сигару, — сказал банкир, выходя на площадку, — уж он не пройдет мимо этой двери, не увидев меня; я предупредил его, что буду ждать его здесь.

Генри Дунбар выкурил сигару, потом другую; на соборных часах пробило три четверти восьмого, а Джозеф Вильмот все не возвращался из Фернса. Сторож тоже поджидал, угождая своему патрону, хотя ему давно было пора идти домой да чайку напиться, что он при обыкновенном течении жизни всегда делал в пять часов.

— Это из рук вон дурно, — закричал банкир, когда часы пробили три четверти, — Вильмот знает, что я обедаю в восемь часов, и жду его, чтобы вместе поесть. Кажется, я заслуживаю большего внимания от него. Делать нечего, надо вернуться в гостиницу «Джордж». Не будете ли вы так добры, подождать его и приказать ему скорее прийти ко мне.

Мистер Дунбар ушел, ворча что-то под нос, а бедный старик, отложив мысли о чае, остался ждать. Он добросовестно ждал до тех пор, когда пробило девять часов и над его головой звезды заблистали на синем небе; но все его ожидания остались напрасны — Джозеф Вильмот не возвращался из Фернса.

Банкир вернулся в гостиницу «Джордж». Небольшой круглый стол был накрыт в великолепной комнате первого этажа; расставленные в приятном порядке серебро и хрусталь блестели при ярком свете пяти восковых свечей в серебряном канделябре: слуга начинал уже беспокоиться насчет рыбы, как бы она не переварилась.

— Подождите подавать обед, — сказал Дунбар с явным неудовольствием. — Я не буду обедать до возвращения мистера Вильмота, моего старого слуги, который всегда пользовался моим полным доверием и был у меня не слуга, а скорее друг... Я подожду его.

— А далеко ли он пошел, сэр?

— В Фернс, около мили дальше Сен-Кросса. Я подожду его к обеду. Подайте мне пару свечей на письменный стол и принесите шкатулку.

Слуга повиновался: поставил пару свечей на стол и принес шкатулку, которая стоила сорок фунтов стерлингов, имела всевозможные удобства для делового человека и такую изящную роскошь, какую только может пожелать самый прихотливый путешественник. И все, что принадлежало этому человеку, было в том же роде: все носило на себе печать почти несметного богатства.

Мистер Дунбар вынул из кармана связку ключей и стал отпирать шкатулку; однако это не сразу ему удалось, потому что он с трудом отыскал подходящий ключ. Он взглянул с улыбкой на служителя, который не уходил из комнаты, желая угодить ему и быть готовым

исполнять его приказания.

— Должно быть, я выпил сегодня лишний стакан мозельвейна, — заметил банкир, рассмеявшись. — По крайней мере, мои враги могли бы так сказать, если б увидели, с каким трудом я отыскиваю ключ от своей собственной шкатулки.

Однако в это время он отворил шкатулку и стал рассматривать один из многочисленных пакетов с бумагами, которые лежали в определенном порядке, тщательно сложенные и с четкими надписями.

— Так прикажете подождать с обедом, сэр? — спросил слуга.

— Разумеется; я дождусь моего друга, как бы долго он ни задержался. По правде сказать, я не имею особенного аппетита, потому что плотно позавтракал в Саутгэмптоне. Я позвоню, когда захочу есть.

Слуга вышел с затаенным вздохом, и Генри Дунбар остался один перед раскрытой шкатулкой, стоявшей на столе при свете высоких восковых свечей.

Больше часа он сидел все в одном положении, разбирая бумаги одну за другою и снова укладывая их.

Видно, мистер Дунбар очень любил порядок и точность, потому что бумаги, и без того уложенные в совершенном порядке, он опять перекладывал, каждую бумажку разворачивал, пересматривал и снова вкладывал в пакеты; перечитал все письма и делал заметки для памяти в своей записной книжке.

И при всем этом он не выказал ни малейшего признака нетерпения, свойственного человеку, ожидающего другого. Он до такой степени был поглощен своим занятием, что забыл, может быть, о существовании пропавшего человека; но в девять часов он снова запер шкатулку на замок, вскочил со своего стула и позвонил.

— Я начинаю сильно беспокоиться насчет моего друга, — сказал он. — Попросите хозяина прийти ко мне.

Мистер Дунбар отошел к окну и все время смотрел на улицу, пока слуга исполнял его приказание. На улице все было тихо; фонари мелькали в разных местах; мостовая побелела от лунного света. Шаги одинокого прохожего по тротуару почти так же глухо отдавались, как давеча голоса Дунбара и сторожа звучали под сводами собора.

Хозяин явился за приказаниями богатого посетителя.

— Чем могу служить вам, сэр? — спросил он почтительно.

— Вы можете оказать мне огромную услугу, если отыщете моего друга. Я начинаю сильно тревожиться о нем.

Мистер Дунбар подробно рассказал, как он с пропавшим другом отправился в рощу по дороге в Сен-Кросс, как они условились, что Вильмот пойдет в Фернс и на обратном пути зайдет за своим прежним господином в собор. Он также подробно объяснил, что за человек был Джозеф Вильмот и в каких отношениях он с ним находился.

— Конечно, не хочу и думать, чтобы тут была серьезная причина для беспокойства, — сказал он. — Сам Вильмот сознался мне, что в последние годы вел не совсем трезвую жизнь. Очень могло случиться, что он зашел по дороге в какой-нибудь трактир и сидит себе под хмельком в кругу веселых приятелей. Нечего сказать, удружил он мне сегодня!

Хозяин покачал головой.

— Наверное, так оно и есть, сэр. Надеюсь, что вы не станете больше его ожидать к обеду?

— Нет, нет; прикажите подавать, хотя, по правде сказать, мне есть совсем не хочется, потому что я преплотно позавтракал в Саутгэмптоне.

Сам хозяин собственными руками поставил на стол серебряную суповую чашу и откупорил бутылку рейнвейна, потребованную Дунбаром. И немудрено: в поведении банкира было что-то такое внушительное, что явно говорило о важности его особы. Как же хозяину гостиницы не оказать ему должной почести?

Мистер Дунбар говорил совершенную правду в отношении своего аппетита. Он съел несколько ложек супа, кусок рыбы и отодвинул от себя тарелку.

— Нет, не могу. — Он встал и подошел к окну. — Я начинаю сильно беспокоиться о моем приятеле.

Несколько раз прошелся он по комнате и опять подошел к отворенному окну. Была тихая, жаркая августовская ночь; высокие кровли старинных домов бросали черные тени на мостовую, ярко освещенную луной. Высокие кресты, низкая каменная колоннада, величественные башни собора придавали вид древности мирному городу.

На соборной колокольне пробило половину десятого, мистер Дунбар все еще стоял у окна и смотрел на улицу.

— Делать нечего, придется переночевать у вас, — сказал он, не оборачивая головы к хозяину, стоявшему позади него. — Не могу же я уехать отсюда без Вильмота! Нечего сказать, удружил! Это непростительно с его стороны! Тем более скверно, что он должен же сознавать, кто он такой и кто я для него.

Банкир говорил это с чувством оскорбленного достоинства, как человек, сознающий свое высокое значение. Хозяин по этому случаю повторил стереотипные фразы, выражавшие сочувствие Генри Дунбару и порицание недостойному поведению пропавшего человека.

— Нет, не поеду я сегодня в Лондон, — сказал мистер Дунбар. — Хотя это мне очень прискорбно, потому что там ждет меня дочь, мое единственное дитя, которую я не видел более шестнадцати лет! Но все же я не могу оставить Винчестер без Джозефа Вильмота.

— Вы слишком добры, сэр, — проговорил хозяин. — Вы слишком добры, что так много заботитесь об этом... гм! гм!.. об этом человеке.

Он запнулся немного перед последним словом, потому что, хотя банкир выражался о Вильмоте как о низшем себе и слуге, однако хозяину пропавший человек показался по наружности таким же джентльменом, как и его спутник.

Хозяин все еще ждал приказаний банкира, и все блюда с кушаньями все еще стояли на столе под серебряными крышками. Никогда в гостинице «Джордж» не бывало такого неудачного обеда.

— У меня терпения не хватает ждать, и я начинаю серьезно опасаться, не случилось ли чего с ним! — вдруг воскликнул мистер Дунбар. — Нельзя ли послать кого-нибудь в Фернс, чтобы расспросить, был ли он там?

— Это очень легко сделать. Сейчас же будет готова лошадь и один из конюхов поскачет прямо в Фернс. Не угодно ли вам, сэр, написать записочку миссис Марстон?

— Записку? Нет. Я не знаком с миссис Марстон. Мой старый друг, Майкл Марстон, не был еще женат перед моим отъездом из Англии. Пускай посланный только спросит, был ли человек в Фернсе от имени мистера Дунбара, и если был, то в котором часу он приходил и когда ушел. По какой дороге поедет ваш конюх, через луга или по большой дороге?

— По большой дороге, сэр, потому что через луга идет только тропинка для пешеходов. Самая короткая дорога, конечно, через рошу между нашим городом и Сен-Кроссом; но там можно пройти только пешком, потому что там есть канавы, изгороди и тому подобное.

— Ну да, я это знаю; именно там я и расстался с моим слугой, с этим несносным Вильмотом.

— Там прекрасное место для прогулки; только ночью нельзя там ходить: слишком безлюдно, да и днем довольно пусто.

— Да, оно и мне так показалось. Пошлите же скорее своего конюха, вы очень обяжете меня. Может быть, Джозеф Вильмот преспокойно сидит себе за стаканом вина в кухне миссис Марстон.

Хозяин поспешил исполнить просьбу банкира.

Мистер Дунбар расположился в удобном кресле и взял газету. Но он не в состоянии был прочитать ни одной строчки. Он был в тревожном состоянии духа, потому что человек и с самыми крепкими нервами непременно раздражается, когда его несвоевременно заставляют ждать или подвергают опасениям по случаю необъяснимого происшествия. Отсутствие Джозефа Вильмота с каждой минутой становилось необъяснимее, и его прежний

господин не старался даже скрывать своего беспокойства. Газета выпала из его рук, и он сидел, повернув голову к двери и прислушиваясь к каждому шороху.

Прошло более часа, когда наконец хозяин вошел в комнату.

— Ну что? — вскрикнул Генри Дунбар.

— Конюх вернулся, сэр. В Фернсе сегодня не было никакого посланного ни от вас и ни от кого другого.

Мистер Дунбар вытаращил глаза на хозяина. Несколько мгновений продолжалось молчание; с удивленным и с озабоченным видом смотрел банкир прямо в лицо хозяину и наконец медленно и спокойно сказал:

— Боюсь, не случилось ли с ним чего.

Хозяин, перебирая пальцами свою тяжелую цепочку от часов, пожал плечами с сомнительным видом.

— Действительно, сэр, это что-то странное, чтобы не сказать чего больше. Но, вы не полагаете, однако, что он... — Он поглядел на Генри Дунбара, как будто не знал, чем закончить свою речь.

— Я не знаю, что и думать, — вскрикнул банкир. — Помните только, что я в этих местах почти чужой. Этот человек мог сыграть со мною скверную шутку, обманом уйти от меня для какой-нибудь корыстной цели, хотя я и сам не знаю, для какой: для его личной выгоды ему было гораздо лучше остаться при мне. Однако, пожалуй, с ним могло что-нибудь и случиться... Что же такое могло с ним случиться?

На это хозяин заметил, что много чего могло случиться с человеком: он мог упасть в беспамятстве, мог прошататься где-нибудь засветло, а как стемнело, сбиться с пути и попасть в воду. Ведь между винчестерским собором и Фернсом много преглубоких мест в речке.

— Так распорядитесь поскорее начать поиски завтра же, с самого рассвета! — воскликнул мистер Дунбар. — Чего бы это мне ни стоило, но я не уеду из Винчестера, пока не разъяснится это дело. Распорядитесь так, чтобы ни одного вершка земли не осталось без поисков, пускай...

Он не кончил еще своей речи, как в нижней зале раздался внезапно шум, крик, топот, страшная суматоха. Хозяин отворил дверь и вышел на широкую площадку лестницы; за ним последовал и мистер Дунбар.

В нижней зале толпились слуги гостиницы, а у наружной двери теснились посторонние; до слуха людей, стоявших на крыльце, доносился глухой ропот, как будто из одной груди, хотя в действительности множество голосов сливалось в один гул, который становился все громче и громче до тех пор, пока не разразился одним страшным воплем: «Смертоубийство!» Генри Дунбар слышал и понял, в чем дело, потому что его красивое лицо покрылось синеватой бледностью, точно снег при лунном свете, и он оперся о дубовые перила на лестнице.

Хозяин бросил гостя и сломя голову побежал вниз: не время было уже церемониться даже с банкиром.

Менее чем через пять минут хозяин вернулся. Он был почти так же бледен, как и мистер Дунбар.

— Боюсь, сэр, ваш друг, ваш слуга найден, сэр, — сказал он.

— Вы хотите сказать, что это он?..

— Боюсь, что так, сэр. Двое ирландских жнецов, возвращаясь от фермера Мантфильда, за пять миль от Сен-Кросса, наткнулись на человека, лежащего в речке, под деревьями.

— Под деревьями! Где же?

— В том самом месте, где вы расстались с мистером Вильмотом, сэр.

— Боже! Но он еще жив?

— Он был мертв, сэр, совершенно мертв. Они перенесли его в трактир «Лесничий», потому что это ближе всего от того места, где нашли тело. Тотчас послали за доктором и много было хлопот; но доктор — мистер Крикльвуд, достойный уважения джентльмен, сэр,

говорит, что этот человек уже несколько часов лежал в воде и что убийство совершено несколько часов тому назад.

— Убийство! — закричал Генри Дунбар. — Но зачем же убийство? Он, может быть, и не убит! Может быть, какой-нибудь несчастный случай причиной его смерти! Может быть, он нечаянно утонул!

— О нет, сэр. Он не мог утонуть, потому что в том месте, где его нашли, нет и трех футов глубины. Он был удушен веревкой; удушен сзади, потому что петля была затянута на затылке. Доктор Крикльвуд внизу; если вам угодно туда пройти, то он вам все расскажет, как было; он все это знает лучше других. Судя по тому, что говорят ирландцы, труп был притянут в воду веревкой; это показывают следы, оставшиеся на траве. Право, сэр, мне очень жаль, что такое несчастье случилось с той особой, которую вы ожидали здесь.

Жаль было смотреть на мистера Дунбара. Его мертвенное лицо было обращено к хозяину; глаза неподвижны; казалось, он даже не слушал, что ему рассказывали о совершившемся преступлении, а между тем он все слышал до последнего слова; наконец, он глухо, с расстановкой произнес:

— Удушен, труп притянут на веревке в воду. Кто же, кто это мог сделать?

— Вот в этом-то и дело. Все это совершилось, должно быть, ради денег, потому что на берегу тут же найден пустой бумажник. Именно в это время года часто шляются по окрестностям бродяги, которые всегда готовы на какое угодно преступление, лишь бы добыть немного денег. Я помню — давно это было, лет сорок, а не то и больше, я еще тогда ходил в курточке, — так и тогда тоже был убит один джентльмен на твифордской дороге и говорили, что...

Но мистеру Дунбару было не до воспоминаний хозяина. Он прервал его рассказ и сказал с глубоким вздохом:

— Что я могу тут сделать? Что мне теперь надо делать? Нельзя ли тут чем-нибудь помочь?

— До завтрашнего утра, сэр, тут нечего делать, Я думаю, завтра произведено будет следствие.

— Да, да, разумеется, следствие будет произведено.

— Следствие-то? Ну конечно, сэр, непременно будет, — подтвердил хозяин.

— Подумайте только, что я совершенно незнаком с английскими обычаями и совсем не понимаю, как надо поступать в таких случаях. Не нужно ли сделать чего-нибудь для поиска убийцы?

— Непременно, сэр. Я уверен, что констебли распорядились уже. Не беспокойтесь: все будет сделано, что только зависит от них. Но я боюсь, что это именно такой случай, когда убийца легко может ускользнуть из рук правосудия.

— Почему вы так думаете?

— Потому что убийца имел время, для того чтобы скрыться так, что и следов не отыщешь; разумеется, этого не будет в том только случае, если вы укажете, какие были у убитого деньги или часы, или цепочка, или что-нибудь другое, по чему можно признать убийцу.

Мистер Дунбар покачал головой.

— Я даже не знаю, были ли у него часы или цепочка, — сказал он. — Ведь я только сегодня утром встретился с ним, и не имею никакого понятия, какие были у него деньги.

— Не угодно ли вам повидаться с доктором, сэр?..

— Да нет, ведь вы все мне рассказали.

— Точно так, сэр.

— Я лягу спать. Все это меня страшно утомило. Погодите минуту. Достоверно ли это признано, что человек, найденный убитым в речке, действительно тот и есть, кто сегодня приехал сюда со мной?

— О да, сэр; тут и сомнения никакого нет. Один из наших людей ходил из любопытства в «Лесничий» и в ту же минуту узнал в убитом того джентльмена, который

сегодня в четыре часа приехал с вами в нашу гостиницу.

Мистер Дунбар удалился в приготовленную для него спальню. Это была лучшая комната в гостинице, и тут слуга ожидал приказаний богатого банкира.

— Вы привыкли, сэр, иметь всегда собственного камердинера; трудно было бы вам обойтись без прислуги, и потому я приказал Генри дежурить при вас, — сказал внимательный хозяин.

Проворный и ловкий Генри быстро развязал чемодан, вынул, что было надо, открыл несессер и расставил на туалетном столике хрустальные бутылочки с золотыми пробками и все бритвенные принадлежности.

Долго сидел мистер Дунбар перед зеркалом и озабоченно рассматривал отражение собственного лица, мертвенно-бледного при свете восковых свечей.

На другой день он поднялся рано и до завтрака отправил телеграфическую депешу в банкирский дом на улице Св. Гундольфа.

Депеша отправлена была от имени Генри Маддисона Дунбара Вильяму Балдерби и состояла в следующем:

«Прошу немедленно приехать в гостиницу «Джордж», в Винчестер. Случилось страшное событие, я нахожусь в больших хлопотах и неприятностях. Привезите с собой стряпчего. Дайте знать моей дочери, что еще несколько дней не приеду в Лондон».

А все это время тело убитого лежало в темной комнате в трактире «Лесничий».

Окостеневшие формы трупа ясно обрисовывались под простыней, покрывавшей его; но дверь грозной комнаты была заперта, и никто не мог туда войти прежде coronera — осмотрщика мертвых тел.

Никто не мог вспомнить, чтобы в «Лесничем» было когда-нибудь столько хлопот и суматохи, как в настоящую минуту. Целое утро прошло в том, что одни люди приходили, другие уходили; одни небольшими кучками толпились у перил, беседуя вполголоса; другие теснились около порога, а иные бродили по солнечной стороне мостовой. Пожалуй, в Винчестере не было живого человека, который не толковал бы о совершившемся убийстве.

Генри Дунбар сидел в своей комнате и ждал ответа на свою депешу.

X Лора Дунбар

Пока все только что описанное происходило между Лондоном и Саутгэмптоном, Лора Дунбар, дочь банкира, с нетерпением ожидала отца.

Она походила на свою мать — леди Луизу Дунбар, младшую дочь герцога Грантвикского — настоящий тип красавицы аристократки. Леди Луиза встретила с мистером Дунбаром в Индии, после смерти первого своего мужа, кавалерийского капитана, павшего в сражении с сейками и оставившего молодую вдову с шестинедельным ребенком.

Положение бедной леди Луизы Макмагон было очень плачевное: она осталась почти без средств к существованию и знала, что ее родственники в Англии также были в плохих обстоятельствах и не могли ей помочь. Беспомощная, как ее дитя, потрясенная смертью страстно любимого мужа, она влачила жалкое существование в Калькутте, не имея других средств, кроме ничтожного пенсионера, и не решаясь пуститься в дальний путь, на родину.

В таком-то несчастном положении леди Луиза встретила с богатым банкиром, Генри Дунбаром. Она столкнулась с ним по поводу денежных дел своего покойного мужа, державшего свои деньги в банке Дунбар, и Генри, которому уже было под сорок, влюбился в прелестную вдову.

Мне нечего описывать повесть его любви, его ухаживаний. Леди Луиза вышла замуж за богатого банкира через восемнадцать месяцев после смерти первого мужа. Маленькая Доротея Макмагон была отослана в Англию, к родственникам ее матери, а прелестная жена Генри Дунбара по праву своего звания и богатства своего мужа сделалась царицей «города дворцов».

Генри Дунбар любил ее без ума, как даже самый отъявленный эгоист способен любить раз в жизни. Но леди Луиза никогда в сущности не питала к нему взаимной любви. Ее преследовали воспоминания о первой, чистейшей ее любви; ее мучило раскаяние в том, что она позволила оторвать от себя бедную сироту. Генри Дунбар ревновал свою жену к этому ребенку и позаботился удалить его.

Леди Луиза царила в Калькутте два года, но в то самое время, когда ее слава, ее красота достигли своего апогея, смерть сразила ее так внезапно, что эта печальная весть застала весь фешенебельный свет Калькутты в тревожных приготовлениях к предстоявшему балу у леди Луизы. Генри Дунбар остался вдовцом. Он мог бы, если бы захотел, жениться во второй раз; самая гордая красавица не отвергла бы брака с единственным наследником знаменитого банка на улице Св. Гундольфа. На брачном рынке этого города было неспокойно, по крайней мере года три после смерти леди Луизы. Можно было даже заметить значительный ввоз живого товара, который заботливые папеньки и маменьки спешили выписать из Англии в надежде привлечь внимание вдовца-миллионера.

Но тщетно золотистые локоны рассыпались по плечам Гризельды, тщетно жгучие очи Аманды блистали, как звезды в темной ночи, тщетно Георгина спорила в легкости и грации с Дианой, тщетно кроткая Лавиния соперничала в красоте с Венерой — мистер Дунбар встречал их без удовольствия и покидал без сожаления.

Все эти совершенства, хотя бы они были соединены в одном лице, не были способны очаровать банкира. Сердце его было мертво. Всю страсть, всю жизнь своей души он отдал одной женщине, сумевшей его очаровать.

Искать его любви значило бы просить подаяния у человека с пустым кошельком. Юные красавицы вскоре поняли это и обратили свое внимание на другие спекуляции, открывшиеся на их рынке.

Генри Дунбар отправил свою дочь, своего единственного ребенка, в Англию. Он расстался с ней не потому, что был к ней равнодушен — напротив, вследствие совершенно противоположного чувства. Это было, быть может, единственное действие в его жизни, в котором руководил не эгоизм; но даже и здесь, впрочем, была доля расчета.

«Мне было бы отрадно оставить ее при себе, — думал он, — но что, если климат будет так же пагубен для нее, как для ее матери; что, если я потеряю и ее? Я лучше отошлю ее теперь в Англию, и она будет мне утешением в старости, когда я возвращусь на родину по смерти моего отца».

Генри Дунбар поклялся после обнаружения подложного векселя, что он никогда в жизни не покажется на глаза отцу, и сдержал клятву.

Таков был этот отец, которого ожидала Лора Дунбар с сердцем, переполненным самой нежной женской любовью. Она была прекрасна; ее присутствие, как солнечный луч, украшало всякое место, где бы ей ни случилось быть. В ее внешности было что-то царственное, свидетельствовавшее о голубой крови ее матери; но в этой царственности не было ничего повелительного. В ее взгляде, в чертах ее лица не было излишней гордости. Эта женщина могла бы с честью восседать на троне, рядом с королем Англии, и быть заступницей всех прибегающих к подножию этого трона. Там она была бы на своем месте, потому что как в душе, так и внешне она была королева. Она походила на стройную лилию, бессознательно прелестную, бессознательно величественную, и самые ничтожные существа, приближаясь к ней, озарялись каким-то поэтическим светом.

Она была избалована обожавшей ее нянюшкой, искренно любившей ее гувернанткой, учителями, бывшими от нее без ума, прислугой, преданность которой доходила до поклонения. Да, она была избалована в обыкновенном смысле этого слова; она привыкла проявлять во всем свою волю, быть свободной, как мотылек в огражденном саду, сорить деньгами направо и налево, нередко поддаваться обману плутов, находивших дорогу к ее крыльцу; она привыкла ездить верхом и в экипаже, охотиться — словом, делать все, что ей вздумается. Но вследствие этого глупого, неблагоприятного баловства молодая наследница Модслей-Аббэ сделалась самой очаровательной женщиной во всем Варвикшире.

Да, она была немного капризна, даже упряма и своевольна. Но своеволие только придавало некоторую пикантность этой величавой молодой лилии. Белые лилии бывают особенно очаровательны, когда они своевольно колышутся при дыхании летнего ветерка, и если Лора вспыхивала гневом при малейшей попытке ей противоречить, если ее чудные голубые глаза при этом мгновенно загорались, напоминая яркий луч солнца, пробивающийся сквозь грозовые тучи, то огромное большинство варвикширских джентльменов согласились бы навлечь на себя временное нерасположение мисс Дунбар, чтобы только насладиться этой дивной картиной женского негодования.

Мисс Дунбар было всего восемнадцать лет; она еще не «выезжала в свет», но уже успела наглядеться на людей, потому что дед постоянно держал ее около себя.

Она выехала из Модслей-Аббэ в Портланд-плэс в сопровождении своей нянюшки, некой Элизабеты Маддон, бывшей горничной леди Луизы, искренне преданной молодой сироте.

Но миссис Маддон не одна сопровождала Лору. С ними была сестра ее, Дора Макмагон, которая, к величайшему счастью Лоры, в последнее время была почти неотлучно в Аббэ. Это маленькое общество конвоировал еще Артур Ловель, сын первого стряпчего в городе Шорнклифе близ Модслей-Аббэ.

Этот молодой человек был большой любимец Персиваля Дунбара и частый гость в Аббэ. Старик, умирая, просил Артура Ловеля остаться другом и адвокатом Лоры, и молодой человек был с энтузиазмом предан своей прелестной клиентке и — что скрывать — любил ее. Он любил эту девушку, состояние которой ставило ее неизмеримо выше его. Какими душевными муками платил он за каждое счастливое мгновение, за каждый приятный день, проведенный в Модслей-Аббэ. Он любил Лору и с ужасом сознавал, что эта любовь безнадежна.

Во всяком случае, в настоящем она была совершенно безнадежна, потому что, хотя он и был хорош собой, умен, образован — словом, джентльмен в самом благородном смысле этого слова, — он не годился на роль жениха для дочери Генри Дунбара. Правда, он был единственным наследником небольшого состояния, но не было сомнения, что гордый миллионер презрительно осмеял бы его, если бы он осмелился сделать предложение его дочери.

Но так ли безнадежно будущее? Он вечно задавал себе этот вопрос, не решаясь не него отвечать.

Ловель был горд и честолюбив. Он сознавал, что умен; он не мог не сознавать этого, хотя не был ослеплен. Через протекцию одного влиятельного лица ему было предложено место в Индии. Это назначение предоставляло ему возможность сделать блистательную карьеру.

Влиятельная особа, сделавшая это предложение Артуру Ловелю, писала ему, что он может не торопиться с ответом, потому что вакансия открывается не раньше чем через год.

Артур Ловель тотчас же решил принять предложение.

— Я отправлюсь в Индию, — сказал он себе. — Чтобы быть мужем Лоры Дунбар, мне нужно иметь успех в свете. Но прежде чем отправиться, я объяснюсь с ней. Если любовь моя взаимна, то никакие труды, никакая борьба не устроят меня. Если нет...

Он не закончил этой фразы даже в уме своем; он не верил, чтобы обожаемые уста произнесли ему такой приговор. Он с радостью воспользовался удобным случаем, который предоставляла эта поездка.

«Я поговорю с ней до приезда ее отца, — думал он, — она скажет мне всю правду, потому что она бесстрашна и правдива, как ребенок. Но его приезд может произвести в ней перемену. Она страстно его любит и будет ему во всем покоряться. Дай Бог, чтобы он повел ее благоразумно».

Лора и миссис Маддон приехали в Портланд-Плэс 17 августа.

Артур Ловель расстался со своей прелестной клиенткой на станции железной дороги и отправился в отель, в котором обыкновенно останавливался. Он заехал к мисс Дунбар 18-го,

но не застал ее дома. Он заехал во второй раз 19-го, в то самое ясное августовское утро, когда тело убитого человека было выставлено в полусвещенной комнате в Винчестере.

Было только десять часов, когда молодой адвокат вошел в изящную маленькую гостиную квартиры, занимаемой обыкновенно Лорой. Чайный сервиз был еще на столе; миссис Маддон, в одно время компаньонка и экономка, распорядилась за чайным столом; рядом с ней сидела Дора Макмагон с раскрытой книгой и недопитой чашкой чая, а мисс Лора полулежала в низеньком, уютном кресле перед окном, выходящим в теплицу, из которой доносился аромат экзотических растений.

Вошел Артур, и она встала. Никогда не походила она так на лилию, как теперь, в свободной утренней блузе из полупрозрачной кисеи. Ее богатая каштановая коса украшала высокой диадемой ее чудный белый лоб и как бы увеличивала ее рост. Она протянула ему свою изящную, маленькую ручку, и драгоценные камни, украшавшие ее пальцы, засверкали и заискрились на солнце.

— Как я рада вас видеть, мистер Ловель, — сказала она. — Мы очень скучали с Дорой. Лондон теперь точно пустыня какая. Я отправилась погулять вчера, и в парках так же пусто, безлюдно, как в Сахарской степи. Правда, театры открыты и в одном из них был вчера большой концерт, но эта гадкая Элизабета не позволила мне поехать туда. Вот если б жив был дедушка, то он меня, наверное, повез. Он возил меня всюду.

Миссис Маддон серьезно покачала головой.

— Ваш дедушка пошел бы за вами хоть на край света, мисс Лора, — сказала она. — Он вас избаловал. Хорошо бы было, если б ваш папа приехал, когда вы шалили в театре.

Мисс Дунбар посмотрела с лукавой улыбкой на свою старую няньку.

«Она всего восхитительнее, когда улыбается, нет, когда дуется, нет, всегда, всегда», — думал Артур Ловель, любуясь ею.

— Но я бы не шалила, старая Маддон, — весело воскликнула она. — Я бы тихо и смиренно сидела в закрытой ложе с моей глупой, милой няней. К тому же как мог бы папа рассердиться на меня в первый день своего приезда?

Миссис Маддон закачала головой еще серьезнее прежнего.

— Я об этом ничего не знаю, мисс Лора. Но вы не должны ожидать, чтобы мистер Дунбар походил на вашего дедушку.

Неожиданное облако омрачило на минуту прелестное личико молодой девушки.

— Ты не думаешь, Элизабета, — сказала она, — чтобы папа был недобр ко мне.

— Я не знаю вашего папу, мисс Лора. Я никогда его не видывала; но индийский слуга, привезший вас в Англию, когда вы еще были совершенным ребенком, говорил, что ваш отец очень гордый и вспыльчивый человек и что даже ваша бедная мать, которую он любил более всего на свете, боялась его.

Улыбка совершенно исчезла с лица Лоры, и чудные глазки ее наполнились слезами.

— Ах! Что станет со мной, если папа не будет добр ко мне! — воскликнула она. — Я с таким нетерпением ждала его приезда. Считала дни, часы; а если он не любит меня, если...

Она закрыла лицо руками и отвернулась в сторону.

— Лора, — воскликнул Артур Ловель, впервые называя ее этим именем, — как может кто-нибудь не любить вас? Как...

Он остановился, явно стыдясь своей страстной вспышки. В этих немногих словах он высказал тайну своего сердца; но Лора была слишком невинным, чистым созданием, чтобы понять смысл, скрытый в этих словах.

Миссис Маддон, напротив, очень хорошо поняла, в чем дело, и с поощрительной улыбкой посмотрела на молодого человека.

Артур Ловель был большим ее любимцем; она знала, что он страстно любил ее барышню, но не мешала ему, считая его образцом благородства и честности.

Она теперь засуетилась с чашками и бросила значительный взгляд на Дору Макмагон, но та не поняла этого взгляда. Ее чудные черные глаза были устремлены на Лору и Артура; при виде страстного, нежного выражения лица молодого человека Дора то бледнела, то

краснела, и машинально переворачивала страницы лежавшей перед ней книги.

— Сегодня утром принесли вашу новую шляпу, мисс Дора, — сказала Элизабета Маддон довольно резко. — Может быть, вы желали бы посмотреть на нее.

— Мою новую шляпку! — промолвила Дора как-то странно, словно не сознавая, что она говорит.

— Да, мисс, новую шляпу, которую вы вчера купили на Риджент-стрит. Я никогда не видела такой забывчивой, рассеянной девушки, как вы сегодня, мисс Дора.

Рассеянная молодая девушка встала с места, совершенно озадаченная неожиданным предложением миссис Маддон пойти наверх и посмотреть на новую шляпку. Но она охотно вышла из комнаты вслед за старой няней, которая привыкла к тому, что все ее слушались, даже своевольная наследница Модслей-Аббэ.

Лора осталась в комнате наедине с молодым адвокатом. Она снова села в мягкое кресло у окна и подперла голову рукой. Глаза ее были устремлены в пространство как-то странно, бессознательно. Это задумчивое выражение лица совсем не шло этому созданию, вечно веселому, как юная птичка.

Артур придвинул свое кресло к молодой девушке.

— Лора, — сказал он, — отчего вы вдруг замолчали? Я никогда не видел вас такой серьезной, разве только после смерти вашего дедушки.

— Я думаю о моем отце, — отвечала она едва слышно. — Я думаю, что, может быть, папа не будет меня любить.

— Не любить вас, Лора? Да кто же может не любить вас? — снова воскликнул молодой человек. — Если б я только смел — да, да, я должен высказаться. Вся моя будущность зависит от моего признания. Я не бедняк, не нищий, Лора, но ваше богатство так возвышает вас над всеми, что я боялся до сих пор вам сказать то, о чем вы сами должны были давно догадаться, как бы невинны вы ни были.

Молодая девушка посмотрела на него с изумлением.

— Я люблю вас, Лора, я люблю вас. Свет признал бы меня теперь недостойным вас по состоянию и положению, но я человек с амбициями и железной волей. Нет ничего невозможного для того, кто решился победить, и ради вас, Лора, ради вашей любви я преодолею все преграды, как бы страшны, неприступны они ни были. Я еду в Индию, Лора, за славой и богатством, ибо богатство и слава — послушные рабы смелого человека, они только не даются трусу. Помните, моя возлюбленная, что это богатство, стоящее теперь преградой между мной и вами, может в один день отойти от вас. Ваш отец еще не старик, он может снова жениться и иметь сына. Дай-то Бог, чтоб это случилось. Но будет ли это или нет, я не отчаиваюсь, если только могу надеяться на вашу любовь. О Лора, милая Лора, скажите одно слово надежды. Вспомните, как счастливы мы всегда были вместе, как маленькими детьми ловили бабочек в садах Модслея, как более взрослыми мы рука в руку гуляли по берегам Авона; наконец, как еще недавно стояли вдвоем у смертного одра вашего дедушки. Прошедшее неразрывно связывает наши жизни, Лора. Посмотри назад, на счастливые дни нашей юности и скажи, радость моя, скажи, что любишь меня.

Лора посмотрела на него с нежной улыбкой, и положив свою беленькую ручку в его руку, медленно произнесла:

— Я люблю вас, Артур, так же нежно, как любила бы брата. — И молодой человек молча поник головой; через несколько минут он поднял ее и, бледный как полотно, пробормотал:

— Лора, вы любите меня только как брата?

— Да как же мне еще иначе вас любить? — спросило невинное создание.

Артур взглянул на нее пристально и грустно улыбнулся. Это была чудная, нежная улыбка человека, решившегося пожертвовать своим собственным счастьем ради любимой женщины.

— Довольно, Лора, — сказал он спокойно. — Мой приговор произнесен. Вы не любите меня, милая Лора. Вам еще предстоит испытать это страшное, лихорадочное чувство.

Она всплеснула руками и вскрикнула, нежно смотря на него:

— Вы не сердитесь на меня, Артур?

— Нет, радость моя.

— И вы будете меня любить?

— Да, Лора, с преданностью брата. И если когда-нибудь вам понадобятся мои услуги, то увидите, что значит иметь верного друга, для которого жизнь ничто в сравнении с вашим счастьем.

Он более ничего не мог сказать, ибо в эту минуту под окнами раздался стук экипажа. Лора вскочила с кресла.

— Отец приехал! — вскрикнула она, заметно бледнея.

Но это не был ее отец: это был мистер Балдерби, который только что получил телеграмму от Генри Дунбара.

При виде его лицо Лоры покрылось смертной бледностью.

— Что-нибудь случилось с отцом? — воскликнула она.

— Нет, нет, — поспешно ответил мистер Балдерби, чтобы ее успокоить. — Ваш отец благополучно прибыл в Англию и совершенно здоров. Он остановился в Винчестере и требует меня к себе по телеграфу.

— Так что-нибудь случилось?

— Да, но не лично с мистером Дунбаром, то есть насколько я понял из телеграммы. Мистер Дунбар просит меня объявить вам, чтобы вы не ждали его ранее нескольких дней, и тотчас ехать к нему в Винчестер, захватив с собой стряпчего.

— Стряпчего! — вскрикнула Лора.

— Да, я тотчас отсюда и отправляюсь к нашему стряпчему, мистеру Вальфорду.

— Пускай мистер Ловель поедет с вами, — воскликнула мисс Дунбар. — Он всегда был стряпчим дедушки. Возьмите его с собой.

— Да, мистер Балдерби, — поспешно произнес молодой человек, — позвольте мне ехать с вами. Я буду очень рад услужить мистеру Дунбару.

Мистер Балдерби, видимо, колебался, но потом произнес:

— Я, право, не знаю, почему вам не ехать, если вы этого непременно хотите. Мистер Дунбар говорит, что ему нужен стряпчий, и не упоминает, какой именно. А мы этим выиграем время, ибо успеем на одиннадцатичасовой поезд. Нам некогда ни минуты терять, — прибавил он, смотря на часы. — Прощайте, мисс Дунбар. Мы побережем вашего отца и с торжеством привезем его к вам. Пойдемте, Ловель.

Артур пожал руку Лоре, шепнул ей что-то на ухо и поспешил за мистером Балдерби.

Слова Лоры казались похоронным гулом его пламенным надеждам; он прочитал свой приговор в ее прелестном личике, но он любил ее. Он любил ее с рыцарской преданностью, которая, что бы там ни говорили, так же естественна в молодых людях нашего будто бы развращенного века, как и в дни короля-витязя Артура.

XI

Следствие

Следствие, назначенное на двенадцать часов, было отложено до трех часов по настоятельной просьбе Генри Дунбара. Разве когда-нибудь отказывают миллионеру в настоятельной его просьбе?

Коронер, маленький, хлопотливый человек, тотчас согласился на отсрочку.

— Я совершенно чужой в Англии, — говорил англо-индиец. — Я никогда в жизни не бывал на судебном следствии. К тому же покойный был знакомым мне человеком и его видели в последний раз в моем обществе. Поэтому мне крайне необходимо иметь адвоката, который бы следил за ходом дела. Кто знает, какие черные подозрения могут возникнуть и, пожалуй, омрачить мое имя?

Банкир говорил это в присутствии коронера, четырех или пяти присяжных и мистера

Крикльвуда — доктора, приглашенного для вскрытия тела убитого. Все они в один голос протестовали против возможности подозревать в чем-либо подобном такого человека, как мистер Дунбар.

Они ничего не знали о нем, кроме того, что он был Генри Дунбар, глава богатого банкирского дома «Дунбар, Дунбар и Балдерби», и что он был миллионер. Разве миллионер мог быть убийцей? Где это видано, чтобы миллионер убил кого-нибудь! Это немыслимо.

В ожидании приезда мистера Балдерби и адвоката англо-индеец снова принялся за свои бумаги. Он то перебирал их и перечитывал, то делал выписки.

Отсрочка следствия была огромным счастьем для содержателя трактира «Лесничий». Все утро народ толпился в трактире и около него, пил, ел, а более всего судачил о страшном убийстве, совершенном неизвестным, таинственным лицом в Сен-Кроссе. Мистер Балдерби и Артур Ловель прибыли в отель «Джордж» в два часа без нескольких минут. Их прямо провели в комнату, где их ждал мистер Дунбар.

Артур Ловель всю дорогу из Лондона только и думал, что о Лоре и отце ее, и терялся в догадках, какое впечатление произведет на него мистер Дунбар.

Первое впечатление не было очень приятным. Мистер Дунбар был красивый мужчина, очень красивый мужчина, высокого роста, с аристократическими манерами, вполне гармонизировавшими с его гордой наружностью. Но, несмотря на все это, впечатление, произведенное мистером Дунбаром, было далеко не приятное.

Молодой адвокат очень смутно слышал об истории поддельных векселей и знал, что мистер Генри Дунбар вел в молодости очень веселую, разгульную жизнь; потому, может быть, это повлияло на впечатление, произведенное на него отцом Лоры.

Генри Дунбар тотчас рассказал приезжим роковую повесть об убийстве Вильмота. Они были очень поражены, и Балдерби воскликнул:

— Да где же Самсон Вильмот? Я ведь его послал к вам навстречу, так как он — единственный человек в банке, который вас помнит.

— По словам брата, Самсон заболел, — отвечал Дунбар. — Джозеф оставил бедного старика где-то на дороге.

— Он не говорил где?

— Нет, и, странно сказать, я забыл его об этом спросить. Бедный Вильмот все забавлял меня рассказами о прошлом, и потому мы очень мало говорили с ним о настоящем.

— Самсон, должно быть, очень болен, — воскликнул мистер Балдерби. — Иначе он бы вернулся в контору, чтобы рассказать о случившемся.

Мистер Дунбар улыбнулся.

— Если он был слишком болен, чтобы ехать в Саутгэмптон, то уж, конечно, не мог возвратиться в Лондон, — сказал он с полнейшим равнодушием.

Мистер Балдерби был добрый человек, и потому внезапная болезнь Самсона Вильмота его очень беспокоила.

«Бедный старик, где он, кто за ним ухаживает?» — думал Балдерби.

Артур Ловель не говорил ни слова, а сидя поодаль, следил за Генри Дунбаром.

В три часа началось следствие. Свидетелями были два ирландца: Патрик Генесей и Филипп Мурток, нашедшие тело убитого в ручье близ Сен-Кросса; доктор, мистер Крикльвуд; церковный сторож, видевший и говоривший с мистером Дунбаром и его слугой; хозяин «Джорджа» и лакей, принимавший приезжих и готовивший обед мистеру Дунбару, наконец, сам мистер Дунбар. Комната была полна народу, ибо к этому времени весть о страшном убийстве разнеслась по всей округе. Тут были и значительные люди, среди прочих сэр Арден Весторп, один из судей графства, живших в Винчестере. Артур Ловель, мистер Балдерби и англо-индеец находились несколько поодаль от других.

Присяжные сидели по обе стороны длинного стола из красного дерева; коронер занимал председательское место.

Но прежде чем начался допрос, свидетелей и присяжных повели в мрачную комнату, где на длинном столе лежал труп убитого. Артур Ловель пошел с ними, и доктор приступил

к осмотру тела для освидетельствования причины неожиданной смерти несчастного.

Лицо убитого почернело и носило явные признаки удушения. Коронер и присяжные смотрели на это страшное лицо с ужасом и удивлением. Часто случается, что роковой удар, прямо вонзаясь в сердце несчастного, оставляет лицо его столь же спокойным, как лицо спящего младенца. Но тут было совершенно противоположное: лицо мертвеца ясно говорило, что он был убит; на нем были написаны и ужас, и удивление, и агония внезапной смерти.

Присяжные поговорили несколько минут между собой едва слышным шепотом, задали несколько вопросов доктору и тихо вышли из роковой комнаты.

Факты этого дела были очень просты и несложны, и потому потребовалось немного для их признания судебным порядком. Но ни одно из представленных показаний не проливало света на роковую тайну.

Артур Ловель, следивший за делом в качестве адвоката мистера Дунбара, задал несколько вопросов свидетелям. Первым допросили самого Генри Дунбара. Он рассказал очень просто и ясно все, что случилось с той самой минуты, когда он вышел на берег в Саутгэмптоне.

— Сходя с парохода, я встретил покойного, который меня ждал. Он сказал, что явился вместо человека, посланного мне навстречу. Он сначала показался мне совершенно незнакомым, то есть я не узнал в нем лакея, служившего мне до моего отъезда из Англии, тридцать пять лет тому назад. Но он после назвал свое имя и объяснил, что встретил брата Самсона Вильмота в Лондоне 16-го числа и вместе с ним отправился в Саутгэмптон; но по дороге брат его, бывший гораздо старше его, вдруг занемог, и потому они расстались.

Мистер Дунбар рассказал все это самым спокойным, уверенным тоном. Он говорил даже слишком спокойно и уверенно, словно выучил свою речь наизусть.

Артур Ловель, пристально следя за ним, удивлялся этому тону. Свидетели, даже совершенно посторонние делу, обыкновенно при допросе смущаются, теряют присутствие духа, противоречат себе. Но Генри Дунбар ничуть не был смущен ужасным происшествием. Он был бледен; но его сжатые губы, гордая осанка и самоуверенный взгляд свидетельствовали о крепких нервах и могучем уме.

«Человек этот железный, — подумал Артур Ловель, — он или великий человек, или злодей. Я боюсь решить, который из них».

— В каком месте, по словам покойного Джозефа Вильмота, он оставил своего брата Самсона, мистер Дунбар? — спросил коронер.

— Я не помню, говорил ли он мне об этом.

Коронер задумчиво провел рукой по подбородку.

— Жаль, — сказал он, — свидетельство Самсона, быть может, пролило бы какой-нибудь свет на это темное дело.

После этого мистер Дунбар рассказал окончание своей истории, описал завтрак в Саутгэмптоне, путешествие из Саутгэмптона в Винчестер и прогулку к лугам, близ Сен-Красса.

— Можете ли вы сказать, в каком именно месте вы расстались с покойным? — спросил коронер.

— Нет, — отвечал мистер Дунбар. — Вы не должны забывать, что я иностранец в Англии. Я не бывал в этих местах с самого детства. Мой старый товарищ, Майкл Марстон, пока я был в Индии, женился и поселился в местечке Фернс. Прибыв в Саутгэмптон, я увидел, что у меня есть несколько свободных часов до отхода лондонского поезда, и я решил посетить своего старого друга. С сожалением узнал я здесь, что он давно умер, но мне хотелось увидеть его бедную вдову и расспросить ее о муже. Мы отправились с Джозефом Вильмотом через церковный двор к Сен-Кроссу. Сторож нас видел и говорил с нами, когда мы проходили мимо собора.

Церковный сторож, стоявший в группе свидетелей, тут воскликнул:

— Да, сэръ, я вас видел, я это очень хорошо помню.

— В котором часу вы вышли из отеля «Джордж»?

— Немного позже четырех часов.

— Куда же вы пошли?

— Я прошел, — отвечал очень смело мистер Дунбар, — рука об руку с покойным по аллее, усаженной деревьями, с четверть мили, намереваясь, как я уже сказал, навестить вдову Майкла Марстона; но я в последние годы вел очень сидячий образ жизни, а жара была нестерпимая, потому я вскоре устал и не мог идти далее. Тогда я послал Джозефа Вильмота в Фернс, чтобы спросить у миссис Марстон, в котором часу она могла меня принять, а сам возвратился к собору, куда должен был прийти с ответом и Джозеф Вильмот.

— Он должен был встретить вас у собора? Почему же вы не велели ему прямо идти в отель? Зачем вы ждали у собора?

Артур Ловель посмотрел на своего клиента с каким-то странным выражением лица.

Если Генри Дунбар был бледен, то его адвокат был еще беднее.

Присяжные с удивлением глядели на коронера, словно они испугались его дерзости по отношению к человеку, стоявшему во главе богатого банкирского дома.

Как смел он, получавший не более пятисот фунтов в год, сомневаться в показаниях или дерзко допрашивать миллионера Генри Дунбара?!

Англо-индиец презрительно улыбнулся. Он стоял в очень небрежной позе, играя золотой цепочкой на часах. Лучи солнца из отворенного окна падали прямо на его лицо, но он не отворачивался от солнечного света, а надменно смотрел в глаза солнцу, коронеру, присяжным, Артуру Ловелю. Нимало не смущенный, хладнокровный, спокойный, словно в гостиной, стоял Генри Дунбар и решительно рассказывал горькую повесть неожиданной смерти своего слуги.

«Да, — думал Артур Ловель, не сводя с него глаз, — нервы у этого человека железные».

XII В тюрьме

Коронер повторил свой вопрос:

— Почему вы назначили свидание Вильмоту в соборе, мистер Дунбар?

— Потому что мне так хотелось, — отвечал англо-индиец очень хладнокровно. — Мы совсем по-приятельски сошлись с ним, а мне вздумалось осмотреть собор. Я думал, что Вильмот успеет возвратиться из Фернса, чтоб обойти часть старинного здания вместе со мной. Он был человек очень неглупый, и беседа его мне очень нравилась.

— Но чтобы пройти в Фернс и обратно, нужно немало времени.

— Может быть, — отвечал мистер Дунбар, — я не имел никакого понятия о расстоянии и времени не рассчитывал, а просто сказал Вильмоту: «Я пойду, посмотрю собор и там буду вас ожидать», и просил его поторопиться.

— И больше ничего между вами не происходило?

— Ничего. Я прошел прямо в собор.

— И ожидали Вильмота там?

— Да. Я ждал до того времени, к которому заказал обед в гостинице «Джордж».

Наступило непродолжительное молчание; коронер глубоко задумался.

— Я вынужден задать вам еще один вопрос, мистер Дунбар, — сказал он нерешительно.

— Я готов отвечать на все вопросы, какие вам угодно будет предлагать, — отвечал мистер Дунбар совершенно спокойно.

— Были ли вы в хороших отношениях с покойным?

— Я только что сказал, что мы сошлись с ним по-приятельски. Я нашел в нем очень занимательного собеседника. Он вел себя как джентльмен. Не знаю, где он успел получить образование, но он, очевидно, был человек образованный.

— Я понимаю, что вы были с ним в хороших отношениях в последнее время, перед самой его смертью; но прежде...

Мистер Дунбар улыбнулся.

— Я пробыл тридцать пять лет в Индии, — заметил он.

— Так. Но перед отъездом в Индию не было ли у вас какой неприятности, какой-либо ссоры, вражды с покойным?

Лицо мистера Дунбара вдруг вспыхнуло, брови сдвинулись; видно, и его самообладание имело границы и не устояло против горестных воспоминаний прошлого.

— Нет, — сказал он решительно, — я никогда с ним не ссорился.

— И не было повода к ссоре между вами?

— Я не понимаю вашего вопроса. Я сказал, что никогда с ним не ссорился.

— Положим, что нет; но между вами могла быть скрытая вражда, подавленное, затаенное чувство, более сильное, чем открытая злоба. Не было ли чего подобного между вами?

— С моей стороны, по крайней мере, ничего подобного не было.

— А со стороны покойного?

Мистер Дунбар взглянул украдкой на Вильяма Балдерби.

Младший товарищ фирмы потупился при этом взгляде.

Будь винчестерский коронер человеком умным и опытным, он заметил бы этот взгляд мистера Дунбара и понял бы, что младшему товарищу известно кое-что о прежних отношениях покойника с главой фирмы. Но коронер не был искусным следователем и не заметил взгляда, брошенного вскользь мистером Дунбаром.

— Да, — отвечал англо-индеец, — Джозеф Вильмот, помнится, имел что-то против меня, перед моим отъездом в Калькутту; но мы покончили с ним это дело миролюбиво в Саутгэмптоне, и я обещал ему пенсию.

— Вы обещали ему пенсию?

— Да, небольшую, всего пятьдесят фунтов в год; но он остался вполне доволен моим обещанием.

— Значит, он имел какое-нибудь право на вознаграждение с вашей стороны?

— Нет, он вовсе не имел права требовать этого от меня, — возразил мистер Дунбар с достоинством.

Разумеется, не очень-то приятно было почтенному миллионеру отвечать на подобные расспросы дерзкого гемпширского коронера. Присяжные, очевидно, сочувствовали банкиру. Коронер казался озадаченным.

— Если покойник не имел на то права, то зачем вы назначили ему пенсию? — спросил он, помолчав с минуту.

— Я назначил ему пенсию за старую дружбу, — отвечал мистер Дунбар. — Джозеф Вильмот был моим любимцем тридцать пять лет тому назад, когда он служил у нас. Мы оба были молодые люди. Я думаю, что он очень любил меня, и мне нравился.

— Долго ли вы оставались в роще с покойным?

— Минут десять, не более.

— Не можете ли вы описать место, где вы с ним расстались?

— Не знаю, сумею ли; но на месте я, наверное, мог бы указать, где мы расстались.

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы вышли вместе с церковного подворья, до того времени, как вы воротились один?

— С полчаса.

— Не больше?

— Не думаю, чтобы прошло более получаса.

— Благодарю вас, мистер Дунбар, пока довольно, — сказал коронер.

Банкир возвратился на свое место.

Артур Ловель, который не сводил глаз с мистера Дунбара, заметил, что белая мускулистая рука его слегка дрожала, играя блестящим брелоком часов.

Вслед за мистером Дунбаром был допрошен церковный сторож. Он рассказал, что находился во дворе собора, когда оба джентльмена прошли мимо. Прошли они рука об руку, смеясь и разговаривая друг с другом.

— Кто из двоих говорил, когда они проходили мимо вас?

— Мистер Дунбар.

— А могли вы расслышать, что он говорил?

— Нет, сударь; голос я слышал, а слов разобрать не мог.

— Сколько времени прошло в промежутке, как мистер Дунбар вышел со двора с покойником и возвратился домой один?

Сторож почесал в голове и сомнительно взглянул на мистера Дунбара.

— Я не сумею вам сказать наверное, — отвечал старик, помолчав немного.

— Отчего же не можете?

— Потому что, сударь, я не обратил тогда особого внимания на время и не хотел бы сказать неправду.

— Неправды говорить не следует. Нам нужно знать только правду, одну правду.

— Знаю, сударь; но я уже стар и память у меня гораздо слабее, чем бывало; но думаю, что часок прошел.

Артур Ловель невольно содрогнулся. Все присяжные оглянулись на мистера Дунбара. Но англо-индеец не моргнул. Он смотрел на церковного сторожа спокойным, невозмутимым взглядом, как человек, уверенный в своей невинности и безопасности.

— Нам не к чему знать, что вы думаете, — возразил коронер, — а нужно знать только то, в чем вы уверены.

— В этом я не уверен, сударь.

— Вы не уверены в том, что прошел целый час?

— Не совсем уверен, сударь.

— Но почти что. Не так ли?

— Так точно, сударь, я почти что уверен. Извольте ли видеть, сударь, когда оба джентльмена выходили со двора, часы на соборе пробили четверть, это я очень хорошо помню. А когда мистер Дунбар возвратился, я собирался идти чай пить, а я редко пью чай раньше пяти.

— Но положим, что только что пробило пять, когда мистер Дунбар возвратился, так это составит всего три четверти часа, считая по вашим словам, что он вышел с подворья в четверть пятого.

Церковный сторож снова почесал в голове.

— Вчера я немного замешкался, сударь, — сказал он, — и хватился о своем чае позже обыкновенного.

— Вы думаете, значит, что мистер Дунбар отсутствовал около часа?

— Да, час или час с небольшим.

— Час или более?

— Да, сударь.

— Мистер Дунбар был в отсутствии более часа; так ли я вас понимаю?

— Да, сударь; может быть, и более часа; я не обратил, признаться сказать, особого внимания на время.

Артур Ловель вынул записную книгу и отметил показание сторожа.

Старик-сторож стал описывать далее, как он показал собор мистеру Дунбару. Он не упомянул о внезапной дурноте, которая случилась с англо-индиейцем у дверей одной из часовен, но отзывался очень лестно о крайне любезном обращении миллионера; рассказал, как Генри Дунбар посидел у дверей собора, потом прогуливался по двору, поджидая своего товарища. И ко всему этому старик примешивал беспрестанные похвалы приятному обращению богача.

Следующие и, можно сказать, самые важные свидетели были Филипп Мурток и Патрик Генеси, которые нашли тело убитого.

Патрик Генеси был удален в другую комнату, пока Филипп Мурток давал свои показания.

Оба были ирландцы, жнецы и возвращались с фермы, миль за пять от Сэн-Кросса, где они ужинали накануне после жатвы. Один из них, желая напиться, наклонился к ручью, чтоб зачерпнуть воды в шапку, и был перепуган до смерти при виде бледного лица, которое выглядывало из-под воды, покрывавшей все тело.

Оба вместе вытащили мертвое тело из ручья и Филипп Мурток остался караулить его, пока Патрик Генеси побежал за помощью. Вся одежда была снята с несчастного, за исключением панталон и сапогов, так что верхняя часть тела была совершенно голая. Возмутительное зверство проглядывало в этом факте: убийца раздел свою жертву, чтобы завладеть его платьем. После этого стало очевидным, что злодейство было совершено из корысти, а не из мести или другого какого побуждения.

Артур Ловель вздохнул свободнее: до этой минуты его мучило невыносимое сомнение, что англо-индеец убил Джозефа Вильмота, чтобы удалить единственного свидетеля преступления его юности. Но если бы это было так, то убийца не остался бы лишней минуты на месте преступления и не стал бы грабить свою жертву. Нет! Подобное злодейство могло быть совершено только диким извергом, закоренелым разбойником, который, как хищный зверь, губил ближнего из гнусной корысти. Такие изверги бывают на свете; кровь проливалась из жадности к добыче, иногда такой маловажной, такой бездельной, что трудно было поверить, чтобы человек, как бы ожесточен и развратен ни был, мог посягнуть на жизнь подобного себе из-за такой ничтожной цели. Похищение платья и остального имущества убитого дало, в глазах Артура Ловеля, иной оборот делу. Теперь оно совершенно разъяснилось для него, и лежавшая на нем обязанность защищать Генри Дунбара перестала тяготить молодого человека: он успел убедиться в невинности своего клиента.

Земская полиция не теряла времени: она успела обыскать место, где было совершено преступление, но ни там, ни в окрестностях не нашла следов одежды убитого.

Показание врача было очень коротко. Когда его привели в гостиницу, где лежал убитый, последний был мертв и, по-видимому, скончался уже за несколько часов до того. По следам веревки на шее покойника, по ушибам на спине, голове и других частях тела, подробно им описанными, врач заключал, что смерти предшествовала борьба с другим лицом или другими лицами; что несчастный упал или был брошен с насилием на землю и, наконец, что смерть последовала от удушения.

Коронер очень подробно расспросил врача о времени, когда, по его мнению, могло быть совершено убийство. Но тот уклонился от прямого ответа, он мог только сказать определенно, что тело было совершенно холодным, когда он был вызван, и смерть наступила часа три или четыре назад. Но по имеющимся признакам невозможно заключить о времени, когда именно свершилось злодейство.

Свидетельства дворецкого и хозяина гостиницы «Джордж» ограничились показанием, что они видели, как оба джентльмена приехали в гостиницу вместе; что они казались очень веселы и в отличном расположении духа; что вечером мистер Дунбар очень беспокоился об отсутствии своего товарища и не хотел обедать без него до девяти часов.

Этим кончились показания свидетелей, и присяжные удалились из комнаты. Они возвратились через четверть часа и объявили приговор, что признают настоящее дело за обдуманное убийство, совершенное лицом или лицами неизвестными.

Генри Дунбар, Артур Ловель и мистер Балдерби возвратились в гостиницу. Следствие кончилось в седьмом часу, и, когда все трое сели за обед, уже пробило семь.

Невесел был их обед. Неприятное, мучительное чувство тяготело над ними. Странное событие, случившееся накануне, бросало на всех свою мрачную тень. Они не решались говорить о страшном происшествии, а ничего другого не шло на ум.

Артур Ловель заметил с немалым удивлением, что Генри Дунбар ни разу не спросил даже о здоровье дочери. Однако тут ничего не было удивительного: произнести ее имя при таких обстоятельствах, в такой обстановке значило осквернить его в глазах любящего отца.

— Вы, вероятно, напишете вечерком несколько слов вашей дочери? — не утерпел сказать молодой человек. — Мисс Дунбар очень беспокоилась о вас целый день. Ее очень перепугало ваше письмо мистеру Балдерби.

— Я не буду писать, — ответил банкир, — потому что надеюсь сегодня вечером увидеться с дочерью.

— Значит, вы уезжаете отсюда сегодня же?

— Да, со скорым поездом в четверть одиннадцатого. Если б не это страшное происшествие, я вчера уже был бы в Лондоне.

Артур Ловель казался озадаченным.

— Вас это удивляет? — спросил мистер Дунбар.

— Я думал, что вы останетесь здесь... пока...

— Пока что? — спросил англо-индиец. — Ведь все кончено, кажется, не так ли? Следствия больше не будет. Я распорядюсь, чтоб бедняка похоронили прилично, оставлю нужную на то сумму. Я переговорил уже об этом с коронером. Кажется, я больше ничего не могу сделать.

— Разумеется, ничего, — ответил Артур Ловель нерешительно. — Но при настоящих обстоятельствах, я полагал, не лучше ли бы вам подождать здесь, пока будут приняты надлежащие меры к поимке убийцы.

Артур Ловель не хотел высказать мысли, которая была у него на уме: он думал, что, пожалуй, найдутся люди, которые будут подозревать самого Дунбара, и потому ему лучше оставаться на месте преступления, пока не найдут настоящего убийцу.

Банкир покачал головой.

— Я очень сомневаюсь, чтобы им удалось найти виновного, — сказал он. — Что может помешать ему скрыться?

— Всякое, самое малозначительное обстоятельство может помешать скрыться злодею, — отвечал Артур Ловель с увлечением. — Первое дело — бессмысленность самого злодейства, глупая необдуманность, которая так часто выдает убийцу. Само совершение преступления еще не так страшно; подумайте об ужасном положении преступника после того, как он обагрил руки кровью ближнего. Тотчас за совершением злодеяния в душе преступника творится истинный ад; он должен взвешивать каждый поступок свой, каждое слово, каждый взгляд, потому что все следят за ним, по крайней мере, несчастный так думает; он знает, что сотни людей за обещанную награду готовы выдать его в руки правосудия, что люди, нарочно к тому воспитанные и подготовленные, могут по выражению лица, по малейшим оттенкам слов, которые ускользают от обыкновенных наблюдателей, дойти до тайны и решить его участь. И, зная все это, чтобы не навлечь на себя подозрения, он должен смотреть прямо в глаза людям, которые следят за каждым его шагом, ловят каждое слово. Он никогда не спокоен. Слуга ли в гостинице пристально взглянет на него, подавая обед; сторож ли на железной дороге, неся за ним вещи, станет рассматривать ярлычок с его именем; матрос ли на корабле, на котором ему удалось бежать, уставится на него от нечего делать, — ему все чудится переодетый полисмен, и слышится легкое прикосновение к его плечу предательской руки, — прикосновение, столь же роковое для душегубца, как смертный приговор. Что же удивительного после этого, что преступники всегда почти трусы и часто необдуманным поступком сами выдают себя в руки правосудия?

Молодой человек увлекся своим предметом и говорил с необыкновенным оживлением.

Мистер Дунбар громко рассмеялся.

— Очевидно, ваше призвание — быть адвокатом, мистер Ловель, — сказал банкир. — Ваша красноречивая выходка была бы отличным началом достойной деятельности коронного стряпчего. Представляю себе, как трепетал бы несчастный преступник, пока вы рисовали бы перед ним мрачный образ его собственной души.

Генри Дунбар снова разразился хохотом после этих слов; потом бросился на спинку кресла, и, по обыкновению, провел платком по красивому, открытому лбу.

— В настоящем случае виновный, без сомнения, будет найден, — продолжал Ловель,

не оставляя своей темы, — его найдут по похищенному платью. Разумеется, он постарается продать его; по всей вероятности, этот дикий, необразованный простолюдин попытается сбыть платье где-нибудь неподалеку, в нескольких милях от места преступления.

— Надеюсь, что виновный отыщется, — заметил мистер Балдерби, наливая себе стакан красного вина. — Я никогда не слыхал много хорошего про этого Вильмота, а после того как вы уехали, он, кажется, вовсе испортился.

— В самом деле!

— Да, — продолжал младший товарищ фирмы, как-то странно посматривая на главу банкирского дома, — он был уличен в подделке подписей, насколько помнится; делал фальшивые банковые билеты или что-то в этом роде и был сослан на всю жизнь; но, должно быть, помилован или что-то в этом роде и возвратился в Англию.

— Надо же, а я об этом и понятия не имел, — сказал мистер Дунбар.

— Разве он об этом ничего вам не рассказал?

— Нет; да и глуп бы он был, если б стал мне рассказывать о таких вещах.

Тем разговор и прекратился.

В девять часов мистер Дунбар вышел посмотреть, уложены ли чемоданы. Немного спустя, после десяти, все трое распрощались с гостиницей «Джордж» и поехали на станцию. В пять минут одиннадцатого они уже были там, поезд ожидали через десять минут.

Мистер Балдерби пошел за билетами. Генри Дунбар и Артур Ловель расхаживали взад и вперед по платформе.

Уже колокольчик возвестил приближение поезда, когда какой-то человек поспешно вошел на платформу и оглянулся по сторонам. Узнав банкира, он прямо подошел к нему.

— Очень сожалею, что вынужден вас побеспокоить, сэр, — произнес он, почтительно сняв шляпу, — но я не могу выпустить вас из Винчестера.

— Что вы хотите сказать?

— У меня приказ остановить вас.

— От кого?

— От сэра Ардена Весторпа, главного судьи графства; и я должен привести вас к нему, сударь, немедленно.

— По какому обвинению? — вскричал Артур Ловель.

— По подозрению в убийстве Джозефа Вильмота.

Миллионер гордо выпрямился и презрительно окинул полицейского с ног до головы.

— Это уж слишком бессмысленно, — произнес он. — Но я готов следовать за вами. Будьте так добры, мистер Ловель, — обратился он к молодому человеку, — телеграфируйте моей дочери, что по независящим от меня обстоятельствам я задерживаюсь в Винчестере. Только, Бога ради, не испугайте ее.

Все пассажиры смотрели на мистера Дунбара с выражением почтительного участия, совершенно отличного от того грубого, шумного любопытства, с каким публика обыкновенно бросается смотреть на арестованного по обвинению в убийстве, будь он простой человек, а не миллионер.

— Он, вероятно, невиновен, хотя и задержан по подозрению. К чему миллионеру прибегать к убийству? Для него не существуют побуждения, доступные обыкновенным смертным.

Таковы были размышления и замечания публики, провожавшей мистера Дунбара и полицейского с платформы, с явным неодобрением блюстителей правосудия.

Мистер Дунбар, полицейский и мистер Балдерби поехали прямо к дому, где жил судья. Младший товарищ торгового дома предложил взять главу его, мистера Дунбара, на поруки, с каким угодно денежным обеспечением, но англо-индеец гордым знаком руки попросил его замолчать.

— Благодарю вас, мистер Балдерби, — сказал он с достоинством, — но я не позволю никому брать меня на поруки. Сэру Ардену Весторпу угодно было арестовать меня, и я готов ожидать, пока ему угодно будет меня выпустить.

— Я надеюсь и даже почти уверен, что вы так же невинны, как я, в этом убийстве, мистер Дунбар, — сказал баронет очень любезно. — Я вполне вам сочувствую в этих тягостных обстоятельствах; но ввиду тех данных, которые имеются покуда по настоящему делу, я считаю своим долгом задержать вас до дальнейшего разъяснения дела. Вы — последнее лицо, которого видели с покойником до его кончины.

— И это достаточная причина полагать, что я удушил человека ради его платья? — вскричал мистер Дунбар с ожесточением. — Я еще очень недавно в Англии, но если таковы ваши хваленые законы, то я, право, не жалею, что лучшее время своей жизни провел в Индии. Впрочем, я готов исполнить какое угодно требование закона, если оно нужно для разъяснения дела.

Свою вторую ночь по приезде в Англию Генри Дунбар, глава богатого дома «Дунбар, Дунбар и Балдерби», провел в винчестерской тюрьме.

XIII Обвинение

На другое утро в десять часов мистер Дунбар предстал перед судьей, сэром Арденом Весторпом. Прежние свидетели были снова призваны, и, за исключением сторожа и мистера Дунбара, который теперь уже сидел на скамье подсудимого, они повторили свои показания.

Артур Ловель снова наблюдал за ходом дела в качестве адвоката мистера Дунбара, и некоторых свидетелей подвергнул передопросу. Но ни в одном из показаний ничего не оказалось нового. Потом были представлены бумажник, найденный в нескольких шагах от трупа, и веревка, которой несчастный был задушен. Это была обыкновенная веревка, не очень толстая и около полутора аршин длины. Она была накинута узлом на шею убитого и туго затянута. Если бы несчастный был сильнее, то мог бы защищаться и не дать затянуть роковой узел; но по свидетельству доктора, покойный, хотя высокого роста и дюжий на взгляд, был далеко не силен.

Это убийство, действительно, было очень странное: в нем не было пролито ни одной капли крови. Злодей должен был обладать удивительной решимостью и железными нервами, ибо дело по всем признакам было совершено в одну секунду. Крик ужаса и удивления, вырвавшийся из груди несчастной жертвы, замер на ее губах.

Главным свидетелем теперь явился церковный сторож, на основании слов которого и арестовали Генри Дунбара.

Накануне вечером, после окончания следствия, сторож стал предметом всеобщего внимания. Его тотчас окружили любопытные, жаждавшие услышать что-нибудь новенькое о страшном убийстве; среди них находился один переодетый констебль, внимательно следивший за каждым словом сторожа. Рассказывая о событиях прошлого дня, сторож упомянул о том, что он не сказал коронеру об одном обстоятельстве, а именно, о неожиданном обмороке, случившемся с мистером Дунбаром в церкви.

— Бедный джентльмен, — сказал он, — я никогда не видал и, верно, не увижу ничего подобного. Он шел по церкви таким молодцом, гордо подняв голову, и вдруг зашатался, как пьяный, и, наверное, упал бы, если б тут не оказалась скамья. Он упал на нее, как камень; и когда я посмотрел на него, то по его щекам катились крупные, как горошины, капли пота. Я никогда в жизни не видал такого бледного лица, словно привидение какое. Но через минуту он уже смеялся и шутил; по его словам, это случилось с ним от жары.

— Странно, чтобы человек, только что вернувшийся из Индии, жаловался на нашу жару, — заметил один из слушателей.

Вот сущность показаний сторожа перед судьей, сэром Арденом Весторпом. Это свидетельство и свидетельство одного мальчика, встретившего Генри Дунбара и покойного Вильмота недалеко от места, где найден был труп убитого, — вот единственные данные, имевшиеся против богатого банкира.

Сэр Арден Весторп считал неожиданный обморок, случившийся в церкви с Генри

Дунбаром, очень важным пунктом, но, в сущности, что могло быть проще этого? Англо-индеец был уже немолодым человеком, и хотя его высокая грудь, широкие плечи и длинные, мускулистые руки свидетельствовали о его силе, но теплый климат мог его изнежить и ослабить.

Явились еще новые свидетели, не бывшие накануне; они показывали, что находились в роще или поблизости от нее в роковой вечер; но никто из них не видел Джозефа Вильмота и не слышал его стонов. Один только показал, что он видел в роще, между семью и восемью часами, очень невзрачного господина с цыганской, разбойничьей рожой. Артур Ловель переспросил этого свидетеля насчет виденного им человека. Но он отвечал, что в наружности и манерах его не было ничего особенного. Он не казался испуганным, смущенным или взволнованным, а шел тихо, не торопясь. Черты его были очень грубы, лицо загорело, он выглядел разбойником — вот и все.

Мистер Балдерби, призванный также в свидетели, показал под присягой, что Генри Дунбар был главой торгового дома на улице Св. Гундольфа. После этого следствие было отложено и мистер Дунбар отведен в тюрьму, хотя Артур Ловель и протестовал, объявляя, что не было никакого обвинения, которое оправдывало бы его заключение.

Мистер Дунбар все же упорствовал и не хотел идти на поруки; он заявил, что лучше останется в тюрьме, чем выйдет из нее неоправданным.

— Я не выйду из винчестерской тюрьмы, — говорил он, — пока мое имя не будет очищено от тяготеющего над ним подозрения.

Тюремные власти обходились с ним с величайшим уважением и предоставили ему лучшие комнаты. Артуру Ловелю и мистеру Балдерби было позволено навещать его в любое время.

Между тем в Винчестере все громко выражали свое неудовольствие против властей, заключивших в тюрьму миллионщика.

Действительно, история была странная, непонятная. Английский джентльмен, обладающий баснословным богатством, вернулся из Индии и спешил обнять свою единственную дочь; но не успел сойти на берег, как его остановили грубые, бестолковые власти и посадили в тюрьму.

Артур Ловель делал все, что мог, для скорейшего окончания этого неприятного дела. Отец Лоры не очень пришелся ему по вкусу, но он был уверен в его невинности и потому решился во что бы ни стало очистить имя Дунбара от ложного обвинения.

Для достижения своей цели он велел полиции разыскивать неизвестного человека, с разбойничьим лицом, которого видели в роще в день преступления. Сам же отправился из Винчестера разыскать больного старика, Самсона Вильмота. Его показания в этом деле были очень важны, ибо могли бросить свет на прошедшую жизнь умершего и на его отношение к Дунбару.

Ловель останавливался на каждой станции и наводил справки; наконец в Базинстоке ему сказали, что там действительно один старик, ехавший с братом, неожиданно занемог и вскоре умер. Судебное следствие установило, что он умер естественной смертью и тело его похоронено несколько дней тому назад на приходском кладбище.

Ловель посетил Базинсток 21 августа, а старик умер, по словам трактирщика, 17-го в два часа, то есть немедленно по уходу брата. После рокового удара бедный Самсон не произнес ни одного слова.

Итак, тут нельзя было ничего узнать. Смерть закрыла уста этого свидетеля.

Но если б Самсон Вильмот и был жив, что он мог сказать? Предыдущая жизнь несчастного не могла объяснить тайну его убийства. В сущности, это убийство было очень простое, обыкновенное: злодей польстился на платье, часы и несколько соверенов, которые, вероятно, были в кармане Джозефа Вильмота.

Обвинение, павшее на Генри Дунбара, поддерживалось только двумя фактами: во-первых, его последнего видели в обществе убитого, и, во-вторых, его показания противоречили показаниям сторожа касательно времени, проведенного им в роще. Но на

подобных основаниях никакой судья в здравом рассудке не мог предать человека уголовному суду.

XIV Поездка Маргариты

Пока все это происходило в Винчестере, Маргарита ждала своего отца. Она ждала его до тех пор, что сердце ее изныло от тоски, но она все еще не отчаивалась. Он обещал вернуться 16-го вечером, к десяти часам; но он не всегда держал свое слово. Он часто оставлял ее таким образом и пропадал целыми днями, целыми неделями. Поэтому в его отсутствии не было ничего особенно странного или удивительного, и молодую девушку терзала не боязнь, что он никогда не воротится, нет, ее мучила мысль, что он мог совершить какое-нибудь преступление. Она теперь знала, что он вел бесчестную жизнь. Он сам рассказал ей роковую тайну. Она уже более не могла заступаться за него, когда другие станут его осуждать; она должна теперь только молить о пощаде, о милосердии.

Бедная девушка гордилась своим отцом, несмотря на то, что он был отверженный; она гордилась его умом и приличными манерами, возвышавшими его над всеми людьми его класса, поэтому мысль о его преступлениях поражала ее в самое сердце. Она жалела его и старалась извинить все его поступки. «Если мой отец преступник, то за это отвечает не он, а Генри Дунбар», — думала она. Мысль об этом человеке и о страшном зле, которое он сделал отцу ее, не покидала ее ни на минуту.

Долго ждала она отца, и одному небу известно, сколько она выстрадала в это время. Прошла неделя, другая, а он все не являлся. Ей даже в голову не приходила мысль, что он мог умереть, занемочь; нет, она опасалась, только чтобы он не сделал чего дурного. Она ждала его каждый час, каждую минуту, но он не являлся. Несмотря, однако, на все свое беспокойство, молодая девушка с необыкновенным рвением исполняла свои обязанности. Когда она давала свои уроки, мысли ее могли далеко уноситься, но глаза пристально смотрели на ноты, на пальцы учениц. Жизнь ее с самого детства была трудная, полная тяжелых испытаний; она привыкла скрывать свое горе и беспокойство, так что никто посторонний и не замечал перемены в молодой девушке.

Один только человек видел и чувствовал, что с бедной учительницей что-то неладно, — Клемент Остин. Он уже научился понимать сложную, постоянно изменяющуюся игру ее физиономии и ясно видел неожиданную перемену, происшедшую в ней в последнее время. Она по-прежнему слушала его, когда он рассказывал ей что-нибудь о своих любимых книгах или о музыке, но на лице ее уже не видно было прежней улыбки удовольствия, и часто он слышал, как она тяжело вздыхала, сидя за уроком.

Однажды он спросил, не случилось ли какой-нибудь неприятности и не может ли он или мать его помочь ей чем-нибудь. Она поблагодарила его, сказав, что с ней не случилось ничего неприятного и она не нуждается ни в чьей помощи.

— Но я уверен, что у вас есть что-то на сердце, — возразил Остин. — Не считите это за дерзость, но я в этом убежден.

Маргарита только покачала головой.

— Так я ошибаюсь? — спросил Клемент.

— Да. У меня нет никакого особого горя; я только немного беспокоюсь об отце, который долго не возвращается домой. Но в его отсутствии ничего нет странного; это часто с ним случается, и, конечно, когда он воротится, то пожурит меня за то, что я так много беспокоилась о нем.

Вечером 27 августа Маргарита давала, как всегда, свой урок, и по окончании заболталась с миссис Остин и Клементом, который совершенно забросил свои вечерние прогулки в те дни, когда его племянница брала уроки. Они говорили о разных вещах, и потому неудивительно, что разговор коснулся и винчестерского убийства.

— Ах, мисс Вентворт, — воскликнула миссис Остин, перебивая своего сына,

излагавшего теории своего любимого Карлейля, — вы, вероятно, слышали об ужасном убийстве, наделавшем столько шума?

— Об ужасном убийстве? Нет, я не слыхала, миссис Остин. Впрочем, я никогда не знаю новостей; старуха, у которой я живу, мало интересуется тем, что делается на свете, а я сама никогда не читаю газет.

— Неужели, моя милая? — сказала миссис Остин. — А я думала, что об этой истории уже везде протрубили, потому что в ней замешано имя миллионщика Дунбара.

— Мистера Дунбара! — воскликнула Маргарита, и глаза ее сверкнули огнем.

— Да, моя милая, тут замешано имя богатого банкира. Я очень интересовалась этим делом, так как сын мой служит в конторе Дунбара. Дело в том, что какой-то старый слуга мистера Дунбара убит в Винчестере; сначала подозрение в убийстве пало на самого мистера Дунбара, но ведь это очевидный вздор. Какая могла быть причина богачу, миллионеру убивать своего слугу? Однако его заподозрили, и какой-то глупый судья засадил его в тюрьму. На прошлой неделе было следствие, но оно еще не кончено и отложено до сегодняшнего дня. Мы только завтра узнаем о результате.

Маргарита слушала этот рассказ бледная как смерть. Клемент, видя страшную перемену в ее лице, поспешил сказать:

— Матушка, вы бы лучше не говорили о таких вещах с мисс Вентворт. Посмотрите, как она побледнела; у нее нервы, может быть, не такие крепкие, как у вас.

— Нет, нет! — воскликнула Маргарита, задыхаясь. — Я... я... хочу все слышать. Скажите, миссис Остин, как звали убитого?

— Джозеф Вильмот.

— Джозеф Вильмот! — медленно повторила Маргарита. Она всегда знала своего отца под именем Джемса Вентворта, но очень вероятно, что его настоящее имя было Вильмот. Она имела достаточные основания подозревать, что Вентворт была подложная фамилия.

— Я вам дам газету, — сказала миссис Остин. — Если вас это интересует.

— Да, пожалуйста.

Миссис Остин взяла со стола одну из еженедельных газет, свернула и подала ее Маргарите.

— Предложите мисс Вентворт стакан вина, — воскликнул Клемент. — Я уверен, что эта страшная история испугала ее.

— Нет, нет, спасибо, — отвечала Маргарита, — я, право, ничего не хочу; мне надо идти домой. Прощайте, миссис Остин.

Она хотела сказать еще что-то, но голос изменил ей. Она обыкновенно на прощание жала руку миссис Остин и Клементу, который всегда провожал ее до калитки, но теперь она быстро повернулась и выбежала из комнаты, прежде чем миссис Остин успела ответить ей. Клемент последовал за ней.

— Мисс Вентворт, — сказал он, — я уверен, что вас что-то тревожит, мучит. Пожалуйста, вернитесь в гостиную и успокойтесь немного, прежде чем идти.

— Нет, нет, нет!

— Так позвольте мне вас проводить?

— Ах нет, нет! — воскликнула она. — Ради Бога, не останавливайте меня, не провожайте меня, мистер Остин.

Она прошла мимо него и поспешила к калитке. Он последовал за ней и долго смотрел на ее удаляющуюся фигуру, потом тяжело вздохнул и вернулся в гостиную.

«Я не имею никакого права навязываться ей, — сказал он сам себе, — она не дала мне никакого права вмешиваться в ее дела или даже думать о ней!»

Бросившись в кресло, он схватил газету, но не прочел и десяти строк. Глаза его были устремлены на газету, но он думал о Маргарите:

«Бедная девушка. Бедная, одинокая девушка! Такое чистое, прекрасное создание. Где ей одной бороться со всеми трудностями жизни!»

Маргарита быстро дошла до Вандсворта. Она крепко прижимала к груди газету. Это

был, быть может, ее смертный приговор. По дороге она ни разу не остановилась, не изменила шагу, пока не достигла своей улицы. Открыв калитку своего маленького садика — ибо незачем было запираить бедные годольфинские коттеджи, — она вошла в дом, в свою комнатку, где отец открыл ей тайну своей жизни, где она поклялась никогда не забыть имени Генри Дунбара. В доме было тихо и темно, ибо старуха-хозяйка ложилась спать и никогда не дожидалась Маргариты.

Она зажгла свечку и принялась за газету. Внимание ее тотчас остановилось на крупном заголовке: «Винчестерское убийство. Последние известия».

Девушка прочла два раза, медленно и внимательно, страшную историю убийства. В глазах ее не видно было ни слезинки, какое-то отчаянное мужество овладело ее сердцем, этим несчастным, разбитым сердцем, казавшимся ей теперь куском льда.

— Я поклялась не забыть имени Генри Дунбара, — промолвила она глухим голосом. — Теперь у меня есть причина навсегда его запомнить.

С самого начала она была уверена, что ее отец был убит своим старым барином. Но теперь уже не могло быть ни малейшего сомнения: Джозеф Вильмот был ее отец, и его убил Генри Дунбар. В газетах было сказано, что несчастный Вильмот встретил брата на ватерлооской станции железной дороги вечером 16 августа. В этот самый вечер Джемс Вентворт уехал в Лондон. Он встретился лицом к лицу со своим бывшим хозяином, с человеком, погубившим его на всю жизнь, с бесчувственным подлецом, так жестоко его предавшим. Он, верно, наговорил ему дерзостей, даже, быть может, стал страшить, и Генри Дунбар, столь же бесчувственный и коварный в старости, как в дни своей юности, обманул несчастного своей любезностью и, заманив в глухую рощу, убил его, чтобы навсегда уничтожить позорную тайну своей юности.

Что же касается того факта, что труп был ограблен и не найдено на нем ни платья, ни денег, то это, конечно, было делом самого Дунбара, который этой хитростью думал отвести от себя всякую тень подозрения.

Девушка сложила газету и спрятала ее за пазуху, крепко прижав роковую летопись убийства к своей девственной груди, в которой так болезненно билось ее поблекшее, охладевшее сердце. Потом она взяла свечу и отправилась в уютную комнатку, в которой отец ее спал, когда бывал дома.

В углу стоял большой, потертый волосяной чемодан, перевязанный толстой веревкой.

Маргарита стала на колени перед этим чемоданом и поставила свечу рядом на стул. Своими нежными ручками она стала развязывать узел веревки. Это была нелегкая задача, и она истерла себе все пальцы, прежде чем ей удалось развязать узел и поднять крышку.

Внутри были набросаны в ужасном беспорядке старые, изношенные, запыленные платья, сломанные глиняные трубки, старые газеты с отметками красным карандашом на полях. На самом же дне ящика, между различными обломками и остатками табачных листьев, лежало несколько писем.

Маргарита взяла их и начала читать. Три письма, пожелтевших и полинявших от времени, были адресованы губернатору Норфолькского острова для передачи Джозефу Вильмоту.

Увидев этот роковой адрес, бедная девушка опустила голову и зарыдала. «Он много согрешил в жизни, но мог все искупить покаянием, — думала она, — теперь же все пропало. Его убил Генри Дунбар».

После этого у нее уже не оставалось ни малейшего сомнения. Она имела в руках доказательство, что ее отец и Джозеф Вильмот были одно и то же лицо; а этого ей казалось достаточным, чтобы доказать виновность Генри Дунбара. Ясно, что богатый банкир убил своего старого слугу. Он тридцать пять лет тому назад предал, опозорил несчастного, а теперь этот самый несчастный мог его выдать, открыть позорную тайну его юности, и он решил разом покончить с этим опасным для него человеком.

Так рассуждала Маргарита. Ей никогда не приходило в голову, что убийство ее отца могло быть простым, обыкновенным преступлением, совершаемым каждый день из-за

мелочных, корыстных мотивов. Другие люди могли это думать, но они не знали прошедшего.

На другое утро с рассветом девушка вышла из дому, и с первым поездом отправилась в Винчестер, куда и приехала в десять часов. Она поехала налегке, взяв с собою только все деньги, которые у нее были. Она не думала о себе, о своих нуждах, а вся углубилась в свои мысли. Ее поездка была смелая, мужественная выходка: она решилась предстать перед судом и, рассказав позорную повесть прошлого, обвинить Генри Дунбара в убийстве ее отца.

Приехав в Винчестер, она обратилась с расспросами к сторожу на железной дороге. Тот обошелся с ней очень прилично. Ее бледное, задумчивое личико дышало прелестью и невольно располагало к ней. Конечно, грустно, что греческий профиль и черные кудри служат лучшей рекомендацией, но такова слабость человеческой природы: красота видна глазам всех, а достоинства, прикрытые рыжими волосами или приплюснутым носом, оцениваются только мудрецами.

— Чем могу вам служить? — сказал служитель с любезной улыбкой.

— Я хочу узнать об убийстве, — дрожащим голосом произнесла молодая девушка, — об убийстве, совершенном...

— Да, да, мисс, — перебил ее служитель, — весь Винчестер только и говорит об этом. Странное, таинственное происшествие! Но, — прибавил он с сияющим лицом, — вы, может быть, мисс, приехали в качестве свидетеля? Может быть, вы знаете?

Он пришел в совершенное волнение от одной мысли, что эта хорошенькая девушка могла рассказать ему что-нибудь новенькое об убийстве, и он первый распространит эту новость по всему городу. Нечего и говорить, какой авторитет он получил бы после этого в глазах всех соседей.

— Да, — ответила Маргарита, — я хочу представить свидетельство против Генри Дунбара.

— Свидетельство против мистера Дунбара?! — воскликнул он, с удивлением смотря на девушку. — Да его только вчера вечером выпустили из тюрьмы; он уезжает нынче, с ночным поездом в Лондон, и все в городе негодуют на власти за то, что они с ним так дурно поступили. Конечно, насколько известно до сих пор, мистера Дунбара можно столько же подозревать, сколько и меня. — И сторож презрительно щелкнул пальцами. — Но если вы знаете что-нибудь о мистере Дунбаре, то, конечно, это меняет все дело, и вы обязаны, мисс, тотчас отправиться к судье и представить ваши показания.

Сторож не удержался и щелкнул языком от удовольствия, что ему будет что порассказать соседям.

— Подождите минутку, мисс, — прибавил он, — я только скажу начальнику и провожу вас к судье. Вы одна никогда не найдете дорогу. Следующий поезд идет в 12 часов; я успею воротиться.

С этими словами сторож побежал к начальнику и, рассказав ему, в чем дело, получил позволение отлучиться до следующего поезда.

— Ну, мисс, — сказал он, возвратясь, — я поведу вас к сэру Ардену Весторпу, который разбирает это дело. Оно много стоило ему труда.

По дороге сторож пытался выведать у Маргариты все, что она знала о страшном происшествии, но ничего не добился; она только повторяла, что хочет свидетельствовать против Генри Дунбара.

Сам сторож, напротив, был очень словоохотлив и рассказал ей, что случилось на последнем заседании суда:

— Когда мистеру Дунбару объяснили, что он свободен, то многие хлопали; но сэр Арден сказал, что нечего хлопать, а остается только плакать, что совершено такое страшное преступление и что преступник бежал. Это были подлинные слова сэра Ардена.

Между тем они уже подошли к дому сэра Ардена. Это было очень красивое здание, несмотря на то, что оно стояло на одной из боковых улиц. Слуга в холщовой куртке и с очень серьезным лицом впустил Маргариту в большую прихожую с дубовыми панелями.

Ее, быть может, тотчас бы не допустили к судье, если бы сторож не объяснил, зачем она пришла. Ее провели в большую, низенькую комнату с книжными полками на стенах, которая выходила в старомодный сад.

У письменного стола сидел сэр Арден Весторп. Это был почтенный старик, с седыми волосами и с угрюмым, суровым выражением лица. Но он был хороший и справедливый человек, и, будь Генри Дунбар не богатый банкир, а император Европы, сэр Арден все равно предал бы его суду, если бы имел к тому основание.

Маргарита нисколько не смутилась, оставшись наедине с судьей. Она думала только об одном — об убийстве отца, и готова была без страха предстать хоть перед королем.

— Я надеюсь, что не опоздала, сэр, — сказала она. — Я слышу, что мистер Дунбар выпущен из тюрьмы. Я надеюсь, что еще не поздно принести свидетельство против него?

Судья посмотрел на нее с удивлением.

— Это будет зависеть от обстоятельств, — отвечал он, — то есть от ваших показаний.

Он позвал из соседней комнаты своего писца и приступил к допросу молодой девушки.

Когда она кончила свой рассказ, старик недоверчиво покачал головой. То, что ей казалось положительным доказательством преступности Генри Дунбара, теряло всякое значение под деловым пером писца.

— Вы говорите, что ваш несчастный отец был обижен мистером Дунбаром, — сказал сэр Арден, — и полагаете, что он знал некоторые позорные тайны из прошлой жизни банкира. Но вы не знаете, в чем эти тайны. Бедная девушка, я не могу предать его суду на основании таких данных. Полиция деятельно производит поиски, и, поверьте мне, это дело будет исследовано самым тщательным образом. Я непременно отошлю ваши показания сыщику, которому поручено вести это дело. Мы должны теперь ждать, ждать. Я никак не могу поверить, что Генри Дунбар совершил такое ужасное преступление. Он довольно богат, чтобы купить молчание вашего отца, если действительно имел причину его опасаться. Деньги — могущественная сила. На деньги можно купить почти все на свете. Очень редко случается, чтобы человек с огромным, баснословным состоянием решался на преступление.

После этого сэр Арден прочел вслух показания Маргариты и попросил ее подписать. Она подписалась настоящим именем отца — именем, которым она еще никогда в жизни не подписывалась. Оставив свой вансвортский адрес, она простилась с судьей и вышла на незнакомую ей улицу. Слова сэра Ардена нимало не поколебали ее твердой уверенности, что ее отца убил Генри Дунбар.

Она шла некоторое время бессознательно, не зная, куда идет, но потом вдруг остановилась. Глаза ее засверкали, лицо вспыхнуло, на устах заиграла роковая улыбка.

— Я пойду к Генри Дунбару, — сказала она сама себе. — Если закон не может защитить меня, то я прямо пойду к убийце моего отца. Конечно, он вздрогнет, узнав, что после его несчастной жертвы осталась дочь, которая не будет знать покоя ни днем, ни ночью, пока правосудие не восторжествует.

Сэр Арден упомянул, между прочим, название отеля, в котором остановился мистер Дунбар, и Маргарита спросила у первого прохожего, где ей отыскать отель «Джордж».

При входе в него она встретила в дверях слугу.

— Мне нужно видеть мистера Дунбара, — сказала она.

Слуга посмотрел на нее с удивлением.

— Я не думаю, чтобы мистер Дунбар вас принял, мисс, — ответил он. — Но я все-таки доложу.

— Я буду очень вам обязана.

— Сделайте одолжение, посидите в холле. Я сейчас сбегаю к мистеру Дунбару. Как прикажете о вас доложить?

— Маргарита Вильмот.

Слуга широко открыл глаза от изумления и остановился как вкопанный.

— Вильмот! — воскликнул он. — Родственница...

— Я дочь Джозефа Вильмота, — ответила Маргарита очень спокойно. — Скажите так

мистеру Дунбару.

— Непременно, мисс, а как вы меня испугали. Я полагаю, мистер Дунбар не сможет вам отказать.

С этими словами слуга отправился наверх по лестнице, обернувшись несколько раз, чтобы взглянуть на Маргариту. Ему казалось странным, что дочь убитого человека походила на всех других молодых девушек; он словно ожидал какого-нибудь необыкновенного существа.

XV Неудача

Мистер Дунбар сидел в роскошном уютном кресле с газетой в руках. Мистер Балдерби вернулся в Лондон еще накануне, а Артур Ловель оставался при англо-индийце.

В Генри Дунбаре произошла огромная перемена в последние десять дней — заключение подействовало на его здоровье. Он заметно побледнел, под глазами появились черные полосы, а выражение рта, которое менее всего подвластно человеку, ясно говорило о его страданиях.

Артур Ловель неутомимо действовал, помогая своему клиенту, — не из любви к нему, конечно, а из сознания, что Генри Дунбар — отец Лоры, и что, оказывая услугу Генри Дунбару, он оказывал услугу и любимой женщине.

Мистера Дунбара выпустили из тюрьмы только накануне вечером, после долгого и утомительного допроса и передопроса свидетелей, дававших показания при следствии коронера. Он долго спал и только что отпил чай, когда в комнату вошел слуга.

— Вас желает видеть молодая девушка, — сказал он очень почтительно.

— Девушка? — воскликнул мистер Дунбар с нетерпением. — Я не могу никого принять. Чего ей нужно от меня?

— Она желает непременно вас видеть, сэр; она говорит, что ее зовут Маргарита Вильмот и что она — дочь...

Бледное лицо мистера Дунбара вдруг посинело, и Ловель не мог не заметить этой внезапной перемены. Впервые он заметил страх в лице или манерах Генри Дунбара.

— Я не могу ее видеть! — воскликнул мистер Дунбар. — Я никогда не слышал, чтоб Вильмот имел дочь. Эта женщина, верно, низкая обманщица, которая хочет только выманить у меня денег. Я не желаю ее видеть. Скажите, что она может убираться подобру-поздорову.

Слуга, поколебавшись, заметил:

— Она очень приличная женщина на вид и не походит на наглую обманщицу.

— Может быть, — гордо возразил мистер Дунбар, — но она все же обманщица. Джозеф Вильмот, насколько я знаю, не имел дочери. Пожалуйста, не беспокойте меня более этими пустяками. Я уже, кажется, довольно натерпелся по милости этого убийства.

Он откинулся на спинку кресла и снова принялся за газету, которая теперь совершенно скрывала его лицо.

— Хотите, я пойду и поговорю с девушкой? — предложил Артур.

— Нет! Она — гнусная обманщица. Прогнать ее — вот и все.

Слуга вышел из комнаты.

— Извините меня, мистер Дунбар, — сказал молодой адвокат, — но позвольте мне в качестве вашего адвоката предложить вам совет. Вам следует повидать эту молодую девушку.

— Почему?

— Потому что здесь все жители — ужасные сплетники, и если вы откажетесь повидать женщину, выдающую себя за дочь Джозефа Вильмота, то могут сказать...

— Что же могут сказать? — спросил Генри Дунбар.

— Могут сказать, что вы имели какие-нибудь особые на то причины.

— Неужели, мистер Ловель? По-вашему, я должен после всех тревог и страданий,

которые я перенес по милости этого дела, еще беспокоиться и принимать всех обманщиц, которые вздумают торговать именем убитого, и все из-за того, чтобы заткнуть рты винчестерским сплетникам? Поймите, любезный сэр, мне решительно все равно, что обо мне будут говорить. Я забочусь только о своем спокойствии и более ни о чем. Если есть люди, которые полагают, что Генри Дунбар убил своего старого слугу, то пускай себе полагают на здоровье. Я и не подумаю их разуверять в этом.

При этих словах слуга вошел в комнату снова.

— Девушка говорит, что ей непременно нужно видеть вас, сэр, и если вы ее не примете, то она будет дожидаться у дверей дома, пока вы отправитесь на железную дорогу. Хозяин старался уговорить ее, но это ему не удалось: она ужасно решительная женщина.

Мистер Дунбар ответил не сразу. Лицо его было спрятано газетой, и потому Ловель не видел, какое впечатление произвели на него слова слуги.

— Ловель, — сказал он наконец, — пожалуй, вам лучше с ней поговорить. Вы тогда узнаете, действительно ли она родственница несчастного Вильмота.

Вот мой кошелек. Вы можете ей дать, сколько посчитаете нужным. Если она действительно дочь несчастного, то я бы желал ее обеспечить. Передайте ей это от меня и скажите, что я готов ей назначить пенсию, но с условием, чтоб она мне не надоедала. Помните, что я даю ей деньги по своей доброй воле и что это нисколько не подкуп. Она может думать и говорить обо мне все, что хочет, — я ее не боюсь, я никого не боюсь.

Ловель взял кошелек миллионера и пошел вниз со слугой. Он нашел Маргариту в холле. В ее манерах не было видно нетерпения или злобы, но лицо ее светилось твердой решимостью. Молодой человек тотчас понял, что с ней трудно будет справиться.

Он пригласил ее в особую комнату и закрыл за собой дверь. Обиженный слуга, надеявшийся услышать их объяснение, остановился у двери.

— Вы желаете видеть мистера Дунбара? — спросил Артур Ловель.

— Да, сэр.

— Он очень устал от всех тревог вчерашнего дня, и не может вас принять. Зачем вы желаете его видеть?

— Я это скажу ему самому.

— Вы действительно дочь Джозефа Вильмота? Мистер Дунбар сомневается, чтобы у покойного была дочь.

— Это очень возможно. Мистер Дунбар мог не знать о моем существовании до настоящей минуты. Я также не знала до вчерашнего вечера обо всем случившемся.

Она вдруг остановилась, слова замерли на ее устах, она не смогла удержаться, и истерически расплакалась, но это была только мгновенная слабость. Она тотчас оправилась и продолжала спокойным голосом, пристально глядя на молодого человека своими чудными карими глазами:

— Я не знала до вчерашней ночи, что моего отца звали Вильмотом. Он называл себя фальшивым именем, но вчера... после того... как я услышала об... убийстве... (страшное слово ее точно душило, но она все же храбро его выговорила) я перебрала старый сундук отца, и нашла вот что.

Она вынула из кармана письмо, адресованное на остров Норфолк, и подала его адвокату.

— Прочтите его, сказала она, — и вы увидите, как жестоко Генри Дунбар поступил с моим отцом.

Артур Ловель развернул пожелтевшее, истертое письмо. Оно было написано Самсоном Вильмотом, двадцать пять лет тому назад. Маргарита указала пальцем на следующие строки:

«Твоя ненависть к Генри Дунбару очень меня печалит, любезный Джозеф, но я не могу не чувствовать за тебя и не считать эту ненависть к сыну моего хозяина совершенно естественной. Я знаю, что он был первой причиной твоей гибели и что если бы не он, то твоя судьба была бы совершенно иной. Старайся простить его за сделанное тебе зло или даже забыть о нем, если не можешь простить. Не говори о мести. Открытие известной тебе

тайны касательно фальшивых векселей не только опозорит его самого, но и отца его, и дядю. Они оба — хорошие и честные люди, и, я думаю, они умерли бы от стыда. Помни это и свято сохраняй свою горестную тайну».

Прочитав эти строки, Ловель нахмурился. Он слышал историю о фальшивых векселях, но никогда не знал всех подробностей и считал это легкомысленным юношеским проступком, из которого злые языки сделали почти скандальное, позорное преступление. Теперь перед ним было самое верное доказательство этого преступления. Эти строки, написанные двадцать пять лет тому назад Самсоном Вильмотом, проливали новый свет на ужасное убийство Джозефа Вильмота.

Генри Дунбар мог быть заинтересован в смерти своего старого слуги, знавшего тайну его юности.

Молодой человек упал в кресло и молча перечитывал письмо старого приказчика. Он не любил Генри Дунбара. Его юное, привязчивое сердце влекло его к отцу любимой им женщины, но при первом свидании с банкиром его обдало холодом, и он совершенно разочаровался в нем. Однако внимательно обсудив все показания свидетелей, он пришел к убеждению, что Генри Дунбар невиновен в смерти Джозефа Вильмота.

Теперь он смотрел с новой точки зрения и ему все представлялось в ином свете. Письмо старого приказчика объяснило повод, который Генри Дунбар мог иметь для совершения убийства. Банкир и его слуга отправились вместе в глухую рощу; слуга стал грозить своему бывшему хозяину, они повздорили и... Нет! Убийство не могло произойти таким образом. Злодей был вооружен роковой веревкой и, подкравшись сзади, напал на свою несчастную жертву. Это не было простое убийство: веревка и роковой узел напоминали жестокие восточные обычаи. Это убийство было словно делом душителя.

Но одно обстоятельство говорило в пользу Генри Дунбара — ограбление убитого. Англо-индеец мог вынуть из бумажника покойного все деньги и бросить его на землю для того, чтобы обмануть судей и полицию; на это требовалось не более пяти минут времени. Но вероятно ли, даже возможно ли, чтоб убийца, посреди белого дня и ежеминутной опасности, что его накроют, возможно ли, чтобы он стал раздевать мертвеца и прятать его платье для одной цели — отклонить от себя подозрение, которое и без того не могло пасть на него? Гораздо вероятнее, что Джозеф Вильмот, засидевшись в каком-нибудь кабачке до сумерек, по дороге домой был убит каким-нибудь разбойником, который его и ограбил.

Все эти мысли промелькнули в голове Ловеля. Маргарита пристально следила за ним; она ясно видела по выражению его лица, что в душе его боролись сомнение, ужас, нерешительность, но молодой адвокат чувствовал, что он обязан действовать и действовать в пользу своего клиента, несмотря на все страшные сомнения, мгновенно возникшие в его голове. Одно только полное убеждение в виновности Генри Дунбара могло заставить его отказаться от защиты банкира, только оно одно могло оправдать его измену. Но он не был убежден в виновности банкира; его душа лишь дрогнула от первой тени сомнения.

— Мистер Дунбар не хочет вас видеть, — сказал он Маргарите, — и, по правде сказать, я не знаю, какую пользу может принести ваше свидание? Между тем если вы нуждаетесь в чем-нибудь, а вы, по всей вероятности, в затруднительном положении, то он готов вам помочь и даже согласен назначить пожизненную пенсию.

Говоря это, он открыл кошелек Генри Дунбара, но молодая девушка посмотрела на него с холодным презрением.

— Я скорее пойду по улицам просить милостыню у чужих, я скорее умру от голода, чем приму помощь от Генри Дунбара. Никакая сила на свете не заставит меня принять и гроша из его руки.

— Почему?

— Вы знаете почему, я вижу это по вашему лицу. Скажите мистеру Дунбару, что я буду ждать у дверей, покуда он не выйдет ко мне; я умру на месте, но не уйду, не увидев его.

Ловель пошел к мистеру Дунбару и передал ему все, что сказала молодая девушка. Банкир ходил взад и вперед по комнате, опустив голову.

— Клянусь небом! — гневно воскликнул он. — Я велю прогнать девчонку с помощью полиции, если... — Он вдруг остановился и замолчал.

— Я бы вам советовал непременно поговорить с ней, — сказал Ловель. — Если она уйдет отсюда в теперешнем настроении, то может устроить скандал. Ваше нежелание видеть ее подтвердит только подозрения, которые...

— Что? — воскликнул мистер Дунбар. — Она смеет меня подозревать?

— Я боюсь.

— Она вам говорила?

— Нет, она не говорила словами, но из ее обращения и манер ясно видно, что она вас подозревает. Вы не должны этому удивляться. Несчастливая смерть ее отца была, конечно, страшным ударом для бедной девушки.

— Вы предлагали ей денег?

— Да.

— Ну?..

— Она отказалась.

Мистер Дунбар вздрогнул, словно весть об отказе девушки поразила его в самое сердце.

— Если так, — сказал он, — то я приму эту несносную и докучливую женщину, но не сегодня. Теперь мне нужен отдых. Скажите ей, чтоб она пришла завтра в десять часов утра, я ее приму.

Артур Ловель передал Маргарите слова банкира.

Девушка пристально и недоверчиво посмотрела на него.

— Вы меня не обманываете? — спросила она.

— Нет, уверяю вас.

— Мистер Дунбар действительно обещал меня принять завтра?

— Да.

— Так я уйду. Но пускай Генри Дунбар не пытается меня обмануть. Я последую за ним на край света. Мне все равно где, но я отыщу убийцу моего отца.

Она медленно вышла из холла и отправилась на церковный двор, по которому несколько дней тому назад ее покойный отец проходил рука об руку с Генри Дунбаром. Игравшие мальчики ответили на все ее вопросы и повели ее к месту, где найдено было тело убитого.

День был мрачный, туманный; ветер выл в густых, старых деревьях. Дождевые капли падали с поблекших листьев в мутные воды ручья, из которых еще так недавно бледное лицо мертвеца смотрело на ясное, звездное небо. Немного позже Маргарита прошла на уединенное кладбище, где теперь покоилось тело ее отца.

Многие приходили посмотреть на эту могилу, хотя она ничем не отличалась от других могил. Добрые граждане Винчестера уже поговаривали о том, что рощу близ Сен-Кросса посещали духи; уверяли, что призрак убитого прогуливался под тенью деревьев при лунном свете.

На другое утро, ровно в десять часов, Маргарита пришла в отель «Джордж».

Она провела ночь в бедном трактире, за чертой города, и только и думала, во сне и наяву, о встрече с мистером Дунбаром. В тревожных снах она видела его то в одном, то в другом месте, но никогда не видела его лица. Она старалась посмотреть на его лицо, но каким-то чудным образом оно всегда было скрыто от нее.

У дверей отеля стоял тот же слуга, который говорил с ней накануне; увидев девушку, он посмотрел на нее с удивлением.

— Так вы не уехали, мисс? — воскликнул он.

— Уехала? Нет! Я осталась, чтобы видеть мистера Дунбара.

— Странно, — возразил слуга, — разве он обещал вас принять?

— Да, он мне велел прийти сегодня в десять часов.

— Странно, очень странно.

— А что? — поспешно спросила Маргарита.

— Да мистер Дунбар и молодой человек, который был с ним, уехали вчера ночью экспресс-поездом.

Маргарита Вильмот не выразила ни удивления, ни негодования, и молча отправилась к сэру Ардену Весторпу. Она рассказала ему все, что случилось; ее слова были записаны и подписаны ею точно так же, как накануне.

— Мистер Дунбар убил моего отца, — сказала она, — и потому теперь боится меня видеть.

Судья задумчиво покачал головой.

— Нет, нет, моя милая, — сказал он, — вы не должны этого говорить. Я не могу допустить, чтобы вы называли убийцей человека невинного. Если мистер Дунбар хоть мало-мальски причастен к этому делу, то он, конечно, вас непременно бы принял, чтоб уничтожить все ваши подозрения. Его отказ вас видеть только доказывает, что он — себялюбивый человек. После всех тревог и волнений, перенесенных им из-за этого несчастного дела, он, вероятно, не хотел подвергаться еще новой, неприятной, а может быть, и скандальной сцене.

XVI

Страх это или любовь?

Прибыв в Лондон, Генри Дунбар и Артур Ловель провели ночь в отеле, потому что банкир не хотел беспокоить свою дочь, явившись домой так поздно. В этом, по крайней мере, он выказал себя заботливым отцом.

Артур Ловель употребил все возможные усилия, чтобы уговорить банкира не выезжать в ту ночь из Винчестера и не нарушать слова, данного им Маргарите Вильмот. Но Генри Дунбар стоял на своем, и молодому адвокату пришлось повиноваться. Если его клиент решался на бесчестное дело, несмотря на все его советы, то, конечно, он не отвечал за это. Что же касается его самого, то Ловель был очень рад возвратиться в Лондон: там была Лора Дунбар; а где она, там был земной рай в глазах влюбленного молодого человека. На другой день рано утром Генри Дунбар и Артур Ловель сошли в столовую отеля. Утро было светлое, и даже Лондон при солнечном сиянии казался приятным городом. Генри Дунбар подошел к окну и некоторое время смотрел на улицу. Отель, в котором они остановились, находился на одной из новых улиц Вест-Энда.

— Вы, вероятно, находите, что Лондон очень изменился, мистер Дунбар? — сказал Артур Ловель, взяв со стола газету.

— То есть как изменился? — спросил рассеянно банкир.

— Я хочу сказать, что за время вашего отсутствия появилось много нового. Вот эта улица, например, проложена только шесть лет тому назад.

— Ах да; я помню, здесь раньше были поля.

Они сели за чай. Генри Дунбар был очень рассеян и мало ел. Выпив чашку чая, он вынул медальон с портретом Лоры и стал молча смотреть на него. Наконец он снял его с цепочки и подал через стол Ловелю.

— Моя дочь — красавица, если она похожа на этот портрет, — сказал он. — Находите ли вы сходство?

Молодой адвокат посмотрел на портрет с нежной улыбкой.

— Да, — сказал он задумчиво, — портрет очень схож, но только...

— Только что?

— Только она гораздо прелестнее.

— Неужели? Она и тут очень хороша. Лора похожа на свою мать, которая была совершенная красавица.

— Я слышал от вашего отца, что рот и подбородок мисс Дунбар очень напоминали ему ваше лицо. Я должен сознаться, что решительно не вижу этого сходства.

— Вероятно, его и нет, — ответил банкир небрежно. — Вы не должны забывать, что прошло много лет со времени моего отъезда из Англии, я постарел и многое перенес в жизни. Конечно, мой рот и подбородок гораздо резче и грубее, чем у Лоры.

Больше ничего не было сказано о сходстве портрета. Вскоре мистер Дунбар встал, взял шляпу и пошел к дверям.

— Вы поедете со мной, Ловель, — сказал он.

— Ах нет, мистер Дунбар, не хочу вам мешать в такую минуту. Первое свидание отца с дочерью после такой продолжительной разлуки слишком священо, чтобы посторонний человек присутствовал при нем. Я...

— Фи, мистер Ловель. Я не думал, чтобы сын старого стряпчего был способен на такие нежности. Я буду очень рад видеть мою дочь, и, судя по ее письмам, она мне так же обрадуется. Вот и все! К тому же вы знаете Лору гораздо лучше меня, и потому пойдите вместе.

Наружность мистера Дунбара странно противоречила небрежности его слов. Лицо его было покрыто смертельной бледностью, а губы судорожно сжаты.

Лору никто не предупредил о приезде отца. Она сидела у того же окна, у которого Ловель сделал ей предложение. Она сидела в том же самом роскошном, уютном кресле; у ног ее лежала любимая ньюфаундлендская собака.

Дверь в комнату была открыта. Она выходила на лестницу, и банкир остановился на площадке, неожиданно схватившись за перила. В первую минуту казалось, что он упадет; но бронзовые перила поддержали его, он только сильно прикусил нижнюю губу своими здоровыми, белыми зубами. Артур Ловель не без удовольствия смотрел на это волнение; его огорчила небрежность, с которой Генри Дунбар говорил о своей прекрасной дочери. Теперь было очевидно, что хладнокровие банкира было только маской, под которой мощный человек старался скрыть свои чувства.

Несколько минут оба стояли на лестнице; мистер Дунбар смотрел вокруг себя, стараясь побороть волнение. Все его окружающее было ново для него, ибо этот дом, равно как и Модслей-Аббэ, были куплены не более двадцати лет назад.

Миллионер с любопытством смотрел на свою собственность. Даже на площадке лестницы видны были следы роскоши. Персидский ковер покрывал середину пола, а по сторонам его блестел мрамор при солнечном свете, проникавшем через большое цветное окно. Великолепные вазы с тропическими растениями красовались на малахитовых пьедесталах; пурпурная бархатная портьера отделяла лестницу от длинного ряда роскошных, блестящих комнат.

Наконец мистер вошел в комнату своей дочери. Лора вскочила с кресла.

— Папа, папа! — воскликнула она. — Я так и думала, что вы сегодня приедете.

Она бросилась к нему и упала на его грудь, смеясь и плача от радости. Ньюфаундлендская собака с поникшей головой подкралась к мистеру Дунбару, обнюхала его со всех сторон и, медленно подняв на него свои глаза, начала жалобно выть.

— Возьмите свою собаку, Лора, — гневно воскликнул мистер Дунбар.

Первые слова, которые Генри Дунбар сказал своей дочери, были произнесены с сердцем. Девушка отскочила от отца и посмотрела на него умоляюще.

Лицо Генри Дунбара было бледно, холодно, безжизненно, как у мертвеца. Лора взглянула на него и невольно вздрогнула. Она была избалованным ребенком, идолом старика-деда, и никогда не слыхала других слов, кроме слов любви и ласки. Губки ее задрожали, слезы показались на глазах.

— Пойдем, Плутто, — сказала она собаке. — Папа нас не любит.

Она потянула собаку за длинные уши и вывела из комнаты. Собака последовала очень покорно за своей госпожой, но у самых дверей повернула голову и злобно огрызнулась на Генри Дунбара. Лора оставила собаку на площадке и, возвратившись к отцу, снова бросилась к нему в объятия.

— Милый папа, — воскликнула она, — моя собака никогда более не будет на вас

огрызаться. Милый, дорогой папа, скажите, что вы рады возвратиться к своей дочери. Вы были бы, конечно, рады, если бы знали, как горячо я вас люблю.

Она поцеловала Генри Дунбара, но в ту же минуту отскочила, дрожа всем телом. Губы миллионера были холодны как лед.

— Папа, — воскликнула она, — что с вами? Отчего вы такой холодный? Не больны ли вы?

Ему действительно было дурно. Ловель, спокойно следивший за первым свиданием отца с дочерью, увидел неожиданную перемену в лице Генри Дунбара и только успел вовремя подкатить ему кресло. Банкир грохнулся в него, как чурбан. С ним случился обморок. Во второй раз после убийства в роще близ Сен-Кресса он поддался неожиданному и сильному волнению.

Ловель бережно положил Генри Дунбара на ковер, а Лора бросилась в свою уборную за водой и спиртом. Через пять минут мистер Дунбар открыл глаза и обвел всю комнату диким, испуганным взглядом. Он злобно посмотрел на Лору, стоявшую перед ним на коленях; потом судорожно задрожал всем телом и заскрежетал зубами. Но это продолжалось только несколько минут: он вскоре овладел собой и, крепко сжав руки, медленно встал на ноги.

— Такие обмороки бывают со мной, — сказал он с болезненной улыбкой, — и поэтому боялся первого свидания с тобой, Лора; я знал, что оно не пройдет для меня даром.

Он сел на низенькую кушетку, которую подвинула ему Лора, и закрыл лицо руками.

Мисс Дунбар села с ним рядом.

— Бедный папа! — промолвила она, нежно обнимая его. — Как жалко, что наша встреча так взволновала вас; я думала, что вы холодны ко мне, а эта холодность была именно доказательством вашей любви.

Ловель вышел через открытую дверь в оранжерею, но он слышал все, что говорила девушка. Лицо его было очень серьезно и мрачно.

— Лучшее доказательство любви, — повторил он мысленно. — Дай Бог, чтобы это было так; но мне кажется, оно скорее доказательство страха, а не любви.

XVII Уничтоженный портрет

Артур Ловель остался в Портланд-Плэс на целый день и обедал с банкиром и его дочерью. Обед прошел очень весело; Дунбар и Лора находились в самом лучшем расположении духа; а мисс Макмагон ловко поддерживала общий разговор. Банкир встретил старшую дочь своей жены маленькой речью, хотя несколько искусственной, но все же очень любезной и радушной.

— Я всегда буду рад вас видеть у моей сиротки, — сказал он. — А если вы можете совсем к нам переехать, то увидите, что я вас считаю второй дочерью.

Генри Дунбар совершенно оправился от своего волнения и все время весело говорил о будущем. Мимоходом он упоминал о своей жизни в Индии, но не распространялся об этом; его ум, казалось, был вполне занят устройством житья-бытья в Англии. Он рассказывал, какие намерен сделать перемены в Модслей-Аббэ, йоркширском поместье и в Портланд-Плэс. Он, по-видимому, вполне оценил все блага, приносимые богатством, и намеревался извлечь из него как можно больше удовольствия. После каждого блюда он пил много вина и под конец обеда совершенно развеселился.

Но, несмотря на веселость Дунбара, Ловель не мог забыть неприятное впечатление, произведенное на него первым свиданием банкира с дочерью. Смертная бледность Генри Дунбара, дикий, злобный взгляд, который он бросил на Лору, очнувшись от обморока, не выходили из головы молодого адвоката.

Отчего этот человек боялся свою дочь? Ловель был уверен, что страх, а не любовь, заставил Генри Дунбара побледнеть. Отчего отец мог испугаться своей дочери?

В ответ на эти вопросы в голове Ловеля возникло жестокое, роковое подозрение. Генри

Дунбар убил Джозефа Вильмота, и сознание своей виновности сразило его при первом прикосновении невинных уст его дочери.

Как страшно, если это было правдой! Как страшно думать, что Лора должна вечно, ежедневно, ежечасно сталкиваться с преступником, с убийцей!

«Я поклялся любить ее вечно, хотя любовь моя и безнадежна; я обещал преданно служить ей, если она будет нуждаться в моей помощи», — думал Ловель.

Молодой адвокат напряженно следил за своим клиентом; ему показалось, что в веселости банкира было что-то неестественное, лихорадочное. Вскоре после обеда дамы вышли из столовой, а Генри Дунбар и Ловель остались одни за длинным столом, украшенным хрустальными графинами и севрскими вазами.

— Я поеду завтра в Модслей-Аббэ, — сказал Дунбар. — Мне нужно отдохнуть после всех этих треволнений; к тому же Лора любит Модслей гораздо больше Лондона. А вы думаете возвратиться в Варвикшир, мистер Ловель?

— Да, непременно; отец ждал меня уже на прошлой неделе; я приехал в Лондон, только чтобы проводить мисс Дунбар.

— Неужели? Это более чем любезно с вашей стороны. Судя по письмам моей дочери, вы давно с ней знакомы.

— Да, мы выросли вместе. Я раньше часто бывал в Аббэ.

— Я надеюсь, сейчас вы будете бывать там еще чаще, — сказал Генри Дунбар с любезной улыбкой. — Мне кажется, я могу угадать тайну вашего сердца, любезный Ловель. Если не ошибаюсь, вы питаете к моей дочери более чем дружеские чувства?

Ловель ничего не ответил; сердце его тревожно забилось. Пристально взглянув на Генри Дунбара, он опустил голову.

— Вот видите, я угадал, — произнес Дунбар.

— Да, сэр, я люблю мисс Дунбар горячо, пламенно, но...

— Но что? Она — дочь миллионера, и вы боитесь, что отец откажет вам в ее руке?

— Нет, мистер Дунбар. Если б ваша дочь любила меня так же горячо, как я ее люблю, я бы женился на ней вопреки вам, вопреки всему свету. Я бы сумел проложить себе дорогу к богатству и славе. Но Лора меня не любит; я говорил с ней, и она...

— Вам отказала?

— Да.

— Фи! Девушки ее лет изменчивы, как погода. Не отчаивайтесь, мистер Ловель; что же касается моего согласия, то вы можете его получить хоть завтра. Вы красивый, умный и приятный молодой человек; чего еще нужно молодой девушке? У меня нет никаких предрассудков, мистер Ловель, и я бы очень желал, чтобы вы были мужем моей дочери, потому что уверен в вашей любви к ней. Вот вам моя рука.

С этими словами он протянул руку, и Ловель пожал ее, хотя несколько принужденно.

— Благодарю, сэр, — сказал он. — И...

Он хотел прибавить еще что-то, но слова замерли на его устах. Ужас, овладевший им после утренней сцены, лежал тяжелым гнетом на его сердце. Несмотря на все его усилия, он не мог освободиться от страшного сомнения. Слова мистера Дунбара, казалось, прямо истекали из доброго, человеколюбивого сердца, но, может быть, банкир хотел поскорее отделаться от своей дочери?

Утром он испугался, увидев ее, а теперь торопился отдать ее первому попавшемуся человеку, несмотря на то, что этот человек вовсе не годился ей в женихи со светской точки зрения.

Не тяготило ли его присутствие невинной девушки и не желал ли он поскорее отделаться от нее? Вот вопрос, который задавал себе Ловель.

— Я буду очень занят сегодня вечером, — сказал мистер Дунбар. — Мне надо разобрать бумаги, которые я прислал сюда из Саутгэмптона. Когда вы устанете здесь сидеть, то милости просим в гостиную, к молодым барышням.

Мистер Дунбар позвонил в колокольчик. В дверях появился старый лакей в ливрее.

— Что вы сделали с чемоданами, присланными из Саутгэмптона? — спросил банкир.

— Все они поставлены в спальне покойного мистера Дунбара, — ответил лакей.

— Хорошо, зажгите там свечи и откройте все чемоданы и ящики.

Он отдал слуге связку ключей и последовал за ним. В прихожей он неожиданно остановился, услышав какой-то женский голос.

Прихожая в доме богатого банкира была разделена перегородкой на две части, соединявшиеся между собой большими стеклянными дверьми. Во внешней части стояло большое дубовое кресло швейцара и висела бронзовая лампа. Двери были настежь открыты, и потому Дунбар услышал разговор швейцара с какой-то женщиной.

— Я — дочь Джозефа Вильмота, — говорил женский голос. — Мистер Дунбар обещал со мной поговорить в Винчестере, но не сдержал слова и уехал. Но я увижу его рано или поздно, я последую за ним на край света и смогу настоять на своем. Я посмотрю ему прямо в глаза и скажу все, что у меня на сердце.

Девушка говорила негромко, и в голосе ее не было слышно ни гнева, ни злобы; она говорила с той спокойной уверенностью, с той хладнокровной решительностью, которая страшнее всякой гневной вспышки.

— Боже милостивый, — воскликнул швейцар, — неужели вы думаете, что я могу беспокоить мистера Дунбара таким вздором! Он меня за такую штуку может прогнать с места. Ступайте себе пододру-поздорову и лучше в другой раз не таскайтесь по богатым домам, да еще в обеденный час. Я, право, скорее побеспокоил бы тигра в зверинце в часы кормления, чем мистера Дунбара за его стаканом вина.

Мистер Дунбар остановился в дверях и, услышав этот разговор, вернулся в столовую.

— Принесите мне перо, чернила и бумагу, — сказал он лакею.

Тот пододвинул ему маленький письменный стол. Дунбар присел и написал следующие строки твердым аристократическим почерком, столь хорошо знакомым в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби»: «Девушка, называющая себя дочерью Джозефа Вильмота, сим извещается, что мистер Дунбар положительно отказывается видеть ее теперь или когда-либо после. Никакая сила не заставит его изменить своего решения, и потому девушке лучше было бы не докучать ему более. В противном случае будет подана жалоба в полицию и приняты меры для ограждения мистера Дунбара от ее преследований. Вместе с сим мистер Дунбар препровождает сумму денег, которая позволит молодой девушке жить безбедно некоторое время. Подобные суммы будут и впредь доставляться ей время от времени, если она будет вести себя хорошо и перестанет докучать мистеру Дунбару своими бессмысленными преследованиями.

Портланд-Плэс.

30 августа, 1850 года».

Банкир вырвал из своей записной книжки листок бумаги и выписал чек на пятьдесят фунтов; потом позвонил слуге и отдал ему записку и чек.

— Отнесите это молодой женщине, которая говорит со швейцаром, — сказал он и, последовав за слугой до дверей в прихожую, остановился на пороге и стал прислушиваться. Он слышал, как слуга передал Маргарите Вильмот письмо и как та его распечатала.

Наступило молчание. Дунбар с беспокойством ожидал, что будет. Ему пришлось ожидать недолго. Маргарита заговорила ясным, звучным голосом, громко раздавшимся в помещении:

— Скажите своему господину, что я скорей умру с голоду, чем возьму от него кусок хлеба. Передайте ему, что я сделала с его милостивым подарком.

Снова наступило молчание, и при общей тишине, царствовавшей в доме, Генри Дунбар услышал, как на гладкий мраморный пол падает дождь мелко порванных лоскутков бумаги. Потом хлопнула тяжелая наружная дверь, и все снова стихло в роскошной прихожей богатого дома.

Миллионер закрыл лицо руками и тяжело вздохнул; но через минуту он поднял голову,

нетерпеливо пожал плечами и медленно пошел вверх по лестнице. Комнаты, в которых жил некогда Персиваль Дунбар, занимали большую часть второго этажа. Тут были спальня, уютный кабинет, уборная, ванная и маленькая передняя. Мебель во всех этих комнатах была великолепная, но уж слишком массивная, что придавало им мрачный, тяжелый вид. Дом этот был очень старинный и на улицу выходило пять высоких, узких окон, в углублении которых возвышались дубовые сиденья. Стены были покрыты темно-зелеными обоями, издали походившими на кожу; такого же цвета широкие занавеси висели на окнах и на большой кровати из розового дерева; на полу красовался роскошный толстый турецкий ковер. Массивные столы и стулья, обитые зеленым бархатом, были из старинного черного дуба. На стенах, на далеком расстоянии друг от друга, висело несколько дорогих картин знаменитых старинных живописцев: «Венецианский сенатор» работы Тинторетто, «Поклонение волхвов» Караваджо, «Голова старого патера» кисти Спальиолети и некоторые другие. Распятие из слоновой кости было единственным украшением высокого старомодного камина. Близ него, на письменном столе, стояли две восковые свечи в старинных серебряных подсвечниках. Свечи эти уныло мерцали в мрачной, огромной комнате.

Все вещи Дунбара были собраны в этой комнате. Слуга открыл все ящики и чемоданы и еще возился с последним, когда в комнату вошел банкир.

— Вы, вероятно, здесь будете спать? — спросил слуга, выходя из комнаты. — Миссис Пиркин полагала, что вам лучше всего приготовить эти комнаты.

Генри Дунбар задумчиво посмотрел вокруг.

— А разве нет другой комнаты? — спросил он. — Здесь ужасно мрачно и неудобно.

— Есть свободная комната на верхнем этаже, сэр.

— Хорошо, я там буду ночевать. Велите мне приготовить все, что нужно, а я буду здесь заниматься очень долго.

— Прикажете вас ждать, сэр?

— Нет. Только чтобы все было готово. Да, скажите, а где эта комната?

— Над этой, на верхнем этаже.

— Хорошо, я сам найду дорогу. Передайте мисс Дунбар, что я более с ней сегодня не увижусь, а завтра хочу поехать в Модслей. Пускай она приготовится. Понимаете?

— Понимаю, сэр.

— Можете идти и помните, чтобы меня нынче никто не смел беспокоить.

— Вам более ничего не угодно, сэр?

— Ничего.

Слуга вышел. Дунбар проводил его до дверей и, подождав, пока шаги его не замерли на лестнице, запер дверь. Возвратившись на середину комнаты, он стал на колени перед одним из чемоданов и начал вынимать из него вещи, одну за другой; таким образом он перебрал все ящики и чемоданы, бросая на пол, в большую кучу платья и другие вещи, бумаги же он относил на стол. Это заняло много времени и на старинных часах пробило двенадцать, когда банкир сел за стол и принялся разбирать бумаги.

Прошло несколько часов, свечи догорели, а банкир все сидел за работой... Он встал, подошел к окну и отдернул тяжелую занавеску.

Неясный, серый свет зарождающегося дня проник в комнату. Банкир возвратился к своей работе; он перечитывал одну бумагу за другой, перевязывал их в особые кипы и делал отметки в своей записной книжке. Яркие солнечные лучи играли на мрачном турецком ковре, на улице раздавался шум экипажей, когда банкир окончил свое дело. Он аккуратно уложил все бумаги в один из чемоданов, а платья оставил на полу в куче.

Но мистер Дунбар не пошел спать; ему оставалось еще одно дело. Среди его вещей находился маленький футляр с фотографическим портретом на стекле. Он вынул портрет из футляра, бросил его на гладкий дубовый пол у самого края ковра и раздавил ногой в мелкие кусочки. Но и этого ему было мало; он продолжал топтать остатки портрета до тех пор, пока от него осталась только горсть блестящего песка. Раскидав ногами по всей комнате этот песок, он сунул в карман оставшийся футляр и отправился по лестнице вверх. Был уже

седьмой час, он слышал голоса служанок на черной лестнице. Придя в приготовленную для него комнату, он, не раздеваясь, бросился на постель. Через минуту он уже крепко спал.

На другой день в три часа Генри Дунбар в сопровождении своей дочери, Доры Макмагон и Артура Ловеля отправился из Лондона в Модслей-Аббэ.

XVIII Трое подозревают

Ничего нового не обнаружилось по делу об убийстве в роще между Винчестром и Сен-Кроссом. Полиция приложила все усилия, чтобы найти убийцу, но напрасно. Правительство назначило награду тому, кто представит злодея; еще большую награду обещал мистер Дунбар, так как открытие виновного удалило бы последнюю тень подозрения, которое очернило его доброе имя.

Единственным средством найти убийцу, по мнению полиции, было проследить похищенную им добычу, бумажник и платье несчастной жертвы. Но надежды полиции не оправдались. Все ростовщики и ветошники в Винчестере и во всем околдке были обысканы, но без малейшей пользы. Среди заложенного и проданного платья на сорок миль вокруг не оказалось ничего сколько-нибудь похожего на одежду, в которой видели Вильмота в день его смерти. Полиция уже потеряла всякую надежду. Награда была заманчива, но злодейство было покрыто такой непроницаемой тайной, что все мало-помалу перестали о нем говорить и пришли к тому убеждению, что смерти Джозефа Вильмота суждено остаться неразгаданной тайной.

В газетах появились по этому поводу две-три передовые статейки, подстрекавшие явную и тайную полицию к исполнению их обязанностей и обвинявшие ту и другую в лености и несостоятельности. Сами сочинители статей, признаться, были радехоньки новому убийству, которое доставило им предмет для разглагольствования в скучную осеннюю пору, бедную внутренними и внешними новостями. Публика даже в первое время несколько негодовала, когда не появлялось обличительной статьи по поводу «бесчеловечного убийства в Винчестере»; но вскоре ее заняли другие темы, да и к тому же это убийство было не первое и не последнее; свет, который никогда не оплакивает долго своих мертвецов, мало-помалу успокоился, и Джозеф Вильмот был забыт.

Месяц прошел очень спокойно в Модслей-Аббэ. Генри Дунбар занял видное место в округе; тысячи свечей блистали в пышных комнатах; кареты въезжали и выезжали из ворот огромного парка; все соседи на двадцать миль вокруг считали своим долгом засвидетельствовать свое почтение миллионеру, только что возвратившемуся из Индии. Мистеру Дунбару не очень нравились эти посещения; но он благосклонно подчинялся требованиям дочери и соглашался на все торжества, которые она считала необходимыми; гостей он принимал с какой-то величественной гордостью, которая казалась очень натянутой в сравнении с приятным, дружеским обращением его благородных посетителей. Все пожимали плечами и намекали, что мистер Дунбар похож на выскочку, но соглашались, что он хорош собой и что дочь его прелестна, ангел красоты, да еще с земным приданым в полмиллиона фунтов.

Между тем Маргарита Вильмот продолжала жить в своей бедной квартирке, не переставая горевать об отце. Джозеф Вильмот не был хорошим отцом, но она любила его. Она сожалела о горе, о зле, которые он претерпел в жизни. Она любила его за скрытые, едва приметные в нем следы лучшего человека.

— Он не всегда был плутом и негодяем, — говорила она себе, размышляя о жестокой участи, постигшей ее отца, — он никогда не стал бы бесчестным человеком, если бы не Генри Дунбар.

С горечью припоминала Маргарита роскошный дом богача в Портланд-Плэс. В ночь после возвращения из Винчестера она успела, сквозь полурасстворенные двери, заметить великолепие, царствовавшее внутри: картины и статуи, тропические растения, штофные

занавески, резные потолки и карнизы, мраморные ступени лестницы, покрытые богатым ковром, бронзовые перила — все это при ярком свете бесчисленных ламп поразило девушку и запечатлелось в ее памяти.

«Он богат, — думала она, — а богатство, говорят, может купить все на свете. Это неправда: немного купишь богатством. Купишь низкопоклонную лесть и поддельную преданность, но истинного чувства не купишь никакими деньгами. Все сокровища на свете не выкупят былого, не возвратят Генри Дунбару спокойствия души. Если совесть позволит ему забыть прошедшее и перестанет упрекать его, то я, пока жива, буду ему напоминать о нем. Я обещала покойному отцу не забывать имени Генри Дунбара; теперь, кажется, нечего бояться, чтобы я когда-нибудь забыла это ненавистное имя».

Только один человек сочувствовал Маргарите Вильмот в ее горе. Это был Клемент Остин, кассир в конторе на улице Св. Гундольфа. Он влюбился по уши в хорошенькую учительницу музыки, хотя сам краснел при мысли о такой внезапной, безрассудной страсти.

«Я всегда насмеялся над людьми, которые влюбляются в первую хорошенькую рожицу, — думал он, — ведь не так же я глуп в самом деле, чтобы потерять голову при виде хорошеньких карих глазок и правильного носика. Впрочем, может быть, я сам себя обманываю, и чувство, которое я питаю к бедной девушке, — только невольное участие и сострадание, возбужденные ее красотой и таинственным одиночеством».

Клемент Остин ни на минуту не сомневался, что эта самая таинственность, окружавшая Маргариту, могла бы клониться не к чести молодой девушки: лицо ее было исполнено достоинства и нежный взор блистал лишь непорочными, возвышенными мыслями. Самому низкому негодяю никогда бы не пришло в голову, что это прелестное существо могло быть порочным, развратным.

После возвращения из Винчестера и второй неудачной попытки видеть Генри Дунбара жизнь Маргариты вошла в прежнюю колею: свои обыденные обязанности она исполняла с таким спокойствием и достоинством, что, если бы не постоянно грустное выражение ее лица и сдержанное обращение, никто не сказал бы, что новое, тяжкое горе обрушилось на нее.

Но Клемент Остин слишком пристально следил за ней, чтобы не разгадать ее горя лучше других. Он заметил перемену в ее одежде, когда после смерти отца она надела простенькое траурное платье, и выразил ей свое сожаление. Маргарита объяснила ему только, что она недавно потеряла человека, который был близок и дорог ей; что потеря была неожиданна и очень тяжела для нее. Молодой человек был довольно хорошо воспитан, чтобы не расспрашивать более.

Однако Остин хотя и воздержался в этом случае от неуместного любопытства, но не мог не призадуматься над положением бедной учительницы. В один холодный сентябрьский вечер, когда мисс Вентворт не ожидали в Клапгам, он отправился пешком через поля и луга прямо к тенистой аллее, где гнезился Годольфин-Коттедж.

Маргарите редко выдавался часок досуга и в этот вечер она в полном смысле наслаждалась отдыхом, хотя мысли ее, грустные как всегда, носились в прошлом, воскрешая печальные воспоминания о смерти отца. При нерешительном свете сумерек Маргарита стояла у калитки маленького садика. Сентябрь уже был на исходе; сухие желтые листья падали с деревьев и с шумом кружились по пыльной дороге.

Девушка облокотилась на решетку садика, прикрыв голову и плечи темным платком. Она чувствовала себя усталой, несчастной и грустно глядела на дорогу, в конце которой искрилась речка. Маргарита была до того погружена в свои горестные думы, что не слышала шагов, приближавшихся с другой стороны дороги; только звуки мужского голоса заставили ее внезапно оглянуться.

— Здравствуйте, мисс Вентворт. Вы не боитесь простудиться? — сказал Остин с участием. — Надеюсь, что платок у вас теплый, а то в эту пору особенно у реки стоит такой сырой туман.

Маргарита взглянула на него, и задумчивая улыбка пробежала по ее красивому лицу. Да, ей нужно было участие, которое слышалось в звуках этого сильного мужского голоса.

После смерти отца и несчастных поездок в Винчестер и Портланд-Плэс она избегала людей; горе, постигшее ее, стояло преградой между ней и светом с его мелочными дрызгами. Для бедной девушки каждое ласковое, доброе слово было дорого, и непрошенные слезы появились у нее на ресницах.

До этой минуты она ни с кем не делилась своим горем. Во всей округе она слыла за Маргариту Вентворт, и когда она надела траур, то сообщила немногим близким своим соседям о смерти отца, но утаила от них горестные обстоятельства, сопровождавшие ее. Бедняжка не имела друга, с кем бы могла поделиться грустной тайной, и несла одна свое тяжкое бремя. Поэтому дружеский тон Клемента возбудил небывалое, отрадное чувство в ней. К тому же Маргарита не забыла участия, какое выказал ей молодой человек в тот вечер, когда она впервые услышала об убийстве.

— Матушка очень о вас беспокоится, — продолжал Клемент, — она заметила разительную перемену в вас за эти три-четыре недели, хотя вы по-прежнему добры и снисходительны к моей маленькой племяннице, которая, надо сказать, делает огромные успехи, с тех пор как вы ею занимаетесь. Но матушка не могла оставаться равнодушной при виде перемены, которую мы оба заметили в вас. Я боюсь, вас постигло какое-то горе. Что бы я дал, мисс Вентворт, чтобы помочь вам или облегчить, если возможно, это горе! Мне показалось, что на вас очень сильно подействовало известие об убийстве в Винчестере. Я много раз обдумывал это обстоятельство и теперь почти уверен, что перемена в вас началась именно с того дня, когда вы услышали от матушки об этом страшном происшествии. Я невольно заключил, что вы принимали какое-нибудь участие в несчастной жертве. Даже, оставив это в стороне, знакомство ваше с Джозефом Вильмотом, с обстоятельствами, предшествовавшими его смерти, быть может, способно пролить новый свет на это ужасное дело. Мысли эти постоянно преследовали меня, и вот я решился прямо прийти к вам и спросить, не имели ли вы чего-нибудь общего с несчастным человеком?

Первым ответом Маргариты на слова молодого человека было сдержанное рыдание, но вскоре она успокоилась.

— Да, вы не ошиблись, мистер Остин, — произнесла она тихо, — у меня было много общего с несчастным человеком. Я вам все расскажу, только не здесь, — прибавила она, оглядываясь на домики соседей, где в окнах уже мелькали огни, — здесь такой любопытный народ.

Девушка плотнее закуталась в платок, вышла из садика и пошла рядом с Клементом к речке.

Тут, прохаживаясь по берегу, совершенно безлюдному в ту пору, Маргарита открыла ему свою тайну. Сдерживая все излишние порывы чувств, она в немногих словах раскрыла перед ним повесть своей жизни.

— Джозеф Вильмот — мой отец, — начала она. — Быть может, он не был тем, что в свете зовут хорошим отцом, но он любил меня и был мне дорог. Мать моя была дочерью джентльмена, флотского капитана, по имени Тальбота. Она встретила с отцом у одной дамы, которая давала ей уроки музыки. Мать моя не знала, кто он и откуда. Она знала только, что он называл себя Джемсом Вентвортом; они полюбили друг друга. Мать моя была в то время еще очень молода — сущий ребенок, только что выпущенный из школы, и вышла за отца наперекор советам своих друзей. В одно прекрасное утро они обвенчались в какой-то маленькой церкви и отправились просить прощения у отца, но тот не простил моей матери и поклялся, что после этого не пустит ее себе на глаза, и сдержал слово: он никогда более не видел ее и простил ее только тогда, когда она лежала в гробу. Тогда сердце капитана Тальбота смягчилось: он в первый раз посетил отца и даже предложил взять меня к себе и воспитать вместе со своими меньшими детьми. Отец мой на это не согласился. Он очень горевал по жене, хотя неоднократно признавался, что при жизни часто обходился с ней не так, как следовало бы. Впрочем, я очень смутно припоминаю это грустное время. После смерти матери началась для нас скитальческая, горемычная жизнь. Иногда наши дела как будто и поправлялись. Отец найдет, бывало, место и примется трудиться прилежно,

неутомимо, но, увы, всегда ненадолго; довольно было одного намека, одного злобного слова, и отец мой лишился места: ему верить никто не решался, хотя он вел себя безукоризненно, но риск был слишком велик. Не нашлось ни одной милосердной души, чтобы решиться на такой риск и обратить несчастного отверженца на путь истинный; не нашлось ни одной души, которая сказала бы: «Я знаю, ты совершил преступление; я знаю, ты не имеешь доброго имени; но я забуду это пятно в твоём прошлом и помогу тебе искупить его». Повстречайся отец с таким благодетелем — и все пошло бы иначе.

Потом Маргарита передала Клементу последний свой разговор с отцом; рассказала ему, как отец отзывался о Генри Дунбаре, и показала письмо, адресованное в Норфольк, где старик-конторщик намекал на власть, которую брат его мог иметь над своим хозяином. Маргарита не забыла рассказать мистеру Остину и о своих неудачных попытках увидеться с Дунбаром в Винчестере и Лондоне, и о письме, которое тот написал ей в надежде купить ее молчание.

— С тех пор, — заключила молодая девушка, — я получила по почте два пакета с вложением ста фунтов стерлингов и с надписью внутри конверта: «От верного друга». Оба пакета я возвратила, потому что знала, откуда они. Я отправила их обратно на имя Генри Дунбара, в контору банка на улице Св. Гундольфа.

Клемент Остин слушал рассказ Маргариты с большим вниманием. Все это очевидно доказывало преступность мистера Дунбара. К тому же полиция, несмотря на все свои розыски, не нашла даже повода подозревать кого-то другого в винчестерском убийстве.

— Очень вам благодарен, мисс Вильмот, — сказал он тихо, — что вы доверили мне свою тайну. Вы всегда найдете во мне человека, готового помочь вам, если помощь моя может как-нибудь пригодиться. Если вы пожелаете завтра вечером к моей матушке на чашку чаю, то мы сможем серьезно переговорить об этом деле. Матушка моя — женщина умная и очень вас любит и уважает. Вы доверитесь ей, не правда ли?

— Я готова, — с радостью отвечала девушка.

— Вы, я уверен, найдете в ней истинного друга.

Между тем они успели возвратиться к калитке садика. Клемент Остин протянул ей руку.

— Доброй ночи, мисс Вильмот.

— Доброй ночи.

Маргарита вошла в комнату, а мистер Остин медленно направился домой, мимо живописных, убогих домиков, тонувших в зелени деревьев, и великолепных дач с готическими окнами и башнями, громоздившихся вдоль дороги.

Клемент Остин от всей души сочувствовал бедной одинокой девушке. «Бедненькая, — подумал он, — всеми брошенная одинокая сиротка».

Но сильнее всего занимало его то, что он слышал о Генри Дунбаре. Чем больше он обдумывал слова мисс Вильмот, тем очевиднее казалась ему виновность банкира. Тут был не один намек, а целый ряд улики против преступника.

Тайна, посредством которой Джозеф Вильмот мог держать в руках мистера Дунбара; волнение, обнаруженное банкиром в соборе; положительный отказ видеться с дочерью убитого, попытки подкупить ее — все это были немаловажные улики. Клемент Остин теперь подозревал миллионера, как подозревали его Маргарита Вильмот и Артур Ловель.

Итак, теперь уже трое полагали, что мистер Дунбар — убийца Джозефа Вильмота.

XIX

Разочарование Лоры Дунбар

Артур Ловель часто ездил в Модслей-Аббэ; его там принимали очень любезно, и молодой человек не имел сил противостоять искушению. Он видел Лору Дунбар и проводил с ней целые часы, потому что его общество всегда нравилось избалованной девушке. Он ей казался тем, чем обещал быть, то есть братом, добрым, преданным, любящим братом, но не

более. Он был ей дорог по воспоминаниям о счастливом детстве. Она была ему благодарна за все его попечения и заботы о ней; она любила его, но любила, как брата. Иная, более глубокая, более пламенная любовь не проснулась еще в ее детском сердце.

День шел за днем, молодой человек преклонялся пред своим идолом и был счастлив — увы! — роковым для него счастьем. Он забывал обо всем на свете, видел только одно прелестное личико, приветливо улыбавшееся ему. Он забыл даже о винчестерском убийстве, о своих мрачных подозрениях. Быть может, он и не забыл бы о сомнениях, поселившихся в нем при первом свидании банкира с дочерью, если б он часто видел Генри Дунбара; но владелец Модслей-Аббэ почти не показывался своим гостям. Он поселился в приготовленной для него половине и редко выходил в общие комнаты. Он или сидел у себя, или гулял один по тенистым аллеям парка. Еще любил он ездить верхом на великолепной лошади, доставшейся ему по наследству от Персиваля Дунбара. Это был кровный жеребец, но несколько сильнее и статнее обыкновенной лошади чистой крови. Рыжая шерсть его блестела, как атлас, глаза у него были большие, шея длинная, он отличался всеми статьями, которыми арабы всего более дорожат в своих любимых берберийских лошадях. Генри Дунбар очень привязался к этой лошади и выстроил для нее особую конюшню в саду близ своей уборной, которая, как все его комнаты, находилась на нижнем этаже Модслей-Аббэ. Грум мистера Дунбара спал в комнате неподалеку от конюшни, таким образом, он и лошадь были готовы к услугам банкира в любое время дня и ночи.

Генри Дунбар обыкновенно катался рано утром или в сумерки перед обедом. Он был очень гордый и необщительный человек. Тотчас по его приезде в Англию к нему явились все соседи поздравить его с возвращением; он принял их очень любезно, поблагодарил за расположение к нему, но в его обращении было что-то отталкивающее. По настоянию своей дочери он дал большой обед, бал и утренний концерт; но, когда соседи хотели отплатить ему за гостеприимство, он отказался от всех приглашений, ссылаясь на свое нездоровье. Он объявил, что здоровье его совершенно расстроено долгим пребыванием в Калькутте, и потому он не в силах поддерживать знакомство; что же касается Лоры, то она могла ездить куда и сколько хотела, конечно, в сопровождении пожилой родственницы.

Однако на вид Генри Дунбар был сильным, здоровым мужчиной. Он был всегда бледен, но это был единственный признак болезни, о которой он столько говорил. Он вставал очень рано, ездил несколько часов на своей любимой лошади и возвращался домой к чаю; оставшееся утро он проводил в своей роскошной гостиной, читал, писал, а чаще всего просиживал у камина целыми часами в мрачных думах. В шесть часов он обедал один в своей комнате, так как, по его словам, здоровье не позволяло ему обедать за общим столом. Вечер он тоже проводил в одиночестве и очень поздно ложился спать. По рассказам слуг, в эти часы он пил немилосердно и никогда не ложился трезвым. В доме все его уважали и боялись, но никто не любил. Его молчаливый и скрытный характер не мог быть по сердцу людям, привыкшим к доброму, веселому старику Персивалю Дунбару, который был ласков со всеми, начиная с нарядной экономки в шелковых платьях до последнего мальчишки на конюшне. Нет, нового владельца Модслей-Аббэ не любили.

Дни шли за днями, Генри Дунбар продолжал вести свою уединенную, мрачную жизнь. Сначала Лора нарушала его уединение, старалась своими ласками и веселым разговором разогнать его тоску, но вскоре увидела, что все ее попытки напрасны и только сердили отца, и ее легкие шаги все реже раздавались в уединенных комнатах Генри Дунбара.

Модслей-Аббэ был громадным, старинным зданием, выстроенным по частям в различные царствования. Самой старинной частью был северный флигель, в котором поселился мистер Дунбар. Архитектура этого флигеля напоминала эпоху Плантагенетов; в толстых каменных стенах были прорублены длинные, узкие окна с цветными стеклами, в которых красовались гербы благодетелей аббатства. Внутри комнаты были украшены полинявшими обоями; резные дубовые потолки почернели от времени. Спальня и уборная мистера Дунбара выходили в небольшой двор, обнесенный каменной оградой, под тенью которой когда-то гуляли монахи. Посреди двора был маленький садик, в котором цвели

высокие георгины и великолепные гортензии. В этом-то саду Генри Дунбар и выстроил конюшню для своей любимой лошади.

Южный фасад Модслей-Аббэ был гораздо более поздней постройки; окна и камин в этой части дома принадлежали к эпохе Тюдоров, комнаты были меньше и уютнее, резьба на потолках роскошнее. Всюду блестели венецианские зеркала и старинные хрустальные канделябры; современная, модная мебель странно противоречила украшениям на каминных во вкусе королевы Елизаветы. Все в этой части дома носило отпечаток роскоши и богатства. Персиваль Дунбар находил счастье в украшении комнат своей любимой внучки. С самого детства он окружил ее всем, что только может дать богатство, и Лора с колыбели привыкла ходить по бархатным коврам и спать под атласным пологом. Она привыкла к роскоши и великолепию, но обладала чисто детской способностью во всем находить удовольствие, и роскошь, окружавшая ее, нисколько ей не приглянулась.

Лора была баловнем судьбы. Но есть натуры, которые нельзя испортить баловством, и она, конечно, была одной из них. Она до сих пор еще не знала, что такое скука, тоска, свет ей казался прелестным раем. Она никогда не видела бедности, несчастья, никогда не чувствовала того холодного отчаяния, которое овладевает нами при сознании, сколько ужасного, беспомощного горя было, есть и будет на земле. Она видела больных поселян, бедных вдов, бесприютных сирот, но всегда могла помочь им, сгладить их страдания. А только зрелище горя и несчастья, которым мы не можем помочь, поражает наше сердце нестерпимыми муками, которые на минуту отравляют нам жизнь, заставляют отворачиваться с презрением от мира, который не может существовать без подобных явлений.

Лоре этот мир казался светлым, безоблачным; для нее были скрыты мрачные тайны человеческой жизни. Однажды только горе коснулось ее, и то в самом обыкновенном его проявлении: старик после долгой счастливой жизни мирно скончался на руках любимой внучки. Она могла сожалеть о нем, но в его смерти не было ничего страшного, потрясающего душу.

Быть может, первое действительное горе, которое пришлось ей испытать в жизни, было жестокое разочарование в отце. Одному небу известно, с каким пламенным нетерпением ждала она Генри Дунбара. Она была разлучена с ним, с тех пор как себя помнила, но что ж это значило? Он тем более ее будет любить, потому что столько лет был лишен счастья ее видеть. Она намеревалась быть тем же для отца, чем была для деда, то есть веселым собеседником и ангелом-хранителем.

Но не суждено было этому исполниться. Отец молча отвергал ее любовь. Сначала он избегал ее общества, а теперь и она привыкла его избегать.

— Мне никогда и в голову не приходила эта мысль, — говорила она Артуру Ловелю, с которым не могла не поделиться своим неожиданным горем. — Я боялась, что папа заболит в дороге, может быть, умрет, и пароход, о счастливом прибытии которого я молилась днем и ночью, привезет мне мертвое тело. Я так боялась этого, Артур, что часто по ночам просыпалась со страхом. Мне казалось, что я вижу умирающего отца в маленькой, душной каюте на руках чужих людей. Я не могу вам сказать всего, чего я боялась, но никогда мне не приходило в голову, что он мог меня не любить. Я даже иногда думала, что он мог не походить на дедушку, мог иногда сердиться на меня, но я всегда полагала, что он будет меня горячо любить и даже в минуты гнева, если не ради меня, то ради покойной мамы. — Голос ее дрогнул, и она горько заплакала.

Ловель не нашел слов, чтобы ее успокоить. Ее жалобы на отца снова возбудили в нем ужасное подозрение, что Генри Дунбар виновен в смерти своего слуги. Однако он должен был утешить чем-нибудь бедную молодую девушку.

— Лора, милая Лора, — сказал он, — поверьте мне, это глупо. Имейте терпение и надейтесь на лучшее. Как может мистер Дунбар не полюбить вас, когда ближе вас узнает? Вы, может быть, от него слишком многого ожидали. Помните, что люди, долго жившие в Индии, всегда становятся какими-то холодными созданиями. Когда мистер Дунбар узнает вас ближе, привыкнет к вашему обществу...

— Этого никогда не будет, — поспешно возразила Лора. — Как он узнает меня ближе, если он постоянно избегает меня? Бывают дни, когда я его не вижу. А когда соберусь с силами и пойду в его мрачные комнаты, он встречает меня с любезной учтивостью. С любезной учтивостью, когда я жажду его любви! Я остаюсь у него на некоторое время, спрашиваю его о здоровье, стараюсь сблизиться с ним, но в его обращении видна какая-то холодная принужденность, которая ясно говорит, что я для него лишняя. Что же мне делать? Я уйду с разбитым сердцем. Теперь я вспоминаю, что его письма из Индии казались мне холодными, но он извинялся множеством дел и всегда заканчивал свои письма надеждой на скорое свидание. Он всегда говорил, как будет рад прижать меня к своему сердцу. Зачем он меня так жестоко обманул?

Ловель не мог утешить девушку. С самого начала он тщетно старался полюбить Дунбара, а после странной сцены в Портланд-Плэс он стал окончательно подозревать банкира в убийстве — самом страшном из преступлений, навеки лишаящем человека всякого сочувствия и делающем его проклятым, отверженным созданием. Только Верховному Судье доступно то возвышенное милосердие, которое признает достойным жалости всех людей, даже самых преступных, даже тех, кого их же ближние извергли из своей среды!

XX Новые надежды

Джослин-Роке находился в десяти милях от Модслей-Аббэ и в одной только мили от города Шорнклифа. Это великолепное поместье принадлежало роду Джослин со времен Плантагенетов.

Замок стоял на крутом обрыве, у подножия которого шумел и пенился водопад, неся свои воды в маленькую речку, впадавшую невдалеке в Эвон. Самое здание было не очень велико, ибо большая часть старинных стен и башен уже давно развалилась, но оно сохранило свой величественный характер. Громадная, восьмиугольная башня с бойницами возвышалась так же гордо, как во времена Плантагенетов, когда бунтовщики напрасно таранили его стены. Все здание было выстроено из камня, и массивный готический портик напоминал средневековые соборы. Внутри все блистало роскошью, но совершенно иной, чем в более скромных комнатах Модслей-Аббэ, убранных с современным комфортом и изяществом.

В Джослин-Роке на каждом предмете, на каждом украшении лежала печать времени. В мрачной зале на стенах, украшенных резьбой, висели шлемы, иссеченные тяжелыми палашами сарацинских витязей, стальные брони, некогда покрывавшие берберийских коней гордых крестоносцев, оружие работы знаменитых миланских мастеров, старинные пищали, громадные щиты, медные латы, дротики, самострелы, пики, мечи. Рядом с этими воинственными доспехами красовались рога громадных оленей, шкуры лисиц, свидетельствовавшие об охотничьих подвигах славного рода Джослинов.

Это был благородный, древний замок. Коронованные особы, принцы крови сживали в громадных резных креслах, украшавших столовую; английская королева однажды провела ночь в спальне замка, обтянутой голубым атласом. Его владельцы, остававшиеся всегда верными королю, не раз прятались в огромных комнатах от преследований республиканских солдат или бежали от них в потаенные коридоры, скрытые за роскошными обоями. В блестящих покоях замка виднелись и старинные картины, и драгоценные кубки, вывезенные Джослинами из Флоренции, и дорогие северские статуэтки, лично подаренные владельцам замка прекрасной маркизой Помпадур в те дни, когда северские рабочие работали только на короля и ради любви к искусству и преданности королю подвергались смертоносным испарениям мышьяковых паров. Тут было золотое блюдо, которое какой-то король подарил своему гордому любимцу в те дни, когда еще любимцы королей были всемогущи в Англии. Не было в замке почти ни одного сколько-нибудь ценного предмета, который не имел бы своей истории, гласившей о славе и величии знатного рода Джослинов.

Это великолепное жилище, одинаково священное по связанным с ним легендам и историческим воспоминаниям, принадлежало теперь сэру Филиппу Джослину. Молодой баронет был одарен красивым, откровенным лицом, мужественной фигурой; в глазах его блестела неукротимая храбрость, на устах постоянно играла улыбка. Он был отличный стрелок, ловкий наездник и даже несколько художник.

Но сэр Филипп не любил умственных занятий. Его более занимала скачка в Шорнклифе, чем новая брошюра по политической экономии, и он решительно не знал, как поддержать разговор, когда ему случалось за обедом сидеть рядом с «синим чулком». Но, несмотря на свои спортсменские замашки, юный баронет был совсем не глуп. Джослины были великолепными наездниками с незапамятных времен и славились своей ловкостью в стрельбе еще до изобретения огнестрельного оружия. Сэр Филипп не был помешан на охоте и спорте, как некоторые английские джентльмены, а вполне сознавал, что когда он женится, то жена ему будет гораздо дороже всякой лошади. Однако до сих пор он еще не думал о будущей леди Джослин. Он смутно чувствовал, что женится, как все Джослины женились до него, и что он будет жить счастливо с женой, подобно всем своим предкам, за исключением одного несчастного Гильдебранда Джослина, который по ложному подозрению выбросил свою жену из окна в водопад. Долго ходила в народе легенда об этом страшном происшествии, даже уверяли, что каждый год в день этого убийства в брызгах водопада появляется призрак несчастной.

Сэр Филипп полагал, что, конечно, придет день, когда он женится, но пока не обращал никакого внимания на хорошеньких дочерей своих соседей, которых встречал на скачках, стрельбе, балах или обедах. Сердце его еще не принадлежало никому, и, когда он смотрел на мир из окна своей комнаты, перед которым во все стороны расстилались его владения, жизнь ему представлялась в самом радужном свете. Мир, на который люди так горько сетуют, ему казался прелестным, приятным уголком. Он выстроил себе в замке мастерскую и проводил там целые часы перед мольбертом, рисуя арабскую лошадь, прекрасную итальянку или сцену из его охотничьих приключений. И все это под самым ярким ультрамариновым небом или под блестящими лучами заходящего солнца, изображенного длинными полосами вермильона и гуммигута. Он не был большим живописцем, да и вообще во всей его натуре не было ничего величественного; он рисовал с той же смелостью и ловкостью, с какой ездил верхом или стрелял из ружья. Его картины были всегда веселые и вполне подходили под ту категорию художественных произведений, которые у невзыскательных любителей называются «миленькими».

Сэр Филипп отличался более всего своей всегдашней веселостью, и эта веселость была, быть может, самым лучшим его достоинством. Никакая мода, никакое влияние товарищей не могли из него сделать фаталиста, разочарованного во всем и всех, которых — увы! — столько развелось среди современной молодежи. Танцевал он? Да, и без ума любил танцы. Пел он? Да, насколько умел; его густой бас очень мелодично раздавался на Темзе, когда после веселого обеда он катался с товарищами в лодке. Бывал он за границей? Да, и был в восхищении от старинных неудобных трактиров, докучливых комиссионеров и медленных переездов. Ах, как все это было весело! А хорошенькие крестьянки в их высоких белых чепцах, под лазурным южным небом! А старинные дребезжащие дилижансы с избытком веревок вместо упряжи! А пыльные соборы, несносные нищие, игорные столы! Какое удовольствие даже вспомнить об этом! Сэр Филипп Джослин говорил о природе, обо всем мире с тем же восторгом, с тем же азартом, с каким молодой супруг говорит о своей прелестной жене.

Бедняки и нищие вокруг Джослин-Рока обожали молодого хозяина. Бедняки любят смотреть на веселых, счастливых людей, если только они не надменны, не горды. Сэр Филипп был богат и распоряжался своим богатством по-барски. Он был счастлив и хотел, чтоб все вокруг были счастливы. Он с радостью делился лучшими манильскими сигарами с инвалидом в богадельне или сам относил бутылку редкой джослинской мадеры с знаменитой коричневой печатью какой-нибудь несчастной крестьянке, возившейся с больным сыном. Он

часами просиживал со своими фермерами, рассказывая им о заграничном земледелии, и был крестным отцом почти всех мальчуганов миль на десять вокруг Джослин-Рока. Его светлая, веселая жизнь не была запятнана ни малейшей тенью кутежа и разврата. Ни одна несчастная, опозоренная девушка не проклинала его имени, бросаясь с отчаяния в мрачные воды быстрой реки. Все любили его, и он был достоин всеобщей любви и уважения. Он воспитывался в Оксфорде, и хотя не показал слишком блистательных успехов в науке, но оставил о себе самые приятные воспоминания; самые серьезные профессора не могли не улыбнуться, когда речь заходила о его веселых, детских шалостях; все торговцы прославляли его аккуратность в платежах, а один из слуг, который должен был уйти из заведения по болезни и старости, получал от него пожизненную пенсию. За всю свою жизнь сэр Филипп Джослин не причинил никому ни малейшей неприятности, разве только один дальний его родственник, долженствовавший ему наследовать в том случае, если он умрет бездетным, мог гневаться на него, смотря на удивительное здоровье молодого человека.

Этот несчастный родственник заскрежетал бы зубами в бессильной злобе, если б узнал о том кризисе в жизни сэра Филиппа Джослина, который случился вскоре после возвращения мистера Дунбара из Индии. Кризис этот — обыкновенное явление в юности, и на него молодые люди смотрят очень легко, но тем не менее он часто имеет самые страшные, роковые последствия.

Юный владелец Джослин-Рока влюбился. Вся поэзия его природы, вся сила его чувств, все, что было лучшего в нем, все вылилось в этой страсти. Он влюбился. Чародей махнул жезлом, и весь мир преобразился в чудный рай, в Эдем, где все блестело, все сияло отраженным светом одного любимого лица. Конечно, такая внезапная любовь прелестна. Но не низший ли это вид человеческой любви? Любовь, начинающаяся с чувства уважения, — любовь, которая растет по мере того как мы ближе узнаем любимую женщину, — вот чистейшая, святейшая любовь. Эта любовь рождается в нас бессознательно; мы не понимаем, не чувствуем ее; она тихонько подкрадывается к нам, как дрожащий свет восходящего солнца. Любовь эта пускает глубже свои корни, вырастает в более роскошное, обширное дерево, чем та мимолетная, быстрорасцветающая, чудная, беспричинная, которую зовут любовью с первого взгляда. Быть может, ее цвет и обворожительнее, прелестнее на вид, но, увы, ее корни неглубоко заходят в душу.

Человек, любящий с первого взгляда, влюбляется всегда в голубые глазки, прелестный ротик или греческий носик. Но человек, любящий женщину, которую он знает и уважает, любит ее потому, что она в его глазах — идеал всего возвышенного, благородного. Для него любовь — вера. Он не может сомневаться в женщине, которую обожает; он обожает ее только потому, что верит и знает, что она выше всех сомнений! Дикая страсть Отелло к невинной венецианке была любовью с первого взгляда. Он любил Дездемону за ее красоту, любил ее за нежные взгляды, устремленные на него в то время, когда он рассказывал о своих славных похождениях. Черный мавр любил ее потому, что она ему нравилась, а не потому, что он ее знал, — и вот достаточно двух-трех слов подлого обманщика, чтобы уверить его в низкой измене. Невинное, прелестное создание мгновенно превращается в его глазах в падшую, презренную женщину.

Гамлет не поступил бы так. Нет, он зорко следил, он внимательно наблюдал за своей Офелией; он знал все тончайшие изгибы ее сердца; он ловил ее на словах, стараясь подметить, нет ли в ней хоть малейшей тени сходства с низким, раболепным отцом. Гамлет, женись он на любимой им женщине, стал бы, быть может, беспощадным мужем, но никогда не зарезал бы своей жены из пустого подозрения, никогда не поверил коварной клевете какого-нибудь Яго.

Но, увы, женщины предпочитают страстного, дикого Отелло задумчивому, тихому Гамлету. Глупые создания верят блеску и шуму, верят тому, кто громче кричит.

Филипп Джослин и Лора Дунбар встретились впервые на обеде, который миллионер давал своим соседям в честь своего приезда. Они встретились снова на балу, где Лора вальсировала с Филиппом. Он научился вальсировать по ту сторону Альп, и мисс Дунбар

предпочитала танцевать с ним, чем с другими кавалерами. На сельском празднике они встретились в третий раз; тут цыганка, нарочно привезенная из Лондона, гадала им на будущее. При этом Лора невольно покраснела, а Филипп, как живописец, любовался эффектным отражением темно-карих ресниц на темно-голубых глазах. Потом они стали постоянно встречаться то на скачках, то на обедах, куда Лора являлась в сопровождении какой-нибудь знакомой старушки, и вскоре юный баронет влюбился по уши в прелестную дочь банкира.

Он любил ее горячо, преданно, по-своему безумно. Он был истый Джослин — страстный, сумасшедший. Со времени обеда в Модслей-Аббэ он только и думал, только и мечтал о Лоре Дунбар. С той самой минуты он стал вечно бродить вокруг Модслей-Аббэ. Через великолепный парк банкира извивалась маленькая тропинка, которая вела в деревню Лисфорд, и, будь эта уединенная, мрачная деревушка самым очаровательным местом на свете, сэр Филипп вряд ли мог посещать ее чаще, чем теперь.

Одному небу известно, что находил он хорошего в узкой, мрачной улице маленькой деревни, в низеньком, каменном рынке с железными, ржавыми воротами, наверху которых красовался герб Джослинов. На маленькой площади перед церковью росла трава; сама церковь с четырехугольной колокольной едва выглядывала из-за густого плюща, вьющегося вокруг нее. На маленьких домиках с высокими крышами, на всем виднелись следы старины. Вообще эта деревня навряд ли могла нравиться молодому, богатому владельцу Джослин-Рока, и все же Филипп Джослин ездил туда три раза в неделю. Эти частые посещения начались тотчас после бала и концерта в Модслей-Аббэ.

Самая близкая дорога из Джослин-Рока в Лисфорд была большая дорога; но сэр Филипп не заботился о том, чтобы поскорее попасть в Лисфорд. Он предпочитал маленькую тропинку через модслейский парк. Действительно, тропинка эта была очаровательная: с обеих сторон расстилались над ней широкие, тенистые ветви громадных вязов, и только кое-где солнечные лучи проникали сквозь густую листву. Вокруг росли красивые папоротники, колеблемые легким осенним ветерком; между дикими водяными растениями, едва виднелись, покрытые тиной, небольшие лужи стоячей воды. В воздухе все было тихо, мирно; из соседнего леса доносился запах сосны. И ко всей этой прелести природы для Филиппа еще присоединялась надежда увидеть Лору.

Действительно, он встречал ее часто; она никогда не гуляла одна: иногда с ней была Дора Макмагон, и всегда ее сопровождала верная Элизабета Маден. Добрая женщина не оставляла ни на минуту своей молодой барышни и держала ухо остро, но, по несчастью, она была очень толста и страдала одышкой. Дора Макмагон, понимая, что общаться вдвоем гораздо приятнее, чем втроем, стала брать с собой книги и, сидя под тенистым деревом, углублялась в чтение, пока Лора гуляла в более отдаленных уголках парка.

Под тенью старых вязов Лора часто встречалась с Филиппом. Их встречи были, конечно, случайными, как всегда бывают подобные встречи; но их неожиданность нисколько не уменьшала их прелести. Молодые люди были постоянно в лихорадочном ожидании, и сердца их бились сладкой тревогой. Лора, увидев Джослина, всегда краснела, что придавало еще больше прелести ее красоте, а сэр Филипп, заметив между деревьями ее высокую, статную фигуру, невольно вздрагивал от счастья, глаза его радостно блестели. Как прекрасна она была в длинном платье, грациозно расстилавшемся по мягкой траве. На голове у нее иногда была маленькая шляпка с загнутыми полями и павлиньим пером, иногда соломенная с широкими полями и развевающимися на ветру лентами. Она всегда гуляла в сопровождении своей любимой собаки Плуто и обыкновенно держала в руках какой-нибудь новый роман. Стыдно признаться, но юная наследница Модслей-Аббэ предпочитала романы серьезным книгам по истории или естественным наукам. Она проводила день за днем в счастливом безделье, читала, рисовала, играла на фортепиано, пела, разговаривала, большей частью весело, а иногда и серьезно со своей старой няней, Дорой Макмагон или Артуром Ловелем. У нее была красивая лошадь, подаренная ей дедом, но она редко ездила вне пределов парка, потому что Дора Макмагон, воспитанная строгой теткой, не умела ездить

верхом, и мисс Дунбар в ее прогулках сопровождал только старый грум, который ездил еще с Персивалем Дунбаром сорок лет назад.

Филипп Джослин ездил обыкновенно в Лисфорд верхом, но когда он встречал мисс Дунбар, что случалось часто, то соскакивал с лошади и вел ее под уздцы. Иногда он находил молодую девушку и Дору Макмагон за работой; они, сидя на складных стульях у подножия старого дерева, рисовали расстилающийся перед ними вид. В подобных случаях молодой баронет привязывал свою лошадь к дереву и, поместившись за стулом мисс Дунбар, давал ей шутя урок перспективы. Что ж касается мисс Макмагон, то, по словам молодого человека, она рисовала гораздо лучше ее сестры и не нуждалась ни в чьих советах.

Мало-помалу эти уроки стали постоянным занятием и для них назначены были часы, так что Джослин перестал ездить в Лисфорд и довольствовался тем, что проводил каждое утро, когда погода позволяла, в модслейском парке. Он находил, что его ученица выказывала много способностей, но если бы мисс Дунбар не имела никакого таланта, то и тогда он не выходил бы из терпения на этих уроках и считал их самыми счастливыми часами в своей жизни.

Какими словами описать удовольствие, счастье, которое ощущали учитель и ученица на этих уроках? Они оба любили живопись; но что значила эта любовь по сравнению с тем светлым блаженством, которое они испытывали при этих свиданиях? Какими словами описать всю прелесть хорошенького личика Лоры, когда она, нарисовав ряд кривых, покосившихся в одну сторону деревьев, жалобно взглядывала на своего учителя? Приходилось ли чинить карандаш, искать потерянную резинку, растирать краски или осторожно вкладывать кисть в прелестную ручку молодой девушки, которая всегда дрожала при нежном прикосновении пальцев учителя, — все это доставляло неописуемое счастье молодому человеку.

Но вскоре погода сделалась такая холодная, что нельзя было продолжать уроков на свежем воздухе.

— Я не позволю барышне рисковать простудиться из-за каких-то видов, сэр Филипп, — говорила Элизабета Маден. — Я докладывала об этом ее отцу, но ведь с ним говорить все равно что со стеной. Теперь такой холод, что, когда мисс Лора выходит в парк, ей надо потеплее одеться и побыстрее ходить, а не торчать тут на морозе, рисуя какие-то глупые деревья.

Миссис Маден говорила это однажды утром, когда баронет просил назначить еще один урок. По правде сказать, дело было в том, что Элизабета Маден стала укорять себя за то, что она способствовала развитию дружбы, неожиданно возникшей между Филиппом и Лорой. Она чувствовала, что не исполняла с прежним рвением своих обязанностей дуэньи, и потому явно сердилась на себя. Но сильнее укоров совести было негодование на сэра Филиппа. Почему он тотчас же не просил руки Лоры?

Миссис Маден все ждала, что молодой человек сделает предложение, но дни шли за днями, а ее надежды не исполнялись, хотя она была совершенно убеждена, что Филипп любит ее барышню. Прозорливые глаза старухи отгадали тайну молодого человека, прежде чем Лора возымела малейшее подозрение, что она любима. Отчего же он не делал предложения? Да разве могла быть для владельца Джослин-Рока достойнее невеста, чем Лора с ее ангельской красотой и земным богатством?

Полная этих честолюбивых надежд, Элизабета Маден смотрела сквозь пальцы на свидания молодых людей и предоставляла им возможность побыть наедине. Но как много и откровенно ни говорили между собой молодые люди, сэр Филипп никогда не намекал даже на желание просить руки прелестной Лоры.

Он был так счастлив с ней в часы свидания в модслейском парке, что никогда мысль о таком прозаическом, обыкновенном деле, как предложение, не приходила ему в голову. Любил ли он ее? Конечно, и любил пламенно, как никогда и никого, исключая нежное, прекрасное создание, образ которого смутно возникал в памяти его детства, — создание, которое он только было научился называть сладким именем матери, как оно навеки его

покинуло.

Только когда начались холода и нельзя было продолжать уроков на свежем воздухе, сэръ Филипп серьезно задумался о женитьбе. Ему предстояли для этого разговоры с банкиром и тому подобные неприятности. Так размышлял молодой человек, сидя у камина в старинной столовой Джослин-Рока и задумчиво глядя на огонь. Он обожал Лору, но не очень жаловал Генри Дунбара. Миллионер был всегда очень любезен с ним, но в его сухом, учтивом обращении что-то отталкивало, холодило душу.

«Он ее отец, — думал молодой человек, — и я готов стать перед ним на колени, готов чистить ему сапоги только потому, что он ее отец. Но все же я не могу с ним сойтись».

Действительно, богатый банкир и Филипп Джослин нисколько не сочувствовали друг другу и вкусы их были совершенно различные, так что все усилия молодого человека завязать дружбу с Генри Дунбаром не привели ни к чему.

Однако, когда сэръ Филипп после долгого колебания наконец решился и в одно прекрасное утро, явившись к банкиру, открыл ему свое сердце, мисстер Дунбар был удивительно мягок и любезен.

— Вы спрашиваете, отдам ли я вам руку моей дочери? — сказал он. — Конечно, с большим удовольствием, если только Лора этого желает; она должна решить сама. Я не намерен вмешиваться в чувства моей дочери, если только она любит человека, достойного ее. Я желаю, чтоб она вышла замуж за кого сама хочет, и требую только, чтобы избранный ею человек был честный и благородный.

Сказав это, мисстер Дунбар тяжело вздохнул; в последнее время он часто так вздыхал, приписывая это расстройству в легких.

— Я очень хочу, чтобы Лора вышла замуж, и буду душевно рад, когда она найдет хорошего мужа.

Вне себя от радости, сэръ Филипп бросился к банкиру и едва не поцеловал ему руку, но Дунбар остановил его торжественным жестом:

— Прощайте, сэръ Филипп, — сказал он. — Я плохой товарищ молодому человеку, и предпочитаю оставаться наедине с «Таймс». Вы, молодежь, не умеете ценить «Таймс»; вам бы хотелось, чтобы вся газета была только полна отчетами о скачках, о кулачных боях. Вы найдете мисс Дунбар в синей гостиной; переговорите с ней, и мне останется только узнать о результате вашего разговора.

Редко случается, чтобы наследница миллионного состояния доставалась так легко, и потому сэръ Филипп, выходя из кабинета банкира, был на седьмом небе от счастья.

«Кто бы ожидал, что он такой отличный старик? — думал сэръ Филипп. — Я предполагал, что он будет сопротивляться, а он прямо посылает меня к моей милой Лоре, давая мне право идти и победить. Победить? А если Лора не любит меня? Если она только кокетка и забавляется тем, что люди сходят с ума от любви к ней? Нет, этого не может быть. Я не хочу этого и подозревать. Она действительно такая, какой кажется, то есть ангел чистоты и правды.

Несмотря на эту уверенность в Лоре, баронет был очень смущен, когда вошел в синюю гостиную. Мисс Дунбар сидела у окна, и лучи солнца играли в ее прекрасных волосах, искрились на прихотливых складках ее лилового шелкового платья. Она только что рисовала; кисти и палитра лежали на столе, а девушка задумчиво смотрела в окно на большой зеленый лужок, покрытый яркими осенними цветами. Услышав шаги, она как бы очнулась, вскочила со стула и пошла навстречу нежданному гостю. Хотя лицо ее было в тени, сэръ Филипп заметил, как она вдруг просияла, увидев его.

Эта светлая улыбка через минуту исчезла, молодая девушка покраснела от радости и стыда, что так явно обнаружила свои чувства. Но этой улыбки было достаточно, чтобы Филипп тотчас понял, что он любим и что слова не нужны. Однако они сказали друг другу много слов, и не было счастливее людей на свете, чем Лора и Филипп в эти радостные минуты. Они долго сидели у открытого окна, пока сэръ Филипп случайно не заметил, что солнце уже высоко, следовательно, давно пора закончить утренний визит.

Итак, предложение сэра Филиппа было принято. На другой день рано утром он снова отправился к мистеру Дунбару и просил назначить свадьбу как можно скорее. Банкир охотно согласился.

— Пускай свадьба будет в первых числах ноября, — сказал он. — Мне уже надоела жизнь в Модслей, и я хочу побывать на континенте. Конечно, я останусь здесь до свадьбы дочери.

Филипп был очень рад согласию Дунбара и поспешил объявить об этом Лоре. Но миссис Маден пришла в ужасное негодование, что так скоро назначили срок свадьбы.

— Как успеем мы сделать приданое в такое короткое время? — говорила она. — Вы, мужчины, в этом ничего не понимаете; не думаете ли вы, что какая-нибудь модистка возьмется сшить подвенечное платье меньше, чем за месяц.

Но никто не обратил внимания на слова миссис Маден, да и говорила она это только для очистки совести, а в душе была очень рада, что ее барышня выходит замуж за баронета. Она совершенно забыла своего старого любимца, Артура Ловеля, и с удивительной энергией принялась за все необходимые приготовления. Из лучших лондонских магазинов выписали образчики бархатов, шелковых материй, газов, кружев, и для приданого мисс Дунбар заказали все, что только можно было заказать. Вскоре в Модслей-Аббэ явилась французская модистка с целыми ящиками нарядов, и бедную Лору несколько дней мучили примеркой всевозможных туалетов.

XXI Новая жизнь

В первый раз в жизни Маргарита Вильмот испытала, что значит иметь друзей, настоящих, искренних, которые живо интересуются всем, что вас касается, и всячески стараются сделать вашу жизнь счастливой. Впрочем, мисс Вильмот окружала не одна дружба — был человек, который питал к ней чувство, гораздо возвышеннее и святее. Он любил ее чистой, бескорыстной любовью честного человека.

Клемент Остин, кассир в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби», влюбился по уши в скромную учительницу музыки. Он пристально следил за ней и старался выведать тайну ее жизни гораздо раньше, чем понял, что любит ее. Он начал с того, что стал сочувствовать ей, думать о ее трудной жизни, ее всегдашнем одиночестве, ее редкой красоте, которая подвергала ее большим опасностям, чем если бы она была некрасивой или уродливой.

А человек, позволяющей себе сочувствовать хорошенькой девушке, ставит себя в положение канатного плясуна, который должен благополучно пройти по тонкому канату, отделяющему его от страшной бездны, называемой любовью. Но девять человек из десяти, решающихся на такой смелый поступок, вскоре находят канат нестерпимо скользким и, не сделав и двадцати шагов, падают в самую бездну.

Клемент Остин влюбился в Маргариту Вильмот; его нежное внимание и преданность были прелестной новостью для бедной, одинокой девушки. Странно было бы, если при этих обстоятельствах за его любовь она не платила тем же. Он не спешил объясниться в любви, имея полезного союзника в своей матери, которая обожала своего сына и приняла бы с распростертыми объятиями всякую женщину, на которую пал его выбор, будь она хоть негритянка или американская невольница.

Миссис Остин очень скоро открыла тайну своего сына, да он и не старался скрывать свои чувства от матери, которой доверял все свои тайны с самого того времени, когда еще ребенком влюблялся в девиц, с которыми учился танцевать в клапгамской семинарии. Миссис Остин сознавалась, что ей было бы приятнее, если б ее сын выбрал себе жену с большими достоинствами со светской точки зрения, чем юная учительница музыки; но когда Клемент огорчился ее словами, добрая старушка тотчас растаяла и торжественно объявила, что если Маргарита так же добра, как и хороша собою и действительно любит Клемента, то она, миссис Остин, ничего лучшего не желает.

По счастью, она ничего не знала о прошлой жизни Джозефа Вильмота и о письме, адресованном в Норфольк, а то, быть может, и воспротивилась женитьбе своего сына на девушке, отец которой провел большую часть жизни на каторге.

— Мы ничего не скажем моей матери о прошедшем, — сказал Клемент Маргарите, — конечно, исключая то, что касается вас самих. Пускай история вашего несчастного отца будет известна только нам с вами. Моя матушка очень полюбила вас, и потому я бы не хотел, чтобы что-нибудь повредило этой привязанности; напротив, я хочу, чтоб она вас с каждым днем любила все более и более.

Желание Остина исполнилось, и добрая старушка действительно все более и более привязывалась к Маргарите. Она открыла в молодой девушке необыкновенные музыкальные способности и предложила ей снять нижний этаж хорошенького домика в Клапгаме, по соседству с ними, и принимать на дому учениц.

— Я вам доставлю, моя милая, сколько угодно работы, — сказала миссис Остин. — Я живу здесь уже тридцать лет, с самого рождения Клемента, и знаю всех в округе. Вы только не завышайте цену, и все с радостью будут посылать своих детей к вам. Я дам маленький вечер и приглашу всех своих знакомых нарочно, чтобы они услышали, как вы играете, и познакомились с вами.

Миссис Остин дала обещанный вечер, и Маргарита явилась на него в простеньком черном платье, которое уже давно висело в ее шкафу и при дневном свете едва ли куда годилось; но при свете восковых свечей Маргарита казалась в этом платье столь же прелестной, как и нарядной. Клапгамская аристократия не могла не заметить этого и торжественно объявила, что девушка, которой покровительствует миссис Остин, — очень приличная особа. А когда Маргарита сыграла на фортепиано и спела один из своих любимых романсов, то все присутствующие невольно были очарованы. У нее было прекрасное контральто, чистое, звучное, мелодичное; играла же она с удивительным блеском и, что еще реже встречается, с замечательным вкусом. Еще до окончания вечера, успех юной учительницы музыки был признан всеми.

На следующей неделе Маргарита сняла новую квартиру и вскоре имела до двенадцати учениц. Таким образом, она была занята целый день и получала более чем нужно было для ее скромной жизни. Каждое воскресенье она обедала у миссис Остин.

Клемент без труда уговорил мать устроить эти обеды, хотя и не распространялся пока о своей любви к Маргарите. Эти воскресенья были счастливыми днями для Клемента и Маргариты, которую он надеялся скоро назвать своей женой.

Изящный комфорт гостиной миссис Остин, мирная тишина воскресного вечера, когда были спущены шторы и зажжены лампы; интересный разговор о новых книгах и музыке — все это было новостью, приятной новостью для Маргариты. В первый раз она видела, что такое семейная жизнь, настоящая, мирная, счастливая, без тревожных и страшных тайн, постоянно гнетущих сердце. Но при всем этом Маргарита не забыла Генри Дунбара. Она по-прежнему была убеждена, что ее отца убил он. Совершенно спокойная в своем обращении со всеми, она глубоко сохранила в своем сердце роковую тайну и не просила ни у кого сочувствия.

Клемент Остин со своей стороны обратил все свое внимание на дело о винчестерском убийстве, но все его хлопоты ни к чему не привели. Различные улики против Генри Дунбара не имели достаточной силы, чтобы доказать его виновность. Молодой человек вошел в сношение с полицейскими сыщиками, которые следили за этим делом; но они, отобрав его показания, только глубокомысленно качали головой. Во всем, что он им рассказывал, не было и тени прямого доказательства виновности Дунбара.

— Человек, обладающий миллионами, не станет рисковать своей честью и жизнью ради пустяков, — говорил один из сыщиков. — В подобных делах самое главное — причина, которая могла побудить человека на преступление. Теперь скажите, какая причина могла побудить Дунбара к убийству своего слуги?

— Тайна, которую знал Джозеф Вильмот...

— Но Дунбар мог купить его молчание. Ведь тайна — такой же товар, как и всякая другая вещь; ее держат для того, чтобы продать.

После этого Клемент объявил Маргарите, что он решительно не может ей помочь в этом деле. Убитый должен мирно покоиться в своей могиле, и мало надежды, что тайна его жизни когда-нибудь будет раскрыта.

Но Маргарита не забывала Генри Дунбара. Она только выжидала удобного случая. Посреди новой, счастливой своей жизни ее не покидала решимость увидеть Дунбара. Несмотря на все его упорные отказы, она настоит на своем и увидит его. Встретившись с ним лицом к лицу, она смело обвинит его в убийстве отца. Если он и тогда не вздрогнет, не смутится, если на лице его будет написана невинность, то она перестанет его подозревать и поверит, что отец ее пал от руки какого-нибудь обыкновенного разбойника.

XXII Скачки

После долгих переговоров свадьбу Лоры Дунбар и Филиппа Джослина назначили на 7 ноября. Банкир потребовал, чтобы торжество было как можно проще, без всякого блеска и шума. Его здоровье было совершенно расстроено, и он решительно не мог присутствовать на свадьбе, если бы ее сделали с должным великолепием и пригласили полграфства. Если в церемонии нужны были для Лоры подруги, то у нее была Дора Макмагон, и она могла пригласить еще одну девушку из своих самых близких знакомых. «Свадьба — очень торжественное, серьезное дело, — объяснял мистер Дунбар, — и потому лучше для самой Лоры, чтобы она тихо провела этот день без шумного веселья и посторонней публики». Таким образом, все было устроено как можно проще, насколько высокое положение Дунбара допускало простоту. Сэр Филипп со своей стороны изъявил полное согласие с этими распоряжениями, он был слишком счастлив, чтобы обращать внимание на это. Он желал одного — чтобы его обвенчали с прелестной Лорой, и тем дали право назвать ее своей навеки. Тотчас после венчания он намеревался уехать с молодой женой на юг Европы, где он так весело путешествовал еще холостяком и где, конечно, теперь вместе с Лорой его ждет неопишное блаженство. Счастье, богатство служит погубителью многим, но в этом случае оно ничуть не портило молодого человека: баловень судьбы с колыбели, он сохранил редкое качество от души наслаждаться всеми его благами.

Случилось так, что 6 ноября был день, наступления которого сэр Филипп ожидал как счастливейшего уже несколько месяцев. В этот день в Шорнклифе должны были происходить скачки, и баронет еще весной дал слово скакать на своей великолепной лошади Гиневре. Приз состоял из серебряного кубка, купленного на деньги, собранные по подписке офицерами, стоявшими в Шорнклифе. Сэр Филипп ожидал эти скачки с большим удовольствием; он будет скакать на них в последний раз. Да, в последний. Он дал честное слово Лоре никогда более не скакать. Она старалась отговорить его и от этих скачек, потому что, несмотря на свою личную храбрость, боялась за жизнь дорогого ей человека.

— Я знаю, что это очень глупо, Филипп, — говорила она, — но я не могу не бояться. Я невольно вспоминаю о всех несчастных случаях, о которых я когда-нибудь слышала. Мне наяву и во сне только и мерещатся, что эти скачки. О Филипп, если бы ты отказался! Ради меня.

— Разве есть что-нибудь на свете, чего я не сделал бы для тебя, радость моя? — отвечал сэр Филипп. — Но это невозможно, это было бы подло. Ты знаешь, что я езжу хорошо и лошадь моя великолепна, на днях я тебе ее показывал, следовательно, и говорить об этом нечего. Мое имя записано уже шесть месяцев тому назад, и очень много небогатых фермеров держали за меня пари; ведь они, бедные, потеряют все свои деньги, если я не поеду. Ты не знаешь, милая Лора, что такое пари. Я все на свете готов для тебя сделать, но те, кто держал за меня пари, — народ бедный, и я не могу их обворовать. Я должен скакать и взять приз.

Мисс Дунбар понимала, что означала эта фраза, и с сердечным содроганием уже представляла себе, как ее Филипп летит, сломя голову, на своей гнедой кобыле, известной во всем Варвикшире; но, несмотря на весь свой страх, она должна была покориться и утешить себя тем, что Филипп дал ей слово никогда более не скакать.

Наступило 6 ноября; погода была тихая, но осенняя, пасмурная. Небо, покрытое мрачными серыми тучами, давило землю. Фуражки и куртки наездников выделялись пестрыми пятнами на сером фоне картины, и блестящие женские наряды служили единственным украшением унылого, обнаженного поля, на котором был устроен овальный ипподром. Местность была довольно ровная, только кое-где возвышались нарочно устроенные препятствия. Накануне Лора с Филиппом осмотрела весь ипподром, и с ужасом заметила, как высоки барьеры и глубоки канавы. Но Филипп только смеялся над ее страхом, говоря, что его лошади эти преграды нипочем.

Зрители стояли по обе стороны веревки. Тут были солдаты из шорнклифских казарм, соседние фермеры и всякого рода зеваки. Экипажей была всего одна линия против самой галереи, наскоро выстроенной из неотесанных досок. В этих экипажах громоздилось во всевозможных позах огромное количество офицеров и их знакомых, которые во время антрактов истребляли несметные запасы шампанского, пива и раков. Вообще зрелище было довольно веселое, как всегда бывает на скачках, где бы они ни были, хоть в самых диких странах Нового Света.

Между всеми экипажами резко выделялась одна великолепная карета, запряженная парой дорогих коней. Экипаж этот не бросался в глаза; напротив, он был темного цвета с маленьким красным гербом на дверцах; ливрея у лакея и кучера была самая простая, но в напудренных их париках и вообще во всей их фигуре было что-то резко отделявшее их от обыкновенной прислуги соседних помещиков.

Почти все на скачках знали герб, блестевший на экипаже; знали, что он принадлежит Генри Дунбару. Банкир так редко показывался на публике, что его появление всегда производило эффект. И теперь, во время антрактов народ, гуляя вокруг ипподрома, старался подойти как можно ближе к экипажу, в котором сидел владелец Модслей-Аббэ, весь закутанный в кашемировые шали и едва выглядывавший из толстого мехового ковра, покрывавшего его ноги.

Он согласился выехать на скачки только ради своей дочери, которая очень его упрашивала не покидать ее в такую страшную для нее минуту. Она смутно сознавала, что, случись что-нибудь с Филиппом, отец мог бы помочь. Он, наконец, согласился с довольно любезной улыбкой и явился на скачки, но с этим, казалось, исчезла вся его энергия; он не интересовался скачками и, забившись в дальний угол кареты, только жаловался на холод.

Лора просила подъехать к самой веревке, и, высунувшись из окна, бледная, встревоженная, смотрела на огороженное место, где взвешивали наездников и седлали лошадей. Она видела, как наездники ходили взад и вперед, видела и того наездника, жизнь которого ей стоила дороже всего на свете. Он хлопотал со своими грумами и кучерами. Все присутствующие знали мисс Дунбар и то, что она выходила на другой день замуж за баронета, и потому с любопытством смотрели на девушку.

Для поселян скачки означали веселый праздник, и более ничего. Но были люди, по другую сторону ипподрома, которых мало заботила мисс Дунбар; им было все равно, если баронет сломал бы себе руку, ногу, шею, только бы они выиграли пари. В загороженном месте под самой галереей толпилось это странное братство, появляющееся на всех скачках. Все громко кричали, спорили о суре Филиппе и его соперниках.

Между людьми, готовыми держать обо всем пари, был один человек, очень известный между постоянными посетителями скачек. Он спекулировал на очень маленьком капитале, но всегда аккуратно платил свои долги. Специалисты по части пари говорили, что он достоин занять одно из первых мест среди них. Никто не знал, кто он, откуда и где живет. Он не пропускал ни одних скачек, и его фигура заметно выдавалась в группе самых мелких спекулянтов на пари. Никто не знал его настоящего имени, все его звали майором.

Действительно, его доверху застегнутый сюртук, узкие панталоны, большие усы и вообще все его манеры напоминали отставного военного, и потому явилось в народе толкование, что был защитником отечества. Был ли он простым солдатом, или дослужился до офицера, вышел ли он сам в отставку, или выгнали его за что-нибудь — никто этого не знал, да и не очень желал знать. Где бы он ни появлялся, его тотчас узнавали по высокой, белой шляпе с широким крепом.

Он был очень высок ростом и в шляпе казался еще выше. Платье его, очень старенькое, изношенное, как будто было вымазано маслом и отполировано. На нем был зелено-коричневый сюртук со стоячим воротником, который он, вероятно, носил лет десять. Длинную свою шею он закутывал в большой шерстяной шарф, некогда красного цвета, так что из всего его лица видны были только нос и усы. Шляпа его была надвинута на брови, совершенно скрывая и без того невысокий лоб. Он никогда не снимал шляпы; впрочем, для этого не представлялось и случая, ибо он никогда не встречался с прекрасным полом, исключая служанок в кабаках.

Майор явился на скачки рано, осмотрел всех лошадей, критически взглянул на наездников, и оставшись совершенно доволен сэром Филиппом и его конем, держал за него множество пари. Беседуя с соседями о сэре Филиппе, он узнал, между прочим, что молодой человек женится на мисс Дунбар, единственной дочери и наследнице великого мистера Дунбара.

Великий мистер Дунбар! Услыхав это имя, майор, обыкновенно столь сдержанный и хладнокровный, вздрогнул и едва скрыл свое волнение.

— Какой это мистер Дунбар?

— Да банкир, который приехал в августе из Индии.

Майор протяжно свистнул и прекратил дальнейшие расспросы.

У него в руках всегда была маленькая, засаленная записная книжка, которую он время от времени внимательно почитывал. Он и теперь углубился в чтение иероглифов, записанных его собственной рукой.

— Это он, — бормотал майор вполголоса, — удачно, нечего сказать. Я читал о винчестерском деле в «Воскресной газете». Я его знаю как свои пять пальцев, и, право, не понимаю, почему мне не поживиться на Генри Дунбаре. Я взгляну на него, когда кончатся скачки.

Зазвенел колокольчик, семь лошадей поскакали: в первом ряду четыре, во втором три. Сэр Филипп ехал впереди и выдерживал свою лошадь. Он скакал последний раз в жизни и твердо решил взять приз. Лора высунулась из окна, бледная, едва переводя дух, с биноклем в руках. Она следила за лошадьми, пока они огибали ипподром. Потом они исчезли, и те несколько минут, пока их не было видно, показались ей вечностью. Народ бросился за лошадьми, чтобы посмотреть, как будут прыгать через препятствия, и вскоре возвратился назад, едва переводя дух.

Наездники обогнули другой поворот и понеслись назад. Сэр Филипп впереди всех. Честные поселяне кричат «ура!». Они держали за него пари и гордятся своей победой, гордятся им, его красивым, гордым лицом, его благородным, человеколюбивым сердцем. Он несется мимо них на своем великолепном Гиневере. Вот и самое большое препятствие, которого так страшилась Лора; красная куртка сэра Филиппа видна на секунду в воздухе, и снова он несется дальше. Сердце Лоры еще бьется каким-то непонятным страхом, когда ее Филипп уже бегом подъезжает к судейской ложе, и все вокруг прославляют его победу.

В глазах девушки выступили слезы, и она забилась в угол кареты, чтобы спрятать от публики свое лицо, которое сияет полным счастьем.

Минут через десять сэр Филипп подошел к экипажу с большим серебряным кубком в руках. За ним следовала огромная толпа, которой он только что бросил все деньги, которые у него были в кармане.

— Я принес тебе кубок, Лора, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты радовалась моей победе. Ты знаешь, что эта последняя моя радость.

— Ура, мисс Дунбар! — воскликнул кто-то из толпы, окружавшей баронета.

Громкое «ура» вырвалось из уст трехсот или четырехсот человек. Лора отпрянула от окна, покрасневшая и испуганная.

— Ничего, Лора, не бойся, — сказал сэр Филипп, — они ведь это делают из доброго чувства, к тому же они меня считают общественной собственностью. Мистер Дунбар, что бы вам стоило им поклониться, — прибавил он вполголоса, — им это, я знаю, очень понравится.

Мистер Дунбар нахмурился, но высунул из окна голову и торжественно наклонил ее. При этом он встретился глазами с майором, перешедшим вместе с толпой через ипподром и пристально смотревшим на экипаж банкира. Поклонившись народу, Генри Дунбар тотчас снова забился в угол кареты.

— Прикажите ехать домой, сэр Филипп, — сказал он. — Конечно, эти люди кричат от доброго сердца, но я терпеть не могу публичных демонстраций. Нам еще надо поговорить о приданом; вы бы хорошо сделали, если бы приехали обедать в Аббэ. Вы там встретитесь со старым мистером Ловелем.

Карета тронулась, и хотя майор очень старался пробиться сквозь толпу, чтоб поглядеть, как она проедет мимо, но не успел. Он был в очень хорошем расположении духа, выиграл большую сумму денег на пари и ожидал еще несколько выигрышей на вечерних скачках. Во время перерыва он разговаривал с соседями о сэре Филиппе Джослине и его невесте и узнал от них, что венчание будет завтра утром в лисфордской церкви. «В таком случае, — подумал майор, возвращаясь к веревке, — я отправлюсь ночевать в Лисфорд и даже поселюсь там на время, и буду следить за Генри Дунбаром».

XXIII

Дождь некстати

В день их свадьбы солнце не выглянуло ни разу. Темные тучи нависли так низко, словно пытались задеть и раздавить грешную землю. Сырой туман и мелкий осенний дождь закрыли живописный вид, которым дочь миллионера привыкла любоваться по утрам, сидя на покойной кушетке в своей уборной. Широкая дорога парка покрылась грязью. Дождевые капли одна за другой падали с печального, величественного кедра, сбегали жемчугом с гладкого листа лавра, струились с цветов и кустарников, застилая все однообразной пеленой.

Уродливые драконовы головы вдоль крыши Модслей-Аббэ изрыгали воду целыми потоками, непрерывной струей текла она с выступающих подоконников готических окон, с навесов дверей. Всюду дождь и вода. Протяжные завывания и порывы ветра присоединялись к тоскливому стуку крупных капель об оконные стекла.

Лора горько вздохнула, когда, усевшись на свое любимое место у окна, взглянула на грустные, мокрые деревья.

Для богатой наследницы, у которой доселе все на свете шло как по маслу, всякая неудача, всякое противоречие были чувствительнее, чем для обыкновенного смертного. Лора была еще настоящий ребенок, и как ребенок надеялась и верила в счастливое будущее. Обстоятельства избаловали ее так, что дождь в день ее свадьбы показался ей невыносимым горем.

— Какое ужасное, отвратительное утро! — воскликнула мисс Дунбар. — Видели ли вы что-нибудь подобное, Элизабета?

Миссис Маден, к которой относился вопрос, за маленьким столиком готовила завтрак для своей барышни. Лора только что успела выйти из умывальной в голубом стеганом халате в ожидании торжественного одевания к венцу.

Мисс Лора и в этом платье была в тысячу раз прелестнее многих невест, разодетых в кружева с белыми венками на голове. Золотистые кудри, еще влажные после ванны, прихотливо окаймляли ее миловидное личико. Две крошечные ножки, обутые в изящные синие туфли, выглядывали из-под платья и нетерпеливо стучали каблучками по ковру, между тем как мисс Дунбар продолжала гневаться на отвратительный дождь.

— Какое противное утро! — снова воскликнула избалованная девушка.

— Правду сказать, сыровато, барышня, — заметила миссис Маден примирительно.

— Сыровато! — подхватила Лора обиженным голосом. — Именно что сыровато. Не сыровато, а отвратительно сыро и мокро. И подумать, что ясная морозная погода продолжалась три недели кряду и как нарочно разразилась дождем в день моей свадьбы. Слыхано ли, видано ли что-нибудь отвратительнее?

— Ну, мисс Лора, — возразила добрая миссис Маден, — много вещей поотвратительнее этого случается в нашем грешном, буйном мире, да только не с такими барышнями, как вы; для вас все идет как по маслу. Толкуют о том, что счастливые люди в сорочке рождаются; вы-то, должно быть, в золотой родились. И не огорчайтесь, моя голубушка, что дождь идет. Верно, староста там, наверху, которому за погодой смотреть поручено, какой-нибудь радикал буйный, из тех, что все на бедную аристократию восстают, Бог им судья; вот он вам наперекор и устроил погоду. Да и что вам до дождя, мисс Лора! Ведь у вас карет что у любой царицы, о которой в сказках сказывается. Не стоит, право, терять слов из-за этого дождя, мисс Лора.

— Но ведь это дурной знак, Элизабета? — спросила Лора. — Мне помнится, в каких-то стишках говорится о невесте, на которую солнце светит, и о той, которую дождем поливает.

— Помилуйте, мисс Лора, да неужели вы обращаете внимание на такой вздор? — воскликнула миссис Маден. — Ведь этим глупостям верит только простой народ, что в приходскую церковь пешком под венец ходит. Вам-то что до того, мисс Лора, какие бы он бредни ни сочинял!

Но хотя честная миссис Маден и старалась утешить свою барышню, в душе она сама была очень недовольна погодой.

Тяжелые тучи на небе, холодная сырость в воздухе, однообразный стук дождя, поневоле наведут тоску хоть на кого. Все мы невольно поддаемся влиянию погоды, тяжело становится на сердце в ненастный осенний день, когда кругом только грозное небо и мрачный туман. Мисс Лора находилась вполне под влиянием дурной погоды.

— Не понимаю, что со мной стало со вчерашнего дня, Элизабета, — заговорила она. — Вчера, как мы возвратились с папой со скачек, мне было так легко, так весело; мне даже не верилось, что на дворе осень и светит ноябрьское солнце. Будущее казалось мне одним бесконечным рядом прекрасных картин, где мы с Филиппом всегда вместе, всегда счастливые. А сегодня все изменилось! — воскликнула Лора в волнении. — Черная туча, что застилает небо там, за лужком, словно застилает мое будущее своим грустным покровом. Если бы сегодня мне следовало навеки расстаться, а не навеки соединиться с Филиппом, то я, кажется, не могла бы чувствовать себя более несчастной, чем теперь. С чего это, Элизабета, моя милая?

— Где же мне знать, моя голубушка? — ответила миссис Маден. — Вы говорите как по писаному, вам лучше знать. Покушайте лучше чего-нибудь, мисс, вот хоть свеженькое яичко, моя пташечка. Нет ничего лучше, как свежее яичко, мое сокровище, когда человек не в духе.

Лора уселась в мягкие кресла, между камином и столиком, на котором накрыт был завтрак, и сделала вид, что завтракает, чтобы успокоить свою старушку няню, пока та продолжала хлопотать: то подбежит к уборному столику взглянуть, все ли в порядке в подвенечном наряде, то взглянет из окна и возьмет грех на свою простую, бесхитростную душу, утверждая, что небо «проясняется».

— Там, наверху, проясняется, мисс Лора, — сказала она, — клочок синего неба проглядывает между туч; ну если не совсем синее, то гораздо светлее, чем остальное, и то хорошо. Скушайте кусочек этого пирожка, мисс Лора, сделайте милость. Вам дурно делается в церкви, право, если вы сейчас не покушаете; где же слыхано идти под венец на голодный желудок... Ведь вы не хотите походить на тех голодных мальчишек, что попадают в Лондоне на мостах, нацепив на жилет надпись: «Я голоден». Я бы не хотела этого, по крайней мере.

Лора не обращала внимания на болтовню старой няньки, да и сама миссис Маден говорила более по привычке, чем из потребности делиться мыслями. Добрая старушка еще сильнее Лоры сознавала влияние сырого, холодного утра и, как большинство людей простых и необразованных, была очень суеверна.

В комнату вошла Дора Макмагон. Голубое платье с белыми кружевами шло как нельзя лучше к ее миловидному личику. Молодая девушка казалась очень веселой, несмотря на дурную погоду, и принялась утешать свою сестрицу, мисс Дунбар. Обе девушки уселись у огня завтракать или, точнее, будто бы завтракать. В такой день всем было не до завтрака.

— Я только что заходила к Лизе и Елене, — сказала Дора, — они не хотели идти сюда неодетыми; бедняжки на всю ночь закрутили свои волосы в папильотки, а нынче, как нарочно, сырой день — волосы не хотят виться; приказали горничным раскалить щипцы и будут мучиться завиваться.

У мисс Макмагон прекрасные каштановые волосы вились сами собой, и потому ей позволительно было насмехаться над своими менее счастливыми подругами.

Лиза и Елена были дочери майора Мельвиля и большие приятельницы мисс Дунбар. Сестры приехали в Модслей-Аббэ в качестве подруг, согласно торжественному обещанию, которые молодые девушки так любят давать друг другу, хотя редко их сдерживают.

Лора не приняла большого участия в рассказе о волосах мисс Мельвиль. Внимание ее было совершенно поглощено собственными размышлениями, весьма приятными, судя по улыбке, не сходявшей с ее личика.

— Дора, — сказала мисс Дунбар, помолчав с минуту, — знаете ли, о чем я все думаю?

— О чем же, моя душка?

— Слыхали вы поговорку, что часто одна свадьба ведет к другой, когда выходишь замуж с легкой руки?

Дора Макмагон покраснела.

— Что же из этого, моя милая? — спросила она невинным голосом.

— Вот я и подумала, что вслед за моей может быть другая свадьба. Не сердитесь, милая Дора, я не могу не высказаться, я была бы так рада, если бы вы повенчались с Артуром Ловелем.

— О Лора, это совершенно невозможно, — сказала мисс Макмагон, и зарделась пуще прежнего.

Мисс Дунбар только покачала головой.

— Я буду жить надеждой, что это возможно, — сказала она. — Я люблю Артура Ловеля почти... совсем как родного брата — потому неудивительно, что я желала бы женить его на сестре.

Молодые девушки еще долго проболтали бы, попав на хороший предмет для разговора, если бы не старушка няня, которая ни на минуту не упускала из виду главного торжества.

— Вам-то хорошо болтать, барышня, — вскричала бесцеремонная Элизабета. — Вы совсем уже одеты. Надели шляпку, да и готовы. А моя-то барышня еще не начинала. Пожалуйста, мисс Лора, пора вам волосы причесывать, если вы не хотите ехать в церковь нечесаной. Уж десятый час, а вас будут ждать там в одиннадцать.

— И папа передаст меня мужу! — прошептала про себя Лора, садясь к туалетному столику. — Что бы я дала, если б он любил меня больше!

— Люби он вас больше, пожалуй, не отдал бы, мисс Лора, — заметила миссис Маден, очень довольная своим остроумием. — А вам бы это не очень понравилось, я думаю, мисс? Сидите тихо, не поворачивайте голову, моя голубушка; старайтесь только быть веселой сегодня, моя красавица, остальное все — пустяки.

XXIV

Непрошенный гость на свадьбе Лоры

Венчание проходило в древней, маленькой, странной, но красивой лисфордской

церкви, о которой уже было сказано.

Извилистая речка Эвон протекала под самой церковью, в тени плакучих ив. Легкий деревянный мостик был переброшен через речку. Двое ворот вели на церковный двор, и пешеходы из Лисфорда в Шорнклиф, для сокращения пути, входили в одни ворота и выходили в другие, прямо на большую дорогу.

Достойным обитателям Лисфорда дождь пришелся так же мало по нутру, как самой Лоре Дунбар и ее старушке няне. Новые чепцы и шляпки были припасены для этого торжественного случая. Георгины, хризантемы, пестрые астры — все остатки летней роскоши, которые еще украшали сады в ту позднюю пору года, были разбросаны по дорожке в церковь, как достойная дань красоте невесты.

Все в Лисфорде, особенно бедные, слишком хорошо помнили доброту и безмерную щедрость Лоры Дунбар, чтоб не оказать ей всевозможный почет при этом случае.

Несносный дождь испортил все дело. Что проку было бросать цветы в грязные лужи на церковном дворе! На что походили дети из сиротской школы, промокшие и дрожавшие от холода! Сам пастор успел простудиться и из-за кашля и насморка служил очень невнятно.

Одним словом, все сознавали, что день не удался. Не странно ли, чтобы глава фирмы «Дунбар, Дунбар и Балдерби» не в состоянии был при всем своем богатстве купить несколько солнечных лучей для свадьбы единственной своей дочери? К одиннадцати часам до того стемнело от густого тумана, что пришлось второпях поставить с дюжину восковых свечей вокруг алтаря, чтобы жених и невеста видели друг друга во время венчания.

Из всех присутствовавших на этой свадьбе отец невесты казался наименее огорченным неудачной погодой.

Генри Дунбар был серьезен и молчалив в этот день, но таким он бывал постоянно, и погода тут была ни при чем. Банкир преспокойно сидел перед камином, дожидаясь, когда его позовут исполнять свою роль в церемонии; так же спокойно уселся он рядом с дочерью в карете и за всю дорогу к церкви ни разу не посетовал на то, как некстати лил дождь.

Он был очень хорош собой, и во всей его внешности, в его седых, тщательно закрученных усах и белой камелии в петлице было что-то крайне аристократическое. Несмотря на это, когда он вошел в залу с улыбкой человека, собирающегося играть роль, Лора не могла не отшатнуться от него, как в тот день, когда она в первый раз встретилась с ним в Портланд-Плэсе. Но он предложил ей руку, она протянула ему кончики своих пальцев и пошла с ним к карете.

— Молите Бога, чтобы он ниспослал на меня свое благословение, папа, — сказала девочка глухим, нежным голосом, когда они уселись в просторном экипаже.

Лора нежно положила руку на плечо банкира. Минута была слишком торжественна, чтобы детская боязнь отца могла ее сдерживать.

— Молите Бога, ниспослать на меня свое благословение, милый папа, — умолял мягкий, дрожащий голос, — ради моей покойной матери.

Она пыталась заглянуть ему в лицо, но не могла. Он хлопотал около окна. Карета стоила триста фунтов и была образцовой отделки, но в окне был какой-то недостаток, судя по заботливости, с которой мистер Дунбар старался устранить эту единственную неисправность.

Не поворачивая головы, он ответил ей совершенно искренне:

— Я надеюсь, что Бог благословит тебя и помилует врагов твоих.

Это последнее желание было более благочестиво, чем естественно: родители не молят о помиловании врагов своих детей.

Но Лора не утруждала себя подобными мыслями. Она слышала, что отец призвал на нее благословение неба, и заметила волнение, которое приписала родительскому чувству. С сияющей улыбкой бросилась она ему на шею, обвила ее своими руками и прижалась губами к его губам. Но дрожь пробежала по всему ее телу, как в тот день на Портланд-Плэсе, когда она почувствовала мертвящий холод отцовской руки, пытавшейся избавиться от ее объятий. Англо-индийцы вообще очень сдержанны в своих чувствах и не любят подобных порывов.

Лора вспомнила это и вполне объяснила себе отцовскую холодность.

Дождь все еще шел, когда карета остановилась у церкви. Весь брачный кортеж состоял из трех карет, потому что мистер Дунбар настаивал на том, чтобы свадьба была отпразднована без всякого блеска и пышности.

Две мисс Мельвиль, Дора Макмагон и Артур Ловель ехали в одной карете. Дочери майора Мельвиля были очень бледны и, должно быть, порядком замерзли в своих воздушных платьях, белых с голубым; от свежего северо-восточного ветра кончики их носиков покраснели. Девушки были бы недурны собой, если бы дело было летом, но им решительно недоставало той красоты, которая презирает времена года, которая одинаково величественна и летом, и зимой, и в рубище, и в порфире.

Кареты остановились у ворот церковной ограды; Филипп Джослин сошел с церковной паперти и по узкой тропинке вышел к воротам.

Осенний дождь продолжал моросить, как бы не признавая в нем баронета, выходявшего с открытой головой навстречу своей невесте. Сторож лисфордской церкви, по всей вероятности, истый тори старой школы, изумился дерзости неба, осмелившегося замочить обнаженную голову владельца Джослин-Рока. Но дождь не обращал на это внимания.

— Как времена-то изменчивы, сэр, — говорил сторож какому-то неизвестному зеваче, стоявшему около него. — Мне случилось читать в истории Варвикшира, что когда Альджернон Джослин женился на Марджери Мильворд, вдове сэра Стивена Мильворда, при Карле Первом, вся дорога от ворот до церкви была покрыта парчовым балдахинном, а впереди кортежа ехали две движущиеся плетеные башни, каждая на шести лошадях, а в башнях тех было до сорока бедных детей, которые прыскали духами в толпу. А за обедом было шесть павлинов с расплавленными хвостами и на золотом блюде пирог с живыми голубями, и каждый голубь облит самыми дорогими духами так, чтобы летая по зале, они обрызгивали ими гостей. Так ведь нет, глупые твари все разом вылетели в окно, и растратили все духи на народ, стоявший снаружи. Уж теперь таких свадеб не бывает, — прибавил старик со вздохом. — Я частенько говаривал своей старухе, что Англия потеряла свою голову, когда Карл, святой мученик, потерял свою.

Все внимание толпы было теперь обращено на невесту и жениха. Лора шла с отцом, а Филипп по левую сторону от нее. Лицо баронета, красивое и в обыкновенное время, сияло счастьем. Люди спорили о том, кто красивее — жених или невеста, а Лора, положив свою ручку на руку Джослина, совсем забыла о дожде.

По обе стороны тропинки собралась густая толпа. Несмотря на дурную погоду и вопреки желанию мистера Дунбара отпраздновать это событие как можно скромнее, люди собрались издалека, чтобы посмотреть на свадьбу прелестной дочери миллионера и владельца Джослин-Рока.

В толпе виднелась и высокая фигура незнакомца в белой шляпе, прозванного на скачках майором, который накануне в Шорнклифе с таким любопытством расспрашивал всех о мистере Дунбаре. Майору повезло на скачках: он выиграл много пари и по окончании бегов отправился прямо в Лисфорд и остановился в «Розе и Короне», хорошеньком трактире, где усталый путешественник всегда мог получить отличный бифштекс или баранью котлетку. Майор обыкновенно не распространялся о своих пари со специалистами по этой части, а, напротив, прикидывался, что ничего не знает о пари и скачках. Потому и теперь объявил хозяйке трактира, что он — агент бирмингемского ювелира, посланный для покупки крупных изумрудов и рубинов. Обыкновенно мрачный и молчаливый, майор теперь удивительно разошелся и сумел за несколько минут расположить к себе всех обычных посетителей «Розы и Короны». Он обедал и ужинал в общей комнате и просидел там весь вечер, разговаривая с лисфордцами и попивая джин с водой. Он ел и пил как железный человек; блестящие черные глаза его впивались в лица окружающих его поселян, и он не пропускал ни одного слова из общего разговора. Конечно, много говорили о предстоящей свадьбе. Всякий имел что-нибудь сказать о прелестной мисс Дунбар и ее отце, который жил

так уединенно в своем Аббэ и ни в чем не походил на старика Персиваля Дунбара.

Майор внимательно слушал все эти рассказы, и если вставлял от себя слово, то лишь в то время, когда ему казалось, что разговор может перемениться. Таким образом, он сумел поддерживать весь вечер один и тот же разговор о Генри Дунбаре, его нраве и привычках.

На другое утро, очень рано, майор отправился к церкви. Дождь ему был нипочем; он к этому привык, и к тому же дождь был отличным предлогом, чтобы застегнуть сюртук до подбородка, и поднять свой воротник. Войдя в церковь, он наткнулся на сторожа и нескольких мальчиков из сиротской школы. Майор сразу разговорился со сторожем, что было совсем не трудно, потому что сторож всегда был рад поговорить. Конечно, он более всего рассказывал о сэре Филиппе Джослине и прелестной дочери банкира, и майору снова пришлось слушать о богатстве и странностях банкира.

— Я слышал, что мистер Дунбар — богатейший человек в Европе после турецкого императора и барона Ротшильда, — сказал сторож. — Говорят, у него слишком много денег и он не знает, что с ними делать. Он сидит целыми днями один у себя в комнате или в сумерках ездит верхом по безлюдным дорогам.

— Знаете что, раз уж я забрался в Лисфорд и скажу вам, это прескучный городишка, то я лучше останусь здесь и посмотрю на свадьбу. Дайте мне скромное местечко, откуда бы я мог видеть всю церемонию, не бросаясь в глаза вашей знати, — сказал майор и бросил в руку сторожа полкроны.

— Я вам дам, сэр, самое лучшее место в церкви. Вы на таком месте никогда и не сиживали, — пообещал сторож.

— Это немудрено, — пробормотал сквозь зубы майор. — Не могу похвастать, что часто ходил в церковь.

Майор уселся в углу, откуда отлично был виден алтарь с его восковыми свечами, уныло мерцавшими в густом, туманном воздухе. Чем ближе подходил час венчания, тем сильнее сгущался туман, а чем мрачнее становилось в церкви, тем ярче горели свечи. Майор терпеливо сидел в своем углу, подперев голову руками и закрыв глаза. Но он не спал; он слышал все, что происходило в церкви: слышал скрип тяжелых башмаков на учениках сиротской школы, слышал шелест зеленых ветвей и цветов, которыми украшали церковь; слышал голос Филиппа Джослина, разговаривавшего с пастором у дверей церкви.

Наконец, послышался шум экипажей, и невеста появилась в сопровождении своего отца и подруг. Они прошли к алтарю и остановились у самой загородки. Генри Дунбар стал за своей дочерью так, что лицо его было совершенно в тени.

Служба началась. Майор смотрел, как будто искал чего. Его черные глаза перебежали с одного предмета на другой; они останавливались то на невесте, то на женихе, то на пасторе, углублялись в темноту, стараясь различить людей, стоявших поодаль от свечей. Но все усилия майора были напрасны: самые зоркие глаза ничего бы не различили в этой темноте.

Майор мог видеть только четыре лица — невесты, жениха и двух пасторов. Наконец, пастор, совершавший обряд, громко произнес: «Кто отдает эту женщину этому человеку?» Генри Дунбар выступил вперед, и дал обычный ответ.

В эту минуту свет упал на лицо банкира, и майор впился в него своим пронзительным взором.

— Генри Дунбар! Генри Дунбар! — промолвил он, едва переводя дух от волнения.

Мистер Дунбар не удалялся более в темноту, и остальное время службы яркий свет играл на его красивом лице.

Когда все было окончено и молодые подписали свои имена, майор тихонько проскользнул к дверям.

Филипп Джослин и его молодая жена первые сели в приготовленную для них карету. За ними отправились Дора Макмагон, сестры Мельвиль и Артур Ловель, присутствие которого было не очень приятно молодым девушкам, ибо он был очень грустен, молчалив и не обращал на них никакого внимания.

Третий экипаж подали Генри Дунбару, и толпа хлынула к дверцам, чтоб взглянуть на

миллионера. Он только занес было ногу на подножку, как к нему подошел майор и хлопнул его по плечу.

Все присутствующие вздрогнули от удивления и негодования. Как смел такой невзрачный, почти нищенски одетый человек, в изорванных сапогах, как смел он прикоснуться своей грубой, грязной рукой к священной особе Генри Дунбара, главы знаменитого банкирского дома «Дунбар, Дунбар и Балдерби»?

Миллионер обернулся и при виде незнакомца побледнел как полотно, словно перед ним восстал кто-то из мертвых. Но он не вскрикнул от страха или удивления, а только отскочил от прикосновения этой грязной, грубой руки.

— Позвольте узнать, сэр, какое право вы имеете меня останавливать? — спросил он резким, леденящим тоном, смотря прямо в глаза майора.

В этом взгляде богача было столько твердой решимости, вызывавшей весь свет на бой, что, казалось, он сотрет с лица земли дерзкого нищего.

Но майор не вздрогнул и ответил таким же гордым взглядом:

— Не говорите, что вы меня забыли, мистер Дунбар, — сказал он. — Не говорите, что забыли старого знакомого.

Это было сказано после некоторого молчания, после того как они оба впились друг в друга долгим, пронзительным взглядом, словно каждый из них хотел прочесть, что было на сердце у другого.

— Не говорите, что вы меня забыли, мистер Дунбар, — повторил майор.

Генри Дунбар улыбнулся. Быть может, эта улыбка была принужденная, искусственная, но все же это была улыбка.

— У меня очень много знакомых, — сказал он. — К тому же, вероятно, судя по вашей одежде, вас посетило несчастье с того времени, когда мы с вами были знакомы.

Окружающие начали шептаться между собой, что, если этот нищий не обманщик, а действительно знал когда-то банкира, то, конечно, тогда он был совершенно иным человеком.

— Когда и где я вас знал? — спросил Генри Дунбар, по-прежнему смотря прямо в глаза незнакомцу.

— О, давно и далеко отсюда.

— Быть может... где-нибудь в Индии... в горах? — продолжал банкир очень медленно.

— Да, именно в Индии, в горах, — отвечал майор.

— В таком случае я рад оказать вам любую услугу, — сказал мистер Дунбар. — Мне приятно быть чем-нибудь полезным своим индийским знакомым, даже когда им не повезло в жизни. Садитесь со мной; я вас отвезу к себе, и мы поговорим, когда окончится эта церемония.

Они оба сели рядом в великолепном экипаже банкира и отправились в Модслей-Аббэ посреди всеобщего восторга, возбужденного в зрителях этой странной сценой доброты и внимания Генри Дунбара к своим бедным, старым знакомым.

XXV После свадьбы

Банкир и майор оживленно разговаривали в течение всей дороги из Лисфорда в Модслей-Аббэ; но говорили они очень тихо, и разговор их был перемешан какими-то странными, незнакомыми словами, вероятно индустанскими.

Когда карета приблизилась к главному подъезду аббатства, незнакомец выглянул в забрызганное грязью окошко.

— Славное место! — воскликнул он. — Превосходное место!

— Как мне называть вас здесь? — спросил мистер Дунбар, выходя из кареты.

— Зовите как хотите. Моя квартира в Сен-Мартинс-Лэнг, и я известен там под именем мистера Вавасора. Но я на этом нисколько не настаиваю. Дайте мне какое хотите имя, лишь

бы оно начиналось на В. Надо придерживаться начальной буквы, ради меток на белье.

Несмотря на это замечание майора, всякий, судя по тому малому количеству белья, которое было на майоре, мог бы заключить, что он никогда не знал, что такое рубашка.

— Зовите меня Верноном, — сказал он. — Вернон — хорошее имя. Зовите меня, пожалуй, майором Верноном. Друзья мои на углу — не Пиккадилли, а на углу пустыря позади Фильд-Лэна — сделали мне честь и пожаловали чином майора, так почему бы мне не пользоваться им. Мои наклонности совершенно аристократические. Я не имею ничего общего с чернью. Вот что мне совершенно по вкусу. Я здесь в своей стихии.

Мистер Дунбар между тем провел своего нищенски одетого приятеля в свой кабинет. Майор с видимым удовольствием потер руки при виде окружавшей его роскоши и тяжело опустился на пружинную подушку кресел, стоявших подле камина.

— Послушайте, — сказал мистер Дунбар, — у меня нет времени говорить с вами сегодня утром; у меня есть другие обязанности. Когда все это кончится, я возвращусь к вам. Вы можете здесь сидеть сколько угодно и спросить все, что вам захочется поесть или выпить.

— Хорошо, я бы не отказался от дичи и бутылочки бургундского, шамбертена или кло-де-вужо шиллингов в двенадцать. Давно не пивал хорошего винца, а это дело важное. Как вы думаете?

Генри Дунбар вздрогнул, как будто оскорбленный нахальством и грубостью этого человека.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он. — Не забывайте, что меня ждут. Я готов услужить вам в память о былом.

— Да, — усмехнулся майор, — как приятно вспомнить о нашем былом!

— Хорошо, — сказал нетерпеливо Дунбар, — чего вы наконец хотите от меня?

— Бутылку бургундского — лучшего, что есть в вашем погребе, чего-нибудь поесть и еще того, чего бедный человек обыкновенно просит у своих богатых друзей — денег!

— Вы останетесь мной довольны. Когда я возвращусь, я вам выпишу чек.

— И добрый?

— Какой вам понадобится.

— Это дельно. Вы всегда были щедры, мистер Дунбар.

— Вы не будете иметь причины жаловаться, — холодно ответил банкир.

— Вы пришлете мне позавтракать?

— Да. Надеюсь, вы сумеете держать язык за зубами и не станете разговаривать с лакеем, который будет вам прислуживать?

— Ваш друг, смею спросить, джентльмен или нет? Разве он не воспитывался в училище и не выслушал довольно продолжительный курс наук? Но послушайте, если вы так сильно опасаетесь за меня, то не лучше ли мне возвратиться теперь в Лисфорд и прийти к вам сегодня попозже. Наше дело терпит. Мне нужно с вами долго и серьезно побеседовать, но я, конечно, должен примеряться к вам. Обязанность клиента — исполнять прихоти патрона, — воскликнул майор Вернон торжественным тоном негодя в мелодраме.

Генри Дунбар вздохнул свободнее.

— Да, так будет лучше, — сказал он. — После обеда мне удобнее будет переговорить с вами.

— Так, так, старина. Oh, reservoir! — как говорится в классике.

Майор Вернон протянул свою грубую, грязную руку. Миллионер дотронулся до его широкой ладони кончиком своих пальцев, обтянутых в парижскую перчатку.

— Прощайте, — сказал он, — я буду вас ожидать в девять часов. Вы знаете дорогу?

Говоря это, он отворил дверь и указал на ряд комнат ведущих к прихожей. Майор высоко поднял свой воротник и вышел на дорогу.

Генри Дунбар запер дверь и подошел к окошку. Припав лбом к стеклу, он смотрел на высокую фигуру майора, быстро удалявшегося по большой дороге, которая огибала зеленый лужок перед домом.

Банкир не отходил от окна, пока майор Вернон не исчез из виду. Потом подошел к камину и, тяжело опустившись в кресло, глубоко вздохнул. Это не был обыкновенный вздох, это был стон — страшный стон, исходивший из груди, раздираемой муками отчаяния.

— Это всему решение! — прошептал он. — Да, это всему решение! Я уже давно предвидел, что наступит кризис! Но это всему решение.

Он встал, провел рукой по лбу, потер глаза, как человек, только что вставший от продолжительного сна, и отправился играть свою роль на великом торжестве.

Какая большая разница между чувствами нищего бродяги, который по счастливому стечению обстоятельств получает возможность обобрать богатого друга, и чувствами богатой жертвы, которую обирают. Ничего не могло быть страннее контраста между банкиром Дунбаром и джентльменом, назвавшимся майором Верноном, после их первого свидания. Пока мистер Дунбар предавался страшному отчаянию от внезапного появления своего старого приятеля, почтенный майор обнаруживал восторг, разразившийся самыми шумными излияниями.

Только достигнув очень уединенного места в парке, где единственными свидетелями могли быть пугливые лани, выглядывающие кое-где из-за обнаженных сосен, — только тогда майор Вернон почувствовал себя совершенно безопасным и дал полный ход своему восторгу.

— Это золотая руда! — восклицал он, потирая руки. — Это настоящая Калифорния!

Увлеченный своим восторгом, майор сделал уродливый прыжок, так что испуганные лани бросились со всех ног от него. Он громко хохотал глухим, дьявольским хохотом и неистово хлопал в ладоши. Отдаленное эхо повторяло эти шумные проявления радости.

— Генри Дунбар, — шептал он. — Генри Дунбар! Он не что иное для меня, как дойная корова — настоящая дойная корова... если... — Он вдруг остановился, и улыбка исчезла с его лица, — если только он не убежит, — прибавил он, медленно потирая ладонью свой подбородок.

— Что, если он удерет? Он способен на это!

Но спустя минуту он опять громко засмеялся и пошел быстрыми шагами.

— Нет, он этого не сделает, — сказал майор. — Ведь бегство ему не поможет.

Пока майор Вернон возвращался в Лисфорд, Генри Дунбар сидел за завтраком рядом с леди Лорой Джослин.

За брачным завтраком едва ли было веселее, чем при венчании. Все было великолепно и аристократично. Молчаливые лакеи едва слышно передвигались за стульями гостей; шампанское, мозельвейн и бургундское искрились в плоских бокалах, напоминавших своей причудливой формой водяную лилию. Посреди стола пастушки из старого саксонского фарфора держали в своих передниках землянику, выращенную в парниках и стоившую около полкроны за штуку, а улыбающиеся пастухи поддерживали ажурные корзины, наполненные алжирскими яблоками, китайскими апельсинами и крупным виноградом.

Невеста и жених были очень счастливы; но счастье их было сдержанное, спокойное и не отражалось на тех, кто окружал их. Брачный завтрак был довольно грустным пиром, как небо, покрытое тучами; иногда посреди неловких остановок разговора слышался стук дождевых капель об оконные стекла.

Роскошный свадебный торт был разрезан с должным торжеством, и завтрак кончился. Лора Джослин встала и удалилась со своими тремя подругами.

Элизабета Маден дожидалась леди Джослин в уборной. Дорожное платье было разложено на большом диване. Она поцеловала свою барышню и поплакала немного, прежде чем приступить к ее туалету. Вскоре девушки разговорились и последовал поток поздравлений, которые несколько оживили время, пока Лора меняла свое подвенечное платье на длинное шелковое, великолепного сизого цвета. Сверх платья ей надели малиновый бархатный салоп, подбитый соболем, а на голову — воздушную шляпку с жасминными бутонами.

В этом богатом одеянии она сошла вниз и, блестя своей молодостью, красотой и

дорогими соболями, выглядела как сказочная царица. Дорожная карета дождалась у подъезда; Артур Ловель и мистер Дунбар стояли с двумя пасторами в холле. Лора подошла проститься с отцом.

— Мы очень долго не увидимся, милый папа, — тихо сказала она. — Благословите меня еще раз перед моим отъездом.

Говоря эти слова, она прижалась головой к его груди и глаза ее смотрели ему в лицо.

Банкир смотрел прямо перед собой с принужденной улыбкой на лице, которая была на самом деле ничем более, как нервным сжатием мускулов.

— Я тебе дам что-то получше моего благословения, Лора, — сказал он громко. — Я тебе еще не сделал свадебного подарка, но я о нем не забыл. Подарок, который я тебе предназначаю, требует много времени. Я тебе подарю богатейшее бриллиантовое ожерелье, какое когда-либо было видано в Англии. Я сам куплю бриллианты и прикажу их обработать по собственному моему рисунку.

Между подругами молодой пробежал легкий шепот одобрения. Лора крепко сжала холодную руку отца.

— Я не хочу бриллиантов, папа, — прошептала она, — я только хочу, чтобы вы меня любили!

Мистер Дунбар не отвечал на умоляющий шепот своей дочери. Может, и времени не хватало на ответ, так как молодые должны были поспеть к поезду на шорнклифскую станцию; посреди шума и суеты поспешного отъезда банкир уже не имел случая ничего более сказать Лоре. Он стоял под готическим портиком и следил за удаляющейся каретой с какой-то грустной нежностью в глазах.

— Надеюсь, она будет счастлива, — прошептал он про себя, возвращаясь домой. — Одному небу известно, как я желаю, чтобы она была счастлива.

Он не остановился, чтобы проститься со своими гостями, а прямо прошел на свою половину. Все уже привыкли к его странностям и любезно извиняли его, приписывая все его нездоровью. Артур Ловель и три подруги Лоры остались в голубой гостиной. Обе мисс Мельвиль должны были ехать домой, а Дора Макмагон намеревалась их проводить. Она хотела погостить у них несколько недель и потом возвратиться к тетке в Шотландию.

— Впрочем, — обратилась она к Артуру, — я вскоре заеду к милой Лоре, в Джослин-Рок. Мы с ней обо всем условились.

Девицы и молодой адвокат пили чай и разговаривали между собой довольно оживленно, чтоб не сказать весело. Артур Ловель впервые заметил, что у Доры Макмагон прекрасные черные глаза, вьющиеся каштановые волосы и чудная улыбка, краше которой он никогда не видел, исключая одну улыбку, похожую на блеск полуденного солнца, затмевающего всякий другой свет.

Наконец подали карету, и мистеру Ловелю досталась многотрудная обязанность, усаживать трех молодых леди и укладывать все их картонки, шали, дорожные мешки, шкатулки, несессеры, книги, зонтики, альбомы и прочие вещи, составляющие необходимые принадлежности путешественниц. Исполнив благополучно эту хлопотливую обязанность и отвесив последний поклон в ответ на нежные улыбки из удалявшейся кареты, Артур Ловель медленно направился домой, размышляя о предстоящей ему судьбе.

Лору он навсегда потерял. Горе, роковое горе, которое так долго угрожало омрачить его жизнь, наконец поразило его; но странно, его мучения не были так страшны, как он того ожидал.

«Я никогда не имел надежды, — мечтал он про себя, идя из Модслей-Аббэ в Шорнклиф, — я никогда не имел надежды, что Лора будет моей женой».

Дом отца его, Джона Ловеля, принадлежал к лучшим в городе. Это был старинный дом, с высокой крышей, с дубовыми карнизами, украшенными странными рисунками, вырезанными искусной рукой. Дом был довольно большой, но низкий и некрасивый снаружи. Красный свет огня блестел в небольшой комнате, не то гостиной, не то библиотеке. Малиновые занавеси не были опущены на овальные окна. Артур Ловель, проходя мимо,

заглянул в окно и увидел отца; он сидел близ камина, у ног его на полу лежала газета.

В мирном городке Шорнклифе нечего было опасаться воров, и потому двери не запирались на замок. Артур повернул ручку входных дверей и вошел в дом. Дверь гостиной была открыта, и старый стряпчий услышал шаги в передней.

— Это ты, Артур? — спросил он.

— Да, батюшка, — ответил молодой человек, входя к нему в комнату.

— Я хотел поговорить с тобой. Но, вероятно, свадьба в Модслей-Аббэ лишила тебя желания заняться чем-нибудь серьезным.

— Какое же у вас серьезное дело, папа?

— Забыл ты разве предложение лорда Герристонна?

— О месте в Индии? Нет, не забыл, только...

— Только что?

— Я еще не решился.

Говоря это, Артур Ловель думал о Лоре Дунбар, теперь уже о Лоре Джослин. Как трудно было молодому человеку называть ее новым именем. Не лучше ли ему уехать и жить как можно дальше от той женщины, которую он так нежно любил? Не лучше ли и не умнее ли уехать? А если он таким образом оттолкнет от себя другой случай счастья? Что, если звезда, хотя и меньшая в сравнении с той, которая скрылась во мраке, теперь снова появляется на его горизонте?

— Впрочем, ведь нет причины, чтобы я решился немедленно, — продолжал молодой человек, — лорд Герристон сказал вам, что он дает мне целый год на размышление.

— Правда, — ответил Джон Ловель, — но полгода уже прошло, и я получил сегодня письмо от лорда. Он требует, чтобы ты немедленно решился, потому что один из его друзей просит у него это место. Он все еще желает сдержать свое обещание и отдаст предпочтение тебе, но ты должен решиться немедленно.

— Желаете вы, чтобы я ехал в Индию, папа?

— Желаю ли я, чтобы ты ехал в Индию! Разумеется, нет, милый мальчик, если твое честолюбие не побуждает тебя к этому. Подумай, ты — единственный сын мой. Тебе нет причины уезжать отсюда. Ты здесь наследуешь хороших клиентов и хорошее состояние. Я полагал, что ты честолюбив и что Шорнклиф слишком мал для твоего честолюбия, не то я бы никогда и не подумал об этом месте в Индии.

— И вы не будете сожалеть, если я останусь в Англии?

— Сожалеть! Разумеется, нет. Я, напротив, очень буду рад. Разве ты думаешь, что человек, имеющий только одного сына, красивого, ловкого, умного молодого человека, присутствие которого, подобно солнечному лучу, озаряет его угрюмый, старый дом — разве ты думаешь, что отец пожелает лишиться подобного сына? Если ты так думаешь, то ты, конечно, очень мало понимаешь любовь отца.

— Я отказываюсь от места, батюшка.

— Благослови тебя Господь, мой сын! — воскликнул стряпчий.

В эту же ночь было написано письмо к лорду Герристонну, и Артур Ловель решил остаться на всю жизнь в мирном маленьком городке, вблизи которого башни Джослин-Рока украшали высокую скалу над шумящими водами Эвона.

Мистер Дунбар распорядился принять своего нищенски одетого друга. Майора немедленно провели в комнату, где банкир еще обедал за круглым столом вблизи камина. Комната эта представляла собой настоящую картину комфорта и роскоши, в особенности для майора Вернона, который вступил в нее прямо с холода пасмурной ночи. Глаза майора были почти ослеплены блеском этой комнаты. Этот человек был отверженец, но он начал свою жизнь джентльменом. Он знал некогда подобные комнаты, но с тех пор прошло сорок несчастных лет. В его воображении теперь предстала другая хорошенькая, освещенная лампой гостиная; в кресле с высокой спинкой сидит старик; рядом почтенная старушка, занятая работой, и две хорошенькие девушки; перед камином лежит, растянувшись, любимая

балованная собачонка; наконец, молодой человек, недавно приехавший из училища, зеваает над газетой; он презирает невинные удовольствия домашней жизни, дружбу сестер и любовь нежной матери и с нетерпением жаждет поскорее возвратиться к шумным пирушкам, к пьяным оргиям, картежной игре.

Майор глубоко вздохнул, оглядывая комнату. Но вскоре на его лице заиграла злобная улыбка, когда глаза его обратились от роскошно обитых стен и окна, перед которым на столе стояла индийская ваза с тепличными цветами, наполняющими комнату приятным ароматом жасмина и миндаля, на владельца этой комнаты, на Генри Дунбара.

— Здесь очень комфортно, — сказал майор Вернон. — Самое меньшее, что можно сказать, здесь очень комфортно. И, имея еще баланс в полмиллиона или около того у своего банкира или в собственном банке, что еще лучше, можно поживать недурно, не так ли, мистер Дунбар?

— Садитесь и кушайте, — ответил банкир. — Мы с вами потом поговорим.

Майор послушался дельного совета. Он развернул три или четыре аршина грязной шерстяной материи, обертывавшей его шею, отогнул стоячий воротник своего сюртука, придвинул стул к самому столу и принялся за работу. Вскоре с парой рябчиков и с бутылкой мозельвейна было покончено.

Когда убрали со стола и старые приятели остались наедине, майор Вернон положил свои длинные ноги на железную решетку камина, сунул руки в карманы своих панталон и вздохнул от удовольствия.

— Послушайте, — начал мистер Дунбар, наливая себе в рюмку вино из хрустального графина, — скажите теперь, чего вы от меня хотите, Стевен Валонс, или майор Вернон, или как вы там называетесь.

— Я скажу это в немногих словах, — спокойно отвечал майор, — я хочу поговорить с вами о человеке, которого несколько месяцев назад убили в Винчестере!

Рука банкира задрожала, тонкая рюмка ударилась о горлышко графина и разбилась вдребезги.

— Вы прольете вино, — сказал майор Вернон. — Очень сожалею, что ваши нервы стали так слабы.

Майор Вернон, уходя от своего приятеля в этот вечер, имел при себе с полдюжины чеков разного достоинства, всего на сумму до двух тысяч фунтов; чеки эти были выданы под текущий счет, который банкир имел лично для себя в конторе на улице Св. Гундольфа.

Было уже за полночь, когда банкир отворил наружную дверь и вышел с майором на широкое каменное крыльцо под готическим портиком. Дождь перестал, но темнота была непроницаемая, и северо-восточный ветер ревел в обнаженных ветвях громадных дубов и сосен.

— Вы сами представите эти чеки? — спросил Генри Дунбар при прощании.

— Да, я так думаю.

— Оденьтесь в таком случае приличнее, — сказал банкир, — не то будут удивляться, какие мы с вами могли иметь дела, если вы покажетесь в конторе в этом платье.

— Друг мой горд, — воскликнул майор насмешливо-трагическим тоном. — Он горд и презирает своего бедного клиента.

— Прощайте, — сказал мистер Дунбар несколько отрывисто, — время уже позднее, и я устал.

— Разумеется. И вы устали. А вы можете спокойно спать? — спросил майор Вернон шепотом, и в его голосе уже не было насмешки.

Банкир отвернулся от него с едва сдерживаемым проклятием. Свет лампы, висевшей под аркой, освещал их лица. Лицо Дунбара было сильно нахмурено. Лицо майора, его тонкие губы, сжатые в насмешливую улыбку, маленькие черные глаза, блестящие зловещим огнем, напоминали Мефистофеля.

— Прощайте, — повторил банкир, отворачиваясь от своего посетителя.

Вернон положил свою костлявую руку на плечо Дунбара и остановил его.

— Вы мне дали две тысячи, — сказал он, — это довольно щедро для начала; но я уже старик, мне надоела жизнь бродяги, и я хочу жить джентльменом; разумеется, не так, как вы, об этом не может быть и речи: не всякому суждено быть миллионером, подобно Генри Дунбару. Но я желаю, чтобы у меня за обедом всегда была бутылка французского вина, чтобы на мне было хорошее платье и в кармане постоянно пятифунтовая ассигнация. Вы все это должны для меня устроить, не правда ли, старина?

— Я не отказываюсь от этого, как вы уже могли заметить, — нетерпеливо произнес Дунбар, — и полагаю, что у вас в кармане достаточная сумма для хорошего начала.

— Милый друг, это превосходное начало, — воскликнул майор. — Этим можно отлично начать. Но надеюсь, что на этих двух тысячах дело не должно еще закончиться. Они не будут началом, серединой и концом? Вы не прибегните к каким-нибудь хитростям, а?

— Что вы хотите этим сказать?

— Вы не сбежите? Вы не откажетесь от блеска и почестей этого суетного света? Как вы думаете, друг моей души?

— Зачем мне бежать? — сердито спросил Дунбар.

— Я тоже так думаю, старина. Умный человек не отказывается от поместья, прекрасных домов и полумиллиона денег. Но когда вы разбили рюмку после обеда, мне показалось — сказать ли вам всю правду? — что вы несколько нервны. Нервные люди способны на все. Дайте мне слово, что не убежите, и я буду доволен.

— Говорю вам, у меня нет подобной мысли, — ответил мистер Дунбар с возрастающим нетерпением. — Довольны вы?

— Доволен, старина. Дайте мне вашу руку! Что за холодная у вас рука! Поберегите себя, и затем прощайте!

— Вы едете в Лондон?

— Да, разменять чеки и по другим делам.

Мистер Дунбар запер большую дверь, и шаги майора вскоре замерли в песчаной аллее. Банкир отпустил своих слуг еще с вечера, и потому некому было подсматривать за его действиями или прислуживать ему, когда он вернулся в свою комнату. Он присел к камину и начал опорожнять стакан за стаканом бургундского.

Майор Вернон быстро шел по длинной аллее к воротам.

«Две тысячи — порядочный куш, — думал он. — Очень прилично для начала в золотых россыпях! Надеюсь, моя Калифорния доставит еще что-нибудь, прежде чем мы закроем счет и удалимся наслаждаться выгодами спекуляции. Надеюсь, что мой приятель надежный человек; не думаю, чтобы он решился бежать. Впрочем, я буду следить за ним».

Несмотря на естественную жажду разменять эти продолговатые кусочки бумаги — чеки, подписанные хорошо известным именем Генри Дунбара, на золото или еще более ходячие бумажки, выдаваемые банком, майор Вернон не выказывал особенной поспешности уехать из Лисфорда.

Многие из лисфордцев видели нищенски одетого незнакомца в карете Генри Дунбара, рядом с богачом-банкиром. Это происшествие известно было в Лисфорде и в двух ближайших приходах до истечения дня свадьбы Лоры, и потому майора всюду встречали очень вежливо.

Наружность его, разумеется, была нищенская; каблуки его сапог имели странную форму, и его сюртук не отличался изяществом. Шляпа его была со слишком сильным лоском и не доказывала его заботливости о выгодах шляпных фабрикантов. Костлявые его руки были красны, и не было ничего джентльменского в том, что нечто похожее на старую перчатку болталось между его указательным и большим пальцами, когда он проходил по деревенской улице.

Но его видели в карете Генри Дунбара, и с этой минуты он возбуждал участие во всех встречах. Он — обедневший джентльмен, знавший лучшие дни; или, может быть, он — скряга, причудливый человек, который носил худые сапоги и потертую шляпу ради собственного удовольствия. Поэтому незнакомцу оказывали в «Розе и Короне» всякое

уважение, кланялись при встрече и спешили отвечать на вопросы, которые он задавал, расхаживая по деревне.

Ему удалось таким способом узнать вообще о многих вещах, и в особенности о привычках Генри Дунбара. Банкир дал своему бедному приятелю вместе с чеками еще горсть соверенов для расходов, и потому майор мог пользоваться всеми удобствами в «Розе и Короне» и щедро за все платить.

— Я замечаю, что воздух в Варвикшире очень полезен для меня, — сказал он содержателю гостиницы, сидя за завтраком в общей зале, на второй день после его встречи с Генри Дунбаром. — И если б у вас на примете был удобный домик по соседству, годный для одинокого холостяка, имеющего достаточное состояние и не знающего ни души, с которой бы он мог поделиться им, то я, может быть, решился снять и меблировать такой домик.

Хозяин почесал в голове и подумал немного. Потом он звонко и торжественно ударил себя по колену.

— Я знаю, что вам нужно, майор Вернон, — сказал он. — И у меня есть такой домик на примете. В будущий четверг там будет аукцион. Мистер Грогсон, шорнклифский аукционер, будет продавать ровно в одиннадцать часов мебель и аренду удобного маленького коттеджа. Его называют Вудбин-Коттедж. Очень приятное местечко, принадлежавшее старому адмиралу Мандерсу. Адмирал умер в этом доме, и так как он был холостяк, то деньги его достались дальним его родственникам, а мебель и аренда коттеджа продаются. Но я полагаю, — прибавил хозяин, сомнительно поглядывая на своего гостя, — я полагаю, что цена аренды и мебели, картин и посуды дойдет до восьмисот или тысячи фунтов, и, может быть, вы не пожелаете истратить подобную сумму?

Майор презрительно поднял брови.

— Если коттедж мне понравится, то я не прочь дать за него и тысячу фунтов. Сегодня воскресенье; я завтра или во вторник утром съезжу в город закончить одно дело и возвращусь к аукциону.

— Мы с женой тоже собирались ехать, сэр, — ответил хозяин почтительным голосом. — И если вы позволите, мы довели бы вас в нашем четырехколесном шарабане. Вудбайн-Коттедж всего в полутора милях отсюда и около мили от Модслей-Аббэ. Жена моя хотела там купить медный совок для угля, принадлежавший покойному адмиралу. Но если вы раньше аукциона предложите хорошую цену, то вам могут продать все имущество.

— Я посмотрю, — ответил майор Вернон. — Я сегодня же утром схожу в Шорнклиф к мистеру Грогсону... Грогсоном, кажется, вы назвали аукционера?

— Да, сэр; теперь Грогсон — очень почтенный и добрый человек. Контора его находится в Шорнклифе, на большой улице, рядом с мистером Ловелем, стряпчим, и всего в полудюжине ярдов от церкви Св. Гвендолины.

Майор Вернон, как он себя называл, прошел пешком из Лисфорда в Шорнклиф. Он был порядочный ходок — напрактиковался в хождении в долгих и скучных переходах от одних скачек к другим, так как его карманы были вечно пусты и ему нечем было заплатить за билет на железной дороге. Это был первый мороз в этом году, поэтому дороги высохли и отвердели; шум конских копыт и вертящихся колес, звон колокольчиков, громкое лаянье собаки пастуха и голоса трудолюбивых рабочих далеко разносились в резком, морозном воздухе.

Город Шорнклиф в этот день был очень спокоен, ибо только в ярмарочные дни заметно было движение и шум на его узких, старинных улицах, и майор Вернон не встретил никакого препятствия в деле, по которому пришел.

Он прямо отправился к аукционеру, мистеру Грогсону, и узнал от этого джентльмена все подробности предстоящей распродажи в Вудбин-Коттедже. Майор предложил принять на себя аренду за выгодную цену и купить всю мебель по оценке.

— Я только желаю иметь комфортабельный маленький домик, где я мог бы без дальнейших хлопот поселиться, — сказал Вернон с видом светского человека. — Я люблю спокойно наслаждаться жизнью. Если вы можете по чести рекомендовать этот коттедж как

стоящий восемьсот фунтов, то я готов немедленно внести эти деньги. Я куплю все по вашей оценке, если настоящие владельцы согласятся на эти условия; я готов дать в задаток двести фунтов или около того во вторник вечером.

Мистер Грогсон обещал употребить все свои старания в пользу майора Вернона, то есть насколько это не противоречило интересам его настоящих владельцев.

Аукционер, конечно, не мог не усомниться в этом высоком, нищенски одетом незнакомце в грязно-белой шляпе и в стоячем воротнике; но предложение задатка в двести фунтов изменило его мнение. На свете есть много эксцентричных людей, и наружность часто обманчива. Майор говорил уверенно, как человек, у которого есть текущий счет в банке.

Майор возвратился в «Розу и Корону», съел хороший обед, заказанный им перед уходом в Шорнклиф, оплатил поданный ему счет и приготовился ехать в Лондон на следующее утро с первым поездом. Было уже десять часов вечера, когда он, несмотря на позднее время, надел шляпу, высоко поднял воротник и вышел на большую улицу.

Нигде уже не видно было огня, но майор все же направился по дороге к Модслей-Аббэ и шел довольно скорыми шагами, несмотря на снег, который падал хлопьями.

Он был покрыт снегом с ног до головы, когда подошел к каменному крыльцу и позвонил в колокольчик, звуки которого громко прервали ночную тишину.

Лакей, отворивший дверь, прямо зевнул в лицо старого приятеля своего хозяина.

— Скажи мистеру Дунбару, что я желал бы поговорить с ним, — сказал майор, делая вид, что хочет зайти в дом.

— Мистер Дунбар выехал из Аббэ около часа тому назад, — произнес торжественно лакей. — И он на всякий случай приказал вам сказать, что не может определить, когда именно вернется, и что если вы желаете переговорить с ним, то обождали бы его возвращения.

Майор Вернон оттолкнул лакея и вошел в дом. Все двери были распахнуты настежь, и майор в отдалении увидел темный кабинета банкира.

Без сомнения, Генри Дунбар бежал от него, по крайней мере, на время: но хотел ли банкир обмануть его? Не скрывалась ли в этом внезапном отъезде какая-нибудь задняя мысль? — вот в чем вопрос.

— Я напишу твоему хозяину, — сказал майор, немного подумав. — Где останавливается он в Лондоне?

— Мистер Дунбар не оставил адреса.

— Это ничего не значит. Я напишу ему в контору. Прощай.

Майор Вернон отправился дальше по снегу. Лакей не ответил на его любезность, но несколько минут смотрел ему вслед и потом с шумом захлопнул дверь.

«Если это образчик ваших индийских знакомых, то я не много уважаю индийское общество, — подумал он. — Да что и ожидать от такого народа?»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Что случилось в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби»

Генри Дунбар приехал в Лондон несколькими часами позже того, как мистер Вернон посетил Модслей-Аббэ. Он отправился прямо в Кларендонский отель; с ним не было слуги, и весь его багаж состоял из одного чемодана, дорожного мешка и шкатулки, той самой, которую он разбирал с таким вниманием в Манчестере, в ночь после страшного убийства.

Весь следующий день, воскресенье, он провел в своей комнате, читая толстую рукопись в сафьяновом переплете, которую достал из шкатулки. День был пасмурный, холодный, как всегда в ноябре; но в комнате, где сидел Генри Дунбар, все дышало уютом и комфортом. Кресло его было подвинуто к самому камину, рядом на столике стояли

хрустальный графин с бургонским, высокий стакан на манер кубка и ящик сигар.

Долго сидел Генри Дунбар в этом покойном кресле, попивая вино, куря дорогую сигару и совершенно углубясь в чтение рукописи. Только иногда он делал заметки карандашом в своей записной книжке, которую всегда носил в боковом кармане сюртука.

В семь часов явился слуга и доложил, что обедать подано в соседней комнате; только тогда мистер Дунбар встал и положил рукопись на стол. Она открылась на первой странице, на которой красовалась следующая надпись, сделанная собственной рукой Генри Дунбара:

«Дневник моей жизни в Индии, от приезда в 1815 году, до отъезда в 1850 году».

Вот какого свойства и содержания была книга, которую банкир, казалось, изучал с таким вниманием.

На другой день, в двенадцать часов, он велел подать себе карету и отправился в контору на улицу Св. Гундольфа. Первый раз Генри Дунбар посещал свою контору по приезде из Индии. Те, кто знал историю главы банкирского дома «Дунбар, Дунбар и Балдерби», нисколько не удивлялись этому, по-видимому, странному обстоятельству. Они знали, что Генри Дунбар еще молодым человеком приобрел все привычки аристократа и что если впоследствии из него вышел деловой человек и ловкий коммерсант, то это только благодаря необходимости, заставившей его заняться делом, к которому он всегда питал отвращение. Потому неудивительно, что наследовав огромное состояние своего отца и дяди, Генри Дунбар держался в стороне от ненавистных ему занятий. Дела шли отлично во время его отсутствия и теперь продолжали так же идти без его содействия, ибо его место в Индии занял очень умный и деловой человек, бывший в течение двадцати лет кассиром в калькутской конторе.

Быть может, банкир сохранил неприятное воспоминание о последнем своем посещении конторы в тот роковой день, когда открыты были подложные векселя. Быть может, прошедшие тридцать пять лет не изгладили тяжелого впечатления этого дня.

Во всяком случае, Генри Дунбар не был в хорошем расположении духа. Он был очень бледен, и лицо его выражало отчаянную решимость человека, идущего навстречу роковому кризису, неминуемость которого он сознает. По дороге на улицу Св. Гундольфа карета банкира была неожиданно остановлена на Лудгетской горе. Тут перedelывали мостовую, и потому проезда не было. Банкиру пришлось повернуть на Фарингдонскую улицу и подняться в гору, под самыми стенами страшного Ньюгета. Карета ехала очень тихо от огромного стечения народа и экипажей, и мистер Дунбар мог вполне насладиться зрелищем мрачных стен тюрьмы и бесчисленного количества продавцов собачьих ошейников, поместившихся под их сенью.

Быть может, лицо банкира стало еще бледнее и рот его судорожно подергивало, когда карета остановилась у роскошных дверей конторы «Дунбар, Дунбар и Балдерби»; но, гордо подняв голову и выпрямившись во весь рост, он смелой и решительной поступью вошел в контору.

Никогда со дня обнаружения подложных векселей не входил Генри Дунбар в эту дверь. Мрачные мысли теснились в его голове, и он бросил угрюмый взгляд на хорошо известную ему контору.

Он пошел прямо к небольшой комнате за конторой, где тридцать пять лет тому назад происходила памятная для него сцена; но по дороге его остановил какой-то незнакомый ему служащий, неожиданно выскочивший из-за конторки. Это был кассир Клемент Остин.

— Вы желаете видеть мистера Балдерби? — спросил он.

— Да, я назначил ему свидание в час, — ответил банкир. — Мое имя Дунбар.

Кассир поклонился и молча отворил дверь в кабинет мистера Балдерби.

Но прежде чем войти, Дунбар остановился на пороге и пристально взглянул на кассира.

Остин был так же бледен, как банкир. Он знал заранее о посещении Генри Дунбара и ожидал со странным беспокойством первого свидания с человеком, которого Маргарита Вильмот называла убийцей своего отца. Встретившись теперь с ним лицом к лицу, Остин устремил на него пронизательный, испытующий взгляд, словно хотел прочесть по его

физиономии: преступник он или нет? Лицо банкира было бледно, мрачно, угрюмо, но это неудивительно: Остин знал, что с конторой на улице Св. Гундольфа связаны очень неприятные воспоминания для Генри Дунбара. Действительно, трудно ожидать, чтобы человек весело улыбался, входя в ту самую комнату, из которой тридцать пять лет тому назад вышел опозоренным, обесчещенным! В течение нескольких минут оба, богатый банкир и его скромный приказчик, смотрели пристально друг другу в глаза. При этом банкир ни разу не моргнул. Принято считать за лучшее доказательство невинности человека, если он в ответ на ваш испытующий, подозрительный взгляд смотрит вам прямо в глаза. Но дурак тот мошенник, который не сумеет выдержать взгляда, если он знает, что его нарочно этим испытывают. Не гораздо ли чаще невинность застенчиво потупляет глаза, когда вы слишком подозрительно смотрите на нее? Да, невинность пуглива, и неожиданный подозрительный взгляд легко приводит ее в смущение. Напротив, порок смотрит вам прямо в глаза; он смел, решителен и имеет то огромное преимущество, что всегда ожидает нападения, всегда готов дать отпор.

Остин открыл дверь в кабинет мистера Балдерби, и мистер Дунбар вошел без доклада; кассир возвратился к своей конторке. Мистер Балдебри сидел за письменным столом у камина и что-то писал, но, увидев банкира, встал и сделал несколько шагов ему навстречу.

— Мистер Дунбар, я полагаю, — сказал он.

— Да, я Генри Дунбар.

Оба компаньона богатой фирмы пожали друг другу руки, и младший пододвинул мягкое кресло старшему.

— Теперь, кажется, слишком поздно поздравить вас с благополучным приездом в Англию, — сказал мистер Балдерби. — Но все же я поздравляю вас от всей души.

Странно прозвучали последние два слова, как бы напоминая звон фальшивой монеты, глухо падающей на стол.

Генри Дунбар ничего не ответил на это любезное приветствие; он молча смотрел вокруг себя. Комната мало изменилась с тех пор, как он ее видел в последний раз. Те же занавеси висели на окне, то же дерево виднелось из этого окна. Большие мягкие кресла, быть может, когда-то были покрыты новым сафьяном, но сафьян этот успел полинять и походил, как две капли воды, на прежнюю старую материю. Даже турецкий ковер был так же запылен и изношен, как тридцать пять лет тому назад.

— Я получил в субботу вечером ваше письмо, в котором вы извещали меня, что приехали в Лондон и желаете переговорить со мной, — сказал мистер Балдерби после некоторого молчания. — Я распорядился никого не принимать, пока вы здесь, и потому я совершенно к вашим услугам. Если вы желаете ревизовать состояние наших дел, то...

— Подобная мысль мне никогда не приходила в голову, — сказал мистер Дунбар, с нетерпением махнув рукой. — Нет, мистер Балдерби, я был негоциантом только потому, что передо мной неожиданно закрылась та блестящая карьера, которая мне так улыбалась в юности. Я предпочитаю быть немым членом нашей фирмы. В последние десять лет своей жизни отец мой не принимал никакого участия в делах. Они отлично шли без его содействия, и, конечно, точно так же фирма обойдется без моей помощи. Я приехал в Лондон вовсе не за тем, чтобы вас ревизовать, а по делу, касающемуся лично меня. Я богатый человек, но не знаю верной цифры моего богатства. Я хочу навести об этом справку, ибо намерен издержать на одно дело большую сумму денег.

Мистер Балдерби поклонился, но повел бровями, не в силах скрыть своего удивления.

— Прежде чем моя дочь вышла замуж, — продолжал банкир, — я передал ей дом в Портланд-Плэс и Йоркширское поместье. Она наследница после меня всего моего состояния, и так как сэр Филипп Джослин богатый человек, то Лора будет одна из богатейших женщин в свете. Все это прекрасно, и ни Лора, ни ее муж не будут иметь причины на меня жаловаться. Но этого мало, мистер Балдерби. Я не выказываю своих чувств перед другими и никогда не хвастался своей любовью к дочери, но, несмотря на это, я от души люблю ее.

Мистер Дунбар говорил очень тихо и раза два обтер лоб своим носовым платком, как

это делал еще прежде в Винчестере.

— Мы, англо-индийцы, когда делаем что-то, любим, чтобы это было великолепно, — снова заговорил банкир. — Я хочу сделать своей дочери для свадебного подарка бриллиантовое ожерелье, какое только восточные князья или Ротшильды могли бы дать своей дочери. Вы понимаете?

— Совершенно, — ответил мистер Балдерби, — и я буду очень счастлив помочь вам в этом деле.

— Мне только нужна большая сумма денег, — ответил банкир. — Я, может быть, увлекусь и убью на это ожерелье порядочный куш: леди Джослин будет что оставить в наследство своим детям. Вы и Джон Ловель из Шорнклифа были душеприказчиками моего отца и подписали трансферт его текущего счета на мое имя в прошлом сентябре.

— Точно так.

— Мистер Ловель писал мне об этом предмете. У моего отца, если не ошибаюсь, было два счета: один — взносов, другой — текущий.

— Точно так.

— И эти два счета продолжают теперь после моего приезда, как и при отце?

— Именно так. Мистер Персиваль Дунбар откладывал лично для себя по семь тысяч фунтов ежегодно. Он редко проживал все эти деньги, а иногда не расходовал и половины. Баланс этих денег и проценты, получаемые им с прибыли фирмы, вносились в его счет взносов, а в текущем записывались суммы, взятые им в различное время.

— Вы можете показать мне эти счета?

— Конечно, — ответил мистер Балдерби и позвонил. — Попросите мистера Остина принести дневной баланс и книгу взносов, — сказал он вошедшему конторщику.

Через пять минут явился Клемент Остин с двумя книгами в толстом сафьяновом переплете.

Мистер Балдерби открыл обе книги и положил их перед Генри Дунбаром. Тот взглянул прежде всего на счет взносов, и глаза его живо перебежали от одной цифры к другой, пока не дошли до последнего итога. Тут грудь его тяжело заколыхалась, и он глубоко вздохнул, как человек, который страдает удушьем. Последняя цифра итога была следующая:

137926 ф. и 17 ш. 2 п.

Сто тридцать семь тысяч девятьсот двадцать шесть фунтов семнадцать шиллингов и два пенса! Эти два пенса казались какой-то насмешкой; но деловые люди все равно что счетные машины, когда дело касается цифр.

— В каком виде эти деньги? — спросил Генри Дунбар, указывая дрожащей рукой на страницу, где красовалась эта красноречивая цифра.

— Пятьдесят тысяч помещены в индийской компании, — отвечал мистер Балдерби хладнокровно, словно сумма эта ему казалась безделицей, — двадцать пять тысяч в акциях железных дорог, а остальные деньги в билетах казначейства.

— Так вы можете разменять эти билеты?

Мистер Балдерби вздрогнул, словно кто-нибудь ему наступил на мозоль. Он был душой и телом банкир, и ему не могла быть приятна мысль об уменьшении капиталов банка.

— Это большая сумма, и как бы потеря ее не была чувствительна банку, — сказал он задумчиво.

— Я надеюсь, банк в состоянии выдать такую сумму, — воскликнул мистер Дунбар с изумлением.

— Конечно, банк в состоянии выдать и побольше; но иногда нам представляют очень большие требования. Вот, говорят, лорд Ярцфильд, один из наших самых старинных клиентов, хочет купить имение в Валлисе, и мы должны ожидать каждую минуту, что он вынет из банка большой капитал. Во всяком случае, деньги ваши, мистер Дунбар, и вы можете с ними делать, что вам угодно. Билеты казначейства будут тотчас разменены.

— Хорошо, и если вы можете выгодно продать акции железных дорог, то я вам буду очень благодарен.

— Вы хотите издержать...

— Нет, я намерен только поместить эти деньги в другом деле. Мне предлагают купить большое поместье под самым Лондоном, которое, я уверен, через несколько лет принесет сто процентов чистой выгоды. Но об этом мы поговорим в другой раз. Теперь же займемся только бриллиантовым ожерельем моей дочери. Я куплю бриллианты сам, из первых рук, у торговцев, а не у ювелиров. Приготовьте необходимую сумму к уплате моих чеков к среде или четвергу.

— Они будут готовы, мистер Дунбар.

— Вот и все, кажется; мне остается теперь только проститься с вами и попросить вас пожаловать ко мне к обеду в Кларендонский отель в один из этих дней.

Это приглашение было сделано не очень радушно, и мистер Балдерби понял, что оно было одной лишь формальностью, которую банкир был обязан исполнить. Он пробормотал что-то в ответ на любезность мистера Дунбара, и, поговорив еще минут пять о различных посторонних предметах, компаньоны богатой фирмы расстались.

Мистер Дунбар вышел из кабинета Балдерби в длинный, темный коридор, который вел в контору банка. Сквозь большую стеклянную дверь банкир увидел, что в конторе сидела женщина и разговаривала с Клементом Остином. Банкир вдруг остановился и поспешно пошел назад в кабинет. Войдя в него, он бросил беспокойный взгляд по сторонам, словно ища чего-то.

— Я, кажется, забыл здесь трость, — сказал он.

— Нет, — ответил мистер Балдерби, — я не видел у вас в руках никакой трости.

— Ах, так я верно ошибся, — произнес банкир, не торопясь выходить из комнаты. Он подошел к окну и, очень медленно натягивая перчатки, устремил свой взгляд на каменную стену, окружавшую двор, в конце которой была маленькая деревянная калитка.

В это время в комнату вошел Клемент Остин с какими-то нужными бумагами. Генри Дунбар обратился к нему.

— Я видел, что вы разговаривали с какой-то женщиной, — сказал он, — это не очень прилично в конторе, мистер Остин. Кто эта женщина?

— Это девушка, сэр.

— Девушка?

— Да, сэр.

— Что ж ей нужно?

Клемент Остин колебался несколько секунд, но, собравшись с силами, произнес:

— Она... она желает вас видеть, мистер Дунбар.

— Как ее зовут? Кто она такая?

— Ее фамилия Вильмот, Маргарита Вильмот.

— Я не знаю ее, — гордо сказал банкир, с беспокойством поглядывая на полуотворенную дверь. — Закройте дверь, — приказал он кассиру, — из коридора ужасно дует. Кто это Маргарита Вильмот?

— Дочь несчастного Джозефа Вильмота, убитого в Винчестере, — ответил мрачно кассир, пристально глядя на Генри Дунбара.

Банкир ответил ему таким же взглядом и, не спуская с него глаз, произнес твердым, решительным голосом:

— Скажите этой девушке, Маргарите Вильмот, что я отказываюсь видеть ее здесь, точно так же, как отказался в Портланд-Плэсе и Винчестере. Скажите, что я никогда ее не приму, где бы и когда бы она меня ни поджидала. Я уже и так слишком много перенес неприятностей из-за этого несчастного дела и не намерен более сносить ее преследований. На что ей меня видеть? Если она нуждается, я всегда готов ей помочь, как уже объяснял ей не раз. Но если она находится в бедственном положении...

— Нет, мистер Дунбар, — прервал его Клемент Остин, — у нее есть друзья, которые никогда не допустят ее бедственного положения.

— Неужели? И вы, вероятно, один из этих друзей, мистер Остин?

— Да.

— Так докажите эту дружбу и уверьте Маргариту Вильмот, что она найдет во мне не врага, а доброжелателя. Если вы, как я подозреваю, питаете к ней более чем дружбу, если вы ее любите и она отвечает вам тем же, то женитесь на ней и она принесет вам приданое, которым не побрезговал бы любой джентльмен.

В голосе банкира теперь уже не слышно было ни гнева, ни нетерпения; напротив, в нем ясно проглядывало глубокое, неподдельное чувство. Клемент Остин посмотрел на него с удивлением — так неожиданна была эта перемена. Генри Дунбар заметил этот взгляд, и как бы отвечая на него, сказал:

— Вам нечего удивляться, что я не желаю видеть Маргариту Вильмот. Неужели вы не можете понять, что мне неприятно свидание с этой девушкой, которая, судя по ее упорным преследованиям, подозревает меня в убийстве своего отца? Я — старый человек, прожил тридцать пять лет в Индии, здоровье мое совершенно расстроено, и потому неудивительно, что меня пугает мысль о всякой трагической сцене. Я еще не оправился от потрясения, нанесенного мне винчестерской историей. Сделайте одолжение, передайте Маргарите Вильмот, что я готов быть ее другом, самым добрым, истинным другом, если она согласна принять мою дружбу, но не намерен видеть ее до тех пор, пока она не переменит своего мнения обо мне.

Слова эти звучали с неподдельной простотой и искренностью. Клемент Остин, возвращаясь в контору, чтобы передать Маргарите слова банкира, невольно подумал, не ошибалась ли Маргарита Вильмот, — может, Генри Дунбар и неповинен в преступлении.

Не успел он скрыться за дверью, как Генри Дунбар поспешно обратился к мистеру Балдерби.

— Эта дверка, — сказал он, указывая на калитку в каменной стене, окружавшей двор, — выходит, кажется, в маленький переулок, сообщающийся с улицей Св. Гундольфа?

— Да, — ответил Балдерби.

— Она заперта?

— Нет, она всегда открыта до четырех часов. В нее часто бегают конторщики.

— Так я выйду через двор, — сказал банкир торопливо и едва переводя дух от волнения. — Вы пошлите немного погодя мой экипаж в Кларендонский отель. Я ни за что не хочу видеть этой девушки. Прощайте.

С этими словами он поспешно вышел из кабинета. Мистер Балдерби проводил его до коридора, очень удивляясь непонятному волнению Генри Дунбара; банкир же прошел через маленький двор, открыл калитку и исчез в переулке.

Так он в третий раз избегнул свидания с Маргаритой Вильмот.

II

Сватовство Клемента Остина

В третий раз Маргарита Вильмот обманулась в своей надежде увидеть Генри Дунбара. Клемент Остин накануне вечером сказал ей, что банкир будет в конторе на улице Св. Гундольфа, и молодая учительница музыки изменила часы уроков, чтобы быть вовремя в Сити и увидеть Генри Дунбара.

— Он не посмеет отказать вам в свидании, — сказал Остин. — Он поймет, что подобный отказ возбудит подозрения людей, окружающих его.

— Он это знал в Винчестере и все-таки улизнул от меня, — ответила Маргарита. — Он хорошо знал это, когда отказался принять меня в Портланд-Плэсе. Он и сегодня не пустит меня к себе, если я буду просить у него свидания. Мне только остается надеяться на нечаянную с ним встречу. Не можете ли вы это устроить для меня, мистер Остин?

Остин немедленно согласился устроить так, чтобы Маргарита встретила как бы случайно с мистером Дунбаром, и вот почему дочь Джозефа Вильмота дожидалась в конторе на улице Св. Гундольфа. Она пришла всего пятью минутами позже мистера Дунбара и

решилась терпеливо дожидаться его при выходе и поговорить с ним, увидеть его лицо и убедиться, виновен ли он в смерти ее отца или нет, ибо она по-прежнему была уверена, что какое-нибудь, хоть смутное, неопределенное выражение в его лице откроет ей страшную тайну. Она была твердо убеждена, что испытание докажет его виновность, иначе зачем ему постоянно уклоняться от свидания с ней.

В третий раз ожидания ее были обмануты, и она грустно возвратилась домой, преследуемая призраком умершего отца; а Генри Дунбар ехал в Кларендонский отель в извозчиьем кэбе.

Маргарита застала в хорошенькой, маленькой гостиной своего коттеджа в Клапгаме одну из своих учениц и должна была тотчас сесть за фортепьяно. Более часа прошло, прежде чем кончился урок и она смогла свободно предаться своим грустным мыслям.

Ученица ее была бойкая, веселая молодая девушка, очень любившая свою учительницу музыки и с радостью готовая поболтать о модных шляпках, о зимних мантильях или о новом романе. Но бледное лицо Маргариты, казалось, безмолвно взывало к состраданию, и потому мисс Ломбертон надела перчатки, поправила шляпку перед зеркалом, висевшим над камином, и поторопилась уйти. Маргарита присела к маленькому круглому столу и открыла книгу. Но она не могла читать, хотя книгу эту ей дал Клемент, а она особенно любила читать все, что его интересовало. Она неподвижно сидела с устремленным на книгу взглядом, и тусклый свет двух свечек освещал ее взволнованное лицо. Грустные ее думы были неожиданно прерваны звоном колокольчика у крыльца, и вскоре хорошенькая, молоденькая служанка ввела в комнату мистера Остина.

Маргарита привстала, несколько смущенная приходом неожиданного гостя. Это было в первый раз, что Клемент пришел к ней один. Он нередко посещал ее, но всегда в сопровождении матери.

— Боюсь, что побеспокоил вас, мисс Вильмот, — сказал он.

— О нет, вовсе нет, — ответила Маргарита. — Я сидела без занятия и думала...

— Вы думали о сегодняшней неудаче?

— Да.

Наступило молчание. Маргарита села к маленькому столу, а Клемент начал в раздумье ходить по комнате. Вдруг он остановился напротив Маргариты, оперся локтем на угол камина и устремил на нее задумчивый взгляд.

— Маргарита, — сказал Клемент (он в первый раз называл девушку этим именем, и она взглянула на него с удивлением), — Маргарита! То, что сегодня случилось, заставляет меня думать, что ваше подозрение справедливо и что Генри Дунбар — единственный представитель семьи, которую я с детства привык почитать, — убийца вашего отца. Если это так, то правосудие требует, чтобы преступление этого человека было обнаружено. Я схожусь во мнении с Шекспиром: я уверен, что «убийство должно обнаружиться рано или поздно, так или иначе». Но полиция в этом случае очень виновата: она как будто опасалась со всей строгостью исследовать дело, опасалась, чтобы следы не дошли до Генри Дунбара.

— Вы полагаете, что она была подкуплена?

— Нет, я этого не думаю. Но, по-видимому, существует общее мнение, что человек с миллионным состоянием не может совершить преступление. Я не думаю, чтобы полиция была подкуплена; она только выказала свою слабость и нерадивость. Ее озадачила трудность дела. Тут подоспели другие преступления, явилась новая работа, и она отодвинула расследование этого дела как не подающего надежды на скорый исход. Таким образом преступники остаются ненаказанными, вот почему убийцы ходят на свободе, не потому, что обнаружение их преступления невозможно, но потому, что подобное расследование требует слишком много труда, а этому немногие решаются посвятить себя. Пока все умы заняты новостью об ужасном преступлении, пока убийца день и ночь начеку — полиция следит за ним; но со временем, когда почти все забыли о преступлении, когда безнаказанность сделала преступника беспечным, когда поимка делается легка, полиция уже устала, и никто не следит за передвижениями преступника. Я не знаком с судебной частью, но полагаю, что

Дунбар — убийца вашего отца; и я сделаю с помощью Божьей все, что смогу, для обнаружения его виновности.

Глаза девушки блеснули гордым огнем, когда Остин произнес последние слова.

— Вы это сделаете? — воскликнула она. — Вы откроете тайну смерти моего отца? Вы предадите в руки правосудия его убийцу? Ужасно, не правда ли, что женщина жаждет наказания человека, как бы он ни был виновен? Но было бы еще ужаснее, если бы я позволила убийце моего отца остаться безнаказанным! Бедный мой отец! Если бы он был хорошим человеком, я не думаю, чтобы меня так мучило воспоминание о его жестокой смерти; но он не был хорошим человеком. Он не был хорошим человеком!

— Каков бы он ни был, Маргарита, убийца его не останется безнаказанным, если я могу что-нибудь сделать в деле правосудия, — сказал Клемент. — Но я не за этим пришел к вам, Маргарита. Я хочу еще вам что-то сказать.

В голосе молодого человека слышалась какая-то особенная нежность, которая тотчас возвратила румянец на бледные щеки Маргариты.

— Вы знаете, что я люблю вас, Маргарита, — сказал Клемент тихим, полным чувства голосом. — Вы должны знать, что я люблю вас; если вы этого не знаете, то, значит, вы меня не любите и любовь моя безнадежна. Я с первого взгляда полюбил вас... Да, с самого того вечера, когда я в первый раз увидел ваше бледное, задумчивое лицо в маленьком садике в Вандсворте. Нежное участие, которое я тогда почувствовал к вам, было первым признаком возникавшей любви, но я в моей премудрости считал это простым восторгом артиста перед несравненным образом красоты. Это была любовь, Маргарита; и она росла, крепла в моем сердце с самого того вечера до тех пор, пока не привела меня сегодня сюда, пока не заставила высказать все и спросить вас прямо, могу ли я иметь какую-нибудь надежду? Ах, Маргарита, вы наверное знали, что я вас люблю. Вы бы давно удалили меня от себя, если бы чувствовали, что любовь моя безнадежна. Вы не могли быть столь жестокой, чтобы обманывать меня.

Маргарита взглянула с испугом на Клементу. Разве она не была действительно виновна, что позволила себе быть счастливой в его обществе, если она не любила его? Но внезапная радость и гордое чувство торжества, наполнившие ее грудь при этих словах Клемента, конечно, были не что иное, как любовь! Да, она его любила; но счастье, радость не были ее уделом на сей земле: чувство долга и любовь боролись в ее чистой, невинной душе, и долг победил.

— О Клемент! — сказала она. — Неужели вы забыли, кто я? Забыли письмо, которое я вам показывала — письмо, адресованное моему отцу, когда он был ссыльным каторжником и нес заслуженную кару за свое преступление? Забыли, чья кровь течет в моих жилах, какое позорное, бесславное имя я ношу? Я горжусь мыслью, что вы меня любили, Клемент, но я не достойна быть вашей женой!

— Вы — благородная, возвышенная женщина, Маргарита, и достойны быть женой короля. Да и я не такой вельможа, чтобы искать жену важного происхождения. Я — работающий человек, довольствуюсь жалованьем за мои труды и в будущем могу только рассчитывать сделаться младшим товарищем фирмы, где я служу. Моя мать любит вас, и она знает, что я сгораю желанием назвать вас своей женой. Забудьте пятно, омрачающее имя вашего покойного отца так же, как я его забываю, и отвечайте только на один мой вопрос: могу ли я иметь надежду?

— Я никогда не соглашусь быть вашей женой, мистер Остин! — ответила Маргарита тихо.

— Потому что вы меня не любите?

— Потому что я не хочу, чтобы вы когда-нибудь краснели за прошлое вашей жены.

— Вы не отвечаете на мой вопрос, Маргарита, — сказал Клемент, садясь рядом с ней и сжав ее руки. — Я попрошу вас посмотреть мне в глаза, мисс Вильмот, — прибавил он, смеясь и притягивая ее к себе. — Я начинаю думать, что вы только из упрямства говорите неправду. Посмотри мне в глаза, радость моя, Маргарита, и скажи, что меня любишь.

Но покрасневшее личико девушки не оборачивалось в его сторону.

— Не просите, — умоляла она, — не просите. Настанет день, когда вы будете сожалеть, что женились на мне. Я этого не могла бы вынести; это слишком горько. Вы всегда были добры ко мне, и я худо заплатила бы за вашу доброту, если бы...

— Если бы вы согласились сделать меня счастливым? Мне кажется, это было бы только доказательством вашей благодарности. Разве я не обегал весь Клапгам, Брикстон и Вандсворт, не считая поездку в Путней, чтобы доставить вам с полдюжины учениц? И после этого вы осмеливаетесь отказать мне в первой моей просьбе? И что же я у вас прошу — ничего более как эту маленькую ручку.

Он замолчал в надежде, что Маргарита ему ответит; но она не глядела на него по-прежнему; и дрожащая рука, которую мистер Остин все еще держал в своей, старалась высвободиться из его пожатий.

— Маргарита, — сказал он наконец серьезно, — может быть, я поступил глупо, самонадеянно. В таком случае я вполне достоин своей участи, как бы мне ни было тяжело. Если я ошибся, Маргарита, если меня обманули ваши очаровательные улыбки, ваши нежные слова, скажите мне, и я готов простить вам то, что вы меня обманули, и постараюсь забыть свои безумные мечты. Но я не оставлю этой комнаты, я не расстанусь со светлой надеждой, которую питал до сего дня, прежде чем вы не скажете ясно, что меня не любите. Говорите, Маргарита, говорите без боязни.

Но Маргарита молчала и в мертвой тишине, царившей в комнате, вдруг послышались тихие, сдержанные рыдания.

— Маргарита, радость моя, ты плачешь! — воскликнул Клемент. — Теперь я знаю. Ты меня любишь. Ты меня любишь, и я не выйду из этой комнаты иначе как твоим женихом.

— Да поможет мне Господь! — прошептала несчастная дочь Джозефа Вильмота. — Да наставит он меня! Я люблю тебя, Клемент, люблю всей душой!

III

Покупка бриллиантов

Мистер Дунбар, не теряя времени, принялся за важное дело, по которому он приехал в Лондон, — за покупку бриллиантов для ожерелья, которое должно уступить разве только знаменитому ожерелью, опозорившему имя бедного кардинала Рогана и несчастной королевы.

Рано утром на следующий день после посещения банка мистер Дунбар вышел на улицу, очень просто одетый, и кликнул первого извозчика, которого встретил на Пиккадилли. Он приказал ему ехать прямо, в маленький переулок, выходящий на Голборн, очень мирный, уединенный переулок, где, однако, можно купить бриллиантов больше, чем у всех парижских ювелиров, и где, если вам вздумается обменять ваш серебряный сервиз на что-нибудь другое, вы в ту же минуту удовлетворите свою прихоть.

Золотых и серебряных дел мастера, бриллиантники и торговцы драгоценными камнями, живущие на этой спокойной улице, принадлежат к высшему разряду купцов. Вы можете дать им горсть золотых цепочек и перстней, не опасаясь, чтобы какая-нибудь из этих вещей нечаянно попала в карман оценщика во время процесса взвешивания. Знаменитый мистер Крюсигель, который собственной ногой вдавил в плавильный горшок конец скипетра одного из восточных властелинов, в ту самую минуту, когда сыщики входили в его заведение для обыска по случаю пропажи этой драгоценности, и который потом хромал более полугода — жил где-то в Сити, далеко от скучной голборнской улицы; он презирал бы однообразную жизнь и умеренную прибыль, которыми довольствуются здешние торговцы.

Мистер Дунбар оставил свой кэб на углу Голборна и медленно пошел по мостовой до мрачного окна, которое могло принадлежать конторе стряпчего, если бы на нем не красовалась золотая надпись, извещавшая, что тут помещалась контора мистера Исаака Гортгольда, торговца бриллиантами. Медная дощечка на дверях извещала о том же самом, и

мистер Дунбар остановился у этих дверей.

Он позвонил; ему немедленно отворил дверь бойкий мальчик и провел в кабинет купца, где он увидел дубовую конторку, маленькие медные весы, высокий стул, покрытый истертой волосяной материей, и два грязных железных ящика, глубоко ввинченных в стену позади конторки. У окошка стоял стол, за которым сидел джентльмен с черными усами и бакенбардами, занятый проверкой счетных книг.

Он встал со стула при входе мистера Дунбара и несколько подозрительно посмотрел на банкира. Привычка продавать бриллианты заставляла его подозревать всех и каждого. Генри Дунбар был в модном пальто, с широкими рукавами, и на эти широкие рукава мистер Гортгольд устремил свой беспокойный взгляд: он привык подозрительно смотреть на джентльменов с широкими рукавами и на дам с муфтами и зонтиками. Бриллианты занимают так мало места, что их можно скрыть порядочное количество в складках самого маленького дамского зонтика.

— Я хочу купить коллекцию бриллиантов для ожерелья, — сказал мистер Дунбар так же небрежно, как если бы говорил о дюжине серебряных ложек. — И я хочу, чтобы это ожерелье было диковинкой. Мне бы следовало заказать его у Гаррарда или Эмануеля, но я хочу купить только бриллианты и уже потом заказать оправу по моему собственному рисунку. Можете ли вы исполнить мое желание?

— Сколько вам нужно бриллиантов? Вы можете иметь то, что некоторые люди называют ожерельем, за тысячу фунтов, и вы можете также купить ожерелье в двадцать тысяч фунтов. Какую сумму вы назначаете?

— От пятидесяти до восьмидесяти тысяч фунтов.

Торговец в раздумье вытянул свои губы.

— Вы знаете, что в подобных случаях платят наличными? — спросил он.

— Да, знаю, — холодно ответил мистер Дунбар.

Он вынул из кармана и подал мистеру Гортгольду свою визитную карточку.

— Всякий чек, подписанный этим именем, немедленно будет оплачен в конторе на улице Св. Гундольфа.

Мистер Гортгольд почтительно поклонился миллионеру: он, как и все купцы в Лондоне, хорошо знал фирму «Дунбар, Дунбар и Балдерби».

— Я не надеюсь немедленно доставить нужные вам бриллианты на сумму пятьдесят тысяч фунтов, — сказал он, — но я приготовлю их дня через два, если вы согласитесь подождать.

— Хорошо. Сегодня вторник; если мы назначим четверг?

— Камни будут готовы к вашим услугам, сэр.

— Очень хорошо. Я зайду за ними в четверг утром. Но чтобы вы знали, что заказ мой верный, я выпишу чек на десять тысяч фунтов, которые вы можете тотчас получить в счет уплаты. У меня с собой чековая книжка. Одолжите мне чернила и перо.

Мистер Гортгольд пробормотал, что это совершенно излишне, но все же принес чернильницу и с довольным видом поглядывал, пока банкир писал чек своим твердым, красивым почерком.

«Дело хорошее», — думал мистер Гортгольд.

— Теперь, сэр, что касается рисунка ожерелья, — сказал он, пряча чек в карман своего жилета, — вероятно, вы имеете какую-нибудь оригинальную идею, и потому, может быть, желали бы увидеть несколько образцов бриллиантов.

Говоря это, он открыл один из железных ящиков, вынул из него множество маленьких бумажных свертков, весьма тщательно сложенных, и развернул их очень бережно и осторожно.

— Вам, вероятно, понадобятся сальные капли, сэр? — поинтересовался он. — Сальные капли в особенности хороши для ожерелья.

— Что такое сальные капли?

Мистер Гортгольд взял щипчиками один из бриллиантов, показал его банкиру.

— Вот это — сальная капля, сэ, — сказал он. — Этот камень, как вы можете заметить, имеет форму сердца; но мы называем его сальной каплей, потому что он очень похож на сальную каплю. Вы, разумеется, желаете иметь большие камни, хотя они и очень дорого стоят. Есть бриллианты, известные во всей Европе; бриллианты, принадлежавшие коронованным особам и столь же известные, как имена лиц, которым они принадлежали. Герцог брауншвейгский почти очистил европейский рынок от этого товара; но все же можно еще достать несколько похожих экземпляров, если вы желаете.

Мистер Дунбар отрицательно покачал головой.

— Я не ищу подобных драгоценностей, — сказал он. — Может быть, настанет день, когда моя дочь или ее дети будут вынуждены продать свои бриллианты. Я — человек коммерческий и хочу приобрести за восемьдесят тысяч фунтов коллекцию таких камней, которые можно было бы всегда продать за ту же цену. Я желал бы, чтобы вы выбрали мне бриллианты средней величины ценой около сорока или пятидесяти фунтов за штуку.

— В таком случае я должен буду обратить особенное внимание только на их цвет, так как они предназначены для ожерелья, — сказал мистер Гортгольд.

Банкир пожал плечами.

— Не заботьтесь об ожерелье, — сказал он с нетерпением. — Опять повторяю, я — человек коммерческий и желаю только, чтобы товар, который я покупаю, вполне стоил заплаченных за него денег.

— И вы останетесь довольны, — поспешно произнес торговец.

— В таком случае мы поняли друг друга, и мне нет причины дольше оставаться. Вы приготовите бриллианты на сумму восемьдесят тысяч фунтов или около того к будущему вторнику. А покамест разменяете этот чек и удостоверитесь, с кем имеете дело. Прощайте.

Он оставил торговца, пораженного его хладнокровием, и возвратился к кэбу, который все это время его дождался. Он хотел сесть, как вдруг кто-то слегка дотронулся до его плеча; он обернулся и узнал джентльмена, называвшего себя майором Верноном. Но майор уже не был тем нищенски одетым незнакомцем, который присутствовал на свадьбе Филиппа Джослина с Лорой Дунбар в лисфордской церкви. Майор Вернон возродился, как феникс, великолепным, блестящим из пепла своих старых платьев. Истертый воротник исчез; разорванные сапоги заменились непромокаемыми веллингтонскими; грязная белая шляпа уступила место блестящей шляпе с модными, отогнутыми по бокам полями. Майор Вернон был истинно великолепен. Шея его была по-прежнему закутана, но теперь его шарф сиял всеми цветами радуги. Его толстое пальто было темно-оливкового цвета, с поднятым воротником из блестящего бурого меха, известного в народе под названием поддельного соболя. Из-под этого воротника виднелся пестрый шелковый шарф, в сравнении с которым его багровый нос терял всю свою прелесть.

Майор Вернон курил огромную, дорогую сигару, в руках у него была большая палка, и мирные жители Сити невольно оборачивались, проходя мимо него, пока он стоял на тротуаре, разговаривая с Генри Дунбаром.

Банкир вздрогнул от прикосновения руки своего индийского знакомого.

— Чего вам от меня надо? — спросил он сердито. — Зачем вы шпионите за мной и останавливаете на улице? Не довольно разве я для вас сделал? Разве вам этого мало?

— Да, старина, — ответил майор, — совершенно доволен, даже более чем доволен в настоящую минуту. Но ваш покорный слуга просит, как говорят мясники и булочники, не оставить его и впредь своими милостями. Посадите-ка меня с собой в кэб, мистер Дунбар, и попотчуйте хорошим обедом; я еще не потерял вкуса к роскошным кушаньям и дорогим винам, хотя, признаться, в последние годы все больше жил на пище святого Антония. Nante dinari, nante manjare, как мы читывали в классике, а я это перевожу так: нет кредита ни у мясника, ни у булочника.

— Перестаньте говорить эти пошлости, — прервал его Дунбар.

— Они вам неприятны, дорогой друг мой, не правда ли? Однако я помню время, когда... но все равно пусть «разбитое останется разбитым», как говорит поэт, что по-нашему

означает: пусть прошлое останется прошлым. Вы покупали бриллианты, старина?

— Кто вам это сказал?

— Вы сами, выходя от мистера Исаака Гортгольда. Я случайно проходил мимо, когда вы зашли к нему, и опять случайно проходил, когда вы вышли от него.

— Вы шпионили.

— Вовсе нет, старина, это просто случай, уверяю вас, больше ничего как случай. Я вчера был в банке, разменял мои чеки и узнал ваш адрес; сегодня утром заходил в Кларендонский отель, где мне сказали, что вы только что вышли; я посмотрел вниз по Альбеморльской улице, и действительно вижу, что вы садитесь в кэб; я взял карету, которая ехала быстрее вашего кэба, и догнал вас на углу этой улицы.

— Вы следите за каждым моим шагом, — с горечью заметил Дунбар.

— Не говорите этого, старина; следить за человеком или шпионить — дело подлое; случай привел меня сюда в одно время с вами. Если вы хотите гневаться на кого-нибудь, то гневайтесь на слепой случай, а не на меня.

Дунбар сердито отвернулся.

Его приятель следил за ним с той же лукавой улыбкой, которая обезобразила его лицо под освещенным портиком Модслей-Аббэ; он казался грубым, необузданным Мефистофелем, на его челе даже не светился луч «адского божества».

— Вы покупали бриллианты, — заметил он после некоторого молчания.

— Да. Я покупал их для ожерелья моей дочери.

— Вы очень любите вашу дочь! — с усмешкой заметил майор.

— Мне необходимо сделать ей подарок.

— Разумеется, и вы даже не доверили подобное дело ювелиру, а взяли весь труд на себя.

— Подобная покупка обойдется мне самому гораздо дешевле, чем если бы я обратился к ювелиру.

— О, разумеется, — ответил майор Вернон, — причина ясная, как день.

Он помолчал несколько минут и вдруг тяжело опустил руку на плечо своего старого друга, нагнулся к самому уху банкира и громко сказал, чтобы слова его не были заглушены шумом экипажа:

— Генри Дунбар, вы — ловкий малый и, верно, воображаете, что гораздо умнее меня; но, клянусь небом, если вы захотите сыграть со мной какую-нибудь шутку, вы ошибетесь. Вы должны назначить мне капитал, с которого бы я получал пожизненный доход. Понимаете вы это? Прежде чем вы улизнете вправо или влево или скажете, что ваша душа принадлежит вам самим, вы должны назначить мне пожизненную пенсию.

Банкир оттолкнул руку майора и обернулся к нему; лицо его было бледно, но дышало грозной решимостью, вызывало как бы весь свет на бой.

— Берегитесь, Стевенс Валлонс, — сказал он, — берегитесь угрожать мне. Я полагал, что вы меня давно знаете и настолько умны, что будете всегда вежливы со мной. Что касается того, что вы у меня просите, то я это исполню или нет — как мне вздумается. Если же и исполню, то когда сам захочу, а вас спрашивать не стану.

— Так вы меня не боитесь? — промолвил майор, отодвигаясь назад и значительно понижая тон.

— Нет!

— Вы очень смелы.

— Может быть. Помните старую басню о курице, которая несла золотые яйца? Жадные люди убили ее из бессмысленной корысти, но басня не выставляет их как образец мудрости. Нет, Валлонс, я вас не боюсь.

Валлонс прислонился к спинке кэба и, злобно кусая свои ногти, задумался, что ответить мистеру Дунбару; но, вероятно, не придумал ничего хорошего, ибо молчал все время продолжительной езды; когда они остановились у Кларендонского отеля и он вышел из кэба, то очень походил на сердитую собаку, поджавшую хвост.

— Прощайте, майор Вернон, — спокойно сказал банкир, когда лакей в ливрее отворил ему дверь отеля. — Я очень буду занят в течение нескольких дней, которые проведу в городе, и потому не буду в состоянии доставить себе удовольствие вас принять.

Майор в недоумении вытаращил глаза.

— О, — произнес он бессознательно, — вот что! Разумеется, вы лучше знаете свой интерес. Прощайте!

Лакей захлопнул дверь под самым носом майора, а он все еще бессмысленно смотрел перед собой, не вполне понимая, что с ним и где он. Но вскоре он очнулся, вздернул свой кашемировый шарф еще выше ушей, вынул из кармана красный, сафьяновый портсигар, закурил сигару и медленно пошел по Вест-Эндской улице, погруженный в глубокую думу.

— Хладнокровен, нечего сказать, дьявольски хладнокровен, — бормотал он сквозь зубы, — пожалуй, иные назовут это нахальством. Но он прав: не надо забывать басни о курице и золотых яйцах. Одно только жаль, что глупое правительство назначает такую маленькую награду — одну несчастную сотенку — за раскрытие страшного преступления! Если преступники не наказаны, то за это отвечают бессмысленные законы. Мой друг — тонкий, хитрый человек, дьявольски хитрый, но я буду за ним зорко следить. «Моя надежда на время беспредельна», как сказал какой-то поэт. Мой друг теперь важничает, задирает нос высоко, но, быть может, придет день, когда он будет нуждаться в моей помощи, и если когда-нибудь я буду ему нужен, то, клянусь, я сдери с него хорошую сумму. Тогда я его не пожалею, возьму все, что захочу.

IV Отъезд

В среду утром в назначенный час Генри Дунбар явился в контору бриллианщика. Он был не один, а в сопровождении мистера Балдерби, которого просил взглянуть на камни, купленные им для дочери.

Мистер Балдерби широко открыл глаза от удивления, увидев бриллианты, и торжественно объявил, что это более чем царский подарок. Но, быть может, тот же мистер Балдерби совершенно иначе взглянул на это дело, когда несколько часов спустя мистер Исаак Гортгольд явился в контору на улице Св. Гундольфа и представил чек на семьдесят пять тысяч восемьсот фунтов.

Генри Дунбар, выходя от бриллианщика, бережно застегнул пальто на все пуговицы; в боковом его кармане находился маленький ящичек, стоявший около восьмидесяти тысяч фунтов. Он не отправился прямо в Кларендонский отель, но, перейдя Смитфильд, углубился в узкую, мрачную улицу; сделав несколько шагов по этой улице, он вошел в маленькую, невзрачную лавчонку шорника и выбрал два куска замши. В другой лавке он купил несколько больших иглол, полдюжины мотков воценого шелка, пару больших ножниц, две крепкие пряжки и большой наперсток. Сделав все эти закупки, он остановил первый попавшийся кэб и вернулся в свой отель.

Он отобедал в общей зале, выпил бутылку бургонского и приказал отнести к себе в номер чашку самого крепкого чая. Вернувшись очень рано в свой номер, банкир запер наружную дверь в коридор, выпил свой чай, освежился, помыв голову холодной водой, и сел за письменный стол у самого камина, который топился у него всю ночь.

Но он не принялся за писание, а, отодвинув бумаги и чернильницу, вынул из кармана вещи, купленные им в тот день. Растянув на столе во всю длину обе замшевые шкурки, он разрезал каждую на две большие полосы шириной около фута. Смерив себе талию, он принялся сшивать полосы вдоль с обеих сторон, потом прошел один из концов наглухо, так что у него вышел пояс с потайными кармашками внутри. Работа эта была нелегкая, и банкир провозился с ней долго, почти до двенадцати часов.

Покончив это дело, он вынул из кармана пять маленьких полотняных мешочков; каждый из этих мешочков был полон бриллиантов.

Он задрожал от удовольствия, погрузив руку в эти мешочки, и с восторгом стал пересыпать из руки в руку блестящие камешки, сверкавшие всеми цветами радуги. Насладившись этим зрелищем, он высыпал несколько бриллиантов в свой замшевый пояс и прошел его, потом высыпал еще несколько, и снова прошел, и так до тех пор, пока все бриллианты не перешли из и мешочков в пояс. Это заняло также очень много времени, так что он закончил свою работу около четырех часов. Оставшиеся лоскутки замши он бросил в огонь и, когда они сгорели, пошел спать, положив под подушку драгоценный пояс.

На другой день Генри Дунбар вернулся в Модслей со скорым поездом. Замшевый пояс был у него надет между рубашкой и фуфайкой, так что он мог всегда уберечь его от всякого неожиданного нападения.

Приехав домой, банкир написал одному из модных ювелиров Вест-Энда, прося прислать в Модслей-Аббэ искусного художника с новейшими рисунками ювелирных украшений. Но когда явился художник, то мистер Дунбар забраковал все рисунки, и он должен был вернуться в Лондон, не только не получив заказа, но даже не увидев самих бриллиантов.

— Передайте хозяину, что я задержу два или три рисунка, — сказал мистер Дунбар, откладывая рисунки, — и если они окажутся подходящими, то напишу ему. Если же нет, то поеду в Париж и закажу там.

Ювелир попытался сказать, что парижская работа уступает английской, но мистер Дунбар даже не обратил внимания на слова молодого человека.

— Я напишу вашему хозяину, — повторил он. — А теперь прощайте.

Майор Вернон, вернувшись из Лондона, поселился снова в «Розе и Короне». Вскоре все нужные формальности были исполнены, и он вступил во владение Вудбин-Коттеджем. Он оставил в доме старых слуг, которые жили при прежнем владельце; их было двое — старушка-экономка и молодой ее племянник, исполнявший в доме все службы.

Из нового своего жилища майор Вернон мог отлично следить за всем, что делалось в соседних Модслей-Аббэ и Джослин-Роке. Сельские жители страшные сплетники и всегда знают все о своих соседях; к тому же миссис Мандерс — так звали экономку — имела постоянные сношения с Аббэ и Роком: в первом служила ее племянница, во втором — внук. Конечно, ничто не могло принести большего удовольствия майору, как это счастливое обстоятельство, и потому он оказывал ей всякого рода любезности и вскоре снискал ее полное расположение. От нее-то он и узнал о приезде в Модслей агента лондонского ювелира с портфелем различных рисунков.

— Говорят, — продолжала миссис Мандерс, — что мистер Дунбар купил бриллиантов на полмиллиона и хочет сделать из них своей дочери такое ожерелье, какого и королева никогда не видывала. Но должно быть, он ужасно капризен и требователен, потому что агент ювелира, уходя, сказал миссис Грумблтон: «Вашему хозяину ничем не угодишь». Из этих слов миссис Грумблтон поняла, что, вероятно, он не получил никакого заказа от мистера Дунбара.

Майор Вернон только присвистнул, услышав эту новость; но, когда экономка вышла из комнаты, он зажег сигару и промолвил сквозь зубы:

— Ты, брат, умница, что и говорить, голова; но поверь, старина, меня не надуешь этими бриллиантами. Нечего сказать, важно придумано, и я тебе, любезнейший, желаю полного успеха, только прежде заплати мне.

На следующий после этого разговора день было воскресенье; погода стояла холодная, зимняя; снег покрывал землю толстым слоем и висел прихотливыми узорами на обнаженных деревьях. Когда загудели колокола к обедне, майор Вернон вышел из своего хорошенького садика на большую дорогу. Но он пошел не в церковь, а в противоположную сторону, к модслейскому парку. Он вошел в него через низенькие железные ворота и повернул на ту самую тропинку, по которой сэр Филипп Джослин ездил всегда в Лисфорд.

Идя по чьим-то следам, ясно видневшимся на рыхлом снегу, майор вскоре достиг Аббэ,

ибо это была самая короткая дорога. В доме банкира царило безмолвие, и слуга, отворивший дверь, казалось, сомневался, пустить ли его далее.

— Мистер Дунбар встал, — сказал он, — и, кажется, уже закончил завтрак, хотя прибор еще не убран.

— Тем лучше, — ответил сухо майор. — Принесите мне, Джон, чашку кофе, и я скажу вам большое спасибо, если прикажете повару пожарить крыло индейки; да смотрите, чтоб он положил побольше перца и выжал лимон. Не беспокойтесь. Я сам знаю дорогу.

И без дальнейших церемоний майор вошел в роскошную столовую, где застал банкира за завтраком. Перед ним стоял серебряный сервиз, фарфоровая чашка и два или три накрытых блюда.

Холодное мясо, пироги и еще несколько других кушаний стояли в стороне, на буфете.

Майор остановился на пороге и пристально глядел на своего старого друга.

— Вот так хорошо! — воскликнул он наконец. — Уж скажу, что хорошо, ай-да старина!

Старина не очень обрадовался гостью и, медленно подняв голову, произнес:

— Я думал, что вы в Лондоне.

— Это доказывает только, как мало вы заботитесь о своих соседях, — ответил майор. — Потому что если бы вы удостоили осведомиться о том, что делает ваш скромный друг, то узнали бы, что он купил маленькое поместье по соседству и намерен играть роль джентльмена-землевладельца до конца дней своих, то есть, само собой разумеется, если щедрость его почтенного друга доставит ему на то средства.

— Вы хотите сказать, что купили поместье в нашем соседстве?

— Да. Мне теперь принадлежит Вудбин-Коттедж, близ Лисфорда и Шорнклифа.

— И вы намерены навсегда поселиться в Варвикшире?

— Да.

— Милости просим, — улыбнулся Дунбар, — насколько это меня касается.

Майор подозрительно взглянул на него.

— Вы — олицетворенная щедрость, любезный друг, — сказал он. — Но я должен напомнить вам, что мне очень дорого стоило обзавестись новым хозяйством или, говоря попросту, та малая толика, которую вы мне дали в виде начала будущих щедрот, совершенно исчезла, как снег в оттепель. Мне нужна еще малая толика, друг моей юности и благодетель старости. Что значит одной тысячей более или менее старшему товарищу богатой фирмы «Дунбар, Дунбар и Балдерби»? Удвойте куш на этот раз, и ваш покорный слуга будет вечно молить Бога за вас. Удвойте куш, владыка Модслея!

Разговор старых знакомых продолжался долго, ибо майор любил поговорить и молчал, только когда знал, что слушатели не могли его оценить. Он оставался в Модслее, пока не достиг цели своего посещения, и, действительно, уходя, он сунул в карман чек банкира на две с половиной тысячи фунтов.

«А я попал как раз вовремя, — думал майор по дороге домой. — Клянусь Богом, мой друг намерен улизнуть. Он улизнет, я в этом уверен, и я в последний раз сорвал с него денежки». Не успел еще майор выйти из Модслея, как Генри Дунбар позвал слугу, который носил громкое звание камердинера банкира, хотя тот очень редко прибегал к его услугам.

— Я нынче вечером выезжаю в Париж, Джефриз, — сказал банкир. — Я хочу переговорить с парижскими ювелирами, прежде чем отдать мои бриллианты лондонским мастерам; к тому же я нездоров и перемена воздуха мне будет очень полезна. Уложите все, что нужно, в маленький чемодан, но, пожалуйста, не кладите ничего лишнего.

— Прикажете мне ехать с вами, сэр? — спросил слуга.

Дунбар посмотрел на часы и задумался.

— В какие часы ходят поезда в воскресенье? — спросил он.

— Скорый поезд останавливается в Ругби в шесть часов, — ответил слуга, — и вы поспеете туда, если отправитесь из Шорнклифа с поездом, отходящим в четыре часа тридцать пять минут.

— Конечно, успею, сейчас еще только три часа. Уложите поскорее вещи, Джеффриз, и велите, чтобы карета была готова к четырем без четверти. Нет, я не возьму вас с собой. Вы отправитесь в Париж дня через два после меня и привезете мне те вещи, которые не войдут в мой маленький чемодан.

— Слушаю, сэр.

В таком отлично устроенном доме, как дом Дунбара, не знают, что значат суэта и хлопоты. Камердинер уложил чемодан и несессер банкира, и в назначенное время карета была у подъезда. В четыре часа без десяти минут Генри Дунбар сошел в холл. Он был в большом теплом пальто, застегнутом до самого верха, и в руках держал плед из леопардовой шкуры. Под платьем вокруг его талии обвивался замшевый пояс, который он сшил собственными руками в Кларендонском отеле. Этот пояс он никогда не снимал с той ночи, когда он был сделан.

Приехав на шорнклифскую станцию, Дунбар вышел на платформу. Хотя было только пять часов, но солнце давно уже село и на станции было совершенно темно. Кое-где мерцали фонари, но это были только светлые пятна на мрачном фоне.

Генри Дунбар ходил взад и вперед по платформе и был погружен в такую глубокую думу, что вздрогнул, когда кто-то окликнул его сзади:

— Мистер Дунбар! Мистер Дунбар!

Банкир поспешно обернулся и узнал Артура Ловеля.

— А, любезный Ловель, Вы меня испугали.

— Вы едете с этим поездом? — спросил Ловель. — Извините, что я вас остановил, но мне очень нужно.

— Зачем?

— Тут есть кто-то, который желает вас видеть; он говорит, что вы с ним старые друзья. Как бы вы думали, кто это?

— Право, не знаю. У меня столько старых друзей; но я не могу никого видеть. Я очень болен и лондонские доктора объявили, что я страдаю сердцем и должен более всего на свете избегать сильных и неожиданных ощущений. Кто же это желает меня видеть?

— Лорд Герристон, знаменитый англо-индийский администратор. Он — друг моего отца и был очень добр ко мне; даже предложил мне место в Индии, которого я, однако, не принял. Он много говорил о вас моему отцу, узнав, что вы поселились в Модслее, и непременно бы заехал к вам, если б не боялся опоздать к поезду. Вы ведь не откажете ему?

— Где он?

— Здесь, на станции, в зале. Он ездил в Варвикшир, по дороге завтракал у моего отца и теперь отправляется в Дерби. Не угодно ли, я проведу вас.

— Я очень рад, но...

Генри Дунбар вдруг остановился, схватившись за бок. В ту же минуту раздался звонок, и поезд подошел к платформе.

— Я не могу видеть лорда Герристона, — быстро сказал Генри Дунбар. — Я должен непременно ехать с этим поездом, иначе я потеряю целый день. Прощайте, Ловель. Кланяйтесь Герристону и передайте ему, что я очень болен. Прощайте.

— Ваши вещи в вагоне, сэр, — крикнул камердинер Дунбара, указывая рукой на открытую дверь одного из вагонов первого класса.

Мистер Дунбар поспешил в вагон. В ту самую минуту на платформу вышел старик очень почтенной наружности.

— Это мой поезд, Ловель? — спросил он.

— Нет, милорд, — ответил тот, — это поезд мистера Дунбара. Вы еще успеете поговорить с ним.

Поезд уже тронулся, но лорд Герристон, несмотря на свою старость, побежал по платформе, заглядывая во все окна. Однако глаза старика были не так хороши, как его ноги; он видел только смутную массу лиц, едва освещенных мерцающим светом фонарей.

— Нет, мои глаза уже не те, — весело сказал он, возвратившись к Ловелю. — Как я ни

старался, но не мог различить во всей этой толпе моего старого друга Генри Дунбара.

V Остановка

Мистер Дунбар закрыл глаза, но он не спал, а думал и время от времени устремлял свой взгляд в окно, в темноту ночи. Он мог только смутно разобрать туманные очертания пейзажа, менявшегося каждую минуту: то мелькали широкие поля, покрытые белой пеленой снега, нетронутой человеческими следами, то грозно выделялись черной массой на белом фоне высокие ели.

Поезд останавливался на каждой станции, и, хотя все путешествие от Шорнклифа до Ругби должно было продолжаться не более часа, это время казалось вечностью нетерпеливому Дунбару, жаждавшему поскорее очутиться на палубе одного из ламаншских пароходов, поскорее выйти в море и увидеть вдаль мерцающие маяки Кале.

Банкир посмотрел на часы и сделал следующий расчет: теперь четверть шестого. Поезд должен прибыть в Ругби в шесть без десяти минут; в шесть часов отходит лондонский поезд и приходит в столицу в три четверти восьмого. В половине девятого отъезжает дуврский мальпост, а на другое утро, часов в семь, Генри Дунбар будет уже гулять по улицам Парижа.

Ну а потом? Должно ли его путешествие окончиться в Париже или он поедет дальше? Ответ на этот нескромный вопрос гнезвился в глубине души Генри Дунбара. Он в самые веселые минуты не отличался откровенностью, а теперь казался человеком, которого одолевает твердая решимость достигнуть своей цели, каких бы жертв это ему ни стоило. Он не слышал названий станций, которые выкрикивали кондукторы, до него долетали только неясные крики, безжалостно будившие заспавшихся пассажиров. Дунбар сердился, что не мог расслышать названия станций, сердился на остановки, словно на всякой станции стояли по целому часу. Он не выпускал из рук своих часов, и ему все казалось, что поезд идет слишком медленно. А если они достигнут Ругби, когда лондонский поезд уже уйдет?

Он спросил у соседа, всегда ли поезда ходят аккуратно, минута в минуту.

— Да, — ответил тот, — кажется, всегда аккуратно. Впрочем, я не знаю, как теперь, во время снега. В последнее время было много несчастий.

— От глубокого снега?

— Да. Мне так говорили, — подтвердил сосед.

Минут через десять после этого разговора и за четверть часа до приезда в Ругби вагоны начали очень сильно раскачиваться из стороны в сторону. Один из пассажиров, маленький, худенький старичок побледнел и с испугом посмотрел на своих соседей, но молодой человек, говоривший с Дунбаром, и пожилой господин с лысиной, сидевший против него, продолжали читать газеты так же хладнокровно. Мистер Дунбар не сводил глаз с часов, так что испуганный старик не нашел ни в ком сочувствия.

Бедный человек посидел несколько минут спокойно, но потом не выдержал и открыл окно. Холодный ветер дунул прямо в вагон, лысый господин набросился на старика и гневно спросил его, хочет ли он, чтобы у всех случилось воспаление легких, и не для этого ли он открыл окно в два градуса мороза. Но старик едва ли слышал это замечание; он высунулся в окно и с беспокойством смотрел в направлении к Ругби.

— Я боюсь... что-то неладно, — сказал он, оборачиваясь к пассажирам, бледный как смерть. — Я, право, боюсь, чтобы не случилось несчастья. Мы опоздали на восемь минут, и вон уже поднят сигнал, означающий опасность, а рельсы совсем занесены снегом. Я боюсь...

Он снова высунул голову и через секунду заревел страшным голосом:

— Что-то едет на нас! Едет! Машина...

Несчастный не кончил своей фразы. Раздался потрясающий, грозный, страшный шум, треск ужаснее раската грома, ужаснее удара ядра в деревянную стенку корабля.

За этим роковым треском раздался человеческий вопль, еще ужаснее, еще страшнее. Над всем царила смерть, мрак, смятение. Черные массы дерева и железа валялись в

неописанном беспорядке на окровавленном снегу; раздавались стоны умирающих, придавленных обломками вагонов; вопли матерей, из объятий которых неумолимая смерть вырвала их птенцов; крики детей, прижимавшихся к трупам матерей; жены звали мужей, которых уже не было более в живых, мужья стонали по погибшим женам. И посреди всего этого несколько храбрецов, раненых и бледных, перебежали от одних несчастных к другим, стараясь помочь.

Северный поезд столкнулся с шорнклифским, который вышел на общую линию девятью минутами позже назначенного времени.

Мало-помалу все пострадавшие были перенесены на чистое место стараниями нескольких храбрых людей, спокойно и бесстрашно исполнявших свой долг. Главное дело теперь было очистить рельсы от груды развалин, и вскоре стук лопат и заступов покрыл стоны и вопли тех несчастных, которые пострадали менее других и не лишились сознания от боли.

Шорнклифский поезд был совершенно разбит, северный же пострадал гораздо меньше, но машинист его был убит и несколько пассажиров тяжело ранены.

Генри Дунбар находился в числе тех, которых вытащили бесчувственными из-под обломков шорнклифского поезда. Одна нога у него была сломана, и он получил страшный удар в голову, который поверг его в беспамятство. Но были раненые гораздо серьезнее банкира, и доктор, осмотревший несчастных, объявил, что мистер Дунбар сможет совершенно оправиться при хорошем уходе через два или три месяца. Перелом ноги был обыкновенный, и если хорошо вправить ее, то не останется никаких следов.

Наконец, всех раненых перенесли на станцию Ругби и отдали на попечение шести докторам. Один из них тотчас занялся банкиром. В кармане Генри Дунбара нашли его визитные карточки, и по всей станции разнеслась весть, что бледный пожилой господин с седыми усами, лежащий в беспамятстве на диване, был не кто иной, как знаменитый банкир с улицы Св. Гундольфа и владелец Модслей-Аббэ. Доктор благословлял небо, пославшее ему такого выгодного пациента. Он тотчас распорядился, чтобы банкира осторожно перенесли в ближайший отель, послал за своим помощником, и через четверть часа миллионер был приведен в чувство.

Генри Дунбар открыл глаза, окинул удивленным взглядом незнакомую комнату и спросил, где он. Он не помнил о случившемся и совершенно забыл обо всем, что произошло со времени его отъезда из Модслей-Аббэ до минуты рокового столкновения.

Мало-помалу к нему возвращалась память. Он стал припоминать, что хотел уехать из Модслей-Аббэ за границу. Но действительно ли он осуществил это намерение? Да, он, должно быть, выехал из Аббэ, но что же тогда случилось? Он задал доктору этот вопрос и просил его объяснить, по какой причине, он, Генри Дунбар, очутился в этой странной, незнакомой ему комнате.

Мистер Дафней, ругбийский доктор, рассказал своему пациенту о случившемся, но так непринужденно, что, слушая его, всякий бы подумал, что столкновение двух поездов было очень приятным и веселым событием.

— Но мы в отличном положении, сэр, — прибавил он, — нельзя лучшего желать. Когда же нам исправят ногу и дадут успокоительных капель, то мы отлично заснем. Я вас уверяю. Я никогда не видывал чище и лучше перелома.

Между тем мистер Дунбар поднялся, и, несмотря на увещевания доктора, сел на диван, с беспокойством поглядывая по сторонам.

— Вы говорите, я в Ругби, — сказал он мрачно.

— Да, в Ругби, — ответил доктор, улыбаясь и потирая руки, точно хотел сказать: «ну не счастье ли это?» — Да, в Королевском отеле, в Ругби, и я уверен, что содержатель...

— Я должен уехать сегодня же, — перебил банкир доктора.

— Сегодня, сэр! — воскликнул мистер Дафней. — Невозможно, совершенно невозможно. Это было бы смертоубийством и с вашей стороны, и с моей, если бы вы решились на такую глупость и я бы вам позволил ее исполнить. Я должен объявить, к

сожалению, что вы наш пленник, по крайней мере на месяц, но поверьте, что мы постараемся сделать ваше пребывание здесь как можно приятнее.

Доктор не смог не улыбнуться при этом, но, увидев мрачное выражение на лице своего пациента, немного поумерил свою веселость.

— Первое дело, сэр, надо выпрямить эту бедную ногу, — продолжал он, — мы положим ее в лубки, но я не стану утруждать вас техническими подробностями, а скажу только, что мы не можем исправить нашу ногу сейчас, ибо надо прежде уменьшить опухоль. Всю ночь надо будет прикладывать компрессы. Я уже распорядился насчет сиделки, а помощник мой останется здесь, чтобы наблюдать за ней.

Банкир застонал.

— Я хочу ехать в Лондон! — промолвил он. — Я должен ехать в Лондон!

Вскоре доктор вместе со своим помощником осторожно раздел банкира и уложил его в постель. Они сняли с него пальто, сюртук, а штаны пришлось разрезать, так как нога его ужасно распухла. Рубашку они не снимали, точно так же как находившуюся под нею, красную шерстяную фуфайку и замшевый пояс, надетый между рубашкой и фуфайкой.

— Я всегда ношу этот пояс, — сказал мистер Дунбар, — и прошу его оставить на мне.

Тут он совершенно ослабел и впал в беспамятство. Придя в себя через некоторое время, он подозрительно взглянул на докторов, и схватился за пряжку своего пояса, как бы желая убедиться, не прикасался ли кто к поясу во время его обморока.

В течение всей этой длинной, мучительной, беспокойной ночи он ни разу не закрыл глаз и все думал о несчастной остановке его путешествия.

— Вот тебе и на, — бормотал он про себя, — многих вещей я боялся, но об этом никогда и не помышлял.

На другой день его ногу вправили, и вечером он имел длинный разговор с доктором. На этот раз Генри Дунбар не настаивал уже на своем желании продолжать путешествие, а распространялся только о неудобстве лежать больным в чужом доме.

— Я хочу как можно скорее вернуться в Модслей, — сказал он. — Если бы вы перевезли меня туда, мистер Дафней и остались при мне, пока я совершенно не оправлюсь, я бы с большой радостью вознаградил вас за все убытки, которые вы понесли, оставив на время свою практику.

Это предложение было очень ловкое, дипломатичное. Мистер Дунбар знал, что доктор не захочет выпустить из рук такого выгодного пациента, и полагал, что он не откажется отвезти его с триумфом в Модслей-Аббэ, к полному удовольствию всей публики, за исключением одних соперников докторов.

Банкир не ошибся в своих расчетах. К концу недели он успел уговорить доктора согласиться на его просьбу, и ровно через две недели после несчастного случая Генри Дунбар выехал из Ругби в особо устроенном для него вагоне, в котором поставили кровать. Из Шорнклифа до Модслея его перевезли в той же кровати, поставленной в карету. Наконец доктор и камердинер Дунбара, Джефриз, выехавший к нему в Ругби при первом известии о его несчастье, внесли банкира в его любимую комнату.

Тут ему суждено было лежать в течение долгих дней и ночей, в тревожном ожидании, пока нога совершенно срастется и он сможет уехать куда вздумается. Он был не очень терпеливый больной; самую боль он еще порядочно сносил, но постоянно сердился, что его задерживают так долго, и каждое утро задавал доктору один и тот же вопрос:

— Скоро ли я буду достаточно силен, чтобы ходить?

VI

Клемент Остин жертвует собой

Маргарита Вильмот обещала выйти замуж за человека, которого она любила; но она дала это обещание после долгого колебания и с условием, что их свадьба будет сыграна не раньше чем откроется тайна убийства ее отца.

— Я не могу быть вашей женой, пока эта страшная тайна не будет объяснена, — сказала она Клементу. — Мне и теперь кажется, что я не исполнила своего святого долга. Кто на свете любил моего отца, кроме меня? Кто помнит о нем? Кто должен отомстить за его смерть? Он был отверженцем общества, и кому какое дело, что на большой дороге убили какого-то каторжного. Если б убили Генри Дунбара, то, конечно, полиция не знала бы покоя, пока не нашла его убийцу. Но кому какое дело до Джозефа Вильмота? Его смерть прошла бесследно для всех, кроме его дочери. Я одна любила несчастного моего отца, я одна его помню, я одна должна отомстить за него.

Клемент Остин не забыл своего обещания сделать все, что только от него зависит, для уличения банкира в убийстве его старого слуги. Он был уверен, что Генри Дунбар совершил это преступление; он был уверен в этом с той самой минуты, когда миллионер улизнул тайком из конторы на улице Св. Гундольфа, словно вор, пойманный на месте преступления.

Генри Дунбар мог очень естественно избегать дочери Джозефа Вильмота из простого чувства отвращения к несчастной истории, омрачившей было на минуту его честное имя; но как было объяснить тот странный факт, что для избежания свидания с дочерью Джозефа Вильмота он прибегнул к низкой хитрости? Одно только могло объяснить этот непостижимый факт — преступность Генри Дунбара. Он был убийцей Джозефа Вильмота, и потому страшился встретиться лицом к лицу с его дочерью.

Чем больше обдумывал Клемент Остин этот роковой вопрос, тем яснее для него становилась преступность Генри Дунбара. Он был бы очень рад думать иначе, был бы очень рад, если б мог сказать Маргарите, что смерть ее отца принадлежала к тем тайнам, которые никогда не будут узнаны на земле; но он не мог этого сделать. Он должен был преклониться перед роковой необходимостью, принять деятельное участие в этой грустной драме и играть роль мстителя. Но кассир в банкирской конторе имеет слишком мало времени, чтобы играть какую-нибудь роль, кроме своей собственной скромной роли, состоящей в отпирании и запирании сундуков, записывании и переписывании счетов.

Жизнь Клемента Остина была трудовая, деятельная, и он не имел времени становиться сыщиком, пока находился на службе в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби». Но мог ли он далее оставаться в этой конторе? Вопрос этот не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Мог ли он оставаться на службе фирмы, главу которой считал преступником и убийцей?

Нет, это было невозможно в теперешнем его положении. Пока он получал жалованье от конторы «Дунбар, Дунбар и Балдерби», он чувствовал себя некоторым образом обязанным Генри Дунбару. Он не мог служить человеку и вместе с тем стараться обличить его в самом ужасном из преступлений. Нет, это невозможно. Клемент Остин, прежде чем стать сыщиком, должен был покинуть контору на улице Св. Гундольфа. Таким образом, не прошло и недели после посещения банка Генри Дунбаром, как он заявил формально мистеру Балдерби о намерении покинуть контору. Если б молния ударила в его письменный стол, то мистер Балдерби не был бы так удивлен, как этой просьбой об отставке.

Много было причин молодому человеку оставаться в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби». Его отец служил тридцать лет в этой конторе, был любимцем стариков Дунбаров и даже умер у них на службе. Клемент еще мальчиком был определен на место отца и пользовался всегда особым вниманием Персиваля. Кроме того, он имел надежду, и очень основательную, сделаться вскоре младшим товарищем фирмы, что, конечно, было бы первым шагом на пути к богатству.

Мистер Балдерби долго сидел, молча устремив глаза на прошение, которое ему подал Остин.

— Что вы хотите этим сказать, Клемент? — воскликнул он наконец.

— То, что написано в бумаге, сэр. Обстоятельства, совершенно от меня независимые, заставляют меня покинуть контору.

— Вы у нас с кем-нибудь поссорились? Или вам что-то здесь не по нутру?

— Нет, мистер Балдерби, мне здесь очень хорошо.

Балдерби откинулся на спинку своего кресла и устремил на кассира пронизательной

взгляд, словно стараясь подметить в его лице признаки сумасшествия.

— Вам здесь хорошо, — сказал он, — и все же... О! Я понимаю. Вы нашли более выгодное место, и потому бросаете нас из личных выгод, хотя я, право, не знаю, где вы найдете место лучше нашего, — прибавил он задумчиво.

— Вы оскорбляете меня, сэра, думая, что я оставляю вас из личных выгод, — ответил спокойно Клемент. — Я не нашел себе другого места и даже ничего не имею в виду.

— Как? — воскликнул Балдерби. — Вы не имеете ничего в виду и бросаете место, которому позавидовали бы сотни людей! Я не большой охотник до загадок, мистер Остин, и потому не будете ли вы так добры объяснить мне откровенно, зачем вы бросаете нашу контору?

— К моему большому сожалению, я не могу этого сделать, — ответил молодой человек, — но, поверьте, причина, заставляющая меня оставить эту контору, которую я считаю своим вторым домом, причина немаловажная. Я долго обдумывал этот шаг, прежде чем на него решиться, и вполне сознаю, чем жертвую в этом случае. Но причина моей отставки должна оставаться тайной, по крайней мере, в настоящую минуту. Если когда-нибудь настанет день, в который я буду в состоянии открыть вам эту причину, то я уверен, вы протянете мне руку и скажете: «Клемент, вы исполнили свой долг».

— Клемент, — сказал мистер Балдерби, — вы отличный мальчик, но у вас в голове засела какая-то глупая фантазия, иначе вы никогда бы не написали этого прошения. Уж не женитесь ли вы? Уж не это ли причина вашей отставки? Не подцепили ли вы какой-нибудь богатой наследницы и намерены прозябать в золотой неволе?

— Нет, сэра. Я, действительно, надеюсь жениться, но на бедной девушке, и потому мне необходимо всю жизнь работать и трудиться.

— В таком случае, мой милый друг, это самая непонятная загадка, — ответил мистер Балдерби. — А я уже заметил, что не умею их отгадывать. Знаете, что я вам посоветую; ступайте домой, выпитесь хорошенько и завтра утром велите мне бросить это прошение в огонь — это самое умное, что вы можете сделать. Доброй ночи.

Но, несмотря на все увещевания мистера Балдерби, Остин не изменил своего решения. По правилам конторы никто из служащих в ней не мог покинуть ее раньше чем через месяц после подачи прошения об отставке. Таким образом, Остин работал как вол с утра и до ночи, переписывая счета, подводя итоги и вообще приводя в порядок все дела в кассе. Он сказал Маргарите о своем намерении, но не объяснил ей, как велика жертва, которую он приносил ради своей любви к ней. Она одна знала настоящую причину его поступка, ибо своей матери Клемент сказал немного больше, чем мистеру Балдерби.

— Я скажу вам причины, побудившие меня оставить контору, когда-нибудь после, а теперь, право, не могу, — сказал он. — Умоляю вас, не беспокойтесь и верьте, что все к лучшему.

— Я верю, мой милый, — ответила его мать. — Когда же было видано, чтобы ты ошибался или делал что-нибудь глупое?

Добрая старушка боготворила своего единственного сына и так слепо верила в него, что, если бы он вдруг выгнал ее на улицу и заставил просить милостыню, и тогда она не сомневалась бы, что под этим низким поступком скрывалась какая-нибудь добрая, разумная цель. Потому она не выразила ни малейшего сопротивления намерению сына покинуть контору «Дунбар, Дунбар и Балдерби».

— Мы, вероятно, будем беднее, Клем, — сказала миссис Остин, — но что за важность — твой покойный отец оставил мне довольно для того, чтобы прокормить себя и сына. Главное же, ты теперь будешь больше бывать дома, а это — самое большое счастье для меня.

Но Клемент объяснил, что он будет занят большим делом, которое займет много времени и заставит его съездить вскоре в Шорнклиф.

— Это городок, в котором ты учился, Клем?

— Да, мама.

— И там по соседству имение мистера Персиваля, а теперь Генри Дунбара?

— Да, мама, — ответил Клемент. — Дело, которое я взял на себя, очень трудное, и мне нужна помощь стряпчего. Мой старый товарищ Артур Ловель, отличный малый, занимает место стряпчего в Шорнклифе вместе со своим отцом, который имеет большой вес во всем графстве. Я поеду в Шорнклиф, чтобы посоветоваться с ним, и если бы вы для развлечения поехали со мной и взяли еще Маргариту, то мы весело провели бы время в милом старом трактире «Олень», в котором вы, бывало, кормили меня такими вкусными обедами.

Миссис Остин сладко улыбнулась при этом воспоминании о дорогом для нее детстве Клемента. Матери, которые имеют одного только ребенка, никогда ему ни в чем не отказывают, и миссис Остин охотно согласилась бы ехать с Клементом всюду, куда бы он ни предложил, хотя бы на Луну. Она, однако, невольно вздрогнула, переведя взгляд от уютного камелька к серым, снеговым тучам, покрывавшим небо.

— Начало января, конечно, не очень приятное время для путешествия, — сказала она, — но мне без тебя было бы здесь слишком скучно, а Маргарите, конечно, полезно подышать свежим воздухом. Ты видишь, я должна согласиться. Но будь умным мальчиком и скажи мне, какое это ты затеваешь дело.

К несчастью, умный мальчик был обязан сказать матери, что это дело точно так же, как причина его отставки, должно остаться тайной, по крайней мере, на некоторое время.

— Потерпите, милая мама, — сказал он, — и вы все узнаете. Поверьте, что это вовсе невеселое дело, — прибавил он со вздохом.

— Надеюсь, оно не принесет тебе никакой неприятности? — спросила миссис Остин.

— Это дело не может быть приятно никому, кого оно касается, — ответил задумчиво молодой человек. — Это вообще очень горестное, несчастное дело, но я лично в нем не замешан. А когда все кончится, то вы скажете, что я исполнил свой долг. Не удивляйтесь так, милая мама, — прибавил Клемент. — Это должно остаться тайной на время. Подождите, и верьте мне.

— С радостью, милый мальчик, — ответила миссис Остин. — Я верю тебе от всей души, ибо знаю, какой ты добрый, хороший человек. Но я не люблю тайн, Клем. Я их боюсь.

Больше ничего не было сказано на эту тему и было решено, что миссис Остин и Маргарита приготовятся к отъезду к началу будущей недели, когда Клемент окончательно передаст свое место новому кассиру.

Маргарита нетерпеливо ждала этого времени, потому что тогда Клемент полностью посвятит себя роковой тайне.

— Вы поедете в Шорнклиф с моей матерью, — сказал Клемент Маргарите через несколько часов после разговора с миссис Остин. — Вы поедете как бы для развлечения; а очутившись там, мы уже устроим свидание с мистером Дунбаром. Он — пленник в Модслей-Аббэ со времени несчастного случая на железной дороге; но, по словам Балдерби, он не так болен, чтобы никого не принимать, потому я уверен, что мы сумеем устроить вам свидание с ним. Вы все еще держитесь своего старого плана? Вы все еще желаете видеть мистера Дунбара?

— Да, — ответила задумчиво Маргарита, — я хочу его видеть. Я хочу взглянуть прямо в лицо человеку, которого считаю убийцей своего отца. Я не знаю почему, но мысль эта не покидает меня с той самой минуты, как я услышала о смерти отца. Быть может, как вы говорите, было бы умнее терпеливо ждать и зорко следить за всеми действиями этого человека, не возбуждая его подозрений. Но я не могу быть умна, я не могу ждать. Я хочу его видеть. Я хочу посмотреть, взглянет ли он мне прямо в глаза.

— Да, вы увидите его. Часто инстинкт женщины гораздо более значит, чем вся мудрость мужчин. Вы увидите Генри Дунбара. Я знаю, мой старый товарищ Артур Ловель поможет мне от всей души. Я снова был в Скотланд-Ярде и рассказал полицейским сыщикам все, что случилось в конторе на улице Св. Гундольфа; но они только пожали плечами и объявили, что это, конечно, очень странно, но все же не является доказательством преступности банкира. Если кто-нибудь может нам помочь, то это, без сомнения, Артур Ловель, ибо он присутствовал при следствии и допросе свидетелей в Винчестере.

Если бы Маргарита и Клемент предприняли поездку в Варвикшир не с такой мрачной целью, то она доставила бы им, конечно, много удовольствия. И теперь, однако, для Маргариты путешествие в мягком вагоне первого класса, в обществе любимого человека имело прелесть новизны. До сих пор, когда ей случалось путешествовать, она ездила в вагонах третьего класса, в обществе грубых, а часто и пьяных людей.

Ее жизнь вообще была трудная, мрачная; неизгладимое пятно позора всегда тяготело над ней, и для нее было новостью спокойно смотреть на зеленые луга, роскошные нивы и отдаленные леса, освещаемые неясным светом зимнего солнца. Для нее было новостью чувствовать себя любимой людьми, которых никогда не тревожили воспоминания о прошлой, позорной, преступной жизни. Для нее было новостью слышать слова христианской любви и дышать одним воздухом с богобоязненными, добродетельными людьми.

Но там, где солнце светит, обыкновенно бывает и тень. Облаком, омрачавшим жизнь Маргариты, было то страшное дело, которое она должна была исполнить, прежде чем выйти замуж за любимого человека и быть счастливой.

Лондонский поезд пришел в Шорнклиф довольно рано, и Клемент Остин, наняв большую старомодную коляску, повез свою мать и Маргариту прямо в отель «Олень».

Это был удобный, старинный отель. Вы входили в него через большую, крытую галерею, в которую когда-то с шумом въезжали и выезжали почтовые кареты. Дом был большой, вместительный, с длинными коридорами и широкими лестницами. Комнаты были большие, высокие, с окнами до того блестящими и чисто вымытыми, что они невольно производили неприятное впечатление в зимний январский день: от них как бы несло холодом, и казалось, что будь они немного погрязнее, то в комнате было бы теплее, уютнее. Конечно, если был какой-нибудь недостаток в этом отеле, то именно чрезмерная чистота. Все блестело и светилось — от пестрого ситца, покрывавшего мебель, до медных щипцов и совка у камина. В спальнях постельное белье напоминало мыло, а медная посуда, которой в отеле было огромное количество, возбуждала запах кислоты.

Кухня «Олея», по словам хозяина, была в самом блестящем положении, и не было того кушанья, которого бы не подали через пять минут после заказа, однако на деле оказывалось, что чего бы вы ни заказывали, вам подавали всегда один и тот же обед, состоявший из жареного цыпленка, куска вареной свинины, бараньих котлет и пудинга. Бывали иногда дни, когда на столе появлялась и рыба, но путешественники очень редко попадали на такие дни.

Остин провел мать и Маргариту в особую комнату с большим камином, в котором хозяин тщетно старался развести огонь, как бы не замечая, что решетка была совершенно мокрая. Клемент вступил с ним в переговоры насчет обеда и, конечно, кончилось тем, что сошлись на классическом цыпленке, бараньих котлетах и т. д.

— У меня теперь не такой хороший аппетит, как пятнадцать лет тому назад, — сказал Остин хозяину, — тогда мне ваши котлеты казались божественной едой, а эта милая комната земным раем. Помните, мистер Гильвуд, как меня здесь откармливала моя добрая мать, которая, право, нисколько не постарела за эти пятнадцать лет. Посмотрите на нее.

Через несколько минут Клемент прибавил:

— А знаете вы мистера Артура Ловеля?

— Как же, сэр; это — отличный молодой человек.

— Он, кажется, поселился в Шорнклифе?

— Да, сэр. Говорили было, что он получил казенное место в Индии, но потом об этом совершенно замолчали, и теперь, кажется, мистер Артур намерен стать товарищем своего отца. Он, говорят, отличный адвокат и стряпчий.

— Тем лучше, — ответил Клемент, — потому что я хочу посоветоваться с ним об одном судебном деле. Прощайте, мама; поберегите Маргариту и расположитесь здесь, как дома. Я возвращусь через час, и мы тогда немного погуляем перед обедом.

Маргарита проводила его до дверей, и он, выходя, шепнул ей:

— Христос с тобой, моя бедная Мэгги.

Миссис Остин имела когда-то честолюбивые виды насчет женитьбы своего сына, но она охотно от них отказалась, когда увидела, что Клемент хочет во что бы то ни стало жениться на Маргарите Вильмот. Добрая мать принесла эту жертву без всяких сетований и жалоб, ибо она была готова на все ради счастья своего сына. Но в этом случае она нашла сама себе награду: она всей душой полюбила эту бедную, одинокую девушку, и Маргарита стала ей дочерью, не только по имени, но и по чувству любви и благодарности, которое она питала к доброй старушке.

— Какая, однако, я была глупая, — сказала миссис Остин Маргарите, сидя у окна и смотря на улицу. — Я желала, чтобы Клемент женился на богатой девушке; но богатая невестка, конечно, презирала бы свою старую свекровь и совершенно оторвала бы от меня моего сына, сделав меня несчастной на всю жизнь. Вот чего я желала, Мэгги, и что могло случиться, если бы Клем не был умнее своей глупой, старой матери. И вот теперь у меня дочь — самое милое, нежное, веселое создание, хотя сегодня ты не очень весела, Мэгги, — прибавила задумчиво миссис Остин. — Ты сегодня, моя милая, ни разу не улыбнулась, и я уверена, что у тебя есть что-то на сердце.

— Я думала о своем бедном отце, — ответила тихо Маргарита.

— Разумеется, моя милая, я должна была бы сама догадаться. Бедная Мэгги; я знаю, как грустны для тебя эти мысли.

Клемент Остин не был в Шорнклифе уже года три. При жизни Персиваля Дунбара он приезжал иногда в Модслей-Аббэ, потому что старик его очень любил, и, кроме того, он провел четыре года в маленькой школе, которую содержал какой-то пастор в большом каменном доме на лисфордской дороге. Потому Остин знал Шорнклиф как свои пять пальцев, и он напрямик направился к церкви Св. Гвиндолины, подле которой жил мистер Ловель.

Артур был дома и очень обрадовался своему старому школьному товарищу. Он провел его в маленькую уютную комнату, выходящую окнами в сад, которую называл своим рабочим кабинетом. Тут молодые люди просидели больше часа, серьезно обсуждая все обстоятельства, сопровождавшие убийство Джозефа Вильмота и поведение мистера Дунбара после этого рокового происшествия. Во время разговора Клемент ясно увидел, что Артур пришел к одному с ним заключению о преступности Генри Дунбара, хотя молодой адвокат и не хотел сразу в этом признаться.

— Я не могу смириться с этой мыслью, — сказал он. — Я знаю Лору Дунбар, то есть леди Джослин, и страшно подумать, чтобы ее отец мог совершить такое преступление. Что бы почувствовало бедное, невинное создание, если бы отец ее был предан уголовному суду?

— Конечно, это было бы очень тяжело для леди Джослин, — ответил Клемент, — но подобные соображения не должны мешать правосудию. Я полагаю, что высокое положение Генри Дунбара служило для него с самого начала лучшей защитой. Все считали, что миллионер не мог совершить такого преступления, которое казалось бы вполне естественным, если бы он был нищим.

Клемент узнал от Артура, что банкир был все еще в Модслей-Аббэ из-за своей сломанной ноги, которая очень медленно срасталась. Мистер Дунбар непременно хотел ехать за границу, несмотря ни на что, и оставил свое намерение, только когда доктор уверил его, что если он не побережется, то может остаться хромым на всю жизнь.

— Преклонитесь перед необходимостью, — сказал доктор. — Будьте как можно спокойнее, и вы очень скоро совершенно поправитесь. А поспешите — и будете раскаиваться в этом всю жизнь.

Таким образом, Генри Дунбар был вынужден покориться судьбе и лежать день за днем и ночь за ночью на своей роскошной кровати, устремив глаза на огонь в камине или на своего доктора, вечно сидевшего подле него в мягком кресле. Только шелест золы, падающей на железную решетку, и завывания ветра в безлиственных вязах нарушали унылую, однообразную тишину, царившую в доме.

По словам Артура Ловеля, банкиру с каждым днем становилось лучше; его переносили

уже из одной комнаты в другую, но сам он еще не мог ходить, даже с помощью костылей. Он должен был довольствоваться тем, что его переносили из постели в кабинет и сажали в мягкое кресло, закутав во всевозможные шали и одеяла. Он был пленником в полном смысле этого слова.

— Провидение отдает этого человека в мои руки, — сказала Маргарита, когда Клемент рассказал ей все, что узнал от Артура Ловеля. — Провидение отдает этого человека в мои руки. Теперь он не может убежать от меня, и, окруженный своими собственными слугами, конечно, не посмеет отказать мне в свидании. Он, без сомнения, не будет так глуп, чтобы обнаружить свой страх ко мне.

— А если он откажет...

— Если откажет, я сочиню какую-нибудь хитрость, но увижу его, во что бы то ни стало. Нет, он не откажет мне в свидании, когда увидит, что я твердо решила преследовать его до тех пор, пока рано или поздно не встречу с ним лицом к лицу.

Этот разговор происходил в саду, куда молодые люди вышли погулять перед обедом, пока миссис Остин дремала в мягком кресле у камина.

VII Что случилось с Модслей-Аббэ

На другой день рано утром Остин отправился в Модслей-Аббэ, чтобы навести все необходимые справки для осуществления смелого намерения Маргариты. Он остановился у ворот парка и зашел к привратнице, миссис Грумблтон, которая издавна служила у Дунбаров и часто видела Остина во времена старика Персиваля. Она ему очень обрадовалась и тотчас рассказала все, что знала о Генри Дунбаре. По ее словам, никто в Аббэ не любил банкира и никогда не полюбит, потому что он слишком угрюм и мрачен, особенно в сравнении с его отцом, который был всегда веселым и ласковым. Потом она в самых мелких подробностях рассказала Клементу все привычки Генри Дунбара, как он проводит день и что делает. Из ее слов Клемент узнал, что банкир вставал теперь в два часа дня и переходил из спальни в кабинет, где оставался до восьми часов, после чего он снова возвращался в постель. Он был всегда один и не видел никого, кроме доктора Дафнея, живущего в Аббэ, и какого-то господина по имени Вернон, недавно купившего соседний Вудбинский коттедж.

Узнав все, что ему было нужно, Клемент возвратился в гостиницу и передал Маргарите свой разговор с привратницей. Судьба теперь, видимо, покровительствовала молодой девушке, и она могла при умном, ловком ведении дела добиться наконец давно желанного свидания.

В четыре часа Клемент повез ее в Модслей и в три четверти пятого они были уже у ворот Аббэ.

— Я пойду пешком к дому, — сказала Маргарита. — Так легче остаться незамеченной. Но, Клемент, я, может быть, надолго здесь останусь, потому вернитесь, пожалуйста, домой, не то ваша матушка будет беспокоиться; но попозже пришлите за мной кабриолет.

— Глупости, Мэгги. Я подожду вас. Неужели вы думаете, что я могу быть спокоен, когда решается ваша участь? Я не пойду с вами в Аббэ, пускай Генри Дунбар и не подозревает о моем присутствии, но я подожду вас здесь, на дороге.

— Вам придется долго ждать, Клемент.

— Не беда. Я буду терпелив, но решительно не могу уйти домой и бросить вас здесь одну.

Сказав это, Клемент пожал холодную ручку Маргариты и позвонил в колокольчик. Массивные железные ворота открылись перед девушкой, и она, бросив нежный, странный взгляд на милого человека, медленно пошла по дороге к роскошному жилищу банкира. Этот взгляд дышал твердой решимостью, напоминал тех юных мучениц, которые спокойно, с молитвой на устах, шли на казнь, на костер.

Клемент отошел от ворот, которые с шумом закрылись, отделив его непреодолимой

преградой от любимой женщины. Сделав несколько шагов, он обернулся и стал следить за удалявшейся фигурой Маргариты. Были сумерки, и слабый, красноватый свет падал на песчаную дорожку из окон той половины дома, которую занимал Генри Дунбар. Под тенистым портиком стоял один из многочисленных лакеев банкира, по-видимому, вышедший подышать свежим воздухом. Позади него в отворенную дверь виднелся освещенный холл.

«Вероятно, мне недолго придется ждать моей бедной Маргариты, — думал Клемент, ходя по дороге взад и вперед, — Генри Дунбар — человек решительный, и, конечно, откажется принять ее точно так же, как и в первых случаях».

Издали Маргарита увидела лакея, лениво прислонившегося к одной из колонн готического портика. Он задумчиво смотрел на высокие вяза, освещенные красноватым отливом заходящего солнца, и медленно ковырял в зубах золотой зубочисткой. При виде этого человека и открытой двери в холл в голове Маргариты родилась смелая мысль: нельзя ли будет тихонько пробраться за спиной этого человека, совершенно погруженного в созерцание природы или собственных мыслей, и войти в комнаты мистера Дунбара совершенно незамеченной, никем не остановленной? Клемент показал ей окна той половины дома, где жил Генри Дунбар. Они были налево от холла, и потому ей было невозможно ошибиться дверью. Благодаря сумеркам и своему простенькому туалету Маргарита надеялась обмануть задумчивого лакея и выдать себя за одну из домашних прислужниц, которых, по всей вероятности, было множество в таком богатом доме. Конечно, она в этом случае не имела причины входить в парадные двери, но, ведь прежде чем задумчивый, апатичный лакей очнется от удивления и негодования, она уже успеет проникнуть в комнаты банкира.

Маргарита остановилась на дороге, выжидая удобной минуты для своей смелой попытки. Крутой поворот, который делала в этом месте дорога, скрывал ее от глаз лакея, который, впрочем, ни разу не взглянул в ее сторону.

Вдруг по небу пролетела целая стая ворон, оглашая воздух своим жалобным карканьем.

Лакей, не знавший, что с собой делать и вышедший из дома, чтобы поглазеть на что-нибудь, увидав ворон, медленно вышел на середину дороги и, обернувшись спиной к Маргарите, устремил свой апатичный, сонный взгляд на небо.

Девушка, воспользовавшись этой минутой, поспешила к портику, ступая так легко и тихо, что лакей не слышал ее приближения и очнулся только тогда, когда платье ее зашелестело о каменные колонны. Он обернулся и с изумлением посмотрел на незнакомую фигуру, быстро исчезающую в дверях.

— Эй, девушка! — воскликнул он, впрочем не трогаясь с места. — Куда бежишь! Не знаешь разве, что есть черный ход?

Но было поздно; Маргарита уже взялась за массивную ручку дверей, которые вели из холла налево. Лакей ожидал, что дерзкая девушка скажет что-нибудь в свое извинение, но, не слыша ничего, заключил, что, вероятно, она нашла здесь дорогу в комнату для прислуги.

«Какая-нибудь швея, — рассуждал он мысленно, — эти девчонки расходуют все свои деньги на наряды, вместо того чтобы откладывать все, что можно, себе на приданое».

Он зевнул и снова устремил свой сонный взгляд на ворон, забыв о дерзкой швее, осмелившейся пройти через парадный подъезд.

Маргарита между тем вошла в роскошную комнату, заставленную по стенам книжными шкапами. Она подняла вуаль и обвела глазами всю комнату — она была пуста и в камине не было огня. Девушка была очень бледна и дрожала всем телом; но, пересилив свое волнение, она медленно перешла в следующую комнату, которая была точно так же пуста, но в конце которой была дверь, открытая настежь, и Маргарита видела, как в соседней комнате пылал в камине огонь, отражавшийся на обоях и на полированной дубовой мебели. Она слышала шелест золы, падавшей на железную решетку камина, и тяжелое дыхание собаки.

Маргарита знала, что человек, которого она так долго и безуспешно искала, находился

в соседней комнате. Он был один, ибо там не слышно было ни голосов, ни движения. Наступила минута, которой она так давно ждала, — минута, которая должна была решить ее судьбу. Ее мужество изменило ей теперь, сердце сжалось каким-то непонятным ужасом, и она в нерешительности остановилась на пороге комнаты, в которой должна была встретиться лицом к лицу с Генри Дунбаром.

«Я увижу наконец убийцу моего отца! — думала она. — Человека, который прежде погубил его, опозорил, а потом убил, человека, по милости которого мой отец вел постыдную жизнь и был, увы, далеко не подготовлен к смерти, человека, который, зная все это, убил свою несчастную жертву, не дав ей раскаяться и помолиться».

Наконец она вошла в комнату, где Генри Дунбар сидел один у камина. Она едва дышала, ее глаза подернулись туманной дымкой.

Банкир покоился в большом кресле, завернутый в красную шерстяную шаль и леопардовую шкуру. Его голова была наклонена к камину, глаза закрыты. У его ног спала большая легавая собака.

Напротив него стояло пустое кресло, старомодное, дубовое, с высокой спинкой, обитое красным сафьяном. Маргарита тихонько подошла к этому креслу и оперлась на его спинку. Толстый турецкий ковер покрывал пол, так что ее легкие шаги были неслышны, и ни банкир, ни его собака не почувствовали ее приближения.

— Мистер Дунбар! — воскликнула Маргарита громко и решительно. — Проснитесь! Это я, Маргарита Вильмот, дочь человека, которого вы убили в роще близ Винчестера!

Собака вскочила и громко огрызнулась. Генри Дунбар открыл глаза и взглянул на девушку. Даже огонь как бы очнулся и, вспыхнув ярким пламенем, осветил испуганное лицо банкира.

Клемент обещал Маргарите ждать ее терпеливо, и он намеревался исполнить свое обещание; но есть предел терпению даже для самого преданного рыцаря, готового на все ради дамы своего сердца. Когда вы ходите взад и вперед по грязной дороге в холодный зимний вечер, то каждая минута очень много значит. Вскоре после того как Маргарита вошла в парк, пробило пять часов, и Клемент подумал, что если Маргарите и удастся увидеть банкира, то, конечно, их свидание закончится к шести часам. Но часы пробили на старинной колокольне лисфордской церкви, а Клемент по-прежнему ходил по дороге. Неподалеку стоял кабриолет; лошадь была покрыта попоной и ела овес из торбы. Извозчик также похаживал около своего экипажа, хлопая рука об руку, чтобы согреться. В этот длинный и нескончаемый час терпение Клемента окончательно лопнуло, и, когда пробило семь часов, им овладел какой-то нелепый страх.

Маргарита хотела насильно ворваться в дом Генри Дунбара, насильно увидеть человека, который столько раз отказывался ее видеть. Что, если выведенный из себя ее упорными преследованиями и мучительными укорами совести, он потерял всякую власть над собой и прибегнул к насилию?

Нет, это невозможно. Если этот человек действительно был убийцей, то его преступление было заранее обдуманно и исполнено с дьявольской хитростью, давшей ему возможность так долго скрываться от правосудия. И в своем собственном доме, окруженный любопытными слугами, он, конечно, никогда не посмеет прибегнуть к насилию даже на словах.

Клемент решил более не ждать. Он тотчас отправится в Аббэ и узнает о причине, задержавшей так надолго Маргариту. Он позвонил у ворот, вошел в парк и побежал к дому. Комнаты Генри Дунбара были освещены. Но парадная дверь была заперта. Клемент позвонил; явился сонный, апатичный слуга.

— Тут девушка, — сказал Клемент, едва переводя дух, — девушка у мистера Дунбара.

— Только-то? — заметил колко лакей. — Я думал, что весь Шорнклиф горит — так вы шибко звонили. Да, тут была молодая женщина у мистера Дунбара, но она ушла с час тому назад.

— С час? — воскликнул Остин, не обращая внимания на дерзость слуги.

— Да, она ушла около часу тому назад.

— Около часу? — снова переспросил он.

— Может быть, и поболее.

— Это невозможно! Невозможно, — бормотал Остин.

— Может, и невозможно, — заметил слуга, — но я ее сам проводил и видел собственными глазами, как она ушла.

И прежде чем Остин пришел в себя от удивления, лакей захлопнул дверь перед его носом. Бедный молодой человек был совершенно смущен, сам не зная отчего, испуган, сам не зная чем.

VIII

Возвращение Маргариты

Клемент Остин стоял несколько минут у ворот Модслей-Аббэ в недоумении. По словам лакея, Маргарита уже с час как вышла из дома. Куда же она могла деваться? Клемент ходил все время перед воротами: они ни разу не отворялись, ни разу не скрипнули. Не мог же он ее проглядеть; разве что Маргарита вышла не из главных ворот, а в одну из боковых калиток, на лисфордскую дорогу, по которой и отправилась прямо в Шорнклиф.

Но с какой стати ей идти домой пешком, когда она знала, что у ворот ее ждет кабриолет и возлюбленный Клемент томится в нетерпеливом ожидании, опасаясь за исход ее смелого предприятия.

«Не забыла ли Маргарита, что я обещал ждать ее? — думал мистер Остин. — Быть может, от волнения при виде убийцы отца у бедняжки голова пошла кругом и ей было не до меня?» Однако это утешение пришлось ему не по душе. «Маргарита, верно, не очень-то меня любит, — подумал он про себя. — У меня первой мыслью было бы бежать к ней и поделиться счастьем или горем».

Из парка было не менее четырех выходов. Понадобится часа два, чтобы обойти все четыре калитки.

«Пойду к лисфордской калитке, — подумал Остин. — И если окажется, что она вышла оттуда, то проеду туда с кабриолетом и успею нагнать ее на полдороге». Он не имел понятия, какое это огромное расстояние.

Остин был глубоко оскорблен поступком Маргариты, но все-таки поспешил к калитке парка, выходящей на лисфордскую дорогу, и спросил у привратницы, не выходила ли из калитки девушка за час перед тем.

Женщина ответила, что незнакомая ей девушка вышла из парка уж часа полтора назад. Этого было довольно для молодого человека. Он пробежал по парку к воротам, где оставил кабриолет, вскочил в него, велел извозчику гнать во всю прыть по лисфордской дороге и высматривать по сторонам даму, которая с ним приехала в Модслей-Аббэ.

Извозчик сильно озяб и был не в духе, но так как и сам спешил в город, то повез хорошо.

Клемент внимательно всматривался в каждого прохожего на дороге, несмотря на холодный ветер, который дул ему прямо в лицо; однако Маргариты они не встретили до самого Шорнклифа.

«Маргарита, верно, опередила меня и сидит с матушкой наверху», — подумал молодой человек.

Он вошел в большую залу с готическим окном. Стол посреди комнаты был накрыт к обеду, и миссис Остин дремала в больших креслах у камина с местной газетой в руках. Восковые свечи горели на столе, малиновые занавески были спущены, в комнате было тепло и уютно, но Маргариты не было.

Старушка открыла глаза при поспешном входе сына.

— Ну, Клемент, как ты поздно сегодня, — воскликнула она. — Уже добрых два часа,

как я тут сижу да дремлю перед огнем; три раза подсыпала угля с тех пор, как стол накрыт. Что ты так долго пропадал, голубчик?

Прежде чем ответить, Клемент осмотрелся кругом.

— Да, матушка, я очень опоздал сегодня, — сказал он. — Но где же Маргарита?

Миссис Остин вытаращила глаза от удивления при этом вопросе.

— Как, разве Маргарита не с тобой? — воскликнула она.

— Нет, я надеялся найти ее здесь.

— Значит, ты с ней расстался?

— Нет, не совсем... то есть я...

Клемент замялся. Мать с беспокойством следила за ним.

— Милый мой Клемент, — воскликнула наконец старушка, — ты, право, меня пугаешь. Вы отправились с Маргаритой по какому-то таинственному делу; оба отказались объяснить мне, куда едете; а лица у вас были печальные и торжественные, словно на похороны собирались. Потом, заказав обед к семи часам, ты являешься один, на целых два часа опаздываешь и удивляешься, что Маргарита не здесь. Тут что-то неладно, Клемент.

— Я, право, не могу вам объяснить этого, матушка.

— Разве сегодняшняя поездка имеет что-нибудь общего с твоей тайной?

— Да, милая матушка; и я должен опять повторить то, что говорил вам уже не раз — не сомневайтесь в своем сыне.

Вдова вздохнула и пожала плечами в знак недовольствия.

— Нечего делать; приходится довольствоваться этим, Клем, — сказала старушка. — В первый раз между нами завелись секреты.

— И надеюсь, в последний, — заметил молодой человек.

Пожилой лакей, который хорошо помнил, хотя и неохотно в том сознавался, былое время омнибусов и почтовых карет, когда отель «Олень» был немаловажным учреждением, явился торжественно с первым блюдом.

Клемент сел за стол, чтобы не огорчать матери, но почти ничего не ел. Молодой человек весь превратился в слух и ловил каждый звук в коридоре в надежде услышать шаги Маргариты.

Почтенный лакей вздумал было подчивать его соусом к рыбе, но отступил в изумлении, получив неуместно резкий отказ; Остину было не до соусов: ум его был поглощен одной мыслью об исчезнувшей девушке.

Неужели он просмотрел Маргариту по дороге? Нет, это трудно предположить: он пристально всматривался по сторонам дороги, уединенной и безлюдной, и распознал бы ту, которую искал. Не задержал ли мистер Дунбар девушку против ее воли? Нет; лакей очень ясно выразился, что видел, как молодая дама вышла от хозяина, и в обращении его не было и тени притворства или обмана.

Обед убрали со стола. Миссис Остин принесла цветной шерсти и пару костяных спиц и принялась будто бы спокойно за свое вязание; но и она в душе начинала беспокоиться об отсутствии Маргариты.

— Милый мой Клемент, — не вытерпела наконец старушка, — отсутствие Маргариты начинает меня беспокоить. Как это ты мог ее оставить одну?

Клемент не ответил, но поспешно вскочил со стула и схватил шляпу.

— Меня это тоже очень беспокоит, матушка; я пойду за ней.

— Клемент, — вскричала старушка, когда тот уже выходил из комнаты, — надеюсь, что ты наденешь теплое пальто в такую холодную, сырую ночь.

Но мистер Остин уже не слышал слова матери. Он чувствовал потребность бежать за своей возлюбленной, хотя сам не знал куда. Спокойствие становилось невыносимым для него.

Клемент побежал по коридору, но вдруг остановился — на широкой площадке лестницы он увидел ту, которую ждал. В конце коридора под сводом висела лампа; при свете ее Клемент увидел Маргариту, которая шла или точнее, волочилась в его сторону, с усилием

передвигая ноги, готовая упасть без чувств на каждом шагу.

Клемент бросился к ней навстречу в порыве радости, какую человек ощущает, когда неожиданно избавляется от тяготившего над ним опасения или горя.

— Маргарита! — вскричал молодой человек. — Вы вернулись! Если бы вы знали, как мы о вас беспокоились!

Клемент протянул ей руки, но, к неопишуемому его изумлению, девушка отшатнулась от него. С ужасом в глазах попятилась она к стене, будто опасаясь малейшего прикосновения своего жениха.

Клементу поразили и мертвенная бледность ее лица, и неподвижный взор ее очей. Январский ветер разметал ее кудри, они в беспорядке застилали ее лицо; дождем и снегом промокло насквозь ее платье и шаль, но молодой человек ничего этого не замечал, он не сводил глаз с ее бледного лица, старался разгадать странное, небывалое выражение ее глаз.

— Милая, — сказал он наконец, — матушка не меньше моего о вас беспокоилась, она ждет вас в гостиной; пойдите к ней поскорее. Бедная моя девочка, я вижу, что это свидание слишком сильно на вас подействовало. Идем же, душа моя. — И он снова приблизился к ней, но девушка опять отшатнулась от него, волочась вдоль по стенке, с тем же страшно диким выражением в глазах.

— Не говорите со мной, Клемент, — воскликнула Маргарита, — не прикасайтесь ко мне. Я отверженная. Между мной и честным человеком целая бездна. Не приближайтесь ко мне, бегите от меня!

Клемент хотел было прижать ее к себе, утешить, но в глазах ее было все то же страшное, мертвенное выражение, которое приковало его к месту.

— Маргарита, вы ли это? — воскликнул он.

Девушка по-прежнему пятилась от него; он шел за ней и хотел было взять ее за руку, но она поспешно отдернула руку и бросилась в противоположный угол коридора, отворила дверь в комнату миссис Остин и скрылась за ней. Клемент слышал, как щелкнул замок следующей двери и понял, что Маргарита заперлась в своей комнате.

Клемент постоял несколько минут неподвижно, пораженный поведением Маргариты. Как необдуманно он поступил, устроив эту встречу мисс Вильмот с Генри Дунбаром! Положительно, во всем виноват он один. Встреча с убийцей отца слишком сильно подействовала на впечатлительную, чувствительную девушку и, очевидно, повлияла на ее рассудок.

«Мне придется обратиться к матушке, она одна может помочь в этом деле», — подумал Клемент.

Он поспешил в гостиную. Миссис Остин, видимо, удивилась скорому возвращению сына.

— Я думала, что ты отправился за Маргаритой, — спросила она.

— Мне не к чему было идти за ней, она сама возвратилась.

— Слава Богу. Меня, признаться, очень беспокоило продолжительное ее отсутствие.

— И меня также, матушка; но меня еще более беспокоит поведение ее после возвращения. Я недавно просил вас, матушка, доверять мне, — сказал Клемент. — Теперь мне приходится вам довериться: дело, которое Маргарита взяла на себя сегодня утром, было очень грустного и неприятного свойства — даже до такой степени, что я не удивляюсь вредному влиянию, какое оно имело на впечатлительный ее ум. Я попросил бы вас сходить к ней, матушка. Утешьте мою бедную девочку. Она заперлась у себя в комнате, но вас, верно, впустит. Сходите к ней, милая матушка, и постарайтесь успокоить ее, а я между тем сбегаю за доктором.

— Ты думаешь, что она больна, Клемент?

— Может быть, я и ошибаюсь; но, во всяком случае, такие сильные ощущения, которые она должна была перенести сегодня, могут легко стать причиной воспаления мозга. Я схожу за доктором.

Молодой человек забежал к хозяину гостиницы, который дал ему адрес лучшего врача

в Шорнклифе. По счастью, доктор Винцент оказался дома. Он принял Клементу очень любезно и уже через пять минут готов был следовать за ним.

— Это случай сильного душевного потрясения, — объяснил Клемент. — Может быть, и не понадобится медицинская помощь, но я буду чувствовать себя спокойнее, после того как вы взглянете на бедную девушку.

Клемент ввел врача в пустую гостиную.

— Я пойду справлюсь, каково мисс Вильмот, — сказал он, удаляясь из комнаты.

Имя это поразило доктора: насильственная смерть Джозефа Вильмота составляла долгое время любимый предмет разговора для жителей Шорнклифа. «Впрочем, это имя довольно распространенное», — подумал он про себя.

Клемент постучался в комнату матери. Старушка тотчас вышла к нему.

— Ну, каково ей теперь? — спросил Клемент.

— Право, не знаю, как тебе сказать. Она просто пугает меня. Лежит на постели неподвижно, как статуя, смотрит в одну точку. Я старалась заговорить с ней, но она не обращала на меня никакого внимания, даже не удостоивала взглядом. Когда я подхожу к ней, она начинает дрожать всем телом и тяжело вздыхает. Что бы все это значило, Клемент?

— Бог весть, матушка. Я могу только вам сказать, что она имела сегодня встречу, которая могла сильно на нее подействовать, но не до такой степени. Могу я позвать доктора?

— Да, пусть посмотрит, что с ней.

Клемент вошел в гостиную и стал ждать возвращения доктора от Маргариты. Для бедного молодого человека это ожидание показалось вечностью — с таким нетерпением он жаждал узнать заключение врача.

— Ну что? — воскликнул он, услышав в гостиной его шаги.

Мистер Винцент покачал головой.

— В подобном случае мало проку в медицинском совете, — сказал доктор. — Девушка страдает от душевного потрясения, причину которого не хочет сообщить никому. Если бы вам удалось вызвать ее на откровенность, это сильно облегчило бы ее. Будь она обыкновенного десятка, она расплакалась бы и слезы облегчили ее страдания. Наша пациентка, по несчастью, не из таких; у нее должна быть редкая сила воли.

— У Маргариты сильная воля! — воскликнул Клемент. — Она, напротив, олицетворенная доброта и покорность.

— Очень может быть, но поверьте, у нее огромная сила воли. Я умолял ее сказать хоть одно слово; голос мог бы навести меня на открытие болезни; она только медленно покачала головой, ни разу не взглянув в мою сторону. Я все-таки пропишу ей успокоительное, которое лучше бы принять сейчас же, завтра поутру я снова заеду к вам.

Клемент пошел к матери. Добрая старушка всегда была готова сочувствовать сыну. Она вышла ему навстречу из комнаты Маргариты.

— Все по-прежнему? — спросил молодой человек.

— Да, все то же. Не хочешь ли ты взглянуть на нее?

— Если можно.

Миссис Остин провела сына в соседнюю комнату.

Маргарита лежала на постели, совсем одетая, в мокром платье, как вернулась. Печальное, безжизненное выражение ее лица болезненно подействовало на Клементу. Он начал бояться за ее рассудок.

Он присел на стул подле постели и стал внимательно следить за больной; мать стояла подле, встревоженная не менее его.

Рука Маргариты свисла с постели, словно мертвая. Клемент взял эту маленькую ручку в свою; к его удивлению, она не горела лихорадочным жаром, а была холодна как лед.

— Маргарита, — сказал он тихим, убедительным голосом, — вы знаете, как я вас любил, как я вас люблю. Вы знаете, что мое счастье неразрывно связано с вашей судьбой; надеюсь, что вы не откажете поделиться своим горем с человеком, который имеет полное право разделить его. Вы не будете так жестоки, чтоб отказать мне в моей просьбе.

Подумайте, как мучит меня ваше молчание.

Карие глаза ее остановились на Клементе.

— Пожалейте меня, — произнесла девушка каким-то хриплым, не своим голосом, — сжальтесь надо мной; сожаление людей и милосердие Божие — вот что мне нужно теперь. Сжальтесь надо мной, Клемент, и оставьте меня до завтра; завтра я поговорю с вами.

— И вы расскажете все, что случилось с вами?

— Я поговорю с вами завтра, — повторила Маргарита, неподвижно глядя на молодого человека. — Оставьте меня теперь; оставьте меня, или я убегу из этой комнаты, из этого дома. Я сойду с ума, если вы не оставите меня!

— Я уйду, Маргарита, — сказал он, опечаленный и оскорбленный странным ее обращением, — но уйду с невыносимым горем в душе. Я не думал, чтобы вы так скоро оттолкнули меня, не захотели моего сочувствия.

— Я переговорю с вами завтра, — в третий раз повторила Маргарита.

Она говорила как-то странно, будто по заученному, не своими словами.

Клемент посмотрел на нее еще с минуту, но лицо ее было бесчувственно и неподвижно; он медленно вышел из комнаты.

— Я поручаю ее вам, матушка, — сказал Клемент. — Я знаю, что она и вам дорога. Да поможет нам Господь Бог перенести это испытание.

IX Разрыв

Маргарита согласилась принять лекарство, прописанное ей доктором, но сделала это только из уважения к миссис Остин, потому что она, казалось, сама не сознавала, для чего ей лекарство. Она была подобна лунатику, живущему в каком-то чудесном, мечтательном мире, нисколько не сознающему, что делается вокруг него.

Лекарство, которое мистер Винцент выдал за успокоительное, оказалось сильнейшей дозой опиума, и Маргарита через несколько минут заснула крепким сном.

Миссис Остин отправилась к Клементу, чтобы передать ему эту радостную весть.

— Я посижу с бедной Маргаритой до двух или трех часов, но ты иди спать, потому что все эти волнения тебя очень утомили.

— Нет, мама, я не чувствую усталости.

— Но ты для меня пойдешь отдохнуть. Посмотри, уже двенадцать часов.

— Да, я пойду в свою комнату, если вы этого желаете, — поспешно ответил Клемент. Но дело было в том, что его комната была ближе, чем гостиная к спальне его матери и Маргариты. Он ушел к себе, но и не думал ложиться спать. Он ходил по комнате, время от времени прокрадываясь в коридор послушать, что делается в комнате матери.

В третьем часу миссис Остин, открыв дверь в коридор, увидела сына.

— Она спит, мама? — спросил он.

— Да, и очень спокойно. Я сама иду теперь спать и тебя прошу сделать то же, Клем.

— Хорошо, мама.

Клемент вернулся в свою комнату. Он надеялся, что сон принесет спокойствие Маргарите. Он лег и тотчас заснул, ибо действительно был совершенно утомлен усталостью и беспокойством. Ему приснилось много страшных, фантастических снов, но последний из них заставил его в испуге вскочить с постели. Он видел Маргариту в модслейском парке в светлую лунную ночь под руку с мертвецом. Он открыл глаза; утро было светлое, холодное. Клемент быстро оделся, вышел из комнаты без четверти восемь и поспешил в комнату матери, чтобы узнать о Маргарите, но напрасно он стучал в дверь: никто ему не открывал. Заметив, что она не заперта, он тихонько ее толкнул и услышал ровное дыхание матери.

— Она спит, бедная. Я не побеспокою ее, ей нужен отдых после вчерашнего дня.

Он тихонько притворил дверь и отправился в гостиную. Там уже пылал огонь в камине, и слуга накрывал завтрак; но Клемент не обратил на это внимания и быстро подошел к окну,

у которого сидела Маргарита в утреннем платье и шали. Подле на стуле лежала ее шляпка.

— Маргарита, милая Маргарита, зачем вы поднялись так рано?

Девушка медленно встала и пристально взглянула на милого ей человека. Лицо ее было очень задумчиво, бледно, губы дрожали.

— Я довольно отдохнула, — сказала она едва слышно. — Я встала рано, потому что... потому что я сейчас уезжаю.

Она судорожно сжала руки и не спускала глаз с Клементы, но взгляд этот дышал решимостью.

— Вы уезжаете, Маргарита, — воскликнул Клемент, — уезжаете... сегодня... утром!

— Да, с девятичасовым поездом.

— Вы с ума сошли, Маргарита!

— Нет, — тихо ответила молодая девушка, — я не сошла с ума, и это-то самое удивительное. Я уезжаю, Клемент; извините, мистер Остин. Я хотела уехать, не повидав вас, а думала написать вам...

— Как, Маргарита? — вскрикнул Клемент. — Если не вы, так я сошел с ума. Или все это сон?

— Нет, это не сон, мистер Остин; мое письмо сказалось бы вам всю правду; я уезжаю, потому что никогда не смогу быть вашей женой.

— Вы не сможете быть моей женой, почему?

— Я не могу сказать.

— Нет, вы скажете, — воскликнул Клемент вне себя, — я хочу знать причину; я не допущу, чтобы какая-нибудь фантастическая преграда возникла между нами. Это какая-нибудь женская фантазия, которая рассеется от искреннего объяснения. Маргарита, радость моя, неужели ты думаешь, что я расстанусь с тобой так легко? Неужели ты так мало меня знаешь? Моя любовь сильнее, чем ты думаешь, Мэгги, и ты не можешь так легко отказаться от слова, данного мне. Ты мне дала права на себя, обещав быть моей женой, и я не откажусь ни за что от этих прав.

Маргарита смотрела на Клементы грустным, мрачным взглядом.

— Судьба сильней любви, Клемент, сказала она, — я никогда не смогу быть твоей женой.

— Почему?

— По причине, которой ты никогда не узнаешь.

— Маргарита, я не хочу преклоняться...

— Ты должен, — она протянула руку, как бы желая остановить пламенные слова Клементы. — Ты должен преклониться перед судьбой, Клемент. Мир кажется нам часто очень жестоким, небо как бы скрывается от нас, так что мы не видим руки милосердного провидения в страшных испытаниях, ниспосылаемых на нас. Теперь жизнь мне кажется тяжелой, очень тяжелой; не делай ее еще тяжелее. Я — самая несчастная женщина на свете, и ты можешь сделать только одно для меня — не расспрашивать, не задерживать меня и забыть бедную Маргариту.

— Я никогда тебя не отпущу, — решительно произнес Клемент. — Ты моя, ты дала слово быть моей. Я не допущу, чтобы какая-нибудь глупость, какая-нибудь женская фантазия нас разъединила.

— Нет, небо свидетель, что нас разлучает не глупость, не женская фантазия, — ответила девушка грустно.

— Что же, Маргарита? Скажи, что?

— Я никогда не скажу этого.

— Ты переменишь свое мнение.

— Никогда.

И она взглянула на него таким решительным, твердым взглядом, что Клемент невольно вспомнил слова доктора Винцента о железной воле Маргариты. Неужели доктор прав? Неужели упорная твердость этого нежного, юного создания пересилит страстное влечение

мужчины?

— Что же может нас разлучить, Маргарита? — воскликнул мистер Остин. — Ну что? Ты видела вчера мистера Дунбара?

Девушка вздрогнула, и бледное лицо ее посинело, словно у мертвеца.

— Да, — сказала она после минутного молчания, — мне повезло... я видела... мистера... Дунбара.

— И ты говорила с ним?

— Да.

— Подтвердило это свидание твои подозрения или, напротив, развеяло их? Уверена ли ты по-прежнему, что Генри Дунбар убил твоего несчастного отца?

— Нет, — произнесла Маргарита решительно, — нет, я этого не думаю.

— Ты не думаешь? Так вид и манеры банкира убедили тебя в его невиновности?

— Я уверена, что Генри Дунбар не убивал... моего бедного отца.

Невозможно описать, с какой грустью она произнесла эти слова.

— Но что-нибудь произошло особенного на этом свидании, Маргарита? Генри Дунбар тебе, верно, сказал что-нибудь... о твоём бедном отце; может, открыл какую-нибудь позорную тайну, которую ты до сих пор не знала? И ты теперь боишься, что я не вынесу этого позора? Ты жестоко ошибаешься; ты меня не знаешь, Маргарита, и жестоко оскорбляешь мою любовь к тебе. Будь только моей женой, и если злые люди осмелятся указывать на тебя пальцем: «вот жена Клемента Остина, она дочь вора и каторжного», то я отвечу им презрением; я скажу им, что женился на тебе потому, что я тебя уважаю, потому, что ты, хотя и дочь преступника, выше, благороднее многих королей.

Впервые в это роковое утро слезы показались на глазах Маргариты, но она отерла их быстрым движением руки.

— Вы — хороший человек, Клемент, — сказала она, — и я... я бы желала быть достойной вас. Вы — добрый человек, зачем же вы теперь так жестоки ко мне? Пожалейте меня и отпустите.

Она вынула из-за талии маленькие часы и взглянула на них, но вдруг вспомнила, что это подарок Клемента, и, сняв с шеи цепочку, подала их Клементу.

— Вы мне подарили их, когда я была вашей невестой, мистер Остин. Я не имею теперь никакого права оставить их у себя.

Она сказала это мрачно и грустно, но Клемент не обратил на это внимания: он был добрым человеком, как справедливо сказала Маргарита; но и добрые люди выходят из себя. Он бросил часы на пол и раздавил их на мелкие части.

— Вы жестоки и несправедливы, мистер Остин, — сказала Маргарита.

— Я — человек, мисс Вильмот, — ответил с горечью Клемент, — и я чувствую как человек. Когда женщина, которую я любил, в которую я веровал, вдруг прехладнокровно объявляет, что она решила разбить мое сердце, бросить меня и отказывается даже представить причину своего непонятого поступка, то, извините, я не настолько джентльмен, чтобы расшаркаться и сказать: «Как вам будет угодно, леди».

Клемент отвернулся от Маргариты и прошелся по комнате. Он был взбешен, но горе и злоба были так перемешаны в его сердце, что он не осознавал, которое из двух преобладает. Вскоре к чувству горя присоединилось и чувство любви, и вместе эти чувства легко пересилили злобу. Он снова подошел к Маргарите, которая все еще стояла на том же месте, но уже надела шляпку и перчатки.

— Маргарита, — сказал Клемент, стараясь взять ее за руку, между тем как она отшатнулась от него, — Маргарита, выслушай меня в последний раз. Я тебя люблю и верю, что ты меня любишь. Если это правда, то никакая преграда не может нас разлучить. Я тебе позволю уехать только с одним условием!

— С каким?

— Скажи мне, что я обманывал себя. Я старше тебя, Маргарита, на двенадцать лет, и нет ничего интересного или романтического ни во мне самом, ни в моем положении в свете.

Скажи мне, что ты меня не любишь. Я — гордый человек. Я не стану вымаливать счастья, как нищий. Если ты меня не любишь, Маргарита, то вольна ехать куда хочешь.

Маргарита молча поникла головой и тихо пошла к дверям.

— Вы уезжаете... мисс Вильмот! — воскликнул Клемент.

— Да, уезжаю. Прощайте, мистер Остин.

Клемент схватил ее за руку.

— Вы не выйдете так из этой комнаты, Маргарита Вильмот, — воскликнул он, обезумев от гнева и страсти, — нет, вы так не уйдете. Вы скажете мне просто и ясно всю правду. Вы не любите меня?

— Нет, я вас не люблю.

— Так это все был обман, комедия, ложь? Когда вы улыбались мне так нежно, так сладко, вы бессовестно лгали; когда вы краснели от радости и стыда, вы обманывали меня, как хитрая кокетка? Все — каждое нежное слово, каждый взгляд, каждая слезинка, дрожавшая как бы от счастья в ваших глазах, — все это была ложь, ложь, ложь, все была...

И несчастный закрыл лицо руками и зарыдал. Маргарита пристально смотрела на него, но в глазах ее не видно было ни слезинки; лицо оставалось холодным, бесчувственным, только губы ее были судорожно сжаты.

— Зачем ты это сделала, Маргарита? Зачем ты меня погубила? — промолвил, наконец, Клемент раздирающим душу голосом.

— Зачем? Я вам сейчас скажу, — ответила она тихо, но решительно. — Я вам скажу зачем, мистер Остин, и тогда вы станете меня презирать и вам будет легко забыть меня, выбросить навсегда мой образ из вашего сердца. Я была бедная, одинокая девушка; нет, я была хуже, чем бедная и одинокая; позорная история моего отца тяготела надо мной. Хорошо было такому презренному созданию, как я, возбудить любовь в джентльмене, который мог бы вывести меня из нищеты, дать мне честное имя, ввести меня в общество честных людей. Я была дочерью каторжного, отверженного, и ваша любовь представлялась мне блестящим средством выйти из того позорного бедственного положения, в котором я находилась. Я была человеком, Клемент Остин; и в крови моей не было ничего, что могло бы меня научить добру или удержать от соблазна. Я ухватилась за эту единственную для меня надежду на спасение и старалась всеми силами возбудить в вас чувство любви ко мне. Шаг за шагом я все более и более овладевала вашим сердцем и довела вас до того, что вы предложили мне свою руку. Таким образом, я достигла своей цели. Я торжествовала и была счастлива своим успехом. Но, вероятно, у самых жестоких преступников есть хоть какая-нибудь совесть. В прошедшую ночь моя совесть вдруг проснулась, заговорила во мне, и я решила избавить вас от брака с женщиной с таким позорным, преступным именем.

Эту длинную речь молодая девушка произнесла самым хладнокровным, бесчувственным образом. Она говорила тихо, останавливаясь на каждой фразе, но ни разу не вздрогнула, не смутилась, как будто она на самом деле была несчастное, погибшее создание, которое не знает, что такое чувство, добро и честь.

Остин устремил на нее изумленный взгляд и долго не мог опомниться.

— Боже милостивый! — воскликнул он. — Неужели можно так жестоко обманывать!

— Я теперь могу ехать, мистер Остин? — сказала Маргарита.

— Да, вы можете ехать, вы, которую я когда-то любил. Вы теперь сбросили с себя чудную маску, в которую я так слепо веровал, и предстали во всей ужасной, безобразной наготе. Ступайте, Маргарита Вильмот, и да простит вас Небо!

— А вы меня прощаете, мистер Остин?

— Нет, не могу, но буду молить Бога, чтобы он укрепил меня и наставил.

— Прощайте, Клемент!

— Одно слово, мисс Вильмот! — воскликнул Остин. — Я слишком сильно вас любил, чтобы перестать интересоваться вашей судьбой. Куда вы едете?

— В Лондон.

— В Клангам, на вашу старую квартиру?

— Ах нет! Нет!

— Есть ли у вас деньги? Хватит ли вам хоть на некоторое время?

— Да, я отложила порядочную сумму.

— Если вы когда-нибудь будете нуждаться в помощи, то надеюсь, вы обратитесь ко мне.

— Очень охотно, мистер Остин. Я не так горда, чтобы не обратиться к вам в крайности.

— Вы напишете мне или матери при первой необходимости. Я не скажу матери, что произошло между нами, а просто объявлю, что наша свадьба расстроилась. Вы уезжаете с девятичасовым поездом, мисс Вильмот?

Клемент сказал правду, говоря, что он был гордый человек. Он говорил теперь с Маргаритой тем же тоном, которым обратился бы и к совершенно незнакомой ему женщине.

— Да, мистер Остин.

— Я велю нанять вам извозчика. У вас еще пять минут времени. Я тотчас пошлю лакея на станцию, чтобы вам не пришлось возиться с вещами.

Он позвонил и дал необходимые приказания, потом торжественно поклонился, пожелал ей счастливого путешествия и вышел из комнаты.

Так расстались Маргарита Вильмот и Клемент Остин.

X Открытие в Лувре

В то время, когда Генри Дунбар сидел со сломанной ногой в уединенной комнате Модслей-Аббэ и дожидался с нетерпением, когда ему позволят пройти по комнате, сэра Филиппа Джослин со своей прелестной женой гуляли по парижским бульварам. Они побывали на юге Европы и теперь возвратились в веселую столицу цивилизованного мира, в самый блестящий ее сезон. Новый год только что начался, и благодаря светлым морозным дням бульвары не представляли собой того грязного, мрачного зрелища, которое всегда впечатляет гуляющих в первые дни января. Принц Луи-Наполеон был тогда еще президентом, и Париж еще не был тем удивительным городом дворцов и бульваров, которым сделался по мановению императорской руки. Но все же это был самый веселый, самый прелестный город на свете, и Филипп Джослин и его молодая жена были счастливы в его стенах, как только можно быть счастливыми на земле.

Они как будто были созданы друг для друга; они никогда не надоедали друг другу, и единственное, в чем их можно было упрекнуть, — это легкомыслие, с которым они предавались своим любимым занятиям. Сэр Филипп мог бы меньше бегать по барышникам и продавцам собак, а Лора могла бы не с таким восторгом проводить целые дни в модных магазинах. Но если они и предавались веселью с утра до ночи, то катаясь в парках, то сидя на балконе у Мериса или в театрах, по крайней мере, они твердо намеревались по окончании медового месяца возвратиться в Джослин-Рок и заняться делом, заботиться о благосостоянии своих меньших братьев. Сэр Филипп имел с полдюжины планов бесплатных школ и образцовых хижин, в которых печки бы никогда не дымились. У Лоры были собственные планы. Она была богатой женщиной, наследницей миллионного состояния, и потому, естественно, была обязана помогать тем, кто не родился с золотой ложкой во рту. Она намеревалась разливать свои щедроты самым разумным, осторожным образом, и часто в церкви, во время проповеди, ей приходила в голову мысль: не грешно ли она поступает, надевая каждый день новую пару перчаток и покупая такое огромное количество платьев и шляпок; но она скоро утешалась тем, что этим доставляла хлеб множеству работников.

Баронет имел много знакомых в Париже, и все приняли его молодую жену с распростертыми объятиями, говоря, что леди Джослин была лучшая из лучших и что сэра Джослин должен считать себя счастливейшим человеком, найдя такое прелестное, веселое создание среди скучных, надутых мисс туманного Альбиона.

Лора очень коротко сошлась со своими новыми парижскими знакомыми, и не один

бинокль обращался в ее сторону, когда она входила в ложу одного из парижских театров.

Однажды утром Лора, смеясь, сказала своему мужу, что намерена подвергнуть его терпение большому испытанию.

— Чего ж ты от меня хочешь, моя радость?

— Я хочу, чтобы ты поехал со мной в Лувр на целый день. Я хочу хорошенько осмотреть все картины, особенно новые. Рубенсов-то я помню; я их видела три года назад, когда была в Париже с дедушкой. Я люблю более новых живописцев, Филипп; я желала бы, чтобы ты объяснил мне все картины и растолковал, что в них хорошего.

Сэр Филипп согласился, и Лора побежала одеваться с радостью маленькой девочки, которая себе выпросила праздник. Минут через десять она вернулась в прелестнейшем туалете — платье на ней было светло-голубое, все остальное: шляпка, зонтик, перчатки и ботинки — перлового цвета.

Был светлый и солнечный февральский день.

Работа Филиппу предстояла нелегкая: Лора пламенно любила живопись, но и тут, как и во всем, была непостоянна и поспешно перебегала от одной картины к другой, словно пчелка, пораженная мириадами цветов в роскошном саду и не знающая, на котором остановиться. Наконец она остановилась перед картиной, которая ей нравилась больше остальных. Сэр Филипп был на другом конце зала, когда жена его сделала это великое открытие. Она тотчас прибежала к нему и потащила его к картине. Это была головка поселянки работы одного из современных живописцев, и баронет вполне согласился с мнением Лоры.

— Как бы я желала иметь с нее копию, Филипп, — сказала Лора. — Я бы очень желала иметь такую картину в моем будуаре в Джослин-Роке. Как ты думаешь, кто рисовал эту прелестную головку?

Неподалеку от них, какой-то художник снимал копию с большой картины; сэр Филипп подошел к нему и спросил, не знает ли он, кто рисовал головку поселянки?

— Как же, — ответил художник, — это работа одного из моих друзей, молодого англичанина, пользующегося большой известностью в Париже.

— А как его зовут?

— Фредерик Керсталь. Его отец был известным портретистом в Англии много лет тому назад.

— Керсталь! — воскликнула Лора. — Мистер Керсталь! Да этот самый Керсталь-отец рисовал портрет моего отца. Дедушка мне это повторял не раз. Он рассказывал, что мистер Керсталь взял с собой этот портрет в Италию, обещая закончить его и привезти через два года. Но он никогда более не возвращался в Лондон. Филипп, как я хочу видеть этого мистера Керсталя. Может быть, портрет отца у него сохранился до сих пор, и я бы увидела, каким был мой отец в юности, прежде чем горе и заботы изменили его характер.

Она обернулась к художнику и спросила, где живет мистер Керсталь-отец и когда можно его видеть.

Художник задумался.

— Мистер Керсталь-отец очень стар и давно не пишет. Говорят, он даже почти рехнулся, совершенно потерял память и не сознает, что делается вокруг. Впрочем, другие уверяют, что он далеко не так поглупел и даже резко критикует современную школу живописи.

Лора перебила француза не очень любезно и спросила вторично адрес Керсталя. Художник вынул одну из своих карточек и написал на ней адрес своего друга.

— Он живет на улице Кэлу по ту сторону реки, — сказал он, подавая карточку Лоре. — Отыскать его нетрудно.

Лора поблагодарила француза и, взяв под руку мужа, пошла далее.

— Будет нам смотреть картины, Филипп, — сказала она, — поедем к мистеру Керсталю. Пожалуйста, не откажи мне в этой просьбе.

— Когда же я тебе в чем отказывал, Лора? Если ты хочешь, мы сейчас поедем, но я,

право, не понимаю, отчего ты так жаждешь видеть этот портрет?

— Оттого, что я хочу посмотреть, каким был мой отец до отъезда в Индию. Я хочу знать, каким он был во время его блестящей молодости, когда еще злой свет не положил на него своей печати. Ах, Филипп, с тех пор как я полюбила тебя, я ни о чем не думала, кроме тебя; но после приезда отца я была очень несчастлива. Я ожидала, что он будет меня любить; я воображала, что не будет счастливее нас на свете; я мечтала о том, как он вернется, прижмет меня к себе, осыплет поцелуями. Но когда он приехал, он показался мне каким-то деревянным, каменным, его бледное, мраморное лицо пугало меня, его резкий голос заставлял вздрагивать. Я боялась его, Филипп; я боялась своего отца, своего родного отца, и мы совершенно сделались чужими. Я даже видела на его лице выражение ужаса, когда он смотрел на меня. Как же ты спрашиваешь, зачем я жажду видеть его таким, каким он был в молодости? Я, может, научусь его любить, когда увижу его молодое, улыбающееся лицо.

Лора говорила все это тихо, поспешно проходя по галереям Лувра, торопясь к мистеру Керсталю.

XI Портрет

Улица Кэлу была очень небольшая, уединенная, узкая, извилистая, с высокими, уродливыми домами, украшенными кое-где мелочными лавками. Мостовая здесь наводила на мысль, что, вероятно, все ее камни были выворочены буйной чернью для устройства баррикад, да так и остались в таком хаотическом состоянии. Улица эта, казалось, была устроена с целью добиться из малого количества материалов наибольшего числа неудобств и неприятностей; и действительно, с этой точки зрения она была совершенством в своем роде. Парижские извозчики, проезжая по ней, беспрестанно хлопали бичами и изрыгали потоки брани. Вы могли здесь встретить грязных носильщиков с громадными лотками подгорелых хлебов, и крикливых старух со странными повязками, украшающими их седые волосы; в особенности эта улица была замечательна тем, что всякого проезжающего по ней до того растрясет, разобьет, измучит неровность мостовой, что он едва ли обратит внимание на окружающую местность.

Дом, в котором жил мистер Керсталь, английский живописец, был большим, угрюмым зданием с темной галереей. Посреди этой галереи была дверь, а в конце она выходила во двор, от которого несло запахом зелени, цыплят и вообще жильем. Дверь была открыта, и сэр Филипп с женой вошли в нее. Нигде не заметно было присутствия дворника или дворничихи, и только какая-то старуха, шатавшаяся в галерее, объяснила им, что мистер Керсталь живет на втором этаже. По темной, мрачной лестнице, покрытой вместо ковра густым слоем грязи, они поднялись и постучали в грязную, черную дверь. После довольно продолжительного ожидания дверь открылась, и они увидели на пороге старуху, походившую как две капли воды на ту, которая указала им дорогу.

Филипп спросил по-французски, дома ли старик Керсталь. Старуха ответила, что господин Керсталь-отец никого не принимает, но если они желают видеть господина Керсталя-сына, то он к их услугам.

Филипп ответил, что хочет видеть господина Керсталя-сына, и старуха провела баронета и его жену в гостиную, где заметны были следы старинной роскоши и где бронзовых часов и канделябров было вдвое больше, чем стульев и столов. Сэр Филипп отдал свою карточку старухе, и та отнесла ее в соседнюю комнату, из которой в полуоткрытую дверь хлынули облака табачного дыма.

Вскоре в дверях, в облаках дыма, как некое языческое божество, показался мужчина средних лет с черной бородой и в грязной голландской блузе с пятнами масляной краски. Это был Керсталь-сын. Он раскланялся с сэром Филиппом и спросил его, что могло доставить ему честь его посещения.

Филипп Джослин объяснил свое дело и рассказал живописцу, что более тридцати пяти

лет тому назад, мистер Майкл Керсталь, известный в то время живописец, написал портрет Генри Дунбара, единственного сына Персиваля Дунбара, известного банкира.

— Тридцать пять лет тому назад! — Живописец задумчиво поглаживал бороду. — Тридцать пять лет тому назад! Это очень давно, милорд, и я боюсь, что мой отец не вспомнит этого дела; с сожалением должен сознаться, что он с трудом вспоминает прошлое. Его память с некоторых пор очень слаба. Вы желаете узнать, куда девался этот портрет мистера Дунбара, не правда ли?

— Да, мы хотим, если возможно, увидеть этот портрет, — ответила Лора, хотя вопрос и был обращен к ее мужу. — Мистер Дунбар — мой отец, и это единственный портрет, когда-либо снятый с него. Я очень хотела бы увидеть его и купить, если возможно.

— И вы полагаете, что мой отец взял этот портрет с собой в Италию, когда он тридцать пять лет тому назад уехал из Англии?

— Да, я так слышала от моего дедушки. Он потерял из виду мистера Керсталя и никак не мог узнать, что стало с этим портретом. Но я не теряю надежды на успех. Как вы думаете, картина могла уцелеть? — спросила Лора.

— Очень возможно, что она пропала, — ответил художник, сомнительно качая головой. — Впрочем, так как она по-настоящему принадлежала мистеру Персивалю Дунбару, а не моему отцу, то, может быть, это обстоятельство и спасло ее от уничтожения в течение стольких лет. У моего отца валяются во всех углах целые кипы картин без рамок. Может, среди них есть и портрет мистера Дунбара.

— Ах, как я была бы вам благодарна, если бы вы позволили мне рассмотреть эти картины, — сказала Лора.

— Вы надеетесь узнать этот портрет?

— Да разве я могу ошибиться? Я хорошо знаю лицо моего отца, и надеюсь, что, несмотря на перемену, которая, конечно, произошла с ним за тридцать пять лет, я все-таки узнаю его. Пожалуйста, сэръ, позвольте мне взглянуть на эти картины.

— Я готов с величайшим удовольствием показать вам их, — добродушно ответил художник. — Я только схожу узнать, может ли мой отец принять посетителей. Он так давно уехал из Англии, что боюсь, не забыл ли он фамилию Дунбар; но очень возможно, что по какой-нибудь счастливой случайности он будет в состоянии помочь вам в ваших поисках.

С этими словами мистер Керсталь оставил своих посетителей и минут через десять возвратился к ним с известием, что отец готов принять сэра Филиппа и леди Джослин.

— Я говорил ему о мистере Дунбаре, — сказал живописец, — но он ничего не помнит. Он сегодня немного занимался и теперь в отличном расположении духа. Он вне себя от счастья, что может снова владеть кистью, но рука его ужасно дрожит, и он едва может держать палитру.

Художник провел их в большую комнату, довольно комфортабельную, но очень просто меблированную и натопленную до удушья. В конце комнаты под занавешенным альковом стояла кровать, у окна мольберт, а хозяин комнаты сидел в мягком кресле рядом с горячей печкой.

Майкл Керсталь на вид казался еще старше, чем был на самом деле. Это был красивый старик с длинными седыми волосами, ниспадавшими на воротник его сюртука, и с черной, бархатной ермолкой на голове. Он был веселый старик, и жизнь казалась ему счастливой; ибо французы имеют привычку почитать своих отцов и матерей, а мистер Фредерик Керсталь был натурализованный француз.

Старик раскланялся и приветливо улыбнулся, когда ему представили сэра Филиппа и Лору, потом он с особенной грацией указал на стулья, которые его сын придвинул для гостей.

— Вы желаете посмотреть картины, сэръ? Ах да, разумеется, разумеется! Новая школа живописи, сэръ, кажется старику какой-то странной. Старику, который помнит сэра Томаса Лоренца, — да, сэръ, я имел честь лично его знать. В те дни еще не было прерафаэлевских теорий, не было картин, в которых все фигуры словно вырезаны из цветной бумаги и

наклеены на канву; не было зеленых деревьев и красных драпировок и шоколадных полос на ультрамариновом фоне, которые теперь выдают за небо. Не было тогда угловатых подбородков, коленок и локтей, не было завитых, рыжих волос, не рыжих, а красных и курчавых, как у негров, а мне говорят, что теперешнее молодое поколение называет это красотой. Нет, сэръ, в мое время не было ничего подобного. В мое время был французский живописец по имени Давид и английский — Лоренц; они снимали портреты с мужчин и дам, и они основали джентльменскую школу живописи. Тогда ставили позади сюжета красную занавесь, давали ему в правую руку новую шляпу или сверток бумаги, а левую клали ему за жилет из лучшего, блестящего, черного атласа, и ваш сюжет имел вид джентльмена. Да, сэръ, хотя бы он входил в вашу мастерскую трубочистом, но выходил из нее всегда джентльменом.

Старик еще долго говорил, так как прерафаэлевские теории составляли его антипатию, и к тому же его сын принадлежал к этой ненавистной школе. Судя по его разговору, он, казалось, совершенно владел умственными способностями, и Лоре показалось, что его память вовсе не так слаба, как говорил его сын.

— Когда вы еще жили в Англии, мистер Керсталь, — сказала она, — до вашего отъезда в Италию вы написали портрет моего отца, Генри Дунбара, который тогда был молодым человеком. Помните ли вы это?

Лора с надеждой задала этот вопрос, но, к ее удивлению, мистер Керсталь не обратил внимания на него, а продолжал говорить об упадке новейшего искусства.

— Мне говорили о молодом человеке по имени Мильз и о другом молодом человеке по имени Гольмон Гунт — это настоящие мальчишки, сэръ; действительно, не более как мальчишки, а меня уверяли, что когда работы этих сорванцов выставлены в Лондонской королевской академии, то народ толпится около них и приходит в неистовый восторг; тогда как приличный джентльменский портрет депутата какого-нибудь графства не обращает на себя никакого внимания. Так мне сказали, сэръ, и я должен этому верить.

Лора с нетерпением слушала эту болтовню о живописцах и об их картинах. Но мистер Керсталь-сын заметил ее нетерпение и поспешил ей на помощь.

— Леди Джослин очень желала бы посмотреть на картины, которые у вас здесь разбросаны по комнате, милый папа, — сказал он. — Позвольте нам взглянуть на них.

Старик улыбнулся и утвердительно кивнул.

— Вы увидите, что это приличные, джентльменские картины, — сказал он. — Вы увидите, что они более или менее джентльменские.

— Вы точно знаете, что никогда не писали портрета с некоего мистера Дунбара? — серьезно произнес его сын, наклоняясь при этих словах к самому уху старика. — Постарайтесь, папа, вспомнить, не писали ли вы портрета Генри Дунбара, сына Персиваля Дунбара, знаменитого банкира?

Мистер Керсталь-отец, который не переставал улыбаться, кивнул головой в знак согласия, щелкнул языком, почесал голову и, казалось, погрузился в глубокую думу.

У Лоры снова появилась надежда.

— Я помню, что я писал портрет сэра Джаспера Ривингтона, который был лорд-мэром... в каком же это было году... нет, не припомню... знаю только, что я писал его во всем параде! Да, сэръ, ей-ей, в его официальном одеянии; он желал, чтобы я его изобразил выглядывающим из окна золотой кареты, чтобы я изобразил, как он раскланивается с народом, и чтобы на заднем плане красовался непременно купол Св. Павла; но я ему сказал, что эта идея неисполнима, я ему сказал, что это невозможно, я...

Лора с отчаянием взглянула на мистера Керсталя-сына.

— Можем мы взглянуть на картины? — сказала она. — Я уверена, что узнаю портрет отца, если только он сохранился каким-нибудь счастливым случаем.

— Так начнемте же сейчас, — отрывисто сказал художник. — Мы будем рассматривать ваши картины, папа.

Бесчисленное количество картин без рам и неоконченные эскизы валялись во всех

углах комнаты; иные были приставлены к стене; другие разбросаны на столах, третьи нагромождены на полках. Густые слои пыли покрывали все эти художественные произведения.

— Здесь когда-то была комната ужасов, — весело сказал мистер Керсталь-сын. — Сюда он всегда бросал неудавшиеся или неоконченные картины, эскизы будущих произведений, и то, что ему не удалось продать, и всякий негодный хлам из мастерской.

Тут была огромная коллекция произведений мистера Керсталя-отца, очень классических и неинтересных; тут были этюды с натуры, уродливые, некрасивые фигуры, набросанные карандашом и мелом; были до крайности приличные портреты джентльменов; но бедная Лора тщетно старалась найти портрет своего отца, тщетно искала среди всевозможных лиц строгое, холодное лицо Генри Дунбара, каким она себе представляла его в молодости. Тут были портреты пожилых дам с пышными головными уборами и улыбающихся молодых девушек с невинными короткими тальями и с цветами, грациозно выдававшимися на белом фоне их атласных платьев; тут были портреты сердитых пасторов, знаменитых столпов церкви и парламентских ничтожностей с либеральными биллями в руках и напряженно сжатыми губами, как бы говорившими, что они решились провести свое предложение или умереть в палате. Было также несколько портретов молодых людей в мундирах с воинственной наружностью, грозно смотрящих из-за высоких галстуков; на заднем плане этих портретов непременно красовались пирамиды пушечных ядер и в воздухе лопались бомбы. Лора тяжело вздохнула: между всеми этими портретами не было ни одного, который хоть несколько напомнил ей строгое, но прекрасное лицо ее отца.

— Боюсь, что портрет моего отца потерян или уничтожен, — сказала она с грустью.

Но мистер Керсталь-сын не хотел этого допустить. Чернобородый художник в замаранной краской блузе не устоял перед обворожительной прелестью леди Джослин и во что бы то ни стало хотел найти то, что она искала. Он задыхался от пыли, но готов был еще столько же проглотить ее, лишь бы доставить удовольствие прелестной леди.

— Не надо отчаиваться, леди Джослин, — весело сказал он, — у нас еще остались две полки для осмотра. Не начать ли нам вот с этой?

Он встал на стул и снял с полки целую кипу картин, еще грязнее прежних. Он положил их на стол рядом с мольбертом своего отца и, обтирая их большим, изорванным шелковым платком, выставлял на показ на мольберте. День был светлый, ясный, и потому не было недостатка в свете.

Мистер Керсталь-отец заинтересовался деятельностью своего сына и следил за молодым человеком с улыбкой и беспрестанным киванием головы, ясно выразившими его удовольствие.

— Да, это приличные, джентльменские портреты, — говорил старик, — никто не может у них этого отнять. Пускай там себе восстают против меня в академии, пускай отказывают в принятии моих картин на выставку, но никто не посмеет сказать, что мои картины не джентльменские. Нет, нет. Возьми чашку с водой и губку, Фред, и смой с них пыль. Мне приятно снова взглянуть на них, сэр. Ей-ей, сэр, я рад, что опять их вижу!

Мистер Фредерик Керсталь послушался, и картины значительно выиграли от прикосновения к ним сырой губки. Операция эта была довольно медленная; но Лора не проявляла нетерпения, ибо желала подробно рассмотреть каждую картину.

Старик очень повеселел при виде своих старых произведений, и начал называть имена их сюжетов.

— Это депутат Слоптона, — говорил он. — Портрет готовился в подарок, но условная сумма не была внесена, и он остался в моих руках. Я не помню, как звали этого депутата; у меня память не так-то хороша, как прежде, но город назывался Слоптон — да, да, Слоптон... Это я помню.

Молодой Керсталь снял с мольберта представителя Слоптона и выставил другой портрет. Но он так же, как и предыдущие, не имел никакого сходства с лицом, которое отыскивала Лора.

— Я этого также помню, — воскликнул старик с восторгом. — Он был офицером на службе ост-индской компании. Я его помню; он действительно был ловкий малый. Он заказал мне этот портрет для матери, заплатил треть денег при первом сеансе, а более я не видел от него ни гроша. Он уехал в Индию, пообещав выслать мне деньги с будущей почтой; но я после этого ничего не слыхал о нем.

Мистер Керсталь убрал индийского офицера и выставил новый портрет.

Сэр Филипп, сидевший близ окошка и не очень внимательно смотревший на выставку, теперь невольно воскликнул:

— Что за прекрасное лицо!

Это действительно было прекрасное лицо — веселое, молодое, гордо смотрящее на свет — чудное лицо, с некоторым оттенком надменности в изгибе верхней губы, резко выдававшейся из-под густых темных усов, щегольски закрученных кверху. Подобное лицо мог иметь временщик, любимец могущественного короля, какой-нибудь Сен-Марс на вершине своего могущества, или Букингам, когда он с торжеством подходил к трону Людовика XIV, рассыпая по полу бриллианты и алмазы и встречая взгляды Анны Австрийской, полные любви и нежности. Подобное лицо мог иметь только любимец счастья, баловень судьбы, презиравший всех на свете, считавший себя выше всех и всего. Но Лора Джослин покачала головой при взгляде на этот портрет.

— Я начинаю отчаиваться, что не найду портрета моего отца, — сказала она, — до сих пор я не видела ничего похожего на него.

Старик вдруг поднял свою костлявую руку и указал на картину.

— Я никогда ничего лучшего не делал, — сказал он. — Это лучшее мое произведение. Он был на академической выставке, тому тридцать шесть лет. Да, ей-ей, сэр, тому тридцать шесть лет! И газеты с похвалой отозвались о нем, сэр; но заказавший его возвратил мне картину для каких-то изменений. Выражение лица ему не нравилось; но он заплатил мне за картину двести гиней, и потому я не имел причины жаловаться; и, если бы я остался в Англии, знакомство с ним могло бы быть очень полезно для меня; они были богатые люди в Сити, сэр, очень богатые по банкирской части. Их звали, позвольте, позвольте!

И старик начал задумчиво хлопать рукой по лбу.

— Вспомнил! — вдруг воскликнул он. — Имя их было известно в Сити, имя их было известное — Дун-Дунбар-Дунбар.

— Да, папа, ведь я вас спрашивал об этом имени, полчаса тому назад.

— Право, не помню, о чем ты меня спрашивал, — отрывисто возразил старик, — но я знаю, что это портрет единственного сына мистера Дунбара.

Младший Керсталь взглянул на Лору Джослин в полной надежде, что ее лицо сияет радостью, но, к удивлению его, она казалась еще более грустной.

— Память вашего бедного отца изменяет ему, — сказала она вполголоса, — это не портрет моего отца.

— Нет, — сказал Филипп Джослин, — это вовсе не похоже на Генри Дунбара.

Мистер Фредерик Керсталь пожал плечами.

— Я вам говорил, — прошептал он, — я вам говорил, что мой отец совсем потерял память. Желаете вы досмотреть остальные картины?

— О да, если это вас не затруднит!

Мистер Керсталь принес последнюю кипу картин. Некоторые из них представляли вымышленные головки, другие — эскизы больших исторических картин. Портретов же было всего четыре, и ни один из них не выказывал ни малейшего сходства с лицом, которое Лора жаждала увидеть.

Старик по-прежнему улыбался, когда его сын выставлял картины на мольберте и временами делал замечания, которые молодой человек выслушивал с почтительным вниманием.

Когда выставка закончилась, баронет и его жена поблагодарили художника за любезность, и Филипп заказал копию с той картины, которая так понравилась его жене в

Лувре. Фредерик Керсталь проводил гостей до лестницы. Так завершилась попытка Лоры Дунбар отыскать портрет своего отца.

XII Письмо Маргариты

Бесцветной и бесцельной казалась жизнь бедному Клементу Остину после того, как Маргарита покинула его в Шорнклифе, когда через день или через два он возвратился в Лондон. Клемент сказал матери, что они расстались с Маргаритой, не объясняя почему.

— Я горько разочаровался, мне больно даже говорить об этом, — сказал он, и добрая мать не решилась расспрашивать его.

— Нечего делать, приходится мне этим довольствоваться, Клемент, — отвечала старушка. — Мне кажется, в последнее время мы переходим от одной загадки к другой. Но я не жалуясь: пока ты со мной, мне больше ничего не надо.

Клемент возвратился в Лондон. Жизнь потеряла для него всякую прелесть; как отживший старик, он осознал, что золотые мечты его юности рассеялись; семейное счастье, почетная, полезная деятельность — все пропало безвозвратно, и нечего ему ждать от будущего, кроме вечного упокоения после пустой, неудавшейся жизни.

— Я таким стариком стал, матушка, — говорил он, — таким разочарованным, дряхлым стариком.

Деловому человеку, привыкшему к работе, нет ничего тягостнее бездействия.

Клемент осознал всю тяжесть такого положения, но у него не хватало духу начать жизнь сначала, хотя многие крупные торговые дома непрерывно старались заманить к себе хорошо известного всем кассира банкирской фирмы «Дунбар, Дунбар и Балдерби». Он не решался снова попытаться счастья. Разочарование его было слишком жестоко, он боялся войти в новое соприкосновение с людьми. Час за часом, день за днем проводил он в грустных думах о былом, когда счастье казалось ему таким близким. И как глуп он был, как непростительно глуп! Ведь верил же он в Маргариту Вильмот безгранично, считал ее олицетворением правды и добра.

Однажды в голове его мелькнула мысль — мысль, которая представляла Маргариту Вильмот в еще более худшем свете, чем ее собственное признание. Одно только могло произвести в ней такую быструю перемену, склонить ее в пользу Генри Дунбара: миллионер подкупил ее! Правда и честность этой девушки имели, видно, свой предел, свою цену, и Генри Дунбар купил за деньги молчание дочери убитого им человека.

— Вот что заставило ее избегать меня в тот вечер, когда она твердила, что она отверженная, с которой честному человеку нельзя иметь ничего общего. О Маргарита! Горькой вещью должна быть бедность, если она могла довести тебя до такого унижения!

Чем больше молодой человек обдумывал этот вопрос, тем сильнее убеждался в том, что Генри Дунбар деньгами или угрозами заставил молчать Маргариту. Быть может, банкир запугал бедную девушку какой-нибудь страшной угрозой и вынудил ее расстаться с человеком, который так горячо любил ее, которого, быть может, и она любила, несмотря на все жестокие слова при прощании.

Клемент не мог, однако, окончательно допустить подобную низость в девушке, которая так долго пользовалась неограниченным его доверием. Сотни раз передумывал он все мельчайшие обстоятельства дела, прибегал к самым невероятным предположениям в надежде оправдать поступок Маргариты.

Случалось ему не раз видеть ее во сне: ее задумчивые, печальные глаза смотрели на него тихо, будто с немим упреком; потом являлась какая-то мрачная, незнакомая ему тень, вставала между ним и нею и застилала от его взоров прелестный образ Маргариты. Наконец, перебирая сотни раз малейшие ее слова и поступки, Клемент, несмотря на жестокие факты, которые, казалось, уличали ее, стал мало-помалу убеждаться в ее невинности.

Очевидно, поступок был низкий и предательский, на который Маргарита сама по себе

была не способна. Какая-нибудь тайна скрывалась за этим, и виновником всему был Генри Дунбар.

«Тень убитого видимым образом носится над нашими головами и заграждает нам путь к счастью; кровь его вопиет, требуя мести, — думал Клемент Остин. — И не будет мне покоя, пока не обнаружится тайна злодейства, совершенного в роще под Винчестером».

Эта мысль больше не покидала его ни на минуту и наконец привела его к твердой решимости расследовать винчестерское дело, прежде чем войти снова в обыденную житейскую колею.

В тот самый день, когда решение его было принято окончательно, он получил письмо от Маргариты Вильмот. Увидев знакомый почерк, он невольно вздрогнул от изумления и надежды. Письмо было очень короткое и чрезвычайно осторожное. Вот оно:

«Вы — хороший человек, мистер Остин, и хотя вы имеете основание презирать меня, я не думаю, чтобы вы не поверили моему свидетельству в пользу человека, которого совершенно несправедливо подозревали в ужасном преступлении: Генри Дунбар — не убийца моего отца. Призываю Небо в свидетели, что я говорю истину, одну истину. Пускай знание его невинности удовлетворит вас, и позвольте тайне убийства остаться навеки нераскрытой на этой земле. Бог ведает всю истину и, конечно, взыскал или взыщет с несчастного грешника, совершившего это преступление. Предоставьте же этого грешника, где бы он ни скрывался, Суду Божьему и забудьте, что вы когда-то знали меня и мою горестную историю. *Маргарита Вильмот*».

Это письмо, однако, не поколебало решимости Клемента. «Нет, Маргарита, — думал он, — даже твои мольбы не заставят меня отступить. К тому же, почему знать: может быть, это письмо написано под диктовку Генри Дунбара или под впечатлением его жестоких угроз? Нет, тайна винчестерского убийства будет разгадана, если только это возможно человеческому уму. Я не допущу, чтобы какая-нибудь тайна разлучила меня с женщиной, которую я люблю».

Клемент положил письмо Маргариты в карман и отправился в Скотланд-Ярд, где добился аудиенции у известного полицейского сыщика, мистера Картера. Это был маленького роста господин, довольно полный, с коротко остриженными волосами, очень маленькими воротничками у рубашки, в атласном галстуке и доверху застегнутом сюртуке. По наружности он походил на нечто среднее между армейским капитаном в отставке и разорившимся маклером, но его блестящие серые глаза, тонкие губы и резко выдающийся подбородок ясно говорили о твердости его характера. Клементу он с первого взгляда очень понравился.

Мистер Картер объяснил Клементу, что в настоящее время у них очень мало дел и что кошки Скотланд-Ярда не находили для себя достаточное количество мышей, поэтому он охотно готов посвятить немного времени на более обстоятельное исследование винчестерского убийства.

— Я возьму старые газеты, — сказал он, — и подробно ознакомлюсь с делом. Я был все прошедшее лето в Глазго по делу о знаменитой краже шотландских пледов и не обратил особого внимания на винчестерскую историю. Мистер Дунбар предложил награду за поимку злодея, не так ли?

— Да, но ведь это могла быть хитрость, чтобы отвести от себя подозрения.

— О, конечно, это могло быть, но этого могло и не быть. Вы должны всегда смотреть на подобные дела со всевозможных точек зрения. Начните свои поиски с убеждением, что этот человек виновен, и вы станете только подыскивать факты, доказывающие ваше мнение. По-моему, следует начать с начала: прежде выучить азбуку, а потом уже перейти к грамматике.

— Я бы желал помочь вам в этом деле, — сказал Клемент, — потому что от его результата зависит все счастье моей жизни.

— Вы скорее будете мне мешать, чем помогать, — ответил с улыбкой мистер Картер, — но все же милости просим со мной, если дадите слово, что будете держать язык за

зубами.

Клемент обещал хранить самое глубокое молчание об этом деле, и они расстались, очень довольные друг другом.

Через два дня сыщик явился к Клементу.

— Я изучил дело Вильмота, сэр, — сказал он, — и я полагаю, что теперь всего лучше исследовать местность, где совершено убийство; я поеду в Винчестер завтра утром.

— Я отправлюсь с вами, — поспешно ответил Клемент.

— Хорошо, мистер Остин, но захватите с собой чековую книжку, ибо подобные дела не раскрываются без денег.

XIII

Отрывки из дневника Клемента Остина во время его путешествия в Винчестер

«Если бы я был счастливым человеком и никакие заботы не тяготили бы мою душу, то, вероятно, общество сыщика, мистера Картера, было бы мне очень приятно. Этот человек пламенно любит свое ремесло и не признает, что в нем есть что-нибудь унижительное. Может быть, уверенность, что он приносит пользу, поддерживает в нем чувство собственного достоинства. Если, исполняя свою должность, ему приходилось делать много неприятных вещей, например, входить в дружбу с человеком, которого он преследовал, и в приятельской беседе, за стаканом вина, выпытывать роковую тайну или совершать такие дела, которые принято считать бесчестными, то он знал, что он исполнял свою обязанность, что общество не может существовать без таких смелых, решительных и неразборчивых на средства людей, роль которых та же самая, какую исполняют сторожевые собаки при стадах — наводить ужас на волков и прочих зверей.

Во время путешествия в Винчестер мистер Картер рассказывал мне много любопытных случаев из своей деятельной жизни. Я слушал его внимательно, но без всякого интереса. Я не мог ни о чем ни думать, ни говорить, кроме как о страшной тайне, которая разлучила меня с Маргаритой.

Чем больше я думаю о своем горестном положении, тем больше убеждаюсь, что Маргарита не бездушная, низкая женщина, что она не обманывала меня из корыстных мотивов. Я уверен, что она действовала не по своей воле; она дорого заплатила за свое желание во что бы то ни стало увидеть Генри Дунбара. Обойдя девушку каким-то непонятым коварством, какой-то дьявольской хитростью, этот человек заставил дочь своей жертвы явиться защитницей его невинности, вместо того чтобы предать его суду.

Без сомнения, какое-то странное, неожиданное стечение обстоятельств побудило Маргариту играть чуждую ей роль, жертвовать своим и моим счастьем. Во время последнего нашего свидания в Шорнклифе она так же глубоко страдала, как и я; я в этом вполне теперь убежден, но тогда меня ослепляли гордость и злоба, тогда я думал только о том, что она меня обижала, оскорбляла.

Три раза во время путешествия из Лондона в Винчестер я принимался перечитывать странное письмо Маргариты с намерением довериться мистеру Картеру и показать ему это письмо. Но для этого мне нужно было рассказать историю моей любви и моего теперешнего горя; я никак не мог решиться на это, хотя и понимал, какие важные открытия мог сделать мистер Картер, прочитав это письмо. Очень вероятно, что он нашел бы какой-нибудь тайный смысл в совершенно непонятных для меня словах. Полицейская наука учит своих адептов отгадывать то, что скрывается под выражениями совершенно простыми и незначащими для всех других людей.

Мы приехали в Винчестер в полдень, и мистер Картер предложил прямо отправиться в отель «Джордж», в котором останавливался Генри Дунбар во время роковой истории.

— Нам лучше всего остановиться в том самом отеле, где жило подозреваемое нами лицо при тех обстоятельствах, которые мы приехали исследовать, — сказал мистер Картер,

когда, отдав свои вещи носильщику, мы вышли из вокзала. — Поселившись в этом отеле, мы соберем множество сведений, не обращая на себя никакого внимания; а эти сведения, сами по себе ничего не значащие, взятые вместе, составят, быть может, необходимые звенья общей цепи доказательств. Ну-с, мистер Остин, мне нужно вам сказать несколько слов, прежде чем мы начнем это дело. Вы только любитель и не знакомы с нашим ремеслом, потому с самыми лучшими намерениями на свете вы можете испортить все дело. Я же взялся за него и намерен исполнить свою обязанность добросовестно, что и заставляет меня быть с вами откровенным. Согласны ли вы слушаться меня?

— Я вам сказал, мистер Картер, что я совершенно согласен исполнять все ваши приказания, если этим могу принести какую-нибудь пользу нашему делу.

— Отлично, — ответил он. — Итак, к делу. Прежде всего мы с вами — джентльмены, которые не знают, что делать с собой и со своими деньгами; мы много наслышаны о Винчестере как об отличном месте для рыбалки; и приехали провести здесь с недельку времени. Если нам здесь понравится, то приедем на все лето и остановимся в этом же отеле, который, по нашему мнению, лучший отель в Англии, особенно в нем великолепно готовят жареную рыбу и черепаховый суп. Помните, это — первый пункт; придерживаясь его, мы ставим себя в отличное положение: и хозяин, и прислуга в надежде на наш вторичный приезд будут всячески стараться нам услужить и расскажут все, что знают. Теперь перейдем ко второму пункту, который состоит в том, что мы решительно ничего не знаем об убитом здесь человеке. Мы слышали о мистере Дунбаре, потому что он один из сильных мира сего, и читали в газетах истории про убийство, но оно нас несколько не заинтересовало. Это заставит хозяина и прислугу рассказать нам подробно всю историю, все, что говорили, думали и подозревали о ней. Когда они достаточно наговорятся, мы начнем выказывать, что это дело нас интересует, и мало-помалу я начну им задавать вопросы; таким образом, мы узнаем все малейшие подробности дела. Вы, вероятно, захотите помочь мне, мистер Остин, и я составил план, исполняя который, вы истинно окажете мне большую услугу.

Я поспешил объяснить мистеру Картеру, что от всей души желаю ему помочь, хотя эта помощь и не могла быть очень значительна.

— Так я скажу, что вы можете сделать. Я не буду заговаривать о вопросе, интересующем нас, иначе я выдал бы себя и испортил бы все дело. Я не хочу этим сказать, что кто-нибудь стал бы противодействовать мне, если б стало известно, что я — Генри Картер, сыщик из Скотланд-Ярда. Напротив, они тогда все сломя голову бросились бы мне помогать, а вышло бы знаете что? Том бы говорил мне одно, Дик объяснял другое, Гарри вспоминал третье, и все они вместе наварили бы такой каши, что и не расхлебать. Мол задача — как можно более держаться в тени, не начинать самому разговоров, а терпеливо ждать, пока другие заговорят о Джозефе Вильмоте; впрочем, я не думаю, чтобы мне пришлось долго ждать. Ваша обязанность будет очень легкая: вы будете постоянно говорить, что вам надо написать множество писем, и как только вы услышите, что я разговорился с хозяином или с одним из слуг, то тотчас принимайтесь за письмо.

— Вы хотите, чтобы я записывал ваш разговор? — сказал я.

— Вы угадали. Вы должны вести себя так, как будто вас вовсе не интересуют рассказы об убийстве и вы совершенно погружены в свои письма. Но между тем вы запишете слово в слово все, что будет говориться об этом деле. Не обращайтесь внимания на мои вопросы, и записывайте только ответы как можно яснее и короче. Не беспокойтесь приводить их в систему, это мое дело, от вас требуется только одно — молчите и пишите.

Я обещал исполнить его приказание как можно лучше. Мы приближались в это время к отелю, и я не мог не вспомнить о том светлом летнем дне, когда Генри Дунбар и его жертва въехали в Винчестер, из которого один из них никогда не должен был выехать. Убеждение в виновности банкира так крепко засело в мою голову со времени странной сцены в банке, что я смотрел на Генри Дунбара как на преступника, приговоренного судом. Меня удивляло, когда сыщик говорил об этом преступлении как о вещи недоказанной.

Погода была сырая, ветреная, и на большой улице Винчестера было мало народу. Нас

приняли очень радушно в отеле и отвели три комнаты, из которых одна была гостиная, а остальные две — спальни. Я заказал обед к шести часам, получив, конечно, предварительно согласие мистера Картера, который очень внимательно осматривал все углы комнаты, точно думал найти какие-нибудь сведения о расследуемом деле в занавесах, в ковре и т. д. Вероятно, долгий опыт приучил его невольно обращать внимание на всякий, даже ничего не значащий предмет.

Я с радостью уселся у камина, в котором пылал огонь; мой товарищ между тем ходил взад и вперед по комнате, засунув руки в карманы и насупив брови.

Награда, назначенная правительством за раскрытие убийства Джозефа Вильмота, была обыкновенная — сто фунтов; я же со своей стороны обещал мистеру Картеру удвоить эту сумму, если ему удастся объяснить тайну. Таким образом, ставка состояла из двухсот фунтов, а из-за такой суммы, по словам мистера Картера, стоило начать игру. Я дал письменное обязательство выплатить обещанные сто фунтов в тот самый день, когда убийца Джозефа Вильмота будет арестован. Я ничем не рисковал, давая это обещание, ибо отложил около тысячи фунтов в течение моей двенадцатилетней службы в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби».

Я видел по выражению лица мистера Картера, что он был погружен в глубокую думу. Он выпил бутылку содовой воды и рюмку коньяку, который принес ему слуга по моему приказанию, но не сказал ему ни слова. Когда слуга вышел из комнаты, он подошел ко мне.

— Мне надо поговорить с вами серьезно, сэр, — сказал он.

Я ответил, что готов выслушать все, что ему угодно будет мне сказать.

— Когда вы поручаете ваше дело сыщику, сэр, — начал он, — то должны питать к нему полное доверие. Если вы не доверяете ему, то не имейте с ним никакого дела, потому что если ему нельзя доверить всех самых священных тайн, то он мошенник, подлец, и не принесет вам никакой пользы. Но когда вам служит человек, которого вам рекомендовали люди, хорошо знающие его, то доверьтесь ему вполне и безбоязненно расскажите все, что знаете, не скрывая ничего, потому что в сумерках, при полусвете, все же лучше работать, чем в совершенном мраке. Зачем я вам говорю это, мистер Остин? Вы это знаете так же хорошо, как я. Однако вы мне не вполне доверяете.

— Я вам сказал все, что вам необходимо было знать, — ответил я.

— Нет, сэр. Мне необходимо знать все, если вы хотите, чтобы это дело увенчалось успехом. Вы боитесь вполне довериться мне; но неужели вы так невинны, сэр, и не знаете, что человек, занимающийся нашим ремеслом, приучается зорко глядеть, так, что ничто не ускользает от него. Я знаю очень хорошо, что вы скрываете от меня что-то, хотя, по-видимому, питаете ко мне доверие. В вагоне вы три раза вынимали какое-то письмо, перечитывали его несколько раз и смотрели на меня в нерешительности. Вы думали, что меня очень занимали поля за окном, но я был бы круглым дураком и не годился в сыщики, если бы не следил за вами. Я видел ясно, что вы хотели, но не решались показать мне письмо, почему нетрудно догадаться, что оно касалось винчестерского убийства.

Мистер Картер замолчал и прислонился к камину. Я несколько не удивился, что он угадал мои мысли, и стал серьезно обдумывать его слова. Конечно, он прав; но как мог я открыть полицейскому чиновнику тайну моего сердца — рассказать ему горькую повесть моей любви?

— Доверьтесь мне вполне, мистер Остин, — начал снова Картер. — Если вы желаете, чтобы я вам принес какую-нибудь пользу, то не скрывайте от меня ничего, ибо, может быть, то, чего вы мне не скажете, всего важнее для меня.

— Не думаю, — ответил я, — но, во всяком случае, я считаю вас честным, благородным человеком и намерен вам вполне довериться. Вы, вероятно, удивляетесь, почему я принимаю такое участие в этом деле?

— Ну-с, по правде сказать, немного странно, что посторонний человек стал хлопотать о раскрытии убийства, совершенного с год тому назад! Я не могу себе это объяснить иначе как тем, что вы родственник убитого, но и то родственники в подобных случаях выказывают

гораздо больше хладнокровия.

Я ответил, что никогда не видел в лицо убитого и даже не слышал его имени до роковой истории.

— В таком случае я решительно не понимаю причины, побуждающей вас хлопотать об этом деле, — сказал мистер Картер.

— Мистер Картер, я уверен, что вы честный человек, и не буду скрывать от вас ничего, — ответил я. — Но для этого я должен рассказать вам длинную историю, и, что еще хуже, историю любви.

Я чувствовал, что покраснел, произнося эти слова, и мне стало совестно, зачем я покраснел.

— Не бойтесь рассказывать эту историю, потому что она сентиментальная, — сказал мистер Картер, заметив мое смущение, — слава Богу, я наслушался любовных историй. Нет почти такого дела в нашей практике, в котором не была бы замешана какая-нибудь особа. Помните, как мудрец в восточной сказке, слыша о драке, пожаре или каком-то другом несчастье, всегда спрашивал: кто она? По его понятиям, женщины были главной причиной всякого дурного дела или несчастья. Если бы этот мудрец жил в наше время и служил бы сыщиком, он не переменял бы своего мнения. Так не стыдитесь рассказывать историю своей любви; я сам когда-то был влюблен, несмотря на то, что кажусь таким сухим и бесчувственным. Я женился на любимой женщине, и она, добрая душа, до сих пор не подозревает, каким ремеслом я занимаюсь; она полагает, что я служу где-то в Сити.

Эта неожиданная откровенность мистера Картера была так чистосердечна, что я еще с большим доверием приступил к рассказу.

Я передал ему как можно короче историю моего знакомства с Маргаритой, неудачные ее попытки увидеть Генри Дунбара, наше путешествие в Шорнклиф, и странное поведение Маргариты после свидания с человеком, которого она жаждала увидеть.

Рассказ мой продолжался более часа, несмотря на мою краткость. Мистер Картер все это время очень внимательно слушал, устремив на меня испытующий взгляд и выбивая пальцами у себя на коленях какую-то музыкальную дробь. Ясно было, что он не только слушал, но и обдумывал, оценивал мои слова. Когда я окончил свой рассказ, он не сказал ни слова и продолжал несколько минут думать по-прежнему.

— До встречи с Генри Дунбаром в Модслей-Аббэ мисс Вильмот, вы говорите, была убеждена, что он убийца ее отца? — спросил он наконец.

— Да.

— А после встречи она вдруг переменяла свое мнение и стала утверждать, что банкир невиновен?

— Да, когда Маргарита возвратилась из Модслей-Аббэ, она выразила свое твердое убеждение в невиновности Генри Дунбара.

— И отказалась выйти за вас замуж?

— Да.

Мистер Картер перестал барабанить пальцами по колену и, устремив на меня взгляд, стал медленно проводить рукой по волосам. По выражению его глаз я видел ясно, что он вовсе не смотрел на меня, а был погружен в глубокую думу.

Я следил за мрачным выражением его лица, надеясь, что вот-вот оно прояснится, но я ждал напрасно. Очевидно, он никак не мог разгадать роковой тайны; поведение Маргариты оставалось для него такой же загадкой, как и для меня.

— Мистер Дунбар — очень богатый человек, а деньги много значат в подобных делах, — сказал он наконец. — Какой-то политик, сэр Роберт, но только не сэр Роберт Пиль, говорил, что всякий человек может быть оценен деньгами. Как вы думаете, возможно ли, чтобы мисс Вильмот была подкуплена банкиром?

— Как? Чтобы она взяла деньги от человека, которого подозревала в убийстве своего отца, от человека, который был ее врагом? Нет, она не способна на такую низость. Мысль о подкупе приходила мне в голову в первую минуту гнева и злобы, но я и тогда отбросил ее

как совершенно невероятную. Теперь же, хладнокровно обдумывая этот вопрос, я вполне сознаю всю невероятность подобного поступка с ее стороны. Если Маргарита действовала под влиянием Генри Дунбара, то причину этого можно искать только в страхе, внезапно овладевшем ею после свидания с банкиром. Богу одному известно, что между ними произошло; может быть, он угрозами успел смирить неустрашимую девушку. Человек, который мог хитростью заманить в уединенное место своего старого слугу и там убить его, человек, который не питал ни малейшего сожаления к соучастнику своего давнишнего преступления, к товарищу своих юношеских лет, пожертвовавшему своим добрым именем, чтобы спасти его от беды, этот человек, конечно, не пожалеет бедной, беспомощной девушки, осмелившейся взять на себя роль его обвинительницы.

— Но вы говорите, что мисс Вильмот отличалась удивительной решимостью и энергией. Вероятно ли, чтоб ее могли запугать угрозы мистера Дунбара? Да и в чем могли состоять эти угрозы?

— Я решительно не знаю, — ответил я, качая головой, — но я имею основательные причины утверждать, что Маргарита, возвратившись из Модслей-Аббэ, была под влиянием сильного испуга.

— Какие причины? — спросил мистер Картер.

— Ее обращение было достаточным доказательством, что она очень испугана. Ее лицо было бледно, как лист бумаги; она дрожала всем телом, и когда я подошел к ней, то она отскочила от меня, как будто от чего-то страшного.

— Можете ли вы мне повторить все, что она говорила в ту ночь и на следующее утро? — спросил мистер Картер.

Мне не очень хотелось растревлять старые раны в угождение сыщику, но было бы бессмысленно не исполнить справедливого требования человека, который действовал в мою пользу. Я слишком любил Маргариту, чтобы забыть хоть одно слово, произнесенное ею, даже в самое беззаботное, счастливое время; тем более я имел причину помнить жестокую, роковую сцену нашего расставания и странное поведение Маргариты по возвращении из Модслей-Аббэ. Поэтому я рассказал мистеру Картеру слово в слово все, что говорила Маргарита в эти памятные для меня дни. Когда я закончил, он снова впал в глубокое раздумье, и в комнате наступило мертвое молчание, прерываемое только заунывным стуком часов.

— Одно только во всем вашем рассказе поражает меня, — начал после продолжительного молчания мистер Картер, — меня поражают слова мисс Вильмот, что ее прикосновение может опозорить вас, что она недостойна быть женой честного человека. Эти слова невольно возбуждают сомнение, не подкуплена ли она действительно мистером Дунбаром. Я все это время обдумывал эти слова, и старался всячески объяснить их себе. По всей вероятности, она подкуплена и стыдится своего низкого поступка.

Я объяснил мистеру Картеру, что никогда этому не поверю.

— Может быть, сэр; тем не менее это не мешает моему мнению быть справедливым. Иначе невозможно объяснить загадочных слов мисс Вильмот. Если мистер Дунбар действительно невиновен или, как бы то ни было, успел убедить ее в своей невинности, то она прямо бы сказала вам: «Я ошибалась, и мне очень жаль, что мы ложно подозревали мистера Дунбара. Он совершенно невиновен в убийстве моего бедного отца». Но что же делает девушка? Она прячется в коридоре, дрожит, бледнеет и говорит: «Я — низкое создание, не дотрагивайтесь до меня, не подходите ко мне». Это очень походит на женщину — взять деньги и потом раскаиваться.

Я ничего не отвечал: мне было горько слышать, что о моей бедной Маргарите отзывались таким образом. Но делать нечего: невозможно было скрывать дальше роковую тайну моего сердца. Я нуждался в помощи мистера Картера. Маргарита была потеряна для меня в настоящую минуту, и единственная надежда на счастливое будущее заключалась в искусстве мистера Картера открыть тайну необъяснимой смерти Джозефа Вильмота.

— А покажите-ка мне письмо! — воскликнул сыщик, протягивая руку.

Я посмотрел на него с отвращением, я ненавидел его в эту минуту, но делать было нечего; я достал из кармана письмо Маргариты и подал ему. Он медленно прочел его, потом перечел его во второй раз, в третий, и так до шести. Все это время лицо его было очень серьезно, задумчиво; но, когда он возвратил мне письмо, глаза его засверкали и на губах появилась улыбка.

— Ну что? — спросил я.

— Это письмо — совершенно чистосердечное, сэ, — ответил мистер Картер, — девушка не писала его ни под диктовку чужого человека, ни из-за денег. В нем проглядывает истинное чувство, если я могу так выразиться, — сердце, сердце женщины, а когда в деле замешано сердце женщины, то не ищите ума. Сравнивая это письмо со словами, сказанными вам в коридоре отеля, я вывожу самое блистательное заключение, до которого когда-либо доходил сыщик.

При этих словах вечно серьезное лицо мистера Картера покрылось ярким румянцем — верным признаком неожиданной радости. Он заходил взад и вперед по комнате, не задумчиво и медленно, как всегда, а поспешно, бодро и весело. Я видел ясно, что письмо произвело на него какое-то положительное впечатление.

— Вы нашли ключ к тайне? — воскликнул я. — Вы видите...

— Не торопитесь, сэ, — перебил он меня, нетерпеливо махнув рукой, — когда вы сбились с дороги в темную ночь и видите вдаль свет, то не бейте в ладоши, не кричите «ура», прежде чем узнаете, какой это свет. Это — может быть, блуждающий огонек, а может быть, и свет в доме, который вы ищете. Предоставьте это дело мне и не торопитесь делать заключения. Я исследую все основательно, и тогда только скажу свое мнение. А теперь пойдете погуляем и посмотрим то место, на котором было найдено тело убитого.

— Но как же мы отыщем это место? — спросил я, надевая шляпу и пальто.

— Да любой прохожий укажет нам, — ответил мистер Картер. — Не всякий день случаются в Винчестере убийства, и потому не сомневаюсь, что жители знают цену подобным происшествиям. Поверьте мне, это место известно всем и каждому.

Было пять часов пополудни, и мы, сойдя вниз, вышли на мирную и безлюдную улицу. Холодный ветер дул беспощадно и гнезда ласточек колыхались на обнаженных макушках деревьев. Я никогда не бывал в Винчестере и с удовольствием смотрел на старинные дома, красивый собор, зеленые поля и веселые ручьи. Вся эта сцена своей мирной тишиной произвела на меня сильное впечатление, и я невольно подумал, что если бы человеку суждено было вести уединенную, несчастную жизнь, то Винчестер — лучшее место для этого. В этом унылом, сонном, всеми забытом уголке мрачное однообразие дня прерывалось только гулом соборных колоколов или боем городских часов.

Мистер Картер основательно изучал все малейшие обстоятельства, имевшие хоть какую-нибудь связь с убийством Джозефа Вильмота. Нам указали дверь, через которую Генри Дунбар вошел в собор, тропинку, по которой банкир со своим старым слугой отправились в рощу. Мы пошли по этой тропинке в сопровождении мальчика, который удил рыбу неподалеку. Он взялся быть нашим провожатым и привел нас на то самое место, где было найдено тело убитого. Тут росла высокая береза, и, указывая на нее, мальчик сказал:

— Здесь в роще немного берез, а эта — самая большая, потому это место очень легко найти. Погода стояла очень сухая, в прошлом августе во время убийства, и воды в ручьях было вдвое меньше, чем теперь.

— А глубина везде одинаковая? — спросил мистер Картер.

— О нет, — ответил проводник, — поэтому здесь очень опасно купаться; в иных местах чрезвычайно мелко, зато в других большие обрывы, так что если вы не отлично плаваете, то лучше не ходите в воду.

Мистер Картер дал мальчику шесть пенсов и отпустил его; мы же прошли немного дальше и вернулись к собору. Мой товарищ молчал в течение всей прогулки. Перемена, происшедшая в нем после прочтения письма Маргариты, удвоила во мне доверие к нему, и я теперь терпеливее ожидал результата его поисков. Мало-помалу я осознал всю святость дела,

которое взял на себя; мне предстояло не только открыть тайну странного поведения Маргариты, но и исполнить долг гражданина, стараясь всеми средствами найти убийцу Джозефа Вильмота.

Если бездушному злодею позволили жить припеваючи, гордо подымать голову в качестве владельца Модслей-Аббэ и главы торгового дома, пользовавшегося в течение двух веков честной славой, то ясно, что преступление терпимо обществом, потому что оно совершено одним из сильных мира сего. Если бы Генри Дунбар был нищий, который с голоду в минуту безумной злобы против человеческой несправедливости и неравенства поднял бы руку на своего богатого ближнего, то, конечно, полиция беспощадно преследовала бы его и довела рано или поздно до виселицы. Но в этом деле человек, возбуждавший законные подозрения, обладал высшей добродетелью, доступной нам, обладал миллионами, и полиция, так ловко преследующая низких и несчастных мошенников, отворачивалась и почтительно объясняла, что Генри Дунбар слишком великий человек, чтобы совершить такое дьявольское преступление. Эти и подобные мысли занимали меня, когда мы возвращались в гостиницу. Мы очутились дома не ранее половины седьмого и гостиничный слуга ждал уже нас с нетерпением, боясь, чтобы рыба не перестояла.

Пока мы обедали, я ожидал каждую минуту, что мистер Картер заговорит с ним об интересовавшем нас предмете; но он говорил все о посторонних предметах: о Винчестере, о последней судебной сессии, о погоде, о рыбалке — обо всем, кроме убийства мистера Вильмота. Только после обеда, когда на столе появились какие-то окаменелости, которые слуга выдавал за миндаль и изюм, мистер Картер приступил к делу. Впрочем, предварительная перестрелка была не без пользы: слуга стал очень разговорчив, откровенен и готов был рассказать все, что только знал. Я предоставил моему товарищу распоряжаться всем, и нельзя было без улыбки смотреть, как он, развалясь в кресле и держа в руках преysкурant вин, глубокомысленно рассуждал, который портвейн лучше: светлый, в сорок два шиллинга, или темный — в сорок пять.

— Я думаю, лучше попробовать номер пятнадцатый, — сказал он, отдавая преysкурant слуге. — Но смотрите, наливайте в графин осторожнее. Я надеюсь, что у вас погреб не очень холодный.

— О нет, сэр, хозяин наш очень заботится о погребе, — ответил слуга, выходя из комнаты, вполне убежденный, что имеет дело с двумя знатоками.

— Вам нужно закончить эти письма к десяти часам, мистер Остин, — сказал сыщик, когда вернулся слуга с графином портвейна на серебряном подносе.

Я понял намек и тотчас приготовил все, что нужно для письма, на маленьком столике у камина. Мистер Картер подал мне свечку, и я написал несколько строк к матери, пока он молча пил свой портвейн.

— Порядочное вино, — сказал он наконец, — очень порядочное; не знаете ли вы, откуда ваш хозяин достает его? Нет, не знаете. Вероятно, он сам разливал его в бутылки. Очень может быть, что он купил это вино на распродаже в Варен-Корте. Налейте себе стакан, — продолжал он, обращаясь к слуге, — а графин поставьте к камину, вино-то немного холодное. Да, кстати, я на днях слышал похвалы вашим винам от одного значительного, очень значительного человека.

— Неужели, сэр! — промолвил слуга, который, стоя на приличном расстоянии, очень тихо, почтительно отхлебывал свое вино.

— Да, о вашем отеле очень лестно отзывался не кто иной, как знаменитый банкир мистер Дунбар.

Лицо слуги просияло, и я, отложив в сторону письмо, которое начал писать матери, приготовил чистый лист бумаги для записывания слов слуги.

— Это, однако, была очень странная история, — сказал мистер Картер, обращаясь к слуге. — Налейте себе еще стакан; мой друг не пьет портвейна, и если вы мне не поможете, то я выпью всю бутылку и буду нездоров. Скажите, между прочим, вас допрашивали на следствии по делу об убийстве Джозефа Вильмота?

— Нет, — поспешно ответил слуга, — меня не допрашивали, хотя теперь и говорят, что нас должны были всех приводить к допросу. Вот видите, сэр, бывают такие вещи, которые один заметит, а другой — нет. Конечно, нашему брату не следует соваться вперед со всяким вздором, но ведь из целого вороха таких мелочей можно узнать что-нибудь и полезное.

— Но, конечно, кого-нибудь из ваших допрашивали? — сказал мистер Картер.

— О да, сэр, — ответил слуга, — прежде всего допрашивали хозяина, а потом буфетчика Бригмоля; но, сэр, надо сказать, что Вильям Бригмоль так занят собой, своими галстуками, воротничками, золотыми цепочками, что едва обратил бы внимание, если бы земля разверзлась и поглотила полмира. Я вам говорю это по чистой совести, без всякой злобы на Вильяма Бригмоля, с которым мы вместе служим вот уже скоро одиннадцать лет. Он, говорят, здесь буфетчиком целых тридцать лет, а, право, я не знаю, какая от него польза, кроме его манер и искусства заставлять скромных посетителей требовать дорогих вин. Что же касается следствия, то по этой части он столько же принес пользы, как римский папа.

— Но отчего же Бригмоля допрашивали предпочтительно перед другими?

— Потому что предполагали, что он знает об этом деле более всех нас, так как мистер Дунбар ему заказывал обед. Но я и горничная Элиза Джэн были в холле в ту самую минуту, когда вышли оба джентльмена.

— Так вы их видели обоих?

— Да, сэр, так же хорошо, как я вас вижу теперь. Признаться сказать, я очень удивился, когда оказалось, что убитый джентльмен был не кто иной, как лакей.

— А вы не очень-то продвигаетесь с вашим письмом, — сказал мистер Картер, многозначительно взглянув на меня.

Я до сих пор еще ничего не записал, ибо не видел ничего важного в словах слуги; но теперь, поняв намек сыщика, принялся за дело.

— Отчего вас так удивило, что один из джентльменов был лакей? — спросил мистер Картер.

— Потому, сэр, что он казался истинным, природным джентльменом, — ответил слуга, — не то чтобы он был благороднее на вид, чем мистер Дунбар, или одет лучше его, напротив, платье мистера Дунбара было новее и красивее, но он отличался какой-то особенной небрежностью — верным признаком высокого происхождения.

— Какого вида был этот человек?

— Гораздо тоньше, бледнее и красивее мистера Дунбара.

Я записал слова слуги, но не мог не подумать при этом, что весь этот разговор был без всякой пользы.

— Бледнее и тоньше мистера Дунбара, — повторил сыщик. — Гм! Но вы еще заметили, что имели что-то сказать на допросе, если бы вас призвали в суд. Что это такое?

— Я вам скажу, сэр, это мелочь, безделица; я часто говорил об этом Вильяму Бригмоллю и другим, но они уверяют, что я ошибся; а Элиза Джэн, глупая, ветреная девчонка, не может поддержать меня. Но я торжественно заявляю, что говорю правду и нисколько не ошибаюсь. Когда оба джентльмена вошли в холл, то сюртук того из них, которого после убили, застегнут был на все пуговицы, кроме одной, и в это отверстие виднелась большая золотая цепочка.

— Ну так что же из этого?

— Сюртук другого джентльмена был расстегнут, и я очень хорошо заметил, что на нем не было никакой цепочки. Но когда он возвратился после прогулки один, то я увидел на нем золотую цепочку, и, если я не ошибаюсь, ту самую, которая виднелась на груди убитого. Я готов почти утверждать, что это — та же самая цепочка, ибо золото было особенно темного цвета. Я все это сообразил только впоследствии и, конечно, очень удивился этому странному случаю.

— Не знаете ли вы еще чего?

— Нет. Ах да, Бригмоль однажды за ужином, через несколько недель после следствия, рассказал нам, что когда мистер Дунбар открывал перед ним свою шкатулку, то долго

возился с ключами и никак не мог найти нужного ключа.

— Вероятно, он был очень смущен и руки у него дрожали? — сказал сыщик.

— Нет, сэр. По словам Бригмоля, мистер Дунбар казался совершенно хладнокровным, как будто железным. Но дело в том, что он пробовал то тот, то другой ключ, пока не нашел наконец подходящий.

— Неужели! Это, действительно, странно.

— Но я надеюсь, сэр, что все, что я вам сказал, останется между нами, — сказал слуга, — я не имел ни малейшего намерения оскорбить мистера Дунбара, а только отвечал на ваши вопросы и...

— Не бойтесь ничего, любезный, — ответил сыщик. — Вы можете без опасения сказать все, что знаете. Много о подобных делах не попадает в газеты, и потому любопытно и интересно послушать рассказ очевидца. Сделайте одолжение, принесите нам чаю, и, пока вы его будете заваривать, вы можете кое-что еще нам рассказать.

Слова эти, видимо, успокоили лакея, и он, взяв поднос, вышел из комнаты.

— Ну, — сказал мистер Картер, — мой приятель, владелец Модслей-Аббэ, попался в мои когти или уж я очень ошибаюсь.

— Неужели! Каким образом? — спросил я с удивлением. — Все толки о золотой цепочке должны быть вздором. К чему Генри Дунбару часы и цепочка Джозефа Вильмота?

— Вы совершенно правы, — ответил мистер Картер. — К чему Генри Дунбару цепочка Джозефа Вильмота? Вот один вопрос. Почему дочь Джозефа Вильмота старается всеми силами защитить Генри Дунбара после свидания с ним? Вот вам и второй вопрос. Попробуйте-ка их разрешить.

Я ответил, что, вероятно, слова мистера Картера ничего более как мистификация и что ему вполне удалось меня поразить.

Мистер Картер засмеялся с видом торжества.

— Не беспокойтесь об этом, сэр; предоставьте мне это дело, а я уж его устрою. Подождите конца, мистер Остин, и не теряйте терпения. Знаете ли, что я намерен сделать завтра?

— Нет, не знаю.

— Я больше не буду терять времени на пустые расспросы. Я велю выкачать всю воду из ручья на том месте, где совершено убийство. Я постараюсь найти платье несчастного Джозефа Вильмота».

XIV

Продолжение дневника Клемента Остина

«Остальная часть вечера прошла довольно тихо. Мистер Картер выпил свой чай, потом попросил у меня позволения пойти на улицу покурить. Когда он ушел, я снова принялся за письмо к матери. Окончив его, я вышел из отеля, чтобы опустить письмо в почтовый ящик. Ночь была светлая, холодная, и я с большим удовольствием дышал свежим воздухом, ибо от треволнений этого дня у меня разболелась голова. Почтамт находился на узенькой улице, неподалеку от отеля. На обратном пути, выйдя на большую улицу, я с удивлением увидел на противоположной стороне женскую фигуру. Она до того была похожа на Маргариту, что я испугался, словно увидел привидение. Я приписал это нервному раздражению и решил покончить это дело разом; я поспешно перешел через улицу и подошел к девушке, лицо которой было скрыто толстой вуалью.

— Мисс Вильмот, Маргарита! — воскликнул я.

Мне казалось невозможным, чтобы Маргарита была в Винчестере, и, по-видимому, я был прав; девушка гордо подняла голову и поспешила перейти улицу, как будто приняла мои слова за оскорбление. Я следил за ней, пока она не исчезла в одном из боковых переулков.

Я вернулся в отель и, усевшись перед камином, взял газету, но не мог прочесть ни одной строчки — так далеко были мои мысли от того, что я читал. Мистер Картер пришел не

раньше одиннадцати часов; он был в очень хорошем расположении духа и выпил в один прием целый графин грога. Но как я ни допрашивал, я не мог от него ничего добиться, исключая то, что завтра он намерен начать поиски платья убитого. Я спросил, зачем ему нужно это платье и какую пользу принесет ему эта находка; но он только сказал, что я сам пойму, когда увижу.

Сегодня несчастный день, день ужасных открытий, но все же он не совершенно горестный, ибо великое открытие, сделанное нами, оправдало мою веру в женщину, которую я люблю.

Утро было холодное, дождливое, лучи солнца не пробивались сквозь мрачные, серые облака, покрывшие небо, и густая пелена тумана застилала весь пейзаж.

Мы встали рано и поспешно позавтракали. Несмотря на кажущееся спокойствие сыщика, я видел ясно, что он взволнован. Он выпил только чашку крепкого чаю и, съев кусок жареного хлеба, быстро надел шляпу и пальто.

— Я иду в здешнюю полицию, — сказал он. — Мне придется там сказать, по какому делу мы приехали, потому что мне понадобится их помощь. Если вы хотите присутствовать, когда будут выкачивать воду из ручья на месте преступления, то можете прийти в рошу к двенадцати часам. Я уже буду там с рабочими.

Мистер Картер ушел в половине девятого, и в это утро мне время показалось чрезвычайно долгим; наконец, в одиннадцать часов я вышел на улицу, несмотря на проливной дождь.

Проходя мимо собора, я увидел моего друга сыщика: он разговаривал с каким-то стариком и сделал вид, что не заметил меня; поняв из этого, что я ему помешаю, я медленно пошел по той самой тропинке, по которой мы шли накануне, по которой когда-то шел в рошу человек, не зная, что его там поджидает смерть.

Не успел я пройти и полумили, как меня догнал сыщик.

— Я вас не признал, — сказал он, — потому что боялся, что, увидев вас, старик перестанет говорить, и я, может быть, лишусь важных сведений.

— Он вам много рассказал?

— Нет, не очень; он был в числе свидетелей, призванных в суд; он подробно рассказал мне, какого вида были цепочка и часы мистера Дунбара. По его словам, часы эти, должно быть, открывались каким-нибудь особенным способом, потому что он долго возился, прежде чем их открыть. Он, должно быть, был ужасно неловок в тот день, — прибавил сыщик, — ничего не мог сразу открыть, ни шкатулки, ни часов.

— Вы думаете, что он был так неловок от смущения, овладевшего им после страшного преступления?

— Вы хорошо угадываете, мистер Остин; из вас бы вышел славный сыщик, — улыбнулся мистер Картер.

В его тоне было столько иронии, что я не понял, серьезно ли он говорил мне этот комплимент или в насмешку.

— Я вам скажу, что я думаю, — сказал он, останавливаясь. — Мне кажется, я понимаю, почему убитого раздели догола, почему исчезло его платье.

Я попросил его объяснить, но он не отвечал.

— Подождите и увидите. Если я прав, то все это вскоре откроется; если же я ошибаюсь, то сохраню свои мысли втайне. Я — человек бывалый и не люблю сознаваться в ошибках.

После этого я не сказал ни слова. Исчезновение платья убитого всегда казалось мне единственным фактом, не согласовавшимся с мыслью о преступности Генри Дунбара. Что человек, проливающий кровь ближнего из корыстных мотивов, раздел бы его догола и унес бы с собой даже его платье, было очень вероятным; но совершенно невозможно, чтобы это сделал миллионер Генри Дунбар.

Работники с необходимыми инструментами уже дожидались нас. Мистер Картер назвал свое имя полицейскому инспектору, который объявил, что ни в коем случае не будет

мешать его работам, хотя бы он даже вздумал подкапываться под собор; но все же, для успокоения совести, он послал одного полисмена наблюдать за работами.

Нет никакой надобности описывать подробно все мелкие обстоятельства этого рокового дня; скажу только, что я ходил по берегу взад и вперед от полудня до заката солнца. Я несколько раз хотел уйти, но не решался, надеясь, что вот-вот поиски мистера Картера увенчаются успехом. Часы шли за часами, и стук железных лопат о каменистый грунт все раздавался в моих ушах; множество всяких вещей было найдено на дне и выброшено на берег: тут виднелись и полусгнившие трупы собак и кошек, и старые стоптанные башмаки, и всякая другая дрянь. Но сыщик не терял надежды.

— Я десять раз обшарю все дно, все малейшие его расселины, прежде чем брошу это дело, — сказал он в сумерках, выходя на минуту из воды, чтобы выпить стакан водки.

Когда стемнело, зажгли несколько факелов, которые мистер Картер велел приготовить заранее, и продолжали работу при их мерцающем свете. Я по-прежнему ходил взад и вперед под деревьями, и вдруг, когда я зашел всего дальше, мне показалось между деревьями что-то движущееся, что-то похожее на фигуру, которую я видел накануне напротив почтамта.

Я побежал к тому месту, где мерещилась мне эта фигура, но она поспешно начала удаляться и исчезла совершенно. Мне показалось, что я слышал даже шорох женского платья. Но я, конечно, не поверил ни своим глазам, ни своим ушам, а снова приписал это расстройству своих нервов.

Когда я уже совсем изнемогал от усталости физической и душевной, ко мне подбежал мистер Картер.

— Нашли, — кричал он. — Нашли! Мы нашли платье убитого человека; оно брошено было в самую глубокую расселину, и крысы поели большую часть его; но, с Божьей помощью, мы найдем то, что ищем. Я не часто хожу в церковь, но верю, что провидение следит за злыми, порочными людьми и ловит самого умнейшего из них в ту минуту, когда он всего менее ожидает.

Я никогда не видывал мистера Картера таким взволнованным; лицо его горело, ноздри раздувались. Я последовал за ним к тому месту, где полисмен с двумя работниками, которые выкачивали воду, стояли около какой-то грязной, мокрой массы.

Это был узел с платьем, покрытый грязью, илом, водяными растениями; мистер Картер стал на колени подле него, а полисмен приблизил зажженный факел.

— Это, без всякого сомнения, чье-то платье, — сказал сыщик. — Это, должно быть, именно то, что мы ищем, или я очень ошибаюсь. Нет ли у кого-нибудь корзинки?

Корзинка нашлась у мальчика, который приносил пиво рабочим. Мистер Картер бросил в нее узел и взял ее за ручку.

— Так вы не намерены рассматривать все это здесь? — сказал полисмен с видом разочарования.

— Нет, я отнесу это в отель; там будет удобнее разбирать. Вы можете идти со мной, если желаете.

Мистер Картер расплатился с рабочими и, должно быть, щедро, потому что они были очень довольны. Я дал ему денег на все подобные издержки, потому что хорошо знал, что в таком деле каждый незначительный шаг дорого стоит.

Мы пошли домой так скоро, как позволили нам дождь, темнота и скользкая дорога. Полисмен сопровождал нас. Мистер Картер посвистывал вполголоса, поддерживая обеими руками корзинку, из которой струилась грязная вода.

Я все еще не понимал причины его веселости, причины, почему он приписывал такую важность находке платья убитого.

Было восемь часов, когда мы все трое — сыщик, винчестерский полисмен и я — вошли в отель Георга. В нашем номере стол был накрыт и слуга с нетерпением ожидал нашего прихода. Но, к великому его удивлению, мистер Картер тотчас выпроводил его из комнаты.

— У меня есть дельце с этим господином, — сказал он, указывая пальцем на полисмена. — Я позвоню, когда захочу обедать.

Слуга вытаращил глаза на сыщика и нехотя вышел из комнаты.

— Теперь, — сказал мистер Картер, — мы рассмотрим узел.

Он оттолкнул обеденный стол и пододвинул другой поменьше; потом он выбежал из комнаты и возвратился через несколько минут, неся все полотенца, которые смог найти в своей и моей спальнях. Он разостлал эти полотенца на столе и вынул из корзинки грязный, мокрый узел.

— Подайте сюда обе свечки, — сказал он полисмену, усаживаясь за стол. Он принялся за работу; с правой стороны светил ему полисмен, а с левой поместился я.

Мистер Картер осторожно, бережно стал развязывать узел, словно имел дело с живым существом. Прилипшие к узлу водяные растения так переплелись с изорванной материей, что их трудно было отделить друг от друга.

Сыщик был прав: крысы оставили заметные после себя следы. Суконный сюртук, составлявший внешнюю сторону узла, был изъеден в лохмотья. Внутри сюртука была свернута жилетка, атласный шарф, рубашка, бывшая когда-то белой, и фланелевая фуфайка, из которой выпало несколько камней, положенных для тяжести.

Узел был очень тугой, и потому только наружная часть его пострадала от крыс, а остальное, особенно фуфайка, было в очень приличном состоянии. Сыщик бросил сюртук, жилет, камни обратно в корзинку, а рубашку и фуфайку завернул в полотенце и начал их сушить. Полисмен следил за его движениями, но на лице его не видно было, что он понимал или создавал, для чего это делается.

— Ну, — сказал мистер Картер, — тут немного нашлось дельного, не правда ли? Мне незачем вас больше задерживать; вы, вероятно, давно проголодались.

— Я никогда не думал, чтобы тут могло найтись что-то дельное, — ответил полисмен, презрительно указывая на грязные тряпки. Его уважение к столичной полиции значительно снизилось после продолжительной, скучной работы этого дня, потому он прибавил с неудовольствием: — Я не понимал с самого начала, чего вы добивались, и теперь не понимаю. Но вы хотели найти эти вещи и вам их нашли.

— Да, и я заплатил за работу, — резко ответил мистер Картер. — Я вам очень благодарен за вашу помощь, и почту за особенное одолжение, если вы примете от меня эту безделицу в вознаграждение за потерянный день. Я ошибся, вот и все, самый умнейший из нас может ошибиться раз в жизни.

Полисмен лукаво улыбнулся и взял золотую монету из рук мистера Картера. Эта улыбка была улыбкой торжества; провинциальный полисмен не мог скрыть своей радости при неудаче лондонского сыщика. Я глубоко вздохнул, когда дверь закрылась за ним и я остался один с мистером Картером.

— Целый день трудов и усталости пропал даром, — сказал я, — ибо мы теперь ничуть не ближе к цели.

— Неужели, мистер Остин? — воскликнул сыщик. — Неужели вы думаете, что я такой дурак, что стану говорить в присутствии этого человека? Неужели вы думаете, что я открою ему тайну? Сегодняшний день привел нас именно к той цели, к которой мы стремились; сегодня сделано открытие, на которое ясно указывало письмо Маргариты Вильмот и вчерашний рассказ слуги. Зачем я непременно хотел отыскать платье убитого? Затем, что я знал, что это платье должно заключать в себе тайну, иначе оно осталось бы на теле убитого. Убийца никогда не остается дольше, чем необходимо, рядом со своей жертвой, и, потому я знал, что тот, кто сорвал с несчастного его платье, имел на это какую-то важную причину. Я действовал на основании своего собственного разума, и теперь оказывается, что я был прав. Посмотрите, мистер Остин.

С этими словами он подал мне мокрую, полинялую рубашку и указал мне на уголок ее, где из-под грязи выглядывала красная метка.

— Как вы это прочтете? — спросил мистер Картер, пристально смотря мне в глаза. Ни я, ни кто другой, умеющий читать по-английски не мог сказать, что эта метка значит что-нибудь другое, а не Генри Дунбар.

— Теперь все для вас ясно, не правда ли? — сказал мистер Картер. — Вот почему убитый был раздет догола и платье его брошено в воду; вот почему часы и цепочка перешли от одного владельца к другому; вот почему человек, возвратившийся сюда после убийства, не мог быстро подобрать ключ к шкатулке. Вы теперь понимаете, почему Маргарите Вильмот было так трудно добиться свидания с человеком, жившим в Модслей-Аббэ, почему, когда она наконец увидела его, то всеми силами старалась защитить его от преследований. Когда она говорила вам, что Генри Дунбар невиновен в смерти ее отца, она говорила правду. Человек, который был убит, и был Генри Дунбар; человек, который убил его...

Я больше ничего не слышал. Кровь хлынула мне в голову, и я упал без чувств на рядом стоящее кресло.

Когда я очнулся, я увидел перед собой сыщика; он спрыскивал меня холодной водой. Когда я пришел в себя и был в состоянии обдумать все случившееся, мной овладело одно чувство — чувство сожаления, необъяснимого, безграничного сожаления к женщине, которую я любил.

Мистер Картер отнес узел с найденной одеждой в свою комнату и через несколько минут возвратился с чемоданом, который поставил в угол подле камина.

— Я запер платье в чемодан, — сказал он, — и не намерен выпускать его из виду, пока не вручу в верные руки. Метка на рубашке Генри Дунбара вздернет на виселицу его убийцу.

— Тут может быть ошибка, — заметил я. — Рубашка с меткой Генри Дунбара могла принадлежать другому; он мог подарить ее своему старому слуге.

— Это невероятно, сэр, потому что слуга встретил его только в Саутгэмптоне, за два или за три часа до преступления. Не знаю, как вам, а мне все теперь ясно. Конечно, это одно из самых странных дел, которые я когда-либо видел; но оно очень просто, когда знаешь ключ к нему. Не было никакой основательной причины, которая могла бы побудить Генри Дунбара, почтенного, всеми уважаемого человека и к тому же миллионера, совершить преступление, которое могло его рано или поздно привести к виселице. Напротив того, Джозеф Вильмот, бродяга и беглый каторжник, имел полное основание убить своего бывшего господина и выдать себя за него, то есть из нищего преступника превратиться в главу богатейшего торгового дома. Это была игра смелая, азартная, очень опасная и трудная игра, и человек в этот раз играл ее великолепно. Он до сих пор скрывался от всех подозрений, его выдала только излишняя совесть его дочери.

Да, мистер Картер говорил правду; только отказ Маргариты исполнить данное мне слово, побудил меня предпринять поиски, которые привели к открытию роковой тайны.

Я думал обо всем этом до тех пор, что у меня помутилось в голове. Как все это случилось? Человек, которого я видел, с которым я говорил, был не Генри Дунбар, а Джозеф Вильмот, убийца своего господина?

— Нет, это невозможно, — сказал я, — я видел в конторе после убийства письма, которые написаны рукой Генри Дунбара.

— Ничего нет удивительного, — спокойно ответил сыщик, — когда я знакомился со всеми подробностями этого дела, то навел справки о предыдущей жизни Джозефа Вильмота. Он был сослан тридцать лет тому назад за подлог документов, бежал с места ссылки, но был схвачен и снова сослан на Норфолькские острова. В суде никогда не видывали человека, который бы так искусно и ловко подделывал чужую подпись. Он был известен как один из самых смелых мошенников, которых когда-либо ссылали на каторгу; но, несмотря на это, он, говорят, был очень умный человек и в нем было много хорошего. На Норфолькских островах он работал так много и вел себя так хорошо, что его выпустили на свободу, прежде чем он отсидел половину срока. После этого он вернулся в Англию и его видели в Лондоне; его подозревали во всевозможных преступлениях — от шулерства до фальшивомонетничества, но никогда не могли поймать на месте преступления. Кажется, что он пробовал жить честным трудом, но это ему не удавалось. Пятно бесчестия лежало на нем, и никто не верил его исправлению. Вот история этого человека и многих ему подобных.

Итак, Маргарита была дочерью этого человека. Необъяснимое горестное чувство овладело мной при одной этой мысли. Я теперь понял все. Эта благородная девушка скорее отказалась от единственной надежды на счастье, чем передать своему мужу бесчестие, тяготеющее над ней. Мне все было ясно — и бледное ее лицо, и упорное молчание, я мог себе представить весь ужас роковой сцены в Модслей-Аббэ, когда отец и дочь встретились лицом к лицу и когда Маргарита узнала причину, почему убийца так долго скрывался от нее.

Тайна непонятного отказа Маргариты идти за меня замуж была разгадана; но это открытие было так страшно, что я невольно сожалел о том времени, когда я ничего не знал и не подозревал. Но было ли лучше для меня, если бы я позволил Маргарите действовать, как она хотела, позволил бы ей привести в исполнение ее героическое самопожертвование? Не лучше ли было оставить это преступление скрытым навеки от всех, исключая того Высшего Судью, от которого никто не может укрыться? Не лучше ли бы это было для меня? Нет, мое сердце говорило мне, что я рассуждаю ложно, низко. Пока человек живет в обществе других людей, пока существуют законы для покровительства несчастных и наказания виновных, правосудию не должны никогда мешать личные соображения.

Если отец Маргариты совершил ужасное преступление, он обязан нести за него наказание, хотя бы это растерзало сердце его невинной дочери. Если, по странному случаю, я, который так пламенно люблю эту девушку, содействовал более всех этому результату, то ведь я был только слепым орудием провидения и не имел никакой причины сожалеть об открытии истины.

Мне оставалось теперь только одно — жениться на Маргарите. Свет, быть может, отшатнулся бы от дочери убийцы, но я знал ей цену, я видел ее в самых жгучих испытаниях и потому не ужаснулся. Меня не оттолкнет история моей бедной Маргариты, имя которой будет с этой минуты произноситься с отвращением всеми честными людьми.

«Если судьбе было угодно, чтобы я причинил ей это страшное горе, — думал я, — то мой долг — обеспечить ее будущность, сделать ее счастливой».

Но согласится ли Маргарита быть моей женой, когда узнает, что я был главной причиной обнаружения преступления ее отца?

Эти грустные мысли теснились в моей голове, пока я сидел за столом напротив сыщика, на которого мне было противно смотреть — так он был весел и счастлив. Успех — главный источник радостей на земле, и потому нет ничего странного, что мистер Картер был вне себя от счастья, когда ему удалось открыть тайну, которую никак не могли разгадать его товарищи. До тех пор, пока я верил в преступность Генри Дунбара, я не чувствовал никакого отвращения к делу, которое предпринял; я даже несколько увлекся пламенной деятельностью сыщика. Но теперь, когда я знал, какой позор и горе навлечет наше открытие на Маргариту, я с ненавистью стал смотреть на мистера Картера и его радость.

— Вам все равно, мистер Остин, ехать на почтовом поезде? — спросил сыщик.

— Все равно; но зачем вы это спрашиваете?

— Затем, что я намерен ехать нынче ночью, с почтовым поездом.

— Для чего?

— Чтобы очутиться как можно скорее в Модслей-Аббэ и арестовать мистера Джозефа Вильмота.

— Так скоро! — Я невольно вздрогнул. — Но если вы ошибаетесь? Если Джозеф Вильмот жертва, а не убийца?

— В таком случае моя ошибка может быть очень легко доказана. Если теперешний владелец Модслей-Аббэ — Генри Дунбар, то, конечно, есть люди, которые могут признать его.

— Но Генри Дунбар не был в Англии в течение тридцати пяти лет.

— Да. Но что значит в наше время расстояние между Англией и Калькуттой? В Англии должны быть люди, знавшие банкира в Индии. Я теперь прямо отправлюсь к здешнему судье, который в прошлом августе арестовал человека, называвшего себя Генри Дунбаром, и вручу ему платье убитого, потому что Джозефа Вильмота будут судить в Винчестере.

Почтовый поезд уходит в три четверти одиннадцатого, — прибавил мистер Картер, смотря на часы, — и у меня осталось немного времени.

Он вынул узел с платьем из чемодана, завернул его в бумагу и поспешно вышел из комнаты. Я остался один и, усевшись у камина, стал обдумывать все страшные происшествия этого дня. Слуга долго возился, убирая со стола, но, несмотря на его явное желание заговорить со мной, я упорно молчал; наконец, выходя из комнаты, он сказал, что на камине лежит письмо на мое имя, полученное с вечерней почтой.

Письмо это лежало у меня под носом весь вечер, но я был так взволнован, что не заметил его. Оно было от моей матери. Пospешно открыв его, я прочел следующее:

«Милый Клем, я была очень рада получить сегодня утром твое письмо о счастливом вашем прибытии в Винчестер. Я, конечно, глупая старуха, но мне все кажется, что с тобой случится какое-нибудь несчастье, когда ты не подле меня.

Меня очень удивило вчера посещение Маргариты Вильмот. Я сначала обошлась с ней очень холодно, потому что, хотя ты не объяснял мне причины неожиданного разрыва между вами, но я уверена, что ты, мой милый мальчик, не способен на такое дурное дело и потому, конечно, не ты в этом виноват. Находя ее посещение совершенно несвоевременным, я дала ей понять, что мои чувства к ней совершенно изменились.

Но Клем, когда я увидела, на что похожа бедная девушка, то сердце мое облилось кровью и я забыла все, что имела против нее. Я никогда не видела такой быстрой перемены в живом человеке. Она вдруг из хорошенькой, молоденькой девушки стала бледной, изможденной старухой. Ее манеры изменились не менее чем ее лицо. Она была в каком-то раздраженном, нервном состоянии, губы ее дрожали, и она едва говорила. Она сказала, что пришла к тебе и была очень поражена известием, что ты уехал из города; но когда она впоследствии заставила меня сказать, что ты уехал в Винчестер, то я не могу описать тебе, что с ней сделалось; она вскочила со стула и задрожала всем телом.

Я выбежала в другую комнату и принесла ей вина; она нисколько не сопротивлялась и поспешно выпила, говоря: «Я надеюсь, что это меня подкрепит; я ужасно слаба, а мне надо много, много сил». Я убеждала ее прилечь и отдохнуть, но она не хотела меня слушать, и объявила, что ей необходимо тотчас ехать в Лондон. Что я ни делала, ничего не помогло. Она схватила мои руки, прижала их к своим губам и выбежала из комнаты. Все это так не походило на прежнюю, прелестную, веселую Маргариту, что я невольно начала опасаться, не сошла ли она с ума».

Далее в письме говорилось о посторонних вещах, но я не мог ни о чем думать, кроме Маргариты. Ясно было, почему мое путешествие в Винчестер ее так поразило, встревожило. Она, конечно, могла догадаться о цели моей поездки. Теперь оказывалось, что фигура, которую я видел на улице и в роще, не была игрой расстроенного воображения, а что это действительно была Маргарита. Она поспешила за мной в Винчестер и следила за каждым моим шагом в тщетной надежде помешать правосудию.

Мистер Картер вошел в комнату, пока я еще погружен был в эти грустные думы.

— Пора ехать, — сказал он, — рассчитайтесь с хозяином, мистер Остин; ведь вы едете со мной в Модслей-Аббэ, не правда ли?

— Нет, — ответил я, — я больше не участник в этом деле; исполняйте свою обязанность, мистер Картер, и будьте уверены, что получите обещанную награду. Если Джозеф Вильмот убил своего старого господина, то он должен искупить свое преступление; я не имею ни силы, ни желания спасти его от заслуженного наказания, но он — отец той, которую я люблю больше всего на свете, и я не могу играть роль палача, не могу собственноручно предать его во власть закона.

Мистер Картер насупился.

— Конечно, сэр, — сказал он, — я совсем забыл, что вам не все равно, повесить Генри Дунбара или Джозефа Вильмота, но ведь не надо забывать, что у многих отличных людей были дурные отцы и...

— Нечего об этом говорить, — воскликнул я, схватив его за руку. — Ничто не может

заставить меня потерять уважение к мисс Вильмот.

Я вынул из бумажника и отдал ему деньги, необходимые на путевые издержки, и пожелал доброй ночи.

Когда он удалился, я вышел на улицу подышать свежим воздухом. Дождь перестал, и луна светила на безоблачном небе. Одному Богу известно, как бы я встретил Маргариту в эту роковую ночь. Мысли мои были так полны ею, что я везде видел ее образ и обошел весь город, ожидая на каждом углу встретить дорогую мне тень. Долго я ходил взад и вперед, но все напрасно. Я вернулся в отель и вот теперь пишу свой грустный дневник».

В то время когда Клемент Остин сидел в уединенной комнате в отеле «Джордж» и писал свой дневник, на станции в Ругби дожидалась шорнклифского поезда молодая женщина. Это была Маргарита Вильмот, которая так испугала добрую миссис Остин. Ее толстая черная вуаль была поднята и хотя на ее лице не было ни кровинки, но каждая черта его дышала самой твердой решимостью, глаза блестели и в них ясно можно было прочесть, что эта девушка стремится к какой-то цели и достигнет ее во что бы то ни стало.

Когда поезд подошел, Маргарита прошла в вагон первого класса, в котором кроме нее был только один пассажир — старик, спавший всю дорогу, накрыв лицо платком, и потому она могла свободно предаться своим мыслям.

Трудно сказать, кто из них был неподвижнее — спящий старик или девушка, сидевшая всю дорогу в одном и том же положении, скрестив руки на груди и устремив глаза в пространство. Однажды только она машинально сунула руку за пояс и с тяжелым вздохом покачала головой.

— Как долго тянется время, — произнесла она почти вслух. — Как долго! И у меня теперь нет часов. А если они опередят меня? Если они едут на этом же поезде? Нет, это невозможно. Я уверена, что ни Клемент, ни человек, бывший с ним, не выехали в одно время со мной из Винчестера. Но если они телеграфировали в Лондон или в Шорнклиф?

При одной этой мысли ее бросило в жар, потом в холод, и она задрожала всем телом. Если люди, которых она теперь боялась более всего на свете, прибегли к помощи телеграфа — этого величайшего современного изобретения, то она, конечно, опоздала и все ее геройство ни к чему не приведет.

Поезд остановился, а она все еще была погружена в эти грустные мысли.

Выйдя из вагона, она попросила одного из носильщиков привести ей извозчика, но он покачал головой.

— В ночное время нет извозчиков, мисс, — ответил он довольно учтиво. — А куда вам угодно ехать?

Девушка не смела отвечать на этот вопрос: ей необходимо было держать втайне цель своего путешествия.

— Я пойду пешком, — сказала она, — мне недалеко.

И прежде чем носильщик смог ей задать другой вопрос, она уже вышла со станции на большую дорогу. Пройдя через город и мимо старого замка, бросившего гигантские тени на мрачные воды речки, искрившейся при лунном свете, она вышла в поле. Она шла быстро и ничего не видела, думая только об одном — успеет ли она вовремя. Наконец она достигла главных ворот модслейского парка, но она слышала от Клемента, что в одной миле от этих ворот есть маленькая калитка, которая выходила на тропинку, пересекавшую парк по направлению к Лисфорду. Поэтому она и пошла вдоль стены, отыскивая эту калитку.

Действительно, через некоторое время она поравнялась с маленькой калиткой, выкрашенной белой краской. Отворив ее, она углубилась в парк и шла по извивающейся тропинке до тех пор, пока не очутилась на большой поляне, на противоположной стороне которой выступало из мрака массивное здание Модслей-Аббэ.

XV Бегство

Человек, который называл себя Генри Дунбаром, лежал на мягком, дубовом диване перед камином в роскошном кабинете Модслей-Аббэ. Он пристально смотрел на пылающие уголья и прислушивался к завыванию ветра в трубе.

Было три часа утра, все в доме давно уже спали, только один больной не мог сомкнуть глаз. Постоянное заключение в комнате имело самое дурное влияние на его здоровье: цвет его лица был синевато-бледный, щеки ввалились, глаза неестественно блестели. Долгие часы одиночества, продолжительная бессонница и тревожные мысли совершенно его изнурили. Человек, лежавший теперь на диване, казался десятью годами старше того, который полгода тому назад так смело и решительно отвечал на вопросы судьи в Винчестере.

На столе близ дивана лежали костыли, сделанные из легкого, полированного дерева. Он научился ходить на них по комнатам и по песчаным дорожкам парка; он даже мог сделать несколько шагов и без костылей с помощью одной палки, но все же он еще не оправился для путешествия.

Одному небу известно, какие мысли теснились в его голове. Странные образы вставали перед ним, образы людей, которых он знал когда-то, в дни его юности; он видел ясно их лица, но они были не живые, а как бы выделялись из картины. Между этими лицами он видел и свое в различные эпохи жизни.

Боже мой, как это лицо изменилось! Вот светлое, веселое, детское лицо, так открыто, счастливо смотрящее на окружающий его мир; вот полная надежды улыбка молодости; но с годами лицо изменяется, черты делаются резче, улыбка блекнет, и чем душа становится чернее, тем мрачнее сдвигаются брови. Он все это видел, но мысли его по-прежнему сосредоточивались на одном предмете; он не мог не думать о нем, как преступник не может отойти от позорного столба, к которому привязан.

— Если бы я только мог уехать отсюда, — говорил он себе, — если бы я только мог уехать — тогда бы все изменилось. Перемена жизни, новые страны, новые люди, все это произвело бы на меня обычное влияние. Память об этом исчезнет, как исчезли все другие воспоминания, воскресая только временами, во сне или по какому-нибудь случайному стечению обстоятельств. Это дело не хуже ведь других, не может же оно остаться навеки неизгладимым в моей памяти, тогда как все другие давно стерлись. Но пока я здесь, в этой мрачной, одинокой комнате, где однообразный стук часов и унылый шелест падающей золы на железную решетку камина страшнее всякой пытки, пока я здесь, нечего и думать о забвении, о покое. Я видел его вчера ночью, третьего дня, четвертого дня — я вижу его всегда, когда засыпаю; он улыбается мне, как улыбался, когда мы входили в рощу. Я слышу его голос, его последние слова, ничего не значащие, пустые слова о том, что прогулка слишком длинна, что лучше было бы взять извозчика и так далее. Но что же он такое, почему я о нем сожалею? И действительно ли я сожалею о нем? Нет, я сожалею о себе, сожалею, что добровольно подвергся этой пытке. О Боже! Я вижу его перед собой, как в ту минуту, когда он выглянул из воды, легкая зыбь как бы оживила его лицо.

Вот какими мыслями развлекал свое одиночество владелец Модслей-Аббэ. Боже сохрани нас от таких дел, память о которых грызет человека.

Долго сидел владелец Модслея, погруженный в эти думы, как вдруг кто-то постучал в окно близ дивана, на котором он лежал.

— Кто там? — воскликнул он, судорожно вздрагивая.

Кто это мог быть? Зачем приходите в такую позднюю пору? Одна могла быть причина, одна — все известно.

У него захватило дух при этой мысли. Неужели настала роковая минута, о которой он давно думал во сне и наяву? Неужели настал тот кризис, который он представлял себе во всевозможных формах? Он застал его врасплох, неприготовленным ни встретиться с врагом лицом к лицу, ни бежать. Итак, минута расплаты наступила. Все эти мысли молнией пронеслись в голове несчастного, пока он ожидал ответа на свой оклик. Грудь его тяжело колыхалась, он затаил дыхание. Но ответа не было, только стук становился все сильнее и

сильнее.

Если стучом можно выразить какое-нибудь значение, то, конечно, в нем скорее слышались просьба, мольба, а не жестокий, повелительный приказ, как казалось бледному, дрожащему от страха человеку.

Но вот сердце его радостно забилося, как сердце узника, которому облегчают его тяжелые оковы.

«Какой я дурак, — подумал он. — Если бы это было действительно то, чего я страшусь, то ведь не стали бы осторожно стучать в окно, а с шумом бы трезвонили у парадной двери. Это, вероятно, Волланс; с ним что-нибудь случилось, и он явился в ночи выпросить у меня денег. Это очень походит на него. Он знает, что его должны впустить, когда он ни придет». Больной тяжело вздохнул, заскрежетал зубами при этой мысли и, встав с дивана, пошел, прихрамывая, к окну.

Стук все продолжался; но когда он подошел ближе, то услышал кроме этого стука, голос женщины, не громкий, но решительный, энергичный:

— Пустите меня, ради Бога, пустите!

Человек, который стоял у окна, знал этот голос слишком хорошо. Это был голос девушки, которая с таким упорством преследовала его и достигла своей цели — встречи с ним. Он поднял засов и открыл окно.

— Маргарита, — воскликнул он, — зачем ты здесь? Что привело тебя в эту позднюю пору?

— Опасность! — ответила она, едва переводя дух. — Вы в опасности! Я бежала, и теперь почти не могу говорить. Нельзя терять ни минуты. Они сейчас будут здесь, они должны быть через несколько минут. Я чувствовала их за собой всю дорогу; может быть, они действительно следовали за мной. Нельзя терять ни минуты, ни минуты!

Она остановилась и с ужасом всплеснула руками; потом, поняв, что от волнения выражалась неясно, сделала усилие над собой и снова начала:

— Отец, я старалась вас спасти, я старалась вас спасти! Но бывают минуты, когда я думаю, что, не в том ли милосердная воля Божия, чтобы вы были взяты и чтобы ваша несчастная дочь могла умереть вместе с вами?

Она упала на колени и в каком-то исступлении подняла руки к небу.

— О Боже! Сжался над ним! — воскликнула она. — Я об этом молила Тебя в этой комнате, с тех пор молила ежечасно, ежеминутно и молю теперь. Сжался над ним, дай ему покаяться и омыть сердце от греха. Что значит наказание, которое он может претерпеть здесь, на земле, в сравнении с тем, которое ждет его за гробом? Пускай его накажут люди, только Ты прими его покаяние.

— Маргарита, — сказал Джозеф Вильмот, схватив ее за руку, — ты молишь, чтобы меня повесили? Ты разве за этим пришла? Встань и скажи мне, в чем дело!

Маргарита повиновалась, и, дрожа всем телом и устремив свой взгляд в пространство, старалась собраться с мыслями.

— Отец, — начала она, — я не знала ни минуты покоя, с тех пор как вышла из этой комнаты; в последние же три ночи я не сомкнула глаз. Я была в дороге, я переходила с места на место, пока не очутилась здесь, у ваших ног. Я хочу вам рассказать все, но, право... право, язык не слушается...

И она указала на свои иссохшие губы, которые двигались, не издавая никакого звука. На столе, подле дивана, стояла бутылка водки, служившая единственным товарищем Джозефа Вильмота в его мрачном одиночестве. Он схватил бутылку, налил стакан и поднес его к губам своей дочери. Она жадно выпила все; она теперь бы выпила огонь, если бы это только придало ей силы.

— Вы должны тотчас оставить этот дом, — промолвила она. — Вы должны уехать куда-нибудь, где бы вы были в безопасности от преследования. Они сейчас явятся сюда; может быть, они уже недалеко!

— Они! Кто?

— Клемент Остин... и человек... сыщик...

— Клемент Остин? Твой милый, твой сообщник? Ты предала меня, Маргарита!

— Я! — воскликнула девушка, смотря прямо в глаза отцу. Было что-то торжественное, возвышенное в тоне, с которым она произнесла это слово, в ее лице, когда она гордо встретила испуганный взгляд убийцы.

— Прости меня, дитя мое, — тихо произнес он, — нет, нет, ты этого не сделала, даже с таким злодеем, как я!

— Но вы уедете и не попадетесь им в руки.

— Но зачем мне их бояться, пускай приходят! У них нет доказательств.

— Нет доказательств? Отец, вы не знаете. Вы не знаете. Они были в Винчестере; я узнала от матери Клемента, что он уехал туда, и последовала за ним. Он остановился в том самом отеле, где вы жили и где не хотели меня принять. Он был не один, а повез с собой какого-то незнакомого мне человека. Я долго ходила по улицам, поджидая их, и, наконец, ночью увидела обоих. О отец, я знала, что их могла привести в Винчестер одна только причина. На другое утро я продолжала за ними следить издали, так что они не могли меня заметить; я видела, как Клемент вышел из отеля и пошел к собору; я через несколько минут отправилась туда же и увидела в одной из дверей незнакомца, товарища Клемента; он разговаривал с каким-то стариком. Я остановилась и дождалась, пока он отправился к роще, к тому месту...

Она не могла говорить от волнения.

Джозеф Вильмот налил второй стакан и снова поднес его к губам своей дочери.

Она выпила один глоток и продолжала скоро и отрывисто:

— Я последовала за этим человеком, но на таком расстоянии, чтобы он меня не видел. Он прямо пошел к тому месту, где... где случилось убийство. Клемент был там, и с ним три человека, которые выкачивали воду из ручья.

— Выкачивали воду! Боже, зачем они делали это? — воскликнул Джозеф Вильмот, внезапно побледнев и опускаясь в изнеможении на кресло.

В первый раз после прихода Маргариты на его лице появился страх. До сих пор он слушал внимательно, но без содрогания. Он презирал своих преследователей, он не боялся раскрытия своего преступления. Он знал, что против него была только одна улика — узел с платьем, который он не мог уничтожить, а успел только скрыть. Только платье с меткой убитого человека могло доказать его виновность; но кому могла прийти в голову мысль искать его? Потому, когда он время от времени вспоминал об этом узле, похороненном на дне ручья, он только смеялся над глупостью полиции, которая не могла открыть такой несложной, пустой тайны. Ему всегда представлялся этот узел, изгрызенный крысами, покрытый илом и грязью, заросший водяными растениями.

Поэтому известие, что выкачивали воду на том месте, где был брошен в ручей труп убитого человека, поразило его как гром.

— Зачем выкачивали воду? — воскликнул он.

Маргарита стояла в некотором отдалении от него.

Она с самого начала не подходила к нему близко и даже невольно пятилась, когда он приближался к ней. Он ясно видел, что дочь избегала его.

— Они выкачивали воду, — сказала Маргарита, — а я стояла за деревьями и следила за их работой. Это продолжалось целый день. Наконец, когда стемнело, я решила подойти ближе, посмотреть, что они делали и чего они искали.

— Они нашли? — воскликнул Джозеф Вильмот. — Говори скорее, нашли ли они? И что?

— Да, после долгих трудов они нашли узел с вещами. Мне говорил один мальчик, бывший с работниками, что в узле находилось только тряпье, хотя полисмен объявил, что это было платье убитого человека.

— А потом?

— Я больше не могла терпеть, бросилась бегом на винчестерскую станцию, поспела к

поезду и...

— Знаю, знаю, ты — мужественная, благородная девушка. Бедная моя Маргарита! Я, кажется, так ненавижу этого человека только ради тебя, только видя тебя бедной, несчастной по его милости, ибо он погубил мою жизнь, он сделал из меня преступника. Но я не буду говорить... я не могу говорить более, они нашли платье... они знают, что убитый человек был Генри Дунбар... Они тотчас явятся сюда... дай мне подумать, дай мне подумать, как мне спастись!

Он всплеснул руками и схватился за голову, словно от прикосновения этих железных рук его мысли придут в порядок, просветлеют.

С первого дня, когда он вступил во владение собственностью убитого человека, и до сей поры он постоянно боялся роковой минуты, которая теперь наступила. Он представлял себе это в разных видах и принял все зависящие от него меры, чтобы достойно встретить его. Но он надеялся предупредить страшную минуту, надеялся бежать вовремя, и потому решил оставить Модслей-Аббэ при первой возможности. Он намеревался уехать из Англии и путешествовать в тех странах, где всего менее встречаются европейцы. Он рассчитывал, что его поведение будет сочтено только эксцентричным, и даже, может быть, вовсе не станут удивляться далеким путешествиям человека, который, выдав единственную дочь замуж, остался на свете один-одинешенек. Так думал он провести несколько лет, а впоследствии, когда свет совершенно позабудет о нем, он намеревался переменить имя, национальность, так что если по какому-нибудь непредвиденному случаю открылась бы тайна смерти Дунбара, то его убийца был бы недостижим для человеческих рук, словно над ним закрылась могила.

Таков был план Джозефа Вильмота. Он имел много времени обдумать его в течение долгих бессонных ночей, проведенных им в этих роскошных комнатах, великолепие которых было страшнее для него, чем мрачные, закоптелые стены тюрьмы. Злоба и месть человека, глубоко оскорбленного и обесчещенного, закипела в душе Джозефа Вильмота при виде Генри Дунбара после тридцатилетней разлуки; к этому еще примешалась жажда богатства, возбужденная страданиями нищеты. И вот одним преступным делом были удовлетворены разом обе страсти, и Джозеф Вильмот, нищий, беглый каторжник, презренный отверженец, сделался миллионером. Да, он это совершил. Он вошел в Винчестер в прошлом августе с несколькими серебряными монетами в кармане, а оставил этот город главой торгового дома «Дунбар, Дунбар и Балдерби» и владельцем Модслей-Аббэ, йоркширских поместий и дома в Портланд-Плэсе.

Конечно, это было торжеством преступления, это было самым блистательным образцом того, что может достигнуть злодей. Но знал ли он после того хоть минуту счастья, минуту покоя от тех страшных мук, которые постоянно грызли его, словно хищная птица клевала его внутренности? Автор «Курильщика опиума» так жестоко страдал от неведомой внутренней агонии, что был убежден, что в нем живет какое-то чудовище, которое терзает, гложет его. Это, конечно, был только бред расстроенного воображения, но, увы, нельзя того же сказать о роковой змее, называемой угрызением совести. Это чудовище обвивается вокруг сердца преступника, и так крепко сжимает его своими смертоносными кольцами, что не дает ему вздохнуть свободно, не дает откликнуться ни радости, ни счастью.

В течение нескольких минут, в то время, когда воробьи чирикали в густых вязах, когда зеленая листва лениво колыхалась в тихий летний вечер и голубые воды искрились на солнце, Джозеф Вильмот совершил дело, давшее ему самую богатейшую добычу, какую только может ожидать убийца. Добыча эта так изменила всю его жизнь, все его существо, что он вышел из этой роши не один, нет — за ним шло страшное, громадное чудовище, которое вторило каждому его вздоху, следовало за каждым его шагом, висело роковым бременем на его плечах, душило его в своих объятиях — чудовище, не имевшее ни вида, ни имени и в то же время являвшееся во всевозможных видах, отвечавшее на всевозможные имена, — чудовище, которое было не что иное, как память о совершенном им преступлении.

Джозеф Вильмот молчал несколько минут, схватившись за голову руками, но вскоре

мрачное облако исчезло с его лица и упорная решимость снова выразилась на нем. Первая минута испуга миновала. Этот человек никогда не был и не мог быть трусом. Теперь он был готов на все; может быть, он даже был рад, что наконец наступила роковая минута. Он выстрадал столько жестоких мук, перенес столько неописанных пыток в течение всего времени, пока его преступление не было никому известно, что, может быть, было уже облегчением знать, что тайна его открыта и он может сбросить маску.

Пока он раздумывал, как лучше поступить, неожиданно какая-то счастливая мысль блеснула в его голове и на лице заиграла улыбка торжества.

— Лошадь! — сказал он. — Я могу ездить верхом, хотя не в состоянии ходить.

С этими словами он вышел, опираясь на палку, в другую комнату, из которой вела дверь к месту, где владелец Модслея выстроил отдельную конюшню для своей любимой лошади. Маргарита последовала за отцом на некотором расстоянии, со страхом и удивлением смотря на него.

Он отворил стеклянную дверь и вышел в старинный четырехугольный садик, посреди которого расстилался зеленый лужок с правильными цветочными клумбами и со сломанным, давно не бившим фонтаном.

— Принеси лампу, Маргарита, — шепнул ей Джозеф Вильмот.

Девушка повиновалась; она больше не дрожала и вышла из комнаты поспешными твердыми шагами. Принеся лампу, она последовала за отцом в конюшню.

Любимая лошадь банкира тотчас узнала его, вытянула шею, заржала и начала бить копытами о землю; Джозеф Вильмот нежно погладил ее и начал шепотом уговаривать: «Тише, мальчик, тише». В углу маленькой конюшни висели два или три седла и несколько уздечек. Джозеф Вильмот выбрал, что ему было нужно, и начал седлать лошадь, опираясь на костыль. Грум, по приказанию его господина, спал теперь в доме, и никто не мог слышать шума в конюшне.

Через пять минут лошадь была оседлана, и Джозеф Вильмот повел ее в сад к калитке, выходящей в парк.

— Принеси мне пальто, — сказал он Маргарите, продолжавшей светить ему. — Ты найдешь его на кресле в спальне.

Маргарита молча отправилась в комнаты, где и нашла, как говорил отец, толстое пальто на меху. В той же спальне на туалетном столе лежал кошелек с золотыми монетами, блестящими сквозь прозрачную ткань; девушка поспешно схватила его, думая в своем невинном простосердечии, что, может быть, у отца ее не было больше денег под рукой. Возвратившись к нему, она помогла ему снять халат и надеть пальто. Шляпу он сам захватил, выходя из дома.

— Вот ваш кошелек, отец, — сказала она. — В нем что-то есть, но я боюсь, что слишком мало. Где вы достанете денег, что вы сделаете, куда отправитесь?

— Не бойся, я все устрою.

Говоря это, он сел на лошадь с большим трудом, но, несмотря на свою слабость и сильный холод, почувствовал себя совершенно новым человеком теперь, когда он сидел на своей любимой мощной лошади, которая могла увлечь его на другой конец света. Он с торжеством взглянул на Маргариту и невольно дотронулся до своего кушака.

— Да, — сказал он, — у меня довольно денег.

— Но куда вы едете? — спросила Маргарита поспешно.

— Не знаю, — ответил Джозеф Вильмот. — Это будет зависеть от... Право, не знаю, от чего. Прощай, Маргарита, да благословит тебя Бог, хотя я не думаю, чтобы он внимал молитвам таких людей, как я. Если бы мои молитвы были услышаны, когда я старался стать честным человеком, то жизнь моя была бы совершенно иная.

Да, это была правда: убийца Генри Дунбара старался некогда быть честным человеком и молил Бога благословить его старания, но все эти попытки были отрывочны, непостоянны, и он, ожидая, что его мольбы будут услышаны в ту же секунду, роптал на провидение, которое не внимало его голосу. Ему недоставало великой добродетели — терпения, которое

смиренно переносит все испытания, грудью встречает все непогоды, все бури человеческой жизни.

— Позвольте мне ехать с вами, отец? — сказала Маргарита, и в голосе ее слышалась сердечная мольба. — Позвольте мне ехать с вами. Я хочу быть при вас. Мне все постыло на свете; я желаю только одного, чтобы милосердный Бог простил вам ваши прегрешения. Я не хочу, чтобы вас окружали злые люди, которые еще более ожесточат ваше сердце; я хочу быть с вами, далеко от всех...

— Со мной? — медленно произнес Джозеф Вильмот. — Ты желаешь этого?

— От всей души!

— Твоя верность, твоя преданность безграничны, Маргарита, — воскликнул он, наклоняясь к ней и глядя ей в глаза, — ты готова на все, ты не боишься, ты не дрожишь перед опасностью! Ты много вынесла! Можешь ли ты перенести еще новое горе, новое страдание?

— Ради вас, отец, ради вас, я все перенесу, я ничего не боюсь. Я готова на все, чтобы спасти вас от...

И она вздрогнула при одной мысли об опасности, которая грозила ее отцу и от которой было только одно спасение — бегство. Нет, она не перенесла бы, если бы его отдали под суд и, страшно выговорить, казнили бы. Нет, не было жертвы, которую она бы ни принесла, чтобы отвести от него его роковую судьбу. Никакая сила, никакая надежда на милосердие Божие не могли заставить ее примириться с мыслью, что отец ее будет казнен.

— Я верю тебе, Маргарита, — сказал Джозеф Вильмот, схватив ее за плечи. — Я верю тебе! Разве я не видел твою мать в тот день, когда она узнала мою историю? Разве я не видел, как краска исчезла с ее лица и она стала бледна как полотно? Разве я не видел, как она через минуту обняла меня и, устремив на меня свои честные глаза, воскликнула: «Милый, я никогда не перестану тебя любить, ничто не может уменьшить моей любви»?

Он замолчал, но потом воскликнул с новой силой:

— Боже мой! Зачем я теряю время в пустой болтовне! Послушай, Маргарита, если ты хочешь проститься со мной, то приходи в вудбайнский коттедж близ Лисфорда. Кажется, это на лисфордской дороге. Я еду туда, и ты понимаешь, что буду там гораздо раньше тебя.

— Да, Вудбайн-Коттедж, Лисфорд. Я не забуду. Христос с вами, батюшка, Христос с вами!

«Бог милосерден к грешникам, — думала она, стоя у ворот и прислушиваясь к быстро удалявшемуся конскому топоту, — он даровал Каину долгую жизнь, чтобы тот мог раскаяться».

Она была очень утомлена, но не чувствовала этого; ее странствия еще не закончились. И, не бросив даже взгляда на Модслей-Аббэ, в роскошных покоях которого несчастный злодей так блистательно сыграл свою роль, так жестоко мучился в течение стольких месяцев, не бросив ни одного взгляда на этот ненавистный дом, Маргарита побежала по безлюдным аллеям парка к той же маленькой калитке, потому что это был единственный выход, где ее никто не заметил бы. Начинало уже рассветать, когда она встретила на дороге первого человека, у которого могла спросить, как пройти в Вудбайн-Коттедж.

Расстояние было немаленькое, и потому, когда она достигла жилища майора Вернона, уже был день. Дверь в прихожую была открыта настежь, и молодая девушка, войдя в нее, упала в объятия Джозефа Вильмота, который едва смог поддержать ее: достигнув своей цели, несчастная неожиданно потеряла последние силы и упала в обморок.

— Бедное дитя, бедное дитя, — сказал Джозеф Вильмот, — сколько она выстрадала. А я еще думал, что это преступление принесет ей пользу; я думал, что она возьмет от меня деньги и будет жить счастливо, не стараясь открыть роковой тайны. Мое бедное, бедное дитя!

Человек, убивший Генри Дунбара, залился слезами над дочерью, лежавшей без чувств на его руках.

— Ну полно дурить, — раздался резкий, грубый голос из полуоткрытой двери, — эк

нюни распустил, нам нечего терять время на пустяки.

XVI В Модслей-Аббэ

Мистер Картер не терял времени, но он не прибегнул к помощи телеграфа, посредством которого мог бы ускорить арест убийцы Генри Дунбара. Сыщик не прибегнул к помощи этого удивительного, современного изобретения, которое повесило многих великих злодеев, по той причине, что для этого надо было открыться во всем местной полиции, а он хотел закончить свое дело один, только при содействии одного скромного, преданного ему помощника.

Расставшись с Остином, он отправился в Лондон с почтовым поездом и, прибыв в шумную столицу, поехал прямо в квартиру своего скромного помощника, которого без всякой церемонии поднял с постели. Первый поезд в Варвикшир отходил в шесть часов, но это был тихий, пассажирский; почтовый отправлялся в семь часов, но приходил в Ругби только десятью минутами позже первого, поэтому мистер Картер вполне естественно предпочел ехать со вторым поездом; до тех пор он успел хорошенько позавтракать и подробно рассказать все дело своему помощнику. В разговоре со своим скромным другом мистер Картер выражался с полным сознанием своего превосходства, хотя и с любезным снисхождением. Его помощник был мужчина средних лет, очень почтенной наружности, с красным лицом в веснушках, карими глазами и светло-рыжими волосами. Он далеко не был красив и имел еще дурную привычку постоянно шевелить губами. Мистер Картер его очень уважал, но не столько за его ум, как за то, что он казался круглым дураком, почему его и прозвали Соня-Том. Он особенно был полезен в делах, когда требовалось уговорить или запугать какого-нибудь простака-поселянина или молодого человека.

— Вы возьмете с собой все, что нужно, Соня, — сказал мистер Картер и обратился к миссис Томас Тобльс — так звали жену Сони-Тома: — Если позволите, я съем еще кусок жареного хлеба и крутое яйцо.

Пока жена его помощника хлопотала возле камина, мистер Картер продолжал:

— Вы возьмете все, что нужно, Соня, потому что нельзя знать, какого труда нам будет стоить это дело. Молодец, который сумел так ловко поддерживать свою смелую роль в течение года, может решиться на все. Поэтому, хотя я имею полное основание полагать, что мы возьмем нашего приятеля так же тихо и мирно, как ребенка из колыбели, но все же мы должны приготовиться к худшему.

Мистер Тобльс, отличавшийся молчаливостью, наклонил голову в знак того, что вполне одобряет слова патрона.

— Я стряпчий, а вы мой писарь, — сказал мистер Картер. — Не забудьте этого. Мы едем в Шорнклиф к одному старому джентльмену, который, поссорившись со своими тремя дочерьми, вздумал переделать свое завещание. Вот что следует говорить, если спросят: куда и зачем мы едем. А теперь пора собираться в путь, Соня; наденьте приличный черный фрак и не забудьте побриться.

Мистер Тобльс кивнул в знак согласия.

Вскоре оба — мистер Картер и его помощник — явились на станцию железной дороги. Был час пополудни, когда они подъехали к чугунным воротам Модслей-Аббэ. Сердце сыщика весело билось в ожидании большой победы. Он вышел из кэба, чтобы самому переговорить с привратницей.

— Вы также лучше сошли бы, Соня, — сказал он. — Нам гораздо безопаснее пройти пешком по парку.

Мистер Тобльс молча повиновался с готовностью беспрекословно следовать за патроном.

Привратница была не одна: в ее комнатке целое общество громко и с жаром о чем-то рассуждало. Шум их голосов долетел до мистера Картера, когда привратница вышла из дому

отворить ему ворота.

— Я желаю видеть мистера Дунбара по очень важному делу, — сказал он. — Вы можете сказать, что я прислан из конторы на улице Св. Гундольфа. Я привез письмо от младшего товарища фирмы, мне приказано отдать его лично, в руки мистру Дунбару.

Привратница всплеснула руками и с отчаянием взглянула на мистера Картера.

— Извините, сэр, — сказала она, — но я решительно не знаю, что со мной делается; у нас случилось странное происшествие. Мистер Дунбар уехал из Модслея, но никто в доме не знает, когда он уехал, куда и зачем. Камердинер банкира нашел его комнаты пустыми сегодня утром, а грум, который спал недалеко от конюшни, сказал, что слышал конский топот и подумал, что любимая лошадь мистера Дунбара была беспокойна по причине перемены погоды. Сегодня же утром, когда он пошел в конюшню, то лошади в ней не было и на песке виднелись следы копыт. Кроме того, у садовой калитки нашли трость мистера Дунбара с золотым набалдашником; бедный джентльмен едва ходил по комнатам с костылем, и потому трудно себе объяснить, как он оседлал сам лошадь так, что никто в доме не слышал. Сегодня утром мы все ужасно переполошились и стали везде искать мистера Дунбара, но бесполезно, его и след простыл.

Мистер Картер побледнел и затопал ногой. Двести фунтов — цифра огромная для бедного человека, а ему приходилось не только проститься с ними, но и сама его слава должна была поблекнуть от этой неудачи. Человек, чье таинственное преступление он так блистательно раскрыл, улизнул от него, не оставив ни малейшего следа!

— Но ведь он хромал! — воскликнул мистер Картер. — Ведь он сломал себе ногу...

— Да, сэр, — поспешно ответила женщина, — в этом-то и вопрос. Мы все об этом только и толкуем: как больной человек, который едва шевелил рукой или ногой, мог вскочить ночью, оседлать лошадь и ускакать во всю прыть. Все уверяют, что, должно быть, мистер Дунбар сошел с ума; доктор, живущий в доме, узнав о бегстве своего больного, чрезвычайно испугался. Мисс Дунбар, виновата, леди Джослин, при первом известии об этом непостижимом происшествии, прискакала сюда вместе с мужем, сэром Филиппом. Если ваше дело действительно важное, то, может быть, вам будет угодно переговорить с ней...

— Да, — резко ответил сыщик и вполголоса обратился к своему товарищу: — Вы останьтесь здесь, Соня, и постарайтесь выведать все, что сумеете, а я пойду к леди Джослин.

Подойдя к дому, мистер Картер увидел в готическом портике целую толпу слуг. Один из них ему сказал, что леди Джослин в комнатах мистера Дунбара, и сыщик велел ей доложить, что некто, приехавший из Лондона по очень важному делу, желает ее видеть. Через несколько минут слуга вернулся с известием, что леди Джослин согласна принять неизвестного господина.

Сыщика провели в ту самую комнату, где пропавший человек провел столько несчастных дней и бессонных ночей. Лора стояла у одного из окон, выходящих на лужок, и с беспокойством смотрела на дорогу.

Она повернула голову, когда мистер Картер вошел в комнату, и провела рукой по лбу; ее веки дрожали и вообще она казалась сильно взволнованной.

— Вы принесли мне какое-нибудь известие об отце? — спросила она. — Я не могу опомниться от этого неожиданного несчастья!

И Лора с мольбой посмотрела на сыщика, но его серьезное, мрачное лицо испугало ее, и она воскликнула:

— Вы принесли мне весть о каком-нибудь новом несчастье!

— Нет, мисс Дунбар, виноват, леди Джослин, я не пришел вас известить о новом горе. Я прислан, чтобы отыскать джентльмена, который внезапно скрылся вчера ночью. Я должен его найти во что бы то ни стало. Все, чего я желаю от вас, это незначительной помощи. Будьте уверены, что он будет найден, и очень скоро, если только он жив.

— Если он жив! — воскликнула Лора с испугом. — Конечно, вы не думаете, вы не боитесь...

— Я ничего не думаю, леди Джослин, я должен найти исчезнувшего человека.

— Вы найдете моего отца? — сказала Лора, смотря с удивлением на сыщика. — Да, я очень хочу, чтобы его нашли, и если вы согласитесь принять награду за ваши труды, то я с большим удовольствием готова дать все, что вы спросите. Но скажите, почему вы здесь, почему вы так интересуетесь исчезновением моего отца? Вы, вероятно, присланы из конторы?

— Да, — медленно ответил сыщик. — Да, я прислан из конторы на улице Св. Гундольфа.

Сказав это, мистер Картер замолчал и начал подробно осматривать комнату — от узора занавесок и ковра до фарфоровых статуэток на камине. Единственная вещь, на которой остановился его взгляд, была лампа, которую погасила Маргарита.

— Я намерен задать вам один вопрос, миледи, — сказал он, наконец, смотря мрачно, почти сострадательно, на взволнованное лицо молодой женщины. — Вы, может быть, сочтете меня дерзким нахалом, но я надеюсь, вы поверите, что я человек Прямой и исполняю только свою обязанность. Вы очень беспокоитесь об исчезнувшем джентльмене; могу ли я спросить вас, искренне ли вы его любите? Я знаю, миледи, что это очень странный вопрос или он может показаться таким, но ваш ответ гораздо важнее, чем вы воображаете. Я был бы вам очень благодарен, если бы вы ответили мне чистосердечно.

Лора вспыхнула, и слезы показались на ее глазах; она быстро отвернулась от сыщика и, обтерев глаза платком, подошла к окну и несколько минут смотрела в него.

— Зачем вы задаете мне этот вопрос? — спросила она наконец, гордо выпрямляясь.

— Я не могу вам этого сказать в настоящую минуту, миледи, — ответил сыщик, — но даю честное слово, что без основательной причины я никогда бы не осмелился беспокоить вас.

— Хорошо, я вам отвечу откровенно, — сказала Лора, смотря прямо в глаза мистеру Картеру. — Я отвечу вам, потому что вы мне кажетесь честным человеком. Мы с отцом не питаем большой любви друг к другу. Это, может быть, несчастье, но тут нет ничего удивительного, потому что мы были разлучены в течение многих лет. И когда он приехал, то мы встретились как чужие люди, между нами была какая-то преграда, через которую мы никак не могли переступить. Одному небу известно, как пламенно я ожидала возвращения отца из Индии и как глубоко я была огорчена, когда открыла мало-помалу, что мы с отцом никогда не будем питать тех чувств, которые обыкновенно связывают отца с дочерью. Но не думайте, пожалуйста, что я жалею о моего отца; нет, он всегда был добр, снисходителен и щедр по отношению ко мне. Последним его делом перед несчастным случаем на железной дороге было съездить в Лондон, чтобы купить бриллианты мне на ожерелье. Я упоминаю об этом не из-за того, что очень любила бриллианты, но мне приятно думать, что мой отец, несмотря на внешнюю его холодность, чувствует все же ко мне привязанность.

Мистер Картер не смотрел на Лору, но устремил свой взгляд в окошко.

— Бриллиантовое ожерелье! — пробормотал он сквозь зубы. — Гм, бриллиантовое ожерелье! Оно, вероятно, у вас, миледи?

— Нет, бриллианты были куплены, но еще не отделаны.

— Мистер Дунбар сам купил неограненные камни?

— Да и, кажется, на огромную сумму. Пока я была в Париже, мой отец писал мне, что он повременит с заказом ожерелья, пока не выздоровеет и не будет в состоянии поехать на континент, потому что лондонские рисунки ему не нравились.

— Конечно, — ответил сыщик, — они ему и не могли понравиться.

Лора вопросительно взглянула на мистера Картера. В его тоне слышалась какая-то далеко не почтительная ирония.

— Благодарю вас от всей души за вашу откровенность, леди Джослин, и поверьте, что я не упущу из виду и ваших интересов в этом деле. Я тотчас начну поиски и будьте спокойны: пропавший человек найдется.

— Не думаете ли вы, что он лишил себя жизни в каком-нибудь болезненном припадке?

— Нет, леди Джослин, — решительно ответил сыщик, — такая мысль далека от меня.

— Слава Богу.

— Могу я вас попросить, миледи, прислать сюда камердинера мистера Дунбара и оставить нас одних в этих комнатах? Он, может быть, в состоянии дать мне какие-нибудь сведения, которые могут привести меня на след вашего отца. Нет ли у вас его портрета, миниатюры, фотографии или чего-нибудь в этом роде?

— Нет, к сожалению, я не имею никакого портрета.

— Жаль, но делать нечего; мы должны суметь обойтись без этого.

Лора позвонила, и на пороге тотчас появился один из великолепных слуг, украшавших холл Модслей-Аббэ. Она послала его за камердинером мистера Дунбара и, пожелав доброго утра сыщику, отправилась на другую половину дома, где жила еще до замужества. Камердинер мистера Дунбара был очень рад поговорить о происшествии, которое так взволновало весь дом. Но с сыщиком трудно было болтать; он умел всегда срезать человека и неожиданным вопросом прекратить пустую болтовню; потому словоохотливый слуга был вынужден рассказать кратко, без всяких ненужных подробностей, все, что знал об отъезде своего господина.

— Гм, гм! Да, да! — бормотал сквозь зубы сыщик. — Вы говорите, что с вашим господином был на дружеской ноге только один человек, по имени Вернон, поселившийся недавно в вудбайнском коттедже на лисфордской дороге. Он приходил к вашему господину в любое время, отличался очень странными манерами и одевался чрезвычайно странно: сначала просто ходил в лохмотьях, а потом стал франтом и сорил деньгами в Лисфорде. Да, да, вы слышали, как ваш господин говорил на повышенных тонах с этим джентльменом; то есть вам так показалось, а может быть, в сущности, они только громко и живо рассказывали друг другу анекдоты; это часто бывает. Позвольте, вы еще говорите, что ваш господин носил какой-то пояс под рубашкой, что вы сами его видели, укладывая мистера Дунбара в постель. Он никогда его не снимал и с беспокойством поглядывал на вас, сменяя рубашку. Вы полагали, что это какой-нибудь гальванический пояс или что-нибудь в этом роде. Вам однажды удалось ощупать его, и он весь состоял из маленьких горошинок, крепких как железо. Вот все, что вы можете сказать, кроме того, что вы всегда полагали, что в его голове что-то неладно, и вы это приписывали подозрению, возбужденному против него во время винчестерской истории.

Выразив, таким образом, в нескольких словах все сказанное камердинером, мистер Картер сделал несколько заметок в своей записной книжке и, спрятав ее в карман, медленно прошел по всем комнатам, внимательно их осматривая.

— В каком платье уехал мистер Дунбар?

— На нем были серые панталоны и жилет, толстое пальто на собольем меху и небольшой плед.

— Пальто черного цвета?

— Нет, темно-синего.

Мистер Картер снова вынул свою записную книжку и записал слова слуги.

— Ну а наружность мистера Дунбара?

Камердинер подробно описал все черты и выражение лица.

— Да, да, — промолвил мистер Картер и записал: «высокого роста, широкоплечий, нос с горбом, злые глаза, каштановые волосы с проседью».

Кончив это, сыщик надел шляпу, но, прежде чем выйти из комнаты, остановился у стола, на котором стояла лампа.

— Эту лампу заправили вчера вечером? — спросил он.

— Да, сэр, ее каждый день наливали полную.

— А как долго она горит?

— Десять часов.

— Когда ее зажгли?

— В семь.

Мистер Картер снял стеклянный колпак с лампы, подойдя к камину, вылил

находившееся в ней масло.

— Она, должно быть, горела до четырех часов утра, — сказал он.

Слуга посмотрел на мистера Картера с каким-то суеверным ужасом, словно на колдуна. Но сыщик слишком спешил, чтобы обратить на него внимание. Он узнал все, что ему было нужно, и теперь нельзя было терять ни минуты. Выйдя из Модслея, он побежал к воротам, где его ожидал мистер Гобльс, которого он тотчас послал на шорнклифскую станцию, приказав ему следовать за путешественником в темно-синем пальто на меху, если таковой явится, оставив у начальника станции записку для мистера Картера.

XVII Служанка в Вудбайн-Коттедже

Оставив Модслей-Аббэ, мистер Картер отправился в вудбайнский коттедж, куда и приехал через четверть часа. Отпустив извозчика, он вошел в садик и позвонил у стеклянной двери. Ему долго не открывали, и он имел достаточно времени, чтобы подробно рассмотреть сквозь эту дверь коллекцию раковин и чучел птиц, украшавшую маленький холл. Он позвонил во второй раз, и, наконец, минут через пять появилась девушка с завязанным лицом. Сыщик спросил, дома ли майор Вернон, и девушка, без дальнейших разговоров, прямо провела его в маленькую гостиную.

Владелец коттеджа сидел в кресле перед камином. Комната эта была довольно темная, потому что единственное окошко, освещающее ее, выходило в крошечную оранжерею, наполненную всевозможными кактусами, которые очень любил прежний владелец вудбайнского коттеджа.

Мистер Картер устремил пронзительный взгляд на джентльмена, сидевшего в кресле; он ему показался очень почтенной наружности, лет пятидесяти или шестидесяти, с седыми усами и блестящими глазами, выражавшими твердый характер.

— Я пришел вас расспросить об одном вашем приятеле, мистер Вернон, — сказал сыщик, — именно, о мистере Дунбаре, владельце Модслей-Аббэ, который исчез из дома сегодня ночью в четыре часа.

Майор, сидя в кресле, курил трубку, и, когда мистер Картер произнес, по-видимому, ничего незначащие слова «четыре часа», зубы мистера Вернона судорожно щелкнули об янтарный мундштучок.

Сыщик тотчас заметил это, и пришел к тому заключению, что майор, конечно, видел Джозефа Вильмота и знал, что он оставил Аббэ в четыре часа, потому-то он и вздрогнул, узнав, что час отъезда банкира известен не ему одному.

— Вы знаете, куда уехал мистер Дунбар? — спросил сыщик, смотря еще пристальнее на майора.

— Напротив, — ответил тот, — я думал сегодня вечером отправиться к нему в Аббэ.

— Гм, — пробормотал сыщик, — так мне совершенно бесполезно вас расспрашивать об этом предмете.

— Конечно. Вы говорите, что Генри Дунбар уехал из Аббэ; а я полагал, что он еще болен и не может встать с дивана.

— Это так и было; но, несмотря на все, он исчез.

— Что вы имеете в виду под словом «исчез»? Он уехал, вот и все. Он, кажется, имел право выезжать когда и куда хотел.

— Бесспорно.

— В таком случае тут нет ничего удивительного, — воскликнул майор, вытряхивая золу из трубки в камин, — ему просто надоело сидеть в четырех стенах. Но скажите, зачем вы отыскиваете его, словно он ребенок, убежавший от своих родителей? Вы, может быть, его доктор?

— Нет, я действую по приказанию леди Джослин, и надо вам откровенно сознаться, — сказал мистер Картер с самым простодушным выражением лица, — я не более и не менее как

полицейский сыщик и нарочно приехал из Лондона, чтобы найти пропавшего джентльмена. Вот видите, леди Джослин боится, не произвели ли в нем маленького умственного расстройства продолжительная его болезнь и постоянное одиночество. Мне кажется, это очень вероятно, — прибавил мистер Картер с видом совершенно откровенного человека. — В подобном случае мы можем опасаться самоубийства. А вы что думаете об этом, мистер Вернон, вы — самый закадычный друг пропавшего джентльмена?

Майор улыбнулся.

— Даю вам слово, — сказал он, — вы, по моему мнению, не очень далеки от истины. Генри Дунбар, действительно, после несчастного случая на железной дороге отличался многими странностями.

— Именно так, — ответил сыщик, — я полагаю, вы ничего не будете иметь против того, чтобы я осмотрел ваш дом и сад? Ваш друг мог спрятаться здесь, ибо, если человек пускается на странности, им не может быть никаких границ.

Майор Вернон пожал плечами.

— Я не думаю, чтобы Дунбар мог попасть в мой дом без моего ведома, — сказал он. — Но сделайте одолжение, осмотрите этот дом, от чердака до подвалов, если это только вам доставит удовольствие.

С этими словами он позвонил, и сказал вошедшей девушке с перевязанным лицом:

— А, у вас опять болят зубы, Бетти? Это отличный повод, чтобы ничего не делать. Вот этот джентльмен желает осмотреть наш дом; покажите ему все, да пожалуйста, поскорей — пора обедать.

Бетти неловко поклонилась и повела мистера Картера в холл.

— Бетти! — воскликнул майор, когда девушка только что собиралась взойти на лестницу вместе с сыщиком. — Бетти, подите сюда!

Она повиновалась, и мистер Картер слышал, как майор стал с ней говорить шепотом. Последние слова его он расслышал очень ясно.

— Если ты не будешь держать язык за зубами, так ты мне заплатишься.

«Эге! — подумал сыщик. — Мисс Бетти должна держать язык за зубами — увидим!»

Девушка повела мистера Картера в две парадные гостиные в передней части дома. Это были маленькие, старомодные комнаты, очень низенькие, с большими, странного вида шкафами в углах. Мистер Картер заглянул в каждый из этих шкафов, из которых несло сальными свечами и ромом, любимым напитком прежнего владельца коттеджа.

Осмотрев с полдюжины шкафов, мистер Картер и его проводница отправились на верхний этаж, в спальню майора, где на мебели валялись всякого рода платья и множество трубок, а в воздухе стоял страшный табачный запах.

Бетти открыла дверцу маленького шкафа, находившегося в углу за кроватью, но, вместо того, чтобы осмотреть его, мистер Картер неожиданно бросился к двери, запер ее и положил ключ в карман.

— Нет, благодарю, мисс, — сказал он, — я не намерен более ломать себе шею, лазая по вашим шкафам. Пожалуйста-ка сюда, — прибавил он, подходя к окошку.

Девушка молча повиновалась. Она была бы очень хорошенькая, если б ее не уродовал пестрый платок, которым было повязано ее лицо, так что из-под него виднелись только ее живые глазки, быстро перебежавшие с предмета на предмет.

— Вы — очень ловкая и хитрая штука, — продолжал мистер Картер. — Вам совершенно поделом, что у вас болят зубы. Но скажите, что вам говорил сейчас ваш господин? Зачем он вам велел держать язык за зубами?

Бетти покачала головой и начала крутить кончик своего передника.

— Господин ничего мне не говорил, — сказала она.

— Господин ничего не говорил! Ай-ай, мисс Бетти, как вам не стыдно; но, конечно, вы заговорите по-другому, когда вас отдадут под суд за клятвопреступление, а за подобную вину ссылают на каторгу на всю жизнь, — прибавил мистер Картер.

— О сэр! — воскликнула Бетти. — Это не я, это — хозяин, он всегда ужасно божится и

клянется; но он такой страшный, так ругается и запускает в меня чем ни попало, что я, право, не смею его послушаться! Нет, уж лучше пускай меня сошлют на каторгу, если это только не очень больно.

— Не больно! — воскликнул мистер Картер. — Да молодых девушек возят на каторгу в кораблях, полных скорпионов и диких кошек!

— О! Так я вам все скажу, сэр, — жалостно промолвила служанка мистера Вернона. — Я лучше вам расскажу все, чем пойду под суд.

— Я так и думал, — ответил мистер Картер, — но вам немного придется мне рассказывать. Мистер Дунбар приехал сюда верхом сегодня утром между пятью и шестью часами, не правда ли?

— Нет, в десять минут седьмого, сэр; я тогда открывала занавеси.

— Так.

— Джентльмен приехал верхом, сэр, и едва держался: у него была боль в ноге. Он послал меня за хозяином и тот помог ему сойти с лошади. Пока приезжий джентльмен отдыхал в кабинете хозяина, меня послали за извозчиком в лисфордский трактир «Роза и Корона». Я тотчас исполнила приказание, и не было еще восьми часов, когда джентльмен уехал от нас.

«Еще не было восьми часов, а теперь четвертый», — думал мистер Картер, смотря на часы.

— Пожалуйста, не говорите только хозяину, что я вам сказала про все это; пожалуйста, не говорите, сэр, — умоляла девушка.

Нельзя было терять ни минуты, а сыщик стоял в нерешительности и обдумывал только что услышанное. Сказала ли правду служанка или это была сказка, сочиненная, только чтобы сбить его с толку? Нет, она, казалось, чистосердечно боялась своего господина, и теперь слезы, настоящие слезы текли по ее бледным щекам.

«Я, во всяком случае, могу узнать в «Розе и Короне», нанимал ли кто нынче утром извозчика», — подумал он и прибавил вслух:

— Скажите вашему хозяину, что я обыскал весь дом и не нашел его приятеля, но у меня, право, нет времени зайти к нему проститься.

С этими словами сыщик пошел вниз, и девушка, проводив его, растолковала, как ближе пройти в «Розу и Корону».

Мистер Картер пустился бегом по дороге; он почти сходил с ума от одной мысли, что Джозеф Вильмот мог от него улизнуть.

«Что с ним теперь поделаешь, когда он столькими часами меня опередил, — думал он, — моя единственная надежда на его больную ногу».

В «Розе и Короне» мистеру Картеру сказали, что в семь часов утра приходила девушка из вудбайнского коттеджа и взяла извозчика, который только недавно вернулся. По просьбе сыщика позвали извозчика, и он рассказал, что взял в вудбайнском коттедже джентльмена в меховом пальто, закутанного в большой шарф и сильно хромавшего. Джентльмен приказал отвезти его на шорнклифскую станцию, но, вероятно, опоздал к поезду, потому что через несколько минут вышел к извозчику и велел ехать в Манингсли, маленькую деревушку, в трех милях от Шорнклифа. Приехав туда, он вошел в кабачок и просидел там, попивая водку и читая газеты, до десяти часов.

— Он был настоящий джентльмен, — прибавил извозчик, — и не только заплатил за езду, но и велел дать мне поесть и выпить. В половине второго мы снова отправились на шорнклифскую станцию, откуда он и отпустил меня в два часа.

Узнав все, что было нужно, мистер Картер приказал извозчику заложить другую лошадь, чтобы отвезти его на шорнклифскую станцию. Пока закладывали, он потребовал стакан горячего пунша.

«А что, если Соня воспользуется превосходным случаем, — думал он, — и сам, представив Вильмота, получит награду?»

Это предположение было не очень приятное, и лицо мистера Картера приняло

серьезное, мрачное выражение, но через минуту он улыбнулся.

— Нет, — сказал он сам себе, — Соня слишком хорошо меня знает, чтобы решиться на такое дело.

Через несколько минут экипаж был готов, и мистер Картер, бросившись в него, поскакал на шорнклифскую станцию. Там царствовала мертвая тишина, так как еще не скоро ожидали поезда. Ни в залах, ни в кассе не было никого видно, и только на платформе в углу спал, прижавшись к какому-то ящику, сторож, а неподалеку от него сидела на скамейке молодая женщина с целым ворохом вещей.

Мистера Тобльса, или Сони-Тома, не было нигде видно.

Мистер Картер разбудил сторожа и послал его к начальнику станции узнать, не оставил ли кто письма на его имя. Сторож, страшно зевая, отправился исполнить его приказание и скоро вернулся с известием, что у начальника станции есть, действительно, письмо, но что он его отдаст только лично мистеру Картеру.

Письмо это было следующего содержания:

«Человек в меховом пальто явился в два часа десять минут, взял билет первого класса в Дерби; я взял туда же, второго класса. Ваш покорный слуга. *T.T.*».

Мистер Картер положил письмо в карман и узнал у начальника станции, что первый поезд в Дерби отправлялся в семь часов вечера, так что ему приходилось ждать ровно три с половиной часа.

— Дерби, — пробормотал он, — Дерби. Значит, он пробирается на север. Какой черт его туда тянет?

XVIII Преследование

Путешествие по железной дороге из Шорнклифа в Дерби в холодную весеннюю ночь, посреди мрака, подернувшего черным покровом унылые, голые поля, при заунывном вое ветра, не могло доставить особенного удовольствия. Эта нескончаемая плоская равнина, на которую мы смотрим ночью из окна вагона, кажется унылой степью, перенесенной из Центральной Африки по волшебству, чтобы придать ужас ночной поре, который исчезнет при первом пении петуха.

Мистер Картер никогда не путешествовал без толстого пледа и без карманной фляжки с водкой, потому, поддерживаемый этими внутренними и наружными предохранителями от холода, он уселся в угол вагона второго класса и устроился по возможности комфортабельно.

К счастью, не было тех трудностей, к которым бы сыщик не привык, и сидеть в вагоне второго класса, закутанным в толстый плед, казалось ему чрезвычайно приятным отдыхом в сравнении с его прежними похождениями. Он привык спать урывками, где Бог пошлет, и минуты через три после того как кондуктор захлопнул дверцы вагона, он уже громко храпел.

Но ему не дали долго спать. Дверь внезапно открылась, и громкий голос прокричал под самым его ухом ужасное известие, столь пагубное для отдыха путешественников: «Перемена вагонов!» Все путешествие от Шорнклифа до Дерби, казалось, только и состояло из перемены вагонов; и бедному мистеру Картеру чудилось всю ночь, что он переходит из одного вагона в другой, с одной линии железной дороги на другую, с временными остановками на сквозных платформах, которые обдают холодом измученного странника, путешествующего в ночное время.

Наконец после переезда, казавшегося бесконечным от частых тревог, которые всегда заставляют сонных людей терять счет времени, сыщик достиг Дерби. Он немедленно отыскал станционного смотрителя и получил от него другую маленькую записку мистера Тобльса, очень похожую на ту, которую ему вручили в Шорнклифе.

«Все благополучно до Дерби, — писал Соня-Том. — Молодец в меховом пальто взял билет в Гул. Я тоже и еду с ним вместе. Ваш покорный слуга *T.T.*».

Мистер Картер, не теряя времени, навел справки о том, как удобнее ему было догнать своего помощника и с ним хромого путешественника. Ему объявили, что надо будет обождать здесь часа два поезд, в котором он сможет доехать до Нормонтон, и что в Нормонтоне ему придется дожидаться около часа отхода поезда в Гул.

— Делать так делать, — воскликнул он с горечью, когда кассир сообщил эту новость. — Не можете ли вы еще как-нибудь проволочить время? Если ваша цель — взбесить человека, то, конечно, чем скорее, тем лучше.

Все это было произнесено вполголоса, и смотритель не смог расслышать этих слов, которые послужили только облегчением для накипевшего нутра сыщика.

«Соне повезло, — думал он, расхаживая по платформе. — Соне на этот раз выпали хорошие карты, и если он вздумает меня обмануть, но навряд ли он на это решится; мы — консерваторы и изменнику как раз укажем дорогу. Мы могли бы намекнуть, что ему следовало бы по причине болезни подать в отставку или написать ему вежливое письмо в этом духе, как это делают военные франты, чтобы отделаться от неприятного товарища».

В Дерби можно было достать все что угодно, и мистер Картер потребовал себе чашку дымящегося кофе и громадную пирамиду бутербродов. Покончив с ними, он удалился в залу, чтобы задать, как он выражался, выхрапку и приказал одному из сторожей разбудить себя за пять минут до отхода нормонтонского поезда, обещая дать ему на чай.

В зале топился камин и горела лампа. Какая-то леди, до половины закутанная в шаль и заваленная со всех сторон грудями картонок, спала в креслах перед огнем; при входе сыщика она вздрогнула, и, находясь в том состоянии полузабытия, когда каждая одинокая дама готова увидеть вора в каждом мужчине, она невольно схватилась за свои вещи.

— Гул, Гул, — бормотал сквозь зубы мистер Картер. — Он, конечно, намерен улизнуть в Роттердам, или Гамбург, или в Петербург — всюду, куда будет только отходить пароход. Он сядет на первое отходящее судно. Он — ловкий малый, очень ловкий малый; и если б не было Сони на станции, то мистер Джозеф Вильмот ускользнул бы из моих рук как нельзя лучше. Но если мистер Томас Тобльс не изменит мне, то мы его еще изловим и возвратим домой точно так, как нежные родители возвращают в школу беглого сына. Если только мистер Тобльс не изменит... но он не особенно много знает об этом деле и совершенно не ведает о добавочной награде и об улике, найденной в Винчестере, потому я надеюсь, что Томас Тобльс останется верным. Человеческая натура чрезвычайно благородная, — продолжал сыщик, — но я всегда замечал, что чем строже ее держишь, тем лучше она становится.

Наступило утро, солнце сияло, птицы пели, на зеленых лугах, окружающих дымный город, паслись коровы, поселяне толпами отправлялись на работу; по сторонам дороги лежала скошенная душистая трава, и новорожденный день, казалось, нес на себе отпечаток невинной молодости. Сыщик вышел на платформу, спокойный, сдержанный, решительный; он, по-видимому, ничем не отличался от энергичных, деловых людей, приехавших на одном с ним поезде и спешивших теперь к своим занятиям, ничто не говорило в нем, что он — безжалостная ищейка, преследующая убийцу. Он поспешно оглянулся. Нет, мистер Тобльс ему не изменил. Этот джентльмен стоял на платформе и следил за выходящими пассажирами. Лицо его казалось желтее прежнего, и он шевелил губами с еще большей энергией; мистер Картер, хорошо знавший привычки своего помощника, тотчас понял по этим признакам, что дело не удалось.

— Что же, — сказал он, хлопая по плечу Соню-Тома, — он улизнул от вас? Говорите же, я вижу по вашему лицу, что он улизнул.

— Да, вы отгадали, — ответил мистер Тобльс обиженным тоном. — Но, хотя он и улизнул, вам нечего смотреть на меня с таким презрением, будто это моя вина. Не выпустить из вида такого человека — все равно что не дать выскользнуть из рук угрю.

Сыщик взял под руку своего помощника и вышел с ним на безлюдную, мрачную площадку позади станции.

— Расскажите мне все, — сказал он, — не забудьте ни малейшей подробности да

держите ухо остро.

— Я дождался в кассе на шорнклифской станции и в начале третьего вижу, входит мой клиент и берет билет; слышу, как он говорит: «в Дерби»; только он вышел из кассы, я беру себе билет туда же. Приезжаем мы в Дерби, и, несмотря на частые перемены вагонов и на всякие остановки, каждый раз при перемене вагона я не упускаю из вида моего джентльмена, который ужасно хромает и подозрительно оглядывается, чтобы заметить, не следят ли за ним. Разумеется, за ним не следят — о нет, не было ничего подобного. Среди всех невинных молодых людей, подверженных соблазну этого злого света, никогда не бывало столь невинного младенца, как писец адвоката, который рассказывал соседу довольно громко, чтобы молодец в меховом пальто мог расслышать его слова, как его вызвал по телеграфу его хозяин, занятый делами выборов где-то за Гулем; при этом он ругал немилосердно своего хозяина, заставившего его ехать с таким скучным поездом. Наконец, мы приезжаем в Дерби, и мой молодец берет билет в Гул; приезжаем мы в Гул, и я вижу как он выходит на платформу; вижу, как он садится в наемную карету и слышу, как он кричит: «в отель “Виктория”», но было уже около десяти часов, наступила темнота и завыл ветер. Я вскакиваю позади кареты, и, таким образом, то бегом, то держась за нее руками, достигаю отеля «Виктория»; здесь я соскакиваю, и смотрю как мой молодец входит в отель, ужасно прихрамывая от боли. Он отправляется прямо в холл, и я за ним: гляжу, мой любезный греет перед огнем свою бедную, увечную ногу, а саквояж и теплый плед лежат рядом на столе; но вот он вдруг встает и, сильно похрамывая, выходит из комнаты; я слышу, как он спрашивает о времени отхода поездов в Эдинбург; я спокойно продолжаю сидеть (впрочем, полагаю, что это продолжалось не более трех минут) для того, вы понимаете, чтобы он не заметил, что за ним следят. Спустя три минуты я выхожу из холла, вполне уверенный, что найду его в буфете; но ни в передней, ни в буфете его нет. Слуга объявил мне с очень торжественным и хладнокровным видом, что хромым джентльмен вышел на набережную полюбоваться видом и купить сигар и что он минут через десять вернется, так как он заказал себе к тому времени баранью котлетку. Я выхожу в ту же дверь, полагая, что хромым приятель где-нибудь поблизости; но прихожу на набережную, и нигде не вижу его следов; я бегаю по всем окрестным улицам, но все напрасно; через полчаса мне пришлось вернуться в «Викторию», усталому, как собаке. В зале лежали его саквояж и теплый плед на том же месте, куда он их положил, а около камина накрыт был для него маленький стол. О нем же самом не было ни слуха, ни духа; потому я опять вышел на улицу; пот градом катил по моему лицу, и я исходил этот прекрасный город по всем направлениям; смотрел вправо и влево, расспрашивал повсюду, где мог только предполагать, что подобный молодец спрячется — но все без малейшего результата. В час ночи я вынужден был возвратиться в «Викторию» на ночлег. Как только я проснулся сегодня утром, снова бросился на набережную узнавать об отходящих кораблях, но ни одно судно не собиралось отойти в это утро, и единственный корабль, который отходил в Копенгаген в следующую ночь, не принимал пассажиров; впрочем, судя по наружности шкипера, я уверен, что он готов принять любой груз, даже целое кладбище трупов, если только ему хорошо заплатить!

— Гм! Парусное судно, отходящее в Копенгаген; и шкипер подозрительной наружности, как вы говорите? — произнес сыщик, задумываясь.

— Никогда не видел более противной личности, — ответил мистер Гобльс.

— Да, Соня, разумеется, штука не удалась, но я уверен, вы сделали все, что от вас зависело.

— Да, я сделал все, что было возможно, — ответил его помощник обиженным тоном, — и, судя по тому, как мало вы мне доверились, вы не могли ожидать большего от меня.

— В таком случае, мне кажется, вам ничего не остается делать, как караулить на этой станции, а я переправлюсь на ту сторону реки и буду сторожить на другой станции, — сказал мистер Картер. — Поездка в Гул может быть предпринята только для того, чтобы нас сбить с пути, и наш клиент постарается проскользнуть между нами и вернуться в Лондон.

Останьтесь же здесь, Соня, и смотрите не пропустите ни одного поезда, а я отправлюсь на другую сторону.

Мистер Картер нанял извозчика и поехал на пристань в конце города, откуда он переехал на лодке через Гумбер на линкольнширский берег. Здесь, на станции железной дороги, он разузнал все подробности о поездах, отходящих в Лондон, и простоял настороже, пока два или три поезда не ушли. Потом, так как оставалось еще несколько часов до отхода следующего поезда, он опять переехал через реку и принялся отыскивать следы исчезнувшего Вильмота. Сначала он пошатался по набережным и навел справки обо всех стоявших тут больших пароходах, ходивших в Лондон, Антверпен, Роттердам и Гамбург, и маленьких пароходах, осуществлявших сообщение по реке. Он все разузнал про эти суда: об их назначениях, когда и в какое время они предполагали отплыть, одним словом, за полчаса он узнал больше, чем другой человек мог бы узнать за целый день. Он также познакомился с кораблем, отходящим в Копенгаген, — черным, уродливым судном, названным очень кстати «Ворон», угрюмый шкипер которого лежал на кипах веревок на палубе и в полусне курил трубку. Мистер Картер постоял некоторое время на набережной, внимательно разглядывая этого человека.

— Наружность его непривлекательна; он, кажется, способен на все, шептал он, удаляясь. — Соня прав.

Он вернулся в город и, расхаживая по улицам, заглядывал в окна ювелиров своим быстрым орлиным взглядом, столь быстрым, что никто не успевал его заметить, столь пронизательным, что он схватывал в одну секунду все подробности рассматриваемого им предмета. Мистер Картер заглядывал в лавки ювелиров до тех пор, пока не подошел к одной из них, хозяин которой был вместе с тем и ростовщиком. Мистер Картер здесь остановился и вошел в маленькую аллею, по которой, торопливо озираясь, проходили временами граждане Гула, стыдясь своего безденежья. Мистер Картер посетил, таким образом, трех ростовщиков и потерял много времени, прежде чем сделал хоть какое-нибудь полезное открытие; но у третьего ростовщика он достиг своей цели. Обращение его с этими господами было очень просто и бесцеремонно.

— Я — полицейский агент, — говорил он, — из Скотланд-Ярда и имею приказ арестовать одного человека, который скрывается в Гуле. Известно, что у него множество бриллиантов — они не краденые, не забудьте, и вам поэтому нечего опасаться. Я желал бы знать, не был ли подобный человек у вас сегодня?

— Бриллианты настоящие? — спросил ростовщик дрожащим голосом.

— Настоящие. Я вижу, что этот человек был у вас. Мне нет дела до бриллиантов: они — его собственность, и мы не за ними гонимся. Я хочу только навести справки о нем. Он был здесь, как я вижу. Вопрос: когда именно?

— Не более получаса тому назад; господин в темно-синем пальто, с меховым воротником...

— Да, и прихрамывает на одну ногу.

Ростовщик покачал головой.

— Я не видел, чтобы он хромал, — ответил он.

— Вы этого не заметили, или он, может быть, скрывал свой недостаток, пока был здесь. Он, вероятно, сидел у вас?

— Да, он все время сидел.

— Разумеется. Благодарю вас; этого достаточно.

С этими словами мистер Картер удалился, к большой радости ростовщика.

Сыщик взглянул на свои часы; было уже половина второго. В половине четвертого отходил в Лондон поезд со станции на линкольнширском берегу. Другая станция была безопасна, пока на ней караулил мистер Тобльс; таким образом, у мистера Картера оставалось два часа свободного времени для наблюдения. Он вернулся на набережную и узнал, что никакая лодка не отходила от берега в течение последнего часа. Поэтому Джозеф Вильмот непременно находился на йоркширской стороне; но если так, то где же он?

Господин в темно-синем пальто с собольим воротником, сильно прихрамывавший, вероятно, повсюду обращал на себя внимание прохожих; и, несмотря на это, мистер Картер, при всей своей опытности, нигде не мог напасть на его след. Он потерял полтора часа, расхаживая по улицам, заглядывая во все трактиры и кабаки и видя, что все это ни к чему не ведет, снова переехал на линкольнширскую сторону, чтобы присутствовать при отходе поезда.

Но перед тем он еще раз взглянул на «Ворона», шкипер которого был все в том же положении с грязной, черной трубкой в зубах.

Мистер Картер подробно осмотрел всех уезжающих на лондонском поезде и, дождавшись его отхода, не теряя времени, переправился еще раз через реку и вышел на йоркширский берег, когда городские часы пробили четыре.

Он несколько утомился, но ему в голову даже не приходила мысль бросить свою работу. Он привык проводить большую часть своих дней в подобных трудных занятиях; он привык спать в вагонах и обедать в разное время, когда ему удавалось улучшить минутку. Он теперь, однако, проголодался и отправился было в гостиницу «Виктория», чтобы заказать себе бифштекс и стакан пунша (мистер Картер никогда не пил пива, которое всегда наводит сон и затемняет ум), как вдруг переменял свое намерение и возвратился на набережную опять взглянуть на корабли и вторично посмотреть на палубу и на шкипера «Ворона». «Меня несколько не удивит, если мой молодец спрячется под палубой этого судна, — думал он, медленно возвращаясь на набережную. — Не подвергнуть ли мне это судно осмотру?»

XIX

Погоня за «Вороном»

Мистер Картер до того уже ознакомился с местом, близ которого «Ворон» стоял на якоре, что прямо направился к этой части набережной и взглянул на реку, в полной уверенности, что увидит грязного шкипера, лежащего на палубе и курящего свою грязную трубку.

Но, к крайнему своему удивлению, он увидел совершенно незнакомое судно там, где ожидал увидеть «Ворона», и в ответ на беспокойные вопросы, заданные им гуляющим по набережной и лодочникам, ему объявили, что «Ворон» снялся с якоря около получаса тому назад и уже вышел в открытое море.

Матросы указали ему на неясное пятно далеко в море, — пятно, которое, как они его уверяли, было именно «Вороном», отправившимся на всех парусах в Копенгаген.

Мистер Картер спросил, ожидали ли, что он так скоро отойдет. Ему ответили отрицательно: корабль этот хотел отплыть не раньше следующего дня и еще не принял двух третей своего груза.

Сыщик спросил их, не показался ли им подобный поступок подозрительным.

— Да, — сказали матросы, — оно довольно странно; но вообще шкипер «Ворона» — лихой малый; не один несостоятельный должник бежал за границу на «Вороне».

Один из них заметил, что и теперь, по всей вероятности, шкипер поймал хорошую птицу, так как он видел, как какой-то джентльмен минут за десять до отплытия «Ворона» переехал на него в лодке.

— Кто возьмется догнать его? — воскликнул мистер Картер. — Кто из вас возьмется догнать его за два соверена?

Люди покачали головами.

— «Ворон» уже слишком далеко ушел, — говорили они. — И ветер ему попутный.

— Но есть надежда, что ветер переменится, когда стемнеет, — возразил сыщик. — Слушайте, ребята, не отказывайтесь от хорошего дела. Кто догонит «Ворона» за пять фунтов? Кто догонит его за пятифунтовую бумажку?

— Я! — воскликнул дюжий парень в красной матросской рубахе и в больших, блестящих сапогах, доходивших почти до его пояса. — Мы с товарищем догоним, не правда ли, Джим?

Джим был такой же дюжий парень в синей рубаше; оба были рыбаками и владели вместе маленькой лодочкой с бурым парусом. Молодые, рослые ребята побежали по набережной, и один из них вскочил в лодку, привязанную цепью к железному кольцу, вделанному в набережную. Другой отправился за веслами и за двумя потасканными куртками.

— Не захватить ли нам с собой чего-нибудь поесть и выпить, сэр? — сказал молодой человек, возвратившись с вещами. — Нам, может быть, придется пробыть всю ночь на морозе?

Мистер Картер дал ему совет и приказал купить все нужное.

— Вы лучше взяли бы с собой что-нибудь потеплее накрыться, сэр, — сказал рыбак. — Вы замерзнете, когда стемнеет.

Мистер Картер согласился и поспешил купить себе в ближайшей лавке толстый плед; свой он оставил на станции у Сони-Тома.

Рыбак в синей рубаше уже сидел в лодке, которая была довольно крепко построена. Рыбак в красной рубаше появился спустя пять минут и принес с собою огромную глиняную бутылку с жестяной крышкой, привязанной к ее горлышку, и плетеную корзину, наполненную разной провизией. Они поспешно поставили бутылку и корзину на дно лодки и пригласили мистера Картера сойти и занять указанное ему место.

— Умеете ли вы управлять рулем? — спросил один из них.

Мистер Картер умел управлять. За двадцать лет службы он всему понемногу научился.

Он взялся за руль, когда они вышли на середину реки, дюжие парни взмахнули веслами, и лодка понеслась к морю, где далеко-далеко виднелась черная точка, обозначавшая «Ворона».

«Но если это напрасная погоня, — думал мистер Картер, — впрочем, это невероятно. Если он хотел обмануть меня и вернуться в Лондон, то он поехал бы на одном из тех поездов, которые мы сторожили; если же он хотел спрятаться в городе, то пока бы еще не продавал бриллиантов; притом зачем же было «Ворону» отплыть вдруг, неожиданно, не приняв всего своего груза? Как бы там ни было, я не пеняю на себя за то, что рискнул догонять «Ворона». Это — смелая охота, но я рисковал не раз более чем сегодня и ловил преследуемую птицу.

Маленькая рыбацья лодка храбро боролась с морем, но даже с помощью весел, которыми споро работали рыбаки, она не достигала «Ворона» — черное пятно на горизонте становилось все бледнее и бледнее и, наконец, совершенно исчезло.

— Мы никогда не достигнем его, — сказал один из гребцов, выпивая чарку вина из глиняной бутылки и готовый впасть в отчаяние. — Нам не догнать его, если только ветер не переменится.

— Я уверен, что ветер переменится, когда стемнеет, — ответил другой рыбак, который чаще своего товарища обращался к бутылке и потому смотрел на все более оптимистично. — Я уверен, что он переменится, когда наступит ночь.

Говоря это, он пристально посмотрел в ту сторону, откуда дул ветер, и вскоре взял у мистера Картера руль, а этот джентльмен завернулся в свой новый толстый плед и прилег на дне лодки, имея под головой вместо подушки куртку одного из гребцов. Убаюканный монотонным плеском воды о киль лодки, он вскоре погрузился в приятный сон, приятности которого вредила только твердость досок, на которых он лежал.

Он спал недолго и, внезапно проснувшись, услышал радостную весть, что ветер переменялся и «Красавица Полли» — так называлась лодка — достигала «Ворона».

— Через час мы поравняемся, — сказал один из рыбаков. Сон покинул мистера Картера, и он вскочил на ноги. Ночь была светлая, лунная, и лодка, прорезая воду, оставляла за собой волнистую, серебряную полосу. Далеко на горизонте виднелась неясная, белая точка, на которую один из парней указал пальцем. Это был грязный парус «Ворона», казавшийся серебристо-белым при лунном свете.

— Ветер так слаб, что едва ли в состоянии затушить огонь свечки, — сказал один из

рыбаков. — Я думаю, мы, наверное, догоним.

Мистер Картер выпил чарку рому по предложению одного из своих товарищей и приготовился к делу, которое предстояло ему. Изю всех рискованных предприятий, в которых сыщик когда-нибудь участвовал, настоящее едва ли было не самое опасное. Он намеревался остановить в открытом море незнакомое судно, шкипер которого не пользовался хорошей репутацией, и встретиться с людьми, которые, по всей вероятности, походили на своего начальника; он намеревался захватить преступника, которому предстояло самое тяжкое наказание и который поэтому готов был решиться на самые крайние меры, чтобы избежать ареста. Но сыщик привык уже к смелым предприятиям, в которых все шансы были против него, и он так же спокойно обдумывал, что Джозеф Вильмот мог в рукопашной схватке сбросить его за борт, как будто утонуть было естественным концом человеческой жизни.

Раз только, стоя на корме лодки и вперившись в точку, видневшуюся на горизонте, мистер Картер вдруг сунул руку за пазуху и схватился за маленький револьвер; но, кроме этого действия, которое было почти произвольное, он не показал никакого вида, что озабочен предстоящей ему опасностью.

Луна светила все ярче посреди безоблачного неба, рыбацья лодка быстро неслась по гладкой поверхности моря, и ровный плеск весел словно держал такт какой-то неслышной мелодии. В этом ясном, лунном свете паруса «Ворона», казалось, становились все белее и больше при каждом взмахе весел, которые так легко мчали «Красавицу Полли» по синим водам океана.

Пока лодка догоняла корабль, мистер Картер сообщил рыбакам о цели поездки и что он имеет приказ арестовать беглеца.

— Надеюсь, вы поддержите меня, ребята? — спросил он.

— Да, — ответили рыбаки; они оказались готовыми стоять за него, пока живы. Мысль об опасности как будто подстрекнула их к новым усилиям, в особенности когда мистер Картер намекнул о возможности награды для каждого из них, если они помогут ему в поимке беглеца.

Наконец, они подошли под самый борт мрачного, подозрительного судна, и мистер Картер, стоя в лодке, громко закричал: «Ей! Ей! К борту!» Звучный, сильный голос его покрыл на минуту и плеск воды, и шум весел.

Человек с трубкой в руках выглянул через борт.

— Ау! Что тут за шум! — грозно воскликнул он.

— Мне нужно видеть шкипера.

— Зачем он вам?

— Это мое дело.

Другой человек с мрачным лицом и также с трубкой в зубах, выглянул за борт и вынул изо рта трубку, чтобы заговорить с сыщиком.

— Что за дьявол, зачем вы подошли к нашему борту? — воскликнул он. — Убирайтесь к черту, не то мы вас потопим.

— О нет, не потопите, мистер Спельзанд, — ответил один из парней в лодке. — Вы лучше прежде подумайте, чем вступать с нами в бой; забыли вы разве, как вы хотели увезти Джона Бомона, приказчика, который обокрал йоркширское соединенное страховое общество — помните, как вы старались увезти его и сами попали в беду?

Мистер Спельзанд крикнул что-то рулевому, и корабль повернулся так внезапно, что, если б дюжие ребята в лодке не были первоклассными моряками, они и мистера Картера, наверное, познакомили бы с водной стихией. Но они, кроме того что были отличные моряки, знали хорошо все привычки и манеры шкипера «Ворона», и потому, когда черная шхуна внезапно повернула, маленькая лодка быстро отошла от нее, и молодые гребцы громким смехом приветствовали шкипера.

— Я попрошу вас остановиться, чтобы я мог подняться на ваше судно, — сказал сыщик. — С вами уехал джентльмен, которого мне приказано арестовать. Ему все равно,

возьму ли я его теперь или когда он прибудет в Копенгаген; арестую же я его во всяком случае; но вам будет не все равно, шкипер Спельзанд, если вы откажетесь повиноваться.

Шкипер раздумывал.

— Покажите ваш приказ, — сердито произнес он.

Сыщик, уезжая из Лондона, взял в Скотланд-Ярде открытый приказ об аресте подозреваемого. Он передал этот документ шкиперу «Ворона», и этот джентльмен, не отличавшийся большими знаниями в неморской науке чтения и письма, перевернул его и принялся задумчиво рассматривать при ярком лунном свете. Он ясно видел, что тут было огромное собрание грозных слов; это почти вполне убедило его в том, что документ подлинный и опасный для него.

— Лучше войдите наверх, — сказал он. — Вам не меня нужно, это верно.

Шкипер «Ворона» произнес эти слова совершенно равнодушно, и через минуту сыщик уже влезал на корабль с помощью каната, который ему бросил один из матросов «Ворона».

За мистером Картером последовал один из рыбаков, и с этим сильным товарищем он готов был встретить всякую опасность.

— Я загляну под вашу палубу, — сказал он, — если Вы дадите мне фонарь.

Эту просьбу удовлетворили не особенно охотно, и только после вторичного предъявления приказа мистеру Картеру удалось получить грязную, маленькую лампадку, очень тускло горевшую. Освещая себе дорогу этим мрачным светильником, он спустился в низкую, черную, закоптелую каюту с койками по стенам, напоминавшими своим непривлекательным видом полки, на которые ставят гробы в склепах.

На этих полках спало три человека, и мистер Картер принялся рассматривать их так же хладнокровно, как будто бы они действительно были трупы, сложенные в склепе. Один из них лежал, обернувшись лицом к стене; на нем было синее пальто и меховая шапка, похожая формой на шлем храмовника.

Сыщик схватил этого джентльмена за меховой воротник пальто и грубо потряхнул его.

— Вставайте, мистер Джозеф Вильмот, — сказал он. — Вставай, молодчик. Заставил же ты меня побегать; но все-таки попался, голубчик.

Человек слез с койки, вытянулся насколько позволял низкий потолок каюты и вытаращил глаза на мистера Картера.

— О чем ты болтаешь, проклятый дурак! — воскликнул он. — Что мне за дело до Джозефа Вильмота?

Сыщик не выпускал из рук мехового воротника своего пленника. Лица обоих находились очень близко друг против друга, едва освещенные неясным светом масляной лампы. Господин в меховом воротнике лукаво улыбнулся, выказав при этом два ряда волчьих зубов.

— Как вы смели разбудить меня? — спросил он. — Как вы смеете нападать на меня таким образом? Я сумею отплатить вам за это, милый мой. Вы — сыщик, не правда ли? Ловкий малый, разумеется; и вы преследовали меня от самого Варвикшира и следили за каждым моим шагом, и это, конечно, стоило вам большого труда? Почему же вы не смотрели за джентльменом, который остался дома? Почему вы не смотрели за бедным, хромым джентльменом, жившим в вудбайнском коттедже в Лисфорде, и который нарядил свою хорошенькую дочку служанкой, и сыграл комедию, чтобы надуть вас, мой ловкий сыщик? Возьмите меня с собой, господин сыщик; не позволяйте мне ехать за границу для приобретения новых познаний; да, возьмите меня, господин сыщик, и вы заплатите мне прекрасное вознаграждение за незаконный арест. Вот и все.

В вызывающем тоне этого человека было нечто, дававшее ему отпечаток правдивости. Мистер Картер заскрежетал зубами от беспомощной злобы. Обманут хорошенькой служанкой с завязанным лицом! Пошел по ложному следу, а преступник спокойно скрылся! Одурачен, осмеян после двадцати лет трудной службы! Это было слишком горько!

— Не Джозеф Вильмот! — проговорил мистер Картер. — Вы не Джозеф Вильмот?

— Не более вас, мой милашка, — дерзко ответил путешественник.

Оба они все еще стояли друг против друга. В дерзком голосе неизвестного господина было что-то знакомое сыщику, что-то напоминавшее давно прошедшее время. Это его озадачило. Он вдруг поднял лампу, пристально всматриваясь в лицо путешественника и все еще бессознательно шепча: Джозеф Вильмот! И поднес ее к самому его лицу.

— Нет, — воскликнул он с внезапным торжеством, — не Джозеф Вильмот, но Стивен Валлонс... негодяй Стивка, подделавший документы, мерзавец, убежавший с острова Норфолька после убийства сторожа, которого он забил до смерти железной палкой. Мы уже давно следили за вами, мистер Валлонс; но вам всегда удавалось ускользнуть от нас. Ваше дело уже старое, но, несмотря на то, за вас также дадут награду. Я, значит, не напрасно совершил такое дальнейшее путешествие.

С этими словами сыщик схватил мистера Валлонса другой рукой за плечо, но тот ударил его по руке своим сильным кулаком, и бросился по лестнице, наверх на палубу. Мистер Картер последовал за ним.

— Держи его! — закричал он одному из рыбаков. — Держи его!

Вероятно, инстинкт самосохранения побудил Стивена Валлонса броситься на палубу, хотя не было ему никакой возможности спастись с корабля посреди открытого моря. Когда он отступал от настигавшего его сыщика, один из рыбаков подскочил к нему с другой стороны, и, поставленный таким образом между двумя огнями и ослепленный лунным светом после мрачной темноты каюты, он быстро попятился к одному из отверстий в борте корабля, потерял равновесие и упал в воду.

В ту же секунду возникла суматоха на палубе, и матросы бросились к борту.

— Спасите его! — воскликнул сыщик. — На нем пояс, набитый бриллиантами!

Мистер Картер сказал это наугад, ибо он не знал, который из двух преступников носил с собой бриллиантовый пояс.

Один из рыбаков быстро скинул с себя башмаки и бросился в воду. Остальные жадно следили за двумя головами, мелькавшими над волнами, освещаемыми лунным светом, и за двумя парами рук, работавшими в воде. Сила течения отнесла обоих пловцов далеко от шхуны.

В течение нескольких минут, показавшихся вечностью, судьба их висела на волоске. Шхуна, которая до тех пор так медленно двигалась, казалось, теперь летела, несмотря на легкий ветерок. Наконец, послышался крик и показалась голова, медленно приближавшаяся к кораблю.

— Я его держу! — кричал рыбак. — Я его держу за пояс!

Он подплыл ближе к кораблю, сильно работая одной рукой и поддерживая другой какую-то тяжесть. Когда он достиг корабля, шкипер «Ворона» выкинул кабельтов, но, когда рыбак поднял руку, чтобы схватить его, он вдруг испустил дикий крик и с плеском поднял другую руку из воды.

— Пояс порвался и пошел ко дну! — воскликнул он с отчаянием.

Пояс лопнул, и из него брызнул какой-то блестящий дождь. Эти сверкающие при лунном свете капли, походившие на брызги водопада, были частью бриллиантов, купленных Джозефом Вильмотом, а Стивен Валлонс, он же негодяй Стивка, он же Гер Фон Фолтершокер, он же мистер Вернон, пошел как камень ко дну морскому.

XX Махнули рукой

«Красавица Полли» вернулась рано утром в кингстонский порт, и мистер Картер вышел на берег, огорченный, чтобы не сказать униженный в своих собственных глазах ужасной неудачей. Сознать, что его провела молодая девушка, которую любовь к отцу превратила в героиню, сознавать, что он так легко попался в сети, расставленные для него, было более чем обидно для первоклассного сыщика.

«И этот Валлонс еще утопился назло мне, — думал мистер Картер. — Хоть бы его

удалось представить, все бы легче было. Я бы сумел придать этому важное значение. Нет, и тут неудача: мошенник нарочно бросается в воду, чтобы я не мог извлечь из него никакой пользы».

Теперь мистеру Картеру оставалось только одно: вернуться в Лисфорд и снова попытаться свое счастье, но уже при самых неблагоприятных обстоятельствах.

— Как быстро я ни поеду, — рассуждал он, — я прибуду в Лисфорд сорока восемью часами после бегства Джозефа Вильмота. А чего не успеет он сделать за это время, если только он себе на уме и не наделает глупостей, как часто случается с подобными людьми в таких счастливых обстоятельствах. Как бы там ни было, я это дело не брошу, и чудо будет, если он не попадет в мои лапы. Кровь закипает во мне, моя слава, моя честь замешаны в этом деле. Я ничего не пожалею, даже в Америку поеду, если будет нужно!

Было холодное, мрачное утро, когда «Красавица Полли» пристала к гранитной набережной Кингстона-на-Гуле. Мистер Картер чувствовал себя в самом неловком положении, в самом несчастном расположении духа. Угрюмый, грязный, небритый вышел он на мокрые ступени гранитной лестницы и, отдав рыбакам обещанную пятифунтовую бумажку, быстро удалился, оставив бедных людей очень довольными ночной работой, несмотря на ее безуспешный результат.

Не найдя в такую раннюю пору извозчика, мистер Картер должен был дойти пешком до самой станции железной дороги, где ожидал найти мистера Тобльса или хоть весточку от него. Его надежда не была обманута; на пустой мрачной станции его преданный помощник ходил взад и вперед между пустыми вагонами.

Мистер Томас Тобльс был не в очень хорошем расположении духа, когда к нему подошел мистер Картер. Скрестив на груди руки и быстро шевеля губами, с каким-то непочтительным, презрительным видом он обратился к своему начальнику и сказал оскорбленным голосом:

— Хорошую вы со мной сыграли штуку, нечего сказать. Сказали, чтобы я вас подожду на станции, обещая скоро вернуться и дать мне хороший обед в здешнем трактире. Спасибо вам, вы и вернулись, и мы отлично пообедали, — иронически прибавил он.

— Ну, ну, Соня, не выходите из себя из-за такой безделицы, — начал уговаривать его мистер Картер.

— Я бы желал знать, кто бы это снес терпеливо, — ответил оскорбленный Тобльс. — Если бы ангелы служили в полиции, то и тех рассердило бы то, что я вытерпел. Помилуйте, целые день и ночь продежурить здесь на холоде, на сквозном ветру, заглядывать во все вагоны, чтобы как-нибудь вас не пропустить — это ужасно, это злая насмешка.

Мистер Картер повел своего рассерженного помощника в ближайший трактир и приказал подать самый сытный завтрак.

Мистер Тобльс скоро успокоился под благодетельным влиянием нескольких рюмок водки, бараньих котлет, ветчины, яиц, вареной рыбы и полдюжины чашек кофе.

Мистер Картер между тем рассказал ему, что потерял только время, попав на ложный след, и теперь намерен бросить дело и махнуть рукой. Соня-Том слушал его с каким-то недоверчивым видом и только молча шевелил губами, но принял деньги в уплату за свои труды и согласился уехать в Лондон десятичасовым поездом.

— Все, что я буду делать с этой минуты, буду делать один, — сказал себе мистер Картер, оставляя своего помощника.

В тот же вечер ровно в пять часов он уже был на шорнклифской станции и, наняв извозчика, поскакал в Вудбайн-Коттедж. Наружный вид хорошенького жилища покойного моряка нисколько не изменился со времени посещения мистера Картера; только на одном из окошек красовалось большое объявление, гласившее, что дом этот отдавался внаем — о подробностях узнать у мистера Гогсона, овощного торговца в Лисфорде. Мистер Картер свистнул.

— Птица улетела, — пробормотал он сквозь зубы. — Да и нечего было ей здесь оставаться.

Подумав с минуту, сыщик позвонил у ворот, но никто не явился на его зов; он позвонил еще раз, но опять напрасно. Тогда он обежал вокруг маленького заборчика, окружавшего сад, и толкнул калитку, находившуюся позади дома. Она была заперта, но мистер Картер без всякого труда перескочил через нее и отправился мимо кустов крыжовника и смородины прямо к дому. Он заглянул в окошки — все в доме было пусто. Он припал ухом к стеклу, но не слышно было ни человеческого голоса, ни человеческих шагов. Шторы были подняты, и он мог видеть все комнаты с их голыми стенами и холодными, нетопившимися каминами. Все это имело мрачный, угрюмый вид необитаемого жилища.

— Уехал, — пробормотал он, тяжело вздыхая, — уехал!

Бросившись в экипаж, он отправился в Лисфорд к мистеру Гогсону.

Тут он узнал, что ключи Вудбайнского коттеджа были принесены мистеру Гогсону вечером того самого дня, когда он видел Джозефа Вильмота в маленькой комнатке лисфордского коттеджа.

— Да, сэр, это было вчера вечером, — сказал мистер Гогсон. — Вдруг останавливается перед моей дверью кэб и из него выходит девушка, одетая очень просто, но прилично; лицо ее так было закутано, что едва виднелось из-за шарфов и платков. «Сделайте одолжение, — говорит она, обращаясь ко мне, — возьмите этот ключ от Вудбайн-Коттеджа, и будьте так добры, покажите его наемщикам; само собой разумеется, вы получите приличную награду. Мой господин уезжает на некоторое время в Девоншир, где поселился его сын, недавно возвратившийся из Индии». Она была очень милая девушка, и к тому же владельцы Вудбайн-Коттеджа, и старые и новые, были всегда отличными плательщиками, поэтому я охотно взял ключи и обещал сделать все, что от меня зависит. Если вы желаете посмотреть коттедж, сэр...

— Вы слишком добры, — ответил мистер Картер, едва сдерживая тяжелый вздох. — Нет, не стоит осматривать коттедж вечером. А скажите, в котором часу заезжала к вам молодая девушка?

— Между семью и восемью.

— Между семью и восемью. Ровно в то время, чтобы поспеть на почтовый поезд из Ругби. Как вы думаете, не был ли этот кэб одним из экипажей, содержимых «Розой и Короной»?

— Да, да. Это был лисфордский извозчик Тимбелинг; он даже поздоровался со мной и пожелал мне доброй ночи.

Выйдя из лавки мистера Гогсона, сыщик поспешил в «Розу и Корону», где потребовал извозчика, возившего его на шорнклифскую станцию. Этот человек рассказал ему, что в тот же вечер за ним пришла та же самая молодая девушка, которая его нанимала утром, и он отвез другого джентльмена, который так же был закутан, и прихрамывал, как первый, но он отвез его не на шорнклифскую станцию, а на петерингтонскую, в шести милях от Шорнклифа. Там джентльмен и молодая девушка взяли билеты второго класса в тихом поезде, отходившем в Ругби. Джентльмен говорил, смеясь, что молодая девушка — его служанка, и что он едет в Лондон, чтобы жениться на ней. Он был очень любезный, приятный джентльмен, — прибавил извозчик, — и расплатился очень щедро.

— Еще бы ему не платить щедро, — промолвил мистер Картер.

Он дал извозчику шиллинг за сообщенные им сведения и вернулся к экипажу, который привез его на станцию. Было уже семь часов, и прошло целых сорок восемь часов после отъезда Джозефа Вильмота. Мрачное отчаяние овладело сыщиком.

Он вернулся в Лондон с тем самым поездом, на котором ехали за двое суток перед тем Джозеф Вильмот и его дочь. На юстонской станции в Лондоне мистер Картер провозился целую ночь и большую часть следующего дня в тщетных стараниях напасть на след пропавшего человека. Джозеф Вильмот был только каплей в громадном океане лондонской жизни. Поезд, на котором он, по всей вероятности, прибыл в столицу, шел издалека, из северных провинций, и был полнехонек всевозможным народом. В общей суматохе и смятении трудно было заметить не только одного хромого, но и целую дюжину.

Мистер Картер расспросил всех кочегаров, сторожей, носильщиков, но ни один из них не мог сообщить ему ни малейшего сведения о Джозефе Вильмоте. Придя в совершенное отчаяние, сыщик вернулся в Скотланд-Ярд и рассказал своим начальникам все дело.

— Единственный способ изловить его, — прибавил он, — это напасть на след его бриллиантов. По-видимому, он не имел при себе денег, а только бриллианты, потому, конечно, будет вынужден их продать.

На другой день в «Таймсе» появилось объявление: «Ростовщикам и другим торговцам сим объявляется, что будет выдана значительная награда тому, кто представит какие-либо сведения о господине высокого роста, хромым, обладающем огромным количеством неоправленных бриллиантов, которые он, по всей вероятности, будет стараться продать».

Но это объявление осталось без всяких последствий.

— Нет, нам с ними не справиться, они слишком умны для нас, — заметил мистер Картер одному из начальников Скотланд-Ярда. — Тот, кому Джозеф Вильмот продал бриллианты, конечно, остался в выгоде и потому не выдает себя. Поверьте мне, ростовщики и все, кого касается наше объявление, считают его хитрой приманкой, ловкой западней.

XXI

Рассказ Клемента. До зари

«Я вернулся домой несчастным, убитым человеком. Я разгадал тайну непостижимого поступка Маргариты, которая воздвигла непреодолимую преграду между мной и женщиной, которую я любил.

Была ли какая-то надежда, чтобы она когда-нибудь стала моей женой? Нет; рассудок твердил мне, что это невозможно. Она видела теперь во мне человека, который добровольно решился преследовать ее отца и довести его до виселицы.

Могла ли она, зная это, любить меня по-прежнему? Могла ли она теперь взглянуть мне прямо в глаза, весело мне улыбнуться? Нет, даже мое имя с этой минуты должно быть ненавистно ей.

Я знал, как сильна любовь моей благородной Маргариты к ее преступному отцу. Я видел на опыте всю силу этой любви, которой не могли пошатнуть самые ужасные испытания. Я видел неопишное горе, овладевшее ею при ложном известии о смерти Джозефа Вильмота; я видел то глубокое отчаяние, в которое ее повергло открытие роковой тайны.

Она быстрее бы отказалась от меня, чем от преступного отца, и, конечно, ненавидит теперь меня всем сердцем, меня, который служил главнейшим орудием к раскрытию возмущающего его душу преступления.

Да, это преступление возмущало мне душу, оно почти не имеет себе равного в судебных летописях. Подлая измена, предавшая в его злодейские руки несчастную жертву, была не так ужасна, не так отвратительна, как его дьявольская хитрость, набросившая преступную тень на честное имя убитого им человека.

Но я знал слишком хорошо, что как бы ужасно ни было преступление Джозефа Вильмота, Маргарита будет так же верна, так же нежна к нему, как в те давно прошедшие дни, когда только легкое облачко сомнения в честности отца омрачало ее детскую привязанность к нему. Я знал это, и потому не имел ни малейшей надежды, чтобы она когда-нибудь простила мне мое участие в предании суду ее отца.

Вот мысли, терзавшие меня в течение первых двух недель после возвращения моего из Винчестера; все это время я с нетерпением ждал весточки от мистера Картера об адресе Джозефа Вильмота, и мне ни разу не приходила в голову мысль, чтобы он мог избегнуть своего преследователя.

Я привык видеть, что полицейские сыщики торжественно побеждают хитрые, искусные планы самых смелых преступников, и потому если бы мне и представилась мысль о бегстве Джозефа Вильмота, то я почел бы это дело невозможным, неисполнимым. По всей

вероятности, сыщик накрыл его в Модслей-Аббэ, когда тот еще не имел ни малейшего понятия о случившемся в Винчестере.

Я был так убежден в немедленном аресте Вильмота, что каждое утро с нетерпением просматривал газеты, ожидая найти в них уведомление о раскрытии тайны винчестерского убийства и аресте преступника.

Но это уведомление не появлялось, и я был очень удивлен, когда через неделю прочитал описание о перепалке на купеческом судне в нескольких милях от Гула между сыщиком и давно забытым преступником Стивенем Валлонсом, закончившейся смертью последнего. Сыщика звали Генри Картером. Неужели в небольшом числе лондонских полицейских было два Генри Картера? Или неужели мой Генри Картер отказался от такого богатого приза, как Джозеф Вильмот, и пустился преследовать по морям какого-то неизвестного преступника? Через неделю после этого непонятного случая мистер Картер явился в Клапгам очень мрачный, грустный.

— Стыдно, обидно, сэр, — сказал он, — но делать нечего, лучше откровенно признаться — меня, одного из опытейших сыщиков, провела, обманула какая-то девчонка! Это оскорбительно не только для меня, но и для всех мужчин вообще.

Сердце у меня тревожно забилося.

— Вы не хотите сказать, что Джозеф Вильмот бежал? — воскликнул я.

— Да, сэр, — ответил он, — он улизнул, начисто улизнул. Я уверен, что он не уехал из Англии, потому что я обшарил все порты и гавани. Но что ж из этого? Если он не уехал из Англии и не намерен уехать, то тем лучше для него и тем хуже для нас. Бегство из Англии чаще всего предаёт преступников в руки правосудия. Я готов держать пари какое угодно, что он теперь живет припеваючи в каком-нибудь отдаленном городке, уважаемый всеми соседями.

Мистер Картер рассказал мне всю историю своей горькой неудачи. Я теперь понял все — фигуру, виденную мной и на винчестерской улице, и под деревьями в роще. Я понял теперь все, моя бедная, благородная Маргарита! Когда я остался один, то внутренне поблагодарил Бога за бегство Джозефа Вильмота. Я ничего не сделал, чтобы помешать делу правосудия, хотя знал очень хорошо, что наказание злодея поразит чистейшее и благороднейшее сердце, которое когда-либо билось в груди женщины. Я не смел поставить преграды между Джозефом Вильмотом и правосудием, но теперь я был душевно благодарен провидению, что оно дозволило несчастному избежать той роковой судьбы, которой общество подвергает вредного ему человека, считая это лучшим, разумнейшим средством отделаться от него.

Но что касается самого преступника, то, конечно, долгие годы раскаяния гораздо лучше искупят его злые дела, чем минутная агония на виселице на потеху бездушным зевакам.

Я рад был, что Джозеф Вильмот бежал, как ради него самого, так еще более потому, что в сердце моем снова родилась надежда назвать Маргариту своей женой.

Теперь, думал я, мое имя не соединено в ее памяти с каким-нибудь роковым воспоминанием. Она простит мне, когда узнает все подробности моего путешествия в Винчестер; она позволит мне увести ее от отца, общество которого не может не тяготить ее, как бы она ни была предана ему. Она позволит мне назвать ее своей женой. Не успели эти мысли прийти мне в голову, как другие, грустные, быстро их оттеснили: я боялся, чтобы Маргарита не упорствовала исполнять свой долг — охранять преступного отца и убеждать его раскаяться и примириться с людьми и Богом. Я напечатал в «Таймсе» объявление, в котором уверял Маргариту в своей неизменной любви и преданности и просил ее ответить мне. Конечно, это объявление было написано очень осторожно, так что не было ни малейшего намека ни на ее имя, ни на ее положение, и самый опытный полицейский сыщик не смог бы ничего понять из этого письма, озаглавленного «К. к М.».

Но мое объявление осталось без ответа. Маргарита на него не откликнулась. Недели шли за неделями, месяцы за месяцами, и история об обнаружении платья убитого человека и о бегстве Джозефа Вильмота стала публичной. Она произвела много шума, и сам лорд

Герристон поехал в Винчестер, чтобы присутствовать при эксгумации Генри Дунбара.

Гроб вскрыли; лица покойника, конечно, нельзя было узнать, но возле мизинца левой руки лежало маленькое золотое кольцо. Во время следствия на это кольцо не обратили никакого внимания. Лорд Герристон объявил, что оно было индийской работы, и присягнул, что видел его на руке Генри Дунбара. Кольцо было довольно странное, крученое из золотых ниток и волос. Внутри была надпись: «В память возлюбленной жены Генри Дунбара». Выцветшие волосы принадлежали матери Лоры.

Тело Генри Дунбара перевезли из Винчестера в лисфордскую церковь и похоронили рядом с его отцом. Над могилой положили простую мраморную доску, на которой золотая надпись гласила о преждевременной его смерти. Памятник этот был воздвигнут по приказанию леди Джослин, находившейся с мужем за границей в то время, когда открылась тайна смерти ее отца.

Время летело быстро. Обнаружение преступления Джозефа Вильмота давало мне возможность вернуться снова к моим прежним обязанностям в конторе «Дунбар, Дунбар и Балдерби». Но у меня не хватало духа вернуться к старой работе, теперь, когда исчезли навсегда те надежды на счастье, которые освещали лучезарным блеском мою обыденную, трудовую жизнь. Мистер Балдерби, который иногда заходил к моей матери потолковать о политике, не успел узнать о причине моей отставки, как начал настаивать на том, чтобы я вернулся в контору. Теперь все дело принадлежало ему, так как единственная наследница Генри Дунбара, дочь его, леди Джослин, согласилась продать свою часть в фирме. После долгих колебаний я занял свое старое место; но я недолго на нем оставался, ибо через неделю после моего возвращения в контору мистер Балдерби сделал мне предложение, столь же щедрое, сколько и лестное для меня. Я принял его, хотя и не очень охотно, и стал младшим товарищем в фирме, которая теперь называлась «Дунбар, Дунбар, Балдерби и Остин». Имена Дунбаров были очень для нас важны, хотя последний представитель этого рода лежал под сводами лисфордской церкви; они нам были важны потому, что их уже привыкли видеть столько лет во главе одного из древнейших англо-индийских банкирских домов.

Моя новая жизнь потекла довольно мирно. Я был так занят целый день, на мне лежала такая тяжелая ответственность, так как мистер Балдерби с каждым днем все меньше занимался делами, что у меня немного было свободных минут для оплакивания моего горя. У человека делового, особенно коммерсанта, сердце может разрываться от несчастной любви, но только в свободные минуты; если он хочет быть честным человеком, то не должен предаваться отчаянию, не должен даже думать о своей возлюбленной в конторе или за делом.

Только гуляя после обеда по чистеньким дорожкам нашего сада и покуривая сигару, я позволял себе думать о моей бедной Маргарите, потерянной для меня навеки; я думал о ней и возносил к небу теплые, пламенные мольбы о ее счастье. И в эти мирные минуты, под невольным влиянием окружающей тишины, прозрачных сумерек, безоблачного неба, усеянного мириадами звезд, душистого аромата цветов, я утешал себя мыслью, что мы разлучены с Маргаритой не навсегда, что придет время, когда мы соединимся, но уже вечными, неразрывными узами. Мы так пламенно, так преданно любили друг друга! А что выше, сильнее, могущественнее любви? Я думал: где теперь моя бедная, милая Маргарита? Скрывается в каком-нибудь мрачном, уединенном местечке со своим преступным отцом, живет в постоянном ежеминутном общении с презренным каторжным, которого, конечно, гнетет, тяготит роковая память о совершенном убийстве. Я думал о героическом самопожертвовании Маргариты, думал о тех горьких, ужасных испытаниях, которые она переносила с таким терпением, с такой покорностью; я думал обо всем этом, и в сердце моем возникла твердая вера, что провидение пошлет этому благородному, чистому созданию дни счастья и покоя.

Моя мать поддерживала во мне эту веру. Она знала теперь историю Маргариты и сочувствовала моей любви и глубокому уважению к дочери Джозефа Вильмота. Женское

сердце перестало бы быть женским, если бы оно не оценило возвышенного самопожертвования моей благородной Маргариты; к тому же моя мать никогда не отказывала в сочувствии тем, кто нуждался в ее сожалении или был достоин ее любви.

Таким образом, мы оба вечно сохраняли в памяти нашей прелестный образ Маргариты и часто говорили о ней, сидя вдвоем у камина в нашей маленькой гостиной. Вообще мы не вели уединенной, мрачной жизни, потому что мать моя очень любила общество веселых, приятных людей, да и я также оставался верен Маргарите, слушая вокруг себя веселую болтовню, шутки, смех, как если бы я заперся один в уединенную келью схимника.

В самую глухую пору зимы, последовавшей после бегства Джозефа Вильмота, случилось обстоятельство, которое произвело на меня впечатление, отчасти радостное и отчасти грустное. Я сидел однажды вечером в нашей маленькой столовой, когда вдруг позвонили у ворот. Было уже девять часов; ночь темная, глухая и, конечно, в эту пору я всего менее ожидал посетителей. Потому я продолжал спокойно читать газету, пока матушка терлась в догадках, кто бы это мог быть.

Через несколько минут в комнату вошла служанка и, положив что-то на стол, сказала торжественно: «Посылка, сэр». После этого она начала переминаться с ноги на ногу, ожидая, вероятно, что я тотчас полюбопытствую узнать, что в посылке и тем удовлетворю и ее интерес.

Я отложил в сторону газету и посмотрел на посылку; это был маленький, длинноватый ящик, на манер тех, в которых продают содовые порошки; он был очень аккуратно завернут в белую бумагу, запечатан в нескольких местах и наверху красовался адрес: «Клементу Остину, эсквайру. Клапгам».

Но не успел я взглянуть на этот адрес, как кровь бросилась мне в голову, сердце тревожно забилося. Я узнал милый, дорогой мне почерк.

— Кто принес посылку? — воскликнул я, выбегая в прихожую, как сумасшедший.

Удивленная служанка ответила, что посылку отдала ей какая-то дама, одетая вся в черное; лицо ее было скрыто под толстой, темной вуалью, и она тотчас села в кэб, дожидавшийся ее у ворот, и быстро уехала.

Я вышел на дорогу и стал смотреть во все стороны с отчаянием в сердце. Нигде не было видно следов кэба. Я с ума сходил от горя и злобы. Маргарита была у моей двери, и я не видел ее, я упустил этот счастливый случай.

Долго ходил я взад и вперед по пустынной дороге в каком-то бесчувственном состоянии; наконец, я вернулся в комнату, где матушка по очень извинительной слабости рассматривала с любопытством посылку.

— Это рука Маргариты! — воскликнула она. — Открой, открой поскорее! Что бы это могло быть?

Я поспешно сорвал бумагу, и моим глазам представилось то, что я именно ожидал найти, — обыкновенный картонный ящик. Он был перевязан в нескольких местах бечевкой; разрезав ее, я открыл крышку. Сверху лежало большое количество ваты; когда я ее снял, то матушка вскрикнула от удивления и восторга. В ящичке было целое состояние в виде огромной коллекции неограненных бриллиантов, ярко сверкавших при свете лампы.

В крышку была вложена свернутая бумажка, на которой были написаны следующие слова дорогой, незабвенной для меня рукой Маргариты:

«Милый, возлюбленный Клемент! Грустная, несчастная тайна, которая разлучила нас, теперь более не тайна. Ты знаешь все и, конечно, простил, может быть, даже отчасти забыл несчастную женщину, которая когда-то жила, дышала твоей любовью и для которой память об этой любви будет вечным утешением, вечным счастьем. Если бы я смела, то, конечно, умоляла тебя пожалеть о том несчастном человеке, тайна которого тебе теперь известна; но я не могу надеяться на такое милосердие со стороны людей, а жду его только от Бога, лишь его святое око проникает в сокровенные тайны сердца раскаявшегося грешника. Прошу тебя передать леди Джослин прилагаемые бриллианты. Они по праву принадлежат ей, и я с сожалением должна сознаться, что это только часть тех драгоценностей, который куплены на

деньги, взятые из банка имени Генри Дунбара. Прощай дорогой, благородный друг, это — последнее слово, которое ты когда-либо услышишь от той, имя которой должно внушать ужас честным людям. Пожалей меня, милый, и забудь, и пускай более счастливая женщина будет тебе тем, чем я не буду никогда. *М.В.* ».

Вот и все. Ничто не могло быть решительнее этого письма по его тону, несмотря на всю глубину нежного чувства, скрывавшегося под ним. Моя бедная Маргарита не могла верить, что я не почел бы бесчестьем назвать своей женой женщину, имя которой было связано с такой позорной историей. Вне себя от досады и отчаяния, я снова прибег к помощи бесценного друга всех влюбленных, — газеты «Таймс».

В течение двадцати дней подряд появлялось следующее объявление:

«Маргарита, не возвращаю вам назад вашего слова и нисколько не считаю, что обстоятельства, заставившие нас расстаться, давали бы вам право нарушить ваше обещание. Величайшее зло, которое вы можете мне причинить — это отказаться и бросить меня. *К.О.* ».

Это объявление, как и первое, осталось без всяких последствий, я тщетно ждал ответа.

Я тотчас исполнил поручение, данное мне Маргаритой. Я отправился в Шорнклиф и отдал ящик с бриллиантами стряпчему Джону Ловелю, потому что леди Джослин все еще находилась за границей. Он принял от меня этот ящик, и, прежде чем спрятал в железный, негораемый сундук, попросил меня при свидетелях запечатать его своей печатью.

Исполнив это поручение и не видя никакого ответа на объявление в «Таймсе», я предался совершенному отчаянию. Она, вероятно, не видела моего объявления, ибо не могла быть такой жестокой, чтобы оставить его без ответа. Она не видела этого объявления точно так же, как и первого, и, конечно, не увидит, сколько бы я их ни печатал. Я имел полное основание предположить, что она находится в Англии, ибо вряд ли она поручила бы бриллианты чужому, но очень вероятно, что она именно привезла ко мне бриллианты накануне отъезда с отцом в какую-нибудь далекую страну.

Очевидно, что она приобрела совершенное влияние над отцом, думал я, иначе он никогда не согласился бы расстаться со своими бриллиантами. Вероятно, он оставил у себя достаточное их количество, чтобы заплатить за переезд в Америку за себя и Маргариту, и моя бедная голубка поселится со своим отцом в каком-нибудь отдаленном закоулке Соединенных Штатов и пропадет для меня безвозвратно, навеки. Я с горечью думал, как страшно велик мир и как легко будет женщине, которую я люблю больше самого себя, скрыться от меня навсегда.

Я предался мрачному отчаянию. Жизнь мне опостылела, она была пуста, бесцельна без Маргариты, и тщетны, напрасны были все мои старания храбро бороться с гнетущим меня горем. До того памятного вечера, когда Маргарита явилась к моей двери, я все еще питал надежду; даже более, я твердо верил, что наша разлука когда-нибудь окончится и мы проживем счастливо, но теперь эта надежда, эта вера — все исчезло и в уме моем мало-помалу закрепилось убеждение, что дочь Джозефа Вильмота уехала из Англии.

Я никогда ее больше не увижу — я был в этом уверен. Не знаят мне более радости в моей жизни, и ничего мне не оставалось, как примириться с однообразным существованием делового человека, который так занят, что у него нет ни минуты на пустые сетования. Горькое составляло теперь неотъемлемую часть моей жизни; но люди, знавшие меня всего ближе, не понимали всей глубины этого горя. Для них я казался только серьезным, деловым человеком, преданным душой и телом практической деятельности.

Прошло восемнадцать месяцев с той холодной, зимней ночи, когда мне были вручены бриллианты, прошло восемнадцать месяцев, и так тихо, так мирно, что я начинал чувствовать себя совершенным стариком, даже старше других стариков, ибо я пережил единственную светлую надежду, привязывавшую меня к жизни. Была жаркая летняя пора, и в кабинете, в котором я уже теперь мог работать по праву товарища, царил страшный духота. Дела к тому же так меня утомили, что я был вынужден под страшными угрозами домашнего доктора матушки посидеть дома и отдохнуть дня три. Я согласился на это очень неохотно, ибо как ни было душно и пыльно в конторе, все же там было лучше: там я

побеждал свое горе тяжелым трудом, лучшим помощником человека в битве с несчастьем.

Я, однако, согласился взять три дня праздника, и на второй же день, полежав несколько часов на диване, я встал, чтобы хоть каким-нибудь занятием разогнать грустные мысли.

— Я пойду, маменька, в другую комнату и разберу свои бумаги, — сказал я.

Матушка воспротивилась этому, напоминая, что мне приказано отдохнуть, а не возиться с бумагами и другими скучными вещами, которыми я успею заняться вдоволь и в конторе. Но я настоял на своем и отправился в небольшую комнату, полукабинет-полустоловую. В этой уютной комнатке, уставленной цветами, и на открытом окне которой висели клетки с певчими птицами, я сидел и в тот вечер, когда принесены были бриллианты.

По одну сторону камина стоял рабочий столик матушки, по другую — моя конторка, за которой я всегда занимался дома. Она была большая, старомодная, с бесчисленным количеством ящичков. Под ней стояла корзинка для ненужных бумаг и писем.

Я пододвинул мягкое кресло и принялся за работу. Она продолжалась очень долго; я привел в порядок множество бумаг, которые, быть может, этого и не стоили; во всяком случае, мои руки были заняты, хотя мысли по-прежнему сосредоточивались на одном грустном предмете.

Я просидел за этой работой около трех часов, так как давно не имел свободной минуты прибраться, а бумаг, писем, записок, счетов набралось страшное количество. Наконец все было готово; счета и письма пронумерованы и связаны в отдельные пачки, и я развалился в своем кресле с чувством удовлетворения.

Но не вся работа была еще окончена: я высыпал на пол корзинку с ненужными бумагами, желая удостовериться, действительно ли в ней нет ничего нужного, прежде чем приказать служанке убрать ее.

В этой куче грязных бумажек, лоскутков, объявлений от клапгамских торговцев, нашлось нечто, что я почел бы грехом выбросить. Это была бумага, в которую был завернут ящичек с бриллиантами, бумага, на которой был написан мой адрес дорогой, любимой рукой Маргариты.

Я, вероятно, забыл эту бумагу на столе в тот вечер, когда получил бриллианты, и прислуга бросила ее в корзину. Я поднял бумагу и аккуратно свернул ее; конечно, это незначительный сувенир, но он был для меня очень дорог, так как я имел очень мало вещей, которые остались мне от той, которую я так любил, той, которую я должен был назвать своей женой.

Свертывая бумагу, я совершенно машинально взглянул на штемпель в углу. Это был лист старинной, почтовой батской бумаги, с выбитым на нем штемпелем лавочника, который продал его — Джакинс, Кильмингтон. Кильмингтон! Да, я помнил, что такой город существовал в Гампшире. Кажется, там были минеральные воды. Так как бумага была куплена в Кильмингтоне, то, очевидно, Маргарита там.

Неужели это возможно? Неужели этот лист бумаги поможет найти любимую, но потерянную для меня женщину? Могло ли такое быть? Едва проснувшаяся надежда в одну секунду дала мне силы, энергию, воскресила меня к новой жизни. За пять минут до этого я был болен, утомлен, изнурен излишней работой; теперь я чувствовал в себе силу перевернуть весь мир.

Я положил сложенную бумагу в боковой карман пиджака и достал путеводитель Брадшо. Милый Брадшо, каким интересным сочинением ты казался мне в эту минуту! Да, Кильмингтон был в Гампшире, в трех с половиной часах езды от Лондона. Поезд отходил в половине четвертого.

Я посмотрел на часы — была половина третьего, у меня был всего час времени. Я вернулся в соседнюю комнату, где сидела за работой матушка, и она невольно вскочила, увидев мое лицо, — так оно просияло от новой надежды.

— Что с тобой, Клем? — сказала она. — Ты словно нашел клад в твоих бумагах. Посмотри, какое у тебя веселое лицо.

— Да, матушка, я действительно нашел клад, — ответил я. — Кажется, я нашел средство отыскать мою Маргариту.

— Неужели?

— Я нашел название города, в котором она, по всей вероятности, жила перед тем как привезла ко мне бриллианты. Я тотчас поеду туда, авось что-нибудь узнаю. Не беспокойтесь, маменька, путешествие в Кильмингтон и, главное, надежда, которая проснулась в моем сердце, более сделают мне добра, чем все лекарства мистера Бенгама. Приготовьте мне белья и уложите в мешок. Я, вероятно, возвращусь завтра к вечеру, потому что у меня всего три дня отпуска.

Через полчаса я уже был на железнодорожной станции.

XXII Заря

Часы на кильмингтонской церкви пробили восемь, когда я вошел в маленькую деревянную калитку кладбища и очутился в тенистой аллее, усаженной дикими смоковницами, составлявшими славу Кильмингтона. Но часы эти сильно отставали, и по моим лондонским было двадцать минут девятого; солнце уже село, и небо на западе из блестяще-желтого цвета переходило мало-помалу в багровый.

Я приехал в Кильмингтон за полтора часа перед этим, и остановившись в лучшей гостинице, где все дышало стариной, приказал себе подать поесть. Я очень исправно съел все, но, право, не могу сказать, что это было — так овладела мной одна мысль, одна надежда, которая становилась все светлее и светлее. Потом я отправился в мелочную лавку, над дверьми которой все еще красовалось имя ее основателя Джакинса, хотя последний из Джакинсов давно уехал из Кильмингтона. Содержательница этой лавки — добрая старуха предоставила мне сведения, которые окончательно убедили меня в совершенной справедливости моих надежд.

Я начал с того, что спросил: не было ли в Кильмингтоне учительницы музыки и пения?

— Да, — ответила лавочница, — у нас две учительницы: одна Мадам Карнида, которая хотя иностранка только по имени, но учит в модной школе девочек в Гров-Гаузе. Другая, мисс Вильсон, берет гораздо дешевле за уроки и пользуется, сэр, всеобщим уважением. Точно так же весь город уважал и ее отца — вот был истинный джентльмен, истинно почтенной наружности со своей большой седой бородой, и такой набожный, сэр, не пропускал ни одной церковной службы.

Я невольно вздрогнул, услышав эти слова.

— Мисс Вильсон живет со своим отцом? — спросил я поспешно.

— Она жила вместе с ним до его смерти.

— Как, разве он умер?

— Да, мистер Вильсон скончался в прошлом декабре от легкой болезни. Он тихо, незаметно угас на руках своего ангела дочери, которая нянчилась с ним с самой нежной любовью. В городе говорят, что он был прежде богатым человеком, но потерял все свое состояние в неудачных сделках; и эта потеря так сильно на него подействовала, что он предался самой мрачной меланхолии.

Лавочница открыла какой-то ящик и, пошарив в нем, достала запыленную карточку, обшитую полинялой, синей ленточкой. Это было объявление, написанное слишком знакомой дорогой мне рукой: «Мисс Вильсон из Эрмитажа дает уроки музыки и пения за треть гинеи».

Я только что хотел спросить о наружности молодой учительницы, но теперь и это было излишне.

— Мисс Вильсон именно та девушка, которую я желаю видеть, — сказал я. — Сделайте одолжение, укажите мне дорогу в Эрмитаж. Я отправлюсь туда завтра утром.

Лавочница, как все добрые старухи, вероятно, была немного сваха и потому очень значительно улыбнулась.

— Я вам скажу, где вы можете увидеть мисс Вильсон ближе, чем в Эрмитаже, и скорее, чем завтра, — ответила она. — Она трудится, голубушка, целый день, а каждый вечер, когда только позволяет погода, отправляется на кладбище. Это единственная прогулка, которую она себе позволяет. Она аккуратно каждый вечер проходит мимо моих окон, когда я закрываю ставни, и я вижу очень хорошо, как она входит в ворота кладбища. Нечего сказать, должно быть, очень грустно, даже страшно ходить там одной, в темноте, хотя некоторые уверяют, что кладбище — самая лучшая прогулка во всем Кильмингтоне.

После этого разговора я очутился под мрачной тенью диких смоковниц, когда на церковных часах било восемь.

Кладбище было четырехугольное, плоское место, окруженное со всех сторон низенькой каменной оградой, за которой расстилались поля, спускавшиеся незаметным образом к быстрой реке, изливавшей свои воды в океан недалеко от Кильмингтона.

На кладбище, кроме меня, не было ни души, и выйдя из тенистой аллеи на открытую поляну, я стал рассматривать скромные памятники, возвышавшиеся над густой зеленой травой.

С вниманием смотрел я на все новые могилы, пока не остановился перед одной из них, находившейся в самом отдаленном углу кладбища, под самой стеной. На скромном монументе была очень краткая надпись, но я тотчас понял, чьи бранные останки покоились под этой мраморной плитой.

*Памяти Д. В.,
умершего 19 декабря 1833 года.
«Боже, помилуй мя грешного!»*

Я все еще смотрел на эту надгробную надпись, как вдруг услышал шелест женского платья; я обернулся, и увидел мою милую, мою дорогую Маргариту. Она была очень бледна, задумчива, но в ее лице было что-то ангельское, и оно мне показалось прелестнее и восхитительнее, чем когда-либо. Она вздрогнула, увидев меня, но не упала в обморок, только побледнела еще больше и схватилась обеими руками за сердце, как бы желая удержать его тревожное биение.

Я протянул ей руку, она оперлась на мое плечо, и мы долго ходили взад и вперед по узкой тропинке, пока совершенно не стемнело и последний отблеск света не погас на небе. Как я ни старался доказать ей, что преступление ее отца ни мало не составляло преграды, которая могла бы разлучить нас навсегда, я не мог побороть ее решимости; тогда я стал говорить ей о своей разбитой, погибшей жизни, и тогда я увидел, что ее твердость поколебалась.

— Я желаю только твоего счастья, Клемент, — сказала она, — но я боюсь соединить неразрывными узами мою жизнь с твоей; подумай о моем несчастном прошлом. Подумай о позоре иметь такую жену; что скажешь ты в ответ тем, кто спросит имя твоей жены?

— Я скажу им, что у нее нет имени, кроме того, которое она сделала мне честь принять от меня. Я скажу, что она — благороднейшая, лучшая из женщин, что ее прошлое представляет героическую повесть преданности и любви, которой нет ничего равного!

На другое утро я отправил телеграмму моей матери, и вечером она уже прижимала к своему сердцу свою будущую дочь. Долго сидели мы втроем в эту благословенную ночь, в маленькой мрачной хижине, на пустынном морском берегу.

Маргарита рассказала нам подробно, как искренно раскаялся ее отец.

— Да, Клемент, не было раскаяния чистосердечнее его, — говорила она, как бы боясь, что мы не поверим, чтобы такой закоренелый злодей мог действительно раскаяться. — Мой бедный отец... Мой бедный, несчастный отец! Да, Клемент, несчастный! Ты не должен забывать, что с самого начала с ним поступил несправедливо, подло тот самый человек, который после был убит. В первое время, когда мы переехали сюда, он только и думал что об этом и смотрел на свое преступление глазами дикого, который считает месть справедливым

возмездием, священным делом, предписанным его языческой религией. Постепенно я успела навести его на другие мысли, и кончилось тем, что он стал думать о Генри Дунбаре только как о товарище, друге своей молодости, стал вспоминать счастливые времена их дружбы до роковой подделки векселей. Мысль о его старом господине уже не возбуждала в нем дикой злобы, он стал с нежностью говорить о нем, и с той минуты началось его раскаяние. Он стал сожалеть о том, что сделал, и как сожалеть! Слова не могут передать всей глубины этого страшного горя! Клемент, дай Бог, чтобы ты никогда не видел жестоких мук, неописанных терзаний преступной души! Бог милостив! Если бы мой бедный отец был схвачен и повешен, он умер бы ожесточенным, нераскаянным грешником. Милосердый судья сжалился над ним и дал ему время раскаяться!»

ЭПИЛОГ, ПРИБАВЛЕННЫЙ КЛЕМЕНТОМ ОСТИНОМ СЕМЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«Мы с женой и двумя детьми гостим в Модслей-Аббэ у сэра Филиппа и леди Джослин, которые живут попеременно то в Роке, то в Аббэ. Леди Джослин очень полюбила мою жену, не имея ни малейшего понятия о ее грустном прошлом; она стала теперь, кажется, еще прелестнее, чем прежде, и счастлива как только можно; муж обожает ее, а все соседи преклоняются перед ней с уважением, бедные ее благословляют. Я вижу ее теперь из окна, как она сидит под тенью ветвистого дуба, держа на руках своего двухлетнего ребенка. Рядом с ней сидит моя жена, а немного подалее на лужке юный Филипп Джослин, возвратившийся из Итона на каникулы, возит на своей хорошенькой лошадке моего пятилетнего сынишку, оглашающего воздух своим веселым смехом.

Мы все счастливы, очень счастливы. Никакой самый пытливый глаз не прочтет в веселом, счастливом лице Маргариты несчастную повесть ее юности. Для нее наступила новая жизнь, новое существование, как жены и матери. У нее нет времени вспоминать о роковом прошлом, и ни один из слуг в Модслей-Аббэ, старающихся наперебой услужить прелестной красавице, не подозревает, что она — дочь убийцы Генри Дунбара.

Мы все счастливы. Тайна истории моей жены скрыта в глубине наших сердец — это роковая страница в мрачных летописях человеческих преступлений останется навеки неизвестна миру. Винчестерское убийство забыто всеми наравне со столькими другими преступными делами, остающимися неразгаданной тайной. Если когда и упоминают в разговоре имя Джозефа Вильмота, то обыкновенно предполагают, что он уехал в Америку, а есть даже такие, кто уверяет, что сами его там видели.

Мать моя хозяйничает в нашем доме, и в течение семи лет не случилось ни малейшей неприятности, которая бы возникла из-за этого обстоятельства. На красивой вилле в Клапгаме с утра до вечера раздаются веселые голоса детей, пение канареек, лай собачонок, шум, гам, смех. Мы прибавили с одной стороны дома пристройку для детских, а с другой для симметрии устроили оранжерею по образцу моего старшего товарища в фирме, мистера Балдерби. Дочери его очень полюбили мою жену и часто являются к нам на торжественные, как они называют, музыкальные вечера. Я нахожу, однако, что музыка, по мнению всех трех мисс Балдерби, должна заключаться в шуме: чем шумнее, громче, тем лучше.

Я люблю гораздо больше игру Маргариты, хотя девицы Балдерби всегда готовы исполнить для моей забавы сколько угодно пьес Мендельсона или Баха. Мне кажется, самые счастливые минуты в моей жизни, когда мы с Маргаритой сидим одни в теплый, летний вечер, тихо, почти шепотом обмениваемся мыслями, между тем пальцы ее, незаметно дотрагиваясь до клавиш, наполняют воздух, восхитительной мелодией, которая тонет в нем, как нежное дуновение летнего ветерка».

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.com](http://Royallib.com)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)